

Валерий
Иванов-Смоленский

Валерий Иванов-Смоленский

За 100 миллиардов лет до большого взрыва

За 100 миллиардов лет до
большого взрыва

БЕЛАРУСКАБ ДАЧАМЕННАЯ ТАНТАРИКА

САЮЗ ПІСЬМЕННИКАЎ БЕЛАРУСІ – СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ

**БІБЛІЯТЭКА
СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ
ФАНТАСТЫЧНАЙ
І ПРЫГОДНІЦКАЙ ПРОЗЫ**

**БИБЛИОТЕКА
СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ПРОЗЫ**

БЕЛАРУССКАЯ ДАЧАМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Иванов-Смоленский

За 100
миллиардов лет
до
Большого
взрыва

МИНСК

УДК 821.161.1(476)-312.9
ББК 84(Беи=Рус)-445
И20

Серия основана в 2009 году

И20 **Иванов-Смоленский, В. Г.**
За 100 миллиардов лет до Большого Взрыва / Валерий Иванов-Смоленский. — Минск, 2010. — 384 с. — (Белорусская современная фантастика).

ISBN 978-985-16-8585-7.

Астроном-любитель пытается открыть новое небесное тело и назвать его именем любимой женщины. Находящийся рядом с ним мальчуган случайно заглядывает в телескоп и получает неожиданную информацию от неизвестного существа, находящегося в районе звезды Алголь-Беты созвездия Персея. Малыш записывает полученную информацию на листки бумаги, которые попадают в специализированный научно-исследовательский институт. Однако сил НИИ недостаточно для расшифровки послания — здесь нужны все научные силы планеты. Пытаясь установить автора текста, ФСБ задерживает двух человек и заточает в своих подвалах... Но настоящий враг невидим и затаился в космосе. Впереди — начало грандиознейшей битвы во Вселенной, которая ответит на вопрос, быть или не быть самой Вселенной. Чем она закончится?

УДК 821.161.1(476)-312.9
ББК 84(Беи=Рус)-445

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-985-16-8585-7

© Иванов-Смоленский В. Г., 2010

КНИГА ПЕРВАЯ
МОНСТР
ПРОСЫПАЕТСЯ

ПРОЛОГ

В конце XX века ученые Земли сделали сенсационное открытие в структуре Вселенной. Было обнаружено совершенно новое образование — так называемая Темная материя или Темное вещество. Оказалось, что масса звезд, планетарных систем и иных космических тел составляет ничтожную часть от всей массы Вселенной — всего лишь 0,4 %. Даже межзвездный газ имеет массу в девять раз большую — 3,6 %. В то же время значительная ее доля (около 23 %) образована Темным веществом. Весь остальной вес приходится на неизвестную материю, которой было дано условное название Темная энергия и которая пока не поддается научному исследованию.

Темное вещество также недоступно прямому наблюдению. Оно совершенно не испускает электромагнитного излучения, но определяется косвенно по гравитационным эффектам, оказываемым на наблюдаемые видимые объекты.

Люди пока еще не видят связи между различными космическими катаклизмами: взрывами сверхновых звезд, образованием «черных дыр», столкновениями огромных скоплений целых галактик...

Но эта связь существует. Всю Вселенную хочет поглотить всепожирающее чудовище в виде Темного вещества. И человечество, которому отроду лишь миллионная часть секунды по сравнению с общим возрастом Вселенной, вступает в неравную борьбу...

Глава первая

МЕТАМОРФОЗА

— Я все равно ее открою..., — темное небо зачернело тучами, и человек, досадливо чертыхнувшись, оторвался от окуляра небольшого портативного телескопа.

Телескоп стоял на балконе седьмого этажа девятиэтажного панельного дома на довольно примитивном треугольном штативе. Его жерло смотрело почти вертикально на юго-восточный участок неба, уже довольно затученного и даже, кажется, готовящегося пролиться мелким сентябрьски дождиком.

Сам балкон был застеклен, обшил светлой вагонкой и вполне мог служить уютной и непрезентабельной обсерваторией. Вечер еще нельзя было назвать поздним, а в приоткрытое окно струилось по-летнему ласковое и легкое тепло.

Человек резко поднялся с видавшего виды стула, жалобно крякнувшего от столь внезапного скорого освобождения, и потянулся за сигаретной пачкой, валявшейся на узком подоконнике. Был он радостно молод, высок и слегка сутул, но не старческой согбенностью, а юношеской угловатостью — манерной и пружинной. Длинная светлая прядь волос прикрыла левый глаз, и человек привычным движением головы отбросил ее к уху. Прикурив от разовой зажигалки, он склонился к другому стулу, на котором лежали общая тетрадка в желтом коленкоровом переплете и синяя шариковая ручка.

— Что мы запишем..., — пробормотал он, одной рукой листая тетрадку, а другой нашаривая стоящую где-то сзади пепельницу, — запишем то, что видим...

Он заглянул в объектив окуляра, смешно, по-гусиному, повернув шею, крутнул крохотное колесико на окуляре и разочарованно вздохнул.

— Да, с такими темпами я буду ждать ее до второго пришествия, — несколько цифр легло на исписанный лист двумя неровными строчками.

Человек посмотрел на часы, отметил время и столь же кривовато зафиксировал его на бумаге.

— Дядя Егор, — в проеме балконной двери возникла фигура малыша в пестром комбинезончике со встрепанными волосами, — мне надоел этот мультик, можно я выключу телевизор и постою с тобой на балконе. Ты мне дашь посмотреть в эту трубу?

— Хорошо, тигренок, — размышая о чем-то своем, согласился светловолосый, но тотчас спохватился, — э-э-э, нельзя тебе на балкон, я же здесь курю. Твоя мама потом с меня натурально... — и, заметив заинтересованный взгляд малыша, спохватился, — ...спросит, в общем. Ты же табаком пропахнешь, а у нее знаешь какой нюх.

— Какой? — немедленно загорелся карапуз, — и что такое нюх? Нос, что ли?

— Ты, давай, иди и выключай телевизор, — сделал себе отсрочку от ответа на коварный вопрос Егор, — а я тебе потом объясню.

«Тигренок», деловито переваливаясь, скрылся в глубине комнаты, а любитель астрономии притушил сигарету о дно пепельницы и задумался над ответом.

— Ухо востро надо держать с этой малышней, — он потер двумя пальцами свой нос, — доложит Иришке насчет нюха не в той интерпретации, мол, о ее носе шла речь, тогда только держись... Она терпеть не может, когда упоминают о ее внешности. Хотя, справедливости ради, нос у нее длинноват. Если смотреть в профиль. А если в анфас — то ничего. Даже очень ничего.

И он зажмурил глаза, представляя себе свою, безответную пока, любовь. Иришка была его одноклассницей, школьной красавицей. И, если очень коротко, рано выскочившей, именно выскочившей, замуж за одного тележурналиста. И быстро соскочившей с этого бездумного скороспелого брака, имея сейчас в наличии вот этого четырехлетнего карапузика по кличке «тигренок». Тигренком прозвал его он, Егор, за неуемную привычку малыша бросаться из засады и пускать при этом в ход зубы. Хотя и показушно, но иногда весьма болезненно. А звали его, на самом деле, Димкою. В честь того же наглого и нахрапистого журналиста.

— Дим Димычем будет, — невесело подумал Егор, глядясь в неласковое, уже непросматриваемое небо, и не заметил, что малыш стоит уже рядом, восторженно озирая телескоп.

— Дай мне посмотреть в трубу, — тоненький голосок дрожал от возбуждения, а ручки тянулись уже вверх.

Довольный, что кроха не вспомнила о своем каверзном вопросе по поводу маминого нюха, Егор легко подхватил малыша на руки и поставил ногами на стул.

— Смотри, сколько хочешь, — великодушно разрешил он.

Малыш приник к окуляру, вцепившись ручонками в круглый корпус телескопа. Казалось, будь у него хвостик, соответствующий его грозному прозвищу, то он вилял бы им от взбудораженности вовсе не по-тигриному, как обычная восторженная собачонка.

— Как ей сказать? — продолжил далее свои грустные размышления Егор. — Как признаться, что я люблю ее еще с восьмого, даже нет, с седьмого класса... И всегда любил и сейчас. И «тигренка» этого тоже люблю, хотя своим появлением на свет он и обязан ненавистному лошеному журналюге. И малую планету или астероид новый хочу открыть для нее и назвать ее именем — «Ирина». Какой еще женщине дарят такие подарки. Шубу, бриллиантовое колье, шикарный автомобиль, даже собственный остров — все это так приземленно... А тут — астероид. Неземное и вечное...

Яркая короткая вспышка озарила небо. Егор даже не успел заметить — где именно. Но раскаты грома не последовало. Даже отдаленно не громыхнуло. И озоном не запахло. Только вечер как будто просветел. И еще ему показалось, что яркий тонкий луч, наподобие иглы, мелькнул возле телескопа и пропал.

— Грода, что ли собирается? — подумал Егор, — для сентября явление редкое, но случающееся. Надо убирать телескоп...

— Дядя Егор, — каким-то незнакомым напряженным голосом звонко произнес «тигренок», — на какой участок неба, с точки зрения землян, направлен твой инструмент?

— Созвездие Персея, — машинально ответил Егор, еще не успев осознать неожиданную взросłość заданного ему вопроса. Слух его автоматически резануло лишь выражение «с точки зрения землян».

— А именно..., — ничуть не смущаясь, продолжило любознательное дитя, сосредоточенно приникнув к окуляру.

— Бета Персея, звезда... — но, спохватившись, Егор не выдержал, — подожди, подожди — с чего это ты..., зачем это тебе..., откуда ты...

— Расскажи о ней, об этой звезде, — прервал поток изумленных вопросов юный вундеркинд все тем же, неведомым Егору, несколько натуженным голосом.

— Ее открыли еще в глубокой старине, — растерянно произнес несостоявшийся пока даритель астероидов, — и, поскольку это сделали древние арабские астрономы, она получила арабское название Алголь за ее необычное поведение.

— Как это слово переводится? — малыш был по-прежнему сосредоточен.

— Дьявол, — выдохнул вконец растерявшийся Егор, — арабы звезду назвали Дьяволом.

— Почему?

— За ее переменчивый блеск. Звезда постоянно мерцала, как бы подмигивая своим наблюдателям. Это казалось удивительным и непостижимым.

— А современная земная наука астрономия это объясняет?

— Да. Алголь оказалась двойной звездой, — ответил Егор, но его сознание уже четко фиксировало необычность постановки вопросов с терминами «землян» и «земная». — Несколько ранее, правда, считали, что эта звезда периодически взрывается вследствие нарушения ядерных процессов, но...

— Каковы ее небесные координаты относительно точки нахождения твоего телескопа?

— Вот те клювка... Что происходит с ребенком? — всерьез забеспокоился Егор.

— Диктуй! — уже приказным тоном произнес малыш.

— Димо-о-о-н, — начал Егор, — с тобой все в порядке? Тебе не плохо? Что...

— Ну, говори же, — в голосе «тигренка» прозвучала не-прикрытая досада, — я должен успеть, тоннель меняет свою угловую скорость.

После таких словечек вконец ошарашенный взрослый мгновенно сдался. Он полез в свою тетрадку и покорно продиктовал необходимые цифры, ожидая самого худшего.

Но ничего экстремального далее не произошло. «Тигренок» смотрел в трубу еще несколько секунд, а затем отодвинулся и самостоятельно спрыгнул на пол. Он стоял и молчал, бездумно глядя в чернеющее небо.

— Димон, — опасливо произнес Егор, — тебе что-то привиделось?

— Что такое космос? Что такое Вселенная? — малыш смотрел серьезно и неуступчиво, отвечая на вопросы, повергающими взрослого собеседника в смятение.

— Ну, это в двух словах не объяснишь..., — осторожно начал Егор.

— Откуда взялась Вселенная? Сколько она существует? Что с ней станется в конце концов? — вопросы звучали теперь непрерывно.

— Ученые считают...

— Какова сущность Времени? Когда оно началось — до или после возникновения Вселенной? Закончится ли оно когда-нибудь и что будет вместо него? Или после него?

Тут уж Егор испугался не на шутку. Ребенок попросту не мог задавать такие вопросы. Назвать это каким-то необычно приобретенным интеллектом? Но ребенок не может его иметь. Он и слов-то таких знать не...

«Тигренок» тем временем ухватил своими ручонками тетрадку, взял шариковую ручку и начал что-то выводить ей на бумаге.

Егор осторожно заглянул через его плечо. Его глазам предстало какое-то графическое изображение в виде оси координат. Детская ручонка выводила явно недетские линии. Некие пересекающие кривые, неровная синусоида, две точки, помеченные крестиками...

Что-то не то. Егора вдруг изрядно шатнуло. Рука уцепилась за оконную раму. Сумерки, казалось, густелись, и наступило ощущение их вязкости.

— Мне это просто снится, — внезапно обрадовался он, прикидывая, за что ущипнуть себя побольнее.

— Это некое событие в определенной точке пространства и в определенный момент времени, — кончик шариковой ручки ткнул в точку с крестиком, лежащую ниже синусоиды. — Если не принимать во внимание реальное на данный момент различие временных и пространственных координат, то вот эта точка...

Это было уже чересчур. Свет, точнее его жалкий вечерний остаток, померк в глазах Егора. Он упал на пол, неловко поджав руку, как бы боясь инстинктивно ее сломать. Вторая рука заскользила по гладкой вагонке и зацепила за штатив. Тренога с телескопом дрогнула, пошатнулась, но устояла. Малыш оторвал от тетрадки глаза и удивленно посмотрел на лежащего.

— Это не сон, — последнее, что зафиксировало затухающее сознание Егора, — произошло что-то необъяснимое... И страшное...

Глава вторая

АЛГОЛЬ, СОЗВЕЗДИЕ ПЕРСЕЯ

Почему-то нестерпимо ныл локоть правой руки. Лоб будто покрылся ледяным панцирем. Спина ощущала жесткую ровную поверхность.

Егор осторожно приоткрыл глаза. Высоко над ним желтели освещенные слабым неровным светом доски. И сразу же чья-то рука коснулась его щеки. Он рванулся вперед, пытаясь вскочить на ноги. Что-то свалилось с его головы и упало вниз с глухим стуком. Руки хватали пустоту, опереться было не на что, и Егор остался сидеть на полу, нелепо мотая головой по сторонам. Мир постепенно становился узнаваемым.

— Егор! Что с тобой? — родной и знакомый голос донесся сзади.

Он резко развернулся на звук. Иришка. Она сидела на корточках в дверном проеме балкона и взирала на него с осторожностью и озадаченностью дикаря, наткнувшегося на незнакомого зверя.

— Что здесь случилось? — легкая хрипотца выдавала серьезное ее волнение.

Он огляделся. На балконе больше никого не было. «Тигренок» исчез. Пошарив глазами по сторонам, он зачем-то заглянул под стулья. Обеспокоенная Ирина также оборотила свой взгляд туда, наклонив голову и явно недоумевая.

— Ты — в порядке? — спросила она совсем по-голливудски и с интонацией заморской киногероини.

— Где Димка? Где тигренок? — его глаза вновь метнулись, но уже вверх — к оконным рамам, отделяющим балкон от сумрака внешнего мира.

Рамы, точнее та рама, в створку которой ранее смотрело жерло телескопа, была уже закрыта, как, впрочем, и две другие.

Тренога с телескопом стояла в углу балкона. За окном царил мрак. Мир был беспросветно сер.

— Димка в комнате. Книжки твои рассматривает, — она протянула ему руку, — хочешь встать? Тебе не вредно?

— Какие книжки? — краски мира стали возвращаться.

— Ну, не знаю. На диване сидит с какими-то книжками, — Ирина по-прежнему беспокойно вглядывалась в его лицо.

— Книжки... Димка..., — он блаженно улыбнулся и закрыл глаза.

— Что здесь произошло? — она, похоже, испугалась еще сильнее, — ну что ты расплылся как идиот?

Он вспомнил свой нелепый дурацкий сон и засмеялся тихо и удовлетворенно.

— Отвечай же! — Ирина явно не разделяла его игривого настроения, — почему ты спрашиваешь о Димке, с ним...

— В далеком созвездии Тау Кита все стало для нас непонятным, — проорал он, нещадно коверкая хрюпотцу Высоцкого, — сигнал посылаем, но что ето там, ведь нас посылают обратно!

— С чего это ты стал пить в одиночку? — сразу же успокоилась Ирина, — а я-то, дура, испугалась — чего это синьор Закатин на полу валяется. Лед ему на голову, в «скорую» звонить собралась...

— Какой лед?

— Обыкновенный. Из твоего холодильника. Вон он на полу, свалился с твоей головы. Который еще в виски кладут. Только виски я там не обнаружила. Там вообще хоть шаром покати...

Ирина внимательно оглядела балкон в поисках гипотетической бутылки.

— То-то ты под стульями шарить собрался. Что, опохмелиться захотелось? Вот и оставь на тебя ребенка.

— Я не пил. В телескоп смотрел, голова закружилась и, наверное, упал.

— Наверное, — передразнила она, — бревном валялся, пульс еле прощупывался.

Он зажмурил глаза и помотал головой.

— Сколько ты уже здесь?

— Да минут двадцать прошло точно.

— Я был без сознания двадцать минут?

— Ой! — вновь всерьез забеспокоилась она, — ты же, может, головой об пол стукнулся, поэтому и песни такие голосишь.

Ирина протянула руки к его лицу и стала ощупывать виски, перебирая тонкими пальцами вниз к шее, а затем вверх, к затылку.

Незадачливый астероидный сыщик аж застонал от наслаждения. Легкий аромат знакомых духов вскружил голову, и Егор серьезно стал опасаться нового обморока. Пришлось опереться на руки.

— Тебе больно? Где? — она восприняла его стенания совершенно превратно, — возможно, все-таки, нужен врач?

— Ты мой самый лучший врач! — Егор нежно взял ее руки в свои ладони и поцеловал пальцы.

— Ты чего это, Закатин? — в голосе звучало удивление, но пальцы она не отняла.

— Так, — смущенно пробормотал он, — считай это последствием травмы головы...

— Ладно, если ты в порядке, то нам пора. Димке покушать еще надо, ты же его не кормил? — она осторожно высвободила свои руки.

— Нет. В холодильнике сама ведь видела — таракан повесился.

— Может и тебя покормить?

— Не надо, я сыт, — соврал Егор.

Поесть ему, конечно, хотелось. Но на сегодня стрессовых ситуаций достаточно. Еще раскинешь у нее дома, опять с нежностями полезешь. Вот, открай новый астероид — подари его любимой, тогда можно и объясниться. А так, пусть пока остается — старые школьные друзья, знают друг друга сто лет и живут даже в одном доме, только через подъезд. Она и не подозревает о его глубоких чувствах.

Ирина еще раз внимательно посмотрела на него, встала с корточек и позвала: — Дима, давай, собирайся. Пора домой. Ты голодный мой зайчик?

— Я не зайчик. Я тигр, — серьезно сказал ребенок, — дядя Егор, а можно мне две твои книжки с собой взять?

— Конечно, — сказал Егор и, наконец, вскочил на ноги. Голова немного кружилась.

— Бери, конечно, — вновь повторил он, заходя с балкона в комнату, — хотя, погоди — какие книжки? У меня, по-моему, детских нет.

— Вот эти, — малыш едва удерживал их в руках.

Егор всмотрелся: «Малая энциклопедия космоса» и «Тайны Вселенной».

«Продолжение сна? — мелькнуло в голове, — или это был не сон?»

— Зачем они тебе, горе мое луковое? — Ирина взяла их в руки и пожала плечами.

— Картинки красивые, — улыбнулся карапуз, и Егору показалось, будто малыш ему подмигнул украдкой.

— Да, забирай, разумеется, — поспешил сказать он, — какие вопросы...

Ирина еще раз пожала плечами и сунула книги в большой целлофановый пакет, оказавшийся у нее в руках.

— Спасибо тебе, — с какой-то необычной теплотой сказала она Егору, — я тебя не очень напрягаю?

— Ну, что ты, — Егор счастливо улыбнулся и был вполне искренен, — всегда готов!

— Спасибо, дядя Егор, за все, — как-то по-взрослому произнес малыш, и здесь тот не нашелся, что ответить, лишь кивнул головой.

Когда за гостями закрылась дверь, Егор сразу же кинулся на балкон. Тетрадь! Вот она. Он лихорадочно листал страницы... Есть! Знакомое графическое изображение с линиями, точками и крестиками. А внизу целый ряд каких-то математических значков... Он перевернул страничку. Длинные неровные строчки цифр, формул, вычислений. Дальше вновь концентрические круги, стрелки, непонятные значки. Модель расширяющейся Вселенной? Похоже. И вновь какие-то вычисления. Черный круг с двумя конусами и кучей различных векторов. Модель коллапсирующей звезды и «черной дыры»? Возможно. Далее пошло изображение будто бы связанных вместе, приплюснутых земных глобусов. И снова непонятные символы, значки, цифры... Ага, вот и единственное понятное изображение: созвездие Персея. Звезда Алголь выделена и обведена кружочком. Что бы все это означало...

Егор захлопнул тетрадку и обессиленно опустил руки. Значит, это не было сном. Выходило, что, пока он утратил сознание, «тигренок» изобразил всю эту математически-графическую абракадабру в его тетради. Он попытался представить, как все про-

исходило. Однако в голове такое просто не хотело укладываться и фиксироваться. Мозг активно протестовал против помещения этой информации. Виски сдавило чудовищным прессом, а затылок заломило ужасной и нестерпимой болью. Егор кинулся в ванную и сунул голову под струю ледяной воды.

— Схлынь, сгинь! — молил он в ужасе. И голову, наконец, отпустило. Давление исчезло, ушла и невыносимая боль.

— Не думай об этом! — закричал он себе вслух.

Не вытирая головы, Егор кинулся в комнату. Бутылка водки, к счастью, была на месте — в углу платяного шкафа. Пробка была скручена единым движением, будто он всю жизнь работал барменом. Не утруждаясь поисками стакана, Егор приник прямо к горлышку бутылки и без передышки выцедил две трети ее содержимого. Сразу же затошило. Испытанный метод захрюживания рукавом не помогал. В холодильнике оказался лишь надорванный пакетик со сметаной. Всасываемая застарелая сметана показалась необычайно вкусной. Сразу же захотелось спать, и незадачливый пьяница неровными шагами двинулся прямиком к своей нерасстеленной кровати.

Глава третья

НОНСЕНС

Несмотря на изрядную порцию выпитого спиртного, не сопровождавшегося хотя бы легкой закуской, голова у Егора с утра была свежей, не обремененной алкогольными последствиями. Видимо, случившиеся стрессы начисто ликвидировали похмельный синдром. Чего нельзя было сказать о творящемся в мозгу сумбуре по поводу произошедших удивительных событий.

Проснувшись, Егор первым делом полез в свою тетрадку, желая удостовериться в отсутствии там посторонних записей и убедить себя, что вечерний обморок был всего лишь сном, навеявшим кошмарные воспоминания.

Увы. Проклятые цифры, формулы, латинские буковки и прочая непонятная символика, перемежавшаяся столь же малопонятными графическими изображениями, были в наличии.

Целых девять листков с обеих сторон были заняты этой необъяснимой абракадаброй.

Егор в отчаянии бросил тетрадку на пол. Он уже чувствовал, что эти записи каким-то образом перевернут всю его жизнь.

— Обойдусь сегодня без традиционной утренней пробежки, — решил он, — надо пошарить в шкафчике, может, кофе найдется.

Обычно он пил чай, а кофе держал только для гостей, которых, впрочем, почти не было. Разве Иришка с Димоном приходили, но это не гости в полном смысле этого слова — это свои. Растворимый кофе к счастью нашелся, и Егор, налив кипятка в большую кружку, из которой он обычно пил чай, положил туда три чайных ложечки коричневатого порошка. Он не понимал, как можно какие-то напитки, типа чая или кофе, пить из крохотных чашечек. Да еще манерно отставив мизинчик в сторону, как это делает его соседка по кабинету в университете.

Мелодией «Not Late For Work» запилякал его старенький мобильник «Sony Ericsson», одна из самых первых его моделей. Он настолько к нему привык, что, когда полностью сдох аккумулятор, не пожалел денег и упросил умельца вставить туда другую аккумуляторную батарейку. Батарейка была от иной модели и вставляться не хотела, поэтому это стоило дополнительных усилий спецу и, соответственно, дополнительных затрат владельцу сони-эрикссоновского антиквариата.

— Закатин слушает, — бодро произнес Егор в микрофон.

Он всегда так представлялся по телефону, считая, что это придает ему веса и солидности, скрадывая молодость и, в общем-то, не впечатляющую внешность. Что и говорить — не Том Круз и даже не Евгений Миронов.

Звонил редактор факультетской газеты «Литературный весник» и напоминал, что завтра истекает срок предоставления статьи, которую должен быть подготовить аспирант Закатин для публикации. Статья касалась творчества писателя Владимира Гиляровского о нравах и обычаях старой Москвы и была готова.

Напоминание, однако, было кстати. Егор отхлебнул из кружки изрядный глоток и поморщился — с кофе он несколько переборщил, горькота. Затем поставил кружку и пошел к компьютеру. По пути он наткнулся на лежащую на полу тетрадку и чертыхнулся. Настроение вновь стало стремиться к нулю.

— Что же с ней делать? — подумал он, старательно обходя свой неудавшийся космический дневник. — Выдрать эти листы и выбросить их в мусорку?

Но мудро решил отложить решение проблемы на потом. Он всегда стремился принимать решения не спеша и осмотрительно. Утро вечера мудренее, семь раз отмерь... и так далее.

Дребезжаще заурчавший компьютер со всхлипом заглохнул дискету. Сбросив на дискету нужный файл, содержавший статью, Егор аккуратно положил ее в полупрозрачный зеленоватый пакет, в котором уже покоилась распечатка файла. Требовалось отчего-то и печатный и электронный вариант статьи. Причем каждую страничку статьи следовало подписать, что он и сделал.

— Как в милиции, — хмыкнул Егор, допрошенный когда-то в качестве свидетеля по делу о сгоревшем во дворе гараже вместе с машиной внутри. Милиция полагала, что гараж был подожжен злоумышленниками, и опрашивала всех жильцов дома...

Егор этими воспоминаниями наивно пытался прогнать мысли о проклятой тетрадке. Но не получалось. Физико-математическая мешанина, начертанная ручонкой «тигренка» стояла в глазах.

— Покажу-ка я ее для начала Николаю Фомичу, — решение оказалось неожиданно легким.

Николай Фомич Колбанов был близким другом его отца и сейчас проявлял посильную заботу о Егоре. Именно он снабдил его телескопом и приобщил к любительской астрономии. Кроме того, Николай Фомич возглавлял научно-исследовательский институт ядерной физики при Академии наук, имел профессорское звание и даже был академиком.

Вновь знакомо промелодил мобильник. Звонила Иришка. С некоторым недоумением она поведала, что «тигренок» просто рвется к дяде Егору и готов примчаться хоть сейчас.

— Чем ты его приворожил, интересно? Обычно он любит копаться в своем уголке с различными машинками и конструкторами, а в гости ходит неохотно и по необходимости.

— Это наша маленькая тайна, — отшутился Егор, — могут быть у нас свои тайны?

— От меня у вас не должно быть ничего секретного, — поддержала шутливый диалог кандидатка на увековечение своего имени небесным телом, — я вас обоих знаю, как облупленных.

— Ну, да... Знаешь... Ничего ты не знаешь, — подумал Егор, но вслух озабоченно сказал: — только мне сейчас надо подъехать в один институт. Но это ненадолго. А потом я позову, идет?

— Договорились. Не обмани ребенка! Он ждет.

К удовлетворению Егора Николай Фомич был свободен.

— Жду, — коротко произнес он, — когда будешь?

— Минут через сорок, — прикинул Егор расстояние.

Кабинет академика в очередной раз поразил Егора своими просторами и старинной основательностью. Дубовая двойная дверь, дубовый внушительных размеров стол, дубовые панели на стенах, дубовый паркет. Четыре тяжеловесных телефона спокойных цветов, один из них еще с советским гербом. Тяжелые однотонные шторы приглушенного пастельного цвета на широких окнах. Портреты ученых мужей на стенах в старых, местами потрескавшихся, рамках. И современный компьютер за приставным столиком смотрелся совершенно чужеродным телом.

— Добрый день, Николай Фомич, — поздоровался Егор.

— Здравствуй, астроном, подающий надежды, — он всегда так называл Егора, считая, что тот выбрал очень несерьезную профессию.

— Лицейский период в творчестве поэта, — издевательским тоном обычно говаривал профессор. — Что там изучать — все давно уже исследовано, расписано, переписано, тысячи монографий и сотни диссертаций... Если только его похождения по бабам в ту пору недостаточно еще расследованы благодарными потомками. Да, гений был. Великий поэт, замечательный писатель. Но ведь и был величайшим, — здесь он добавлял крепкое непечатное слово, характеризующее любвеобильность именитого стихотворца.

А Егор всегда краснел при этом.

— Когда б не это его пристрастие, — гудел Николай Фомич, — сколько еще прожил бы. И написал...

На этот раз академик воздержался от нападок на Егорову специальность. Он внимательно оглядел воспитанника и вопросительно приподнял аккуратно подстриженную черную бородку, посеребренную возрастом.

— Чему обязан? — он любил выражения из той еще жизни, о которой сейчас напоминали лишь немногочисленные театральные постановки русских классиков. Внешность профес-

сора и убранство его кабинета соответствовали его несколько старомодной речи, — итак, сударь?

— Вот, — коротко произнес Егор, — посмотрите, пожалуйста.

И он протянул стопку несколько помятых уже листков.

— Что это?

— Не знаю. Какие-то математические выкладки. Может быть, Вы разберетесь?

Профессор махнул рукой в сторону кресла, приглашая посетителя сесть, а сам, слегка прищурившись и отставив руку, всмотрелся в первый листок.

Ироничный прищур исчез уже через несколько секунд. Какое-то время Николай Фомич просто перекладывал полученные странички, даже не пытаясь осмыслить написанное. Затем он вновь вернулся к первому листку и начисто забыл о присутствии Егора.

Придвинув к себе чистый лист бумаги, академик что-то писал, зачеркивал, шептал. В ход пошел еще один чистый листок, а затем еще и еще...

Наконец, он с досадой отбросил ручку и вцепился рукой в свою бородку, не отрывая от «тигренковых» каракулей разом ставшего диким взгляда. К его позе подошло бы выражение, застыл как вкопанный. Потерзав ставшую в результате клочковатой бороду, профессор обратил свой исступленный взор на посетителя.

— Где ты это взял? — куда исчезла старомодная сочность его голоса, он стал хрипловатым и пронзительным. — Решил подшутить над стариком?

— Ничего я не решил, какие тут шутки, — впервые испугался Егор, — а листки эти нашел случайно. На улице.

— Какая-то не поддающаяся решению несуразица, — прокричал Николай Фомич, — это математическая бессмыслица, понимаешь?

— Не понимаю. Я потому Вам и принес. Для меня это вообще египетские иероглифы.

— Абсурд, бредятина, нонсенс, — все это сопровождалось рубящим взмахом руки Николая Фомича. И затем он тихо и обреченно добавил. — Хотя что-то здесь есть. Что-то в ней заложено. И не просто что-то, а архиважное...

Профессор поднялся из-за стола и отодвинул висевшую на стене шторку. За ней оказалась обыкновенная школьная доска черного цвета с разложенными внизу на полочке белыми и разноцветными мелками.

— Так. Кто нам нужен..., — и борода академика вновь подверглась экзекуции сминания и перетирания.

Он подошел к селекторной установке и включил микрофон.

— Лизочка! — голос обрел былую звучность, — зайди, пожалуйста, милая...

Пухлая молодящаяся секретарша вплыла в кабинет и застыла. Егору даже почудился вопросительный знак, излучаемый ее полноватой фигурой.

— Возьми этого молодого человека и напои его чаем с баранками, — скомандовал Николай Фомич, к которому возвратилось утраченное самообладание. Лишь всклокоченная бородка напоминала о его недавних сомнениях и терзаниях.

Пухленькие губки женщины сложились в улыбку, которую можно было назвать приветливой, если бы не густой слой помады, которая к тому же была ярко-красного цвета. Эта вызывающая тональность и показавшиеся тонкие острые зубки придавали улыбке подобие хищного оскала мурены или, на худой конец, зубатки.

Егор покорно пошел следом, отводя взгляд от тяжелых, колышащихся под цветастым платьем увесистых полушиарий.

Он был усажен в кресло в дальнем углу приемной, и через несколько минут на его коленях уже покоился поднос. Большая глиняная кружка дымилась паром, честно говоря, весьма ароматного чая. А в глиняной же мисочке лежала горкой закуска к чаю. Правда, в виде сушек, а не обещанных баранок. А секретарша тем временем, утопив сдобные кулачки под щеки, зорко за ним наблюдала. Почему-то женщины любят смотреть на жующих мужчин.

Через приемную в кабинет директора вскоре степенно кивая секретарше, потянулись ученые мужи. Одетые по-разному, в свитерах, пуловерах, костюмах с галстуками, худые и с животиками, они, тем не менее, были определенно похожи друг на друга. Что-то неуловимое объединяло их общий облик, указывая на групповую принадлежность к науке. Так иногда в толпе по осанке узнаешь людей, причастных к военной службе.

Егор уже ополовинил вторую кружку душистого горячего напитка, доставленную заботливой секретаршой, когда из-за дверей стали доноситься звуки, явно не соответствующие плавному течению неспешной научной дискуссии. Несмотря на двойную защиту, дверь пропускала возбужденный гомон перебивающих друг друга людей. Отдельные выкрики свидетельствовали даже о возможном начале рукопашной схватки.

Егор скосил глаза на свою сердобольную опекуншу. Судя по округлившимся глазам и полуоткрывшимся уже без хищного зубного оскала губкам, эти звуки также были ей в диковинку. Она даже порывалась двинуться к дверям, но, вероятно, служебная дисциплина перевешивала все другие эмоции. Так продолжалось около часа. Шум то стихал, то набегал подобно морской волне.

Наконец, из двери поочередно стали вываливаться участники громких научных дебатов. Их вид отнюдь не свидетельствовал о былой научной общности. Объединяющими признаками были уже всеобщая взъерошенность, красные пятна на лицах, сбитые набок галстуки и полубезумные взоры. Они уходили молча, но в движениях их рук и даже походке ощущалась непримиримая ожесточенность и готовность вновь вступить в схватку.

Егор робко заглянул в полуоткрытую дверь кабинета, ожидая увидеть следы некоего побоища. Но все было нормально. Лишь хаотичность расставленных, где попало, стульев да испещренная мелом черная доска, под которой лежал уже тонкий слой меловой крошки с вкраплениями более крупных осколков, говорили о накале полемики. У хозяина кабинета изрядно пострадала лишь борода, напоминавшая собой заросли низкорослого кустарника, по которому проскочило уходящее от погони стадо бизонов. Пиджак в двух местах был испачкан мелом. Но взгляд оставался вполне осмысленным, хотя и несколько блуждающим.

— Этого не может быть, потому что этого вообще не может быть, — прорычал профессор, еще не остыv, — вот и все доводы. Из-за чего наука годами, десятилетиями, а то и веками топчется на месте. Псевдонаучную провокацию, видите ли, кто-то учинил. Подсунул несуразицу, помноженную на небывальщину, разбавленную математической абракадаброй... Да этим листкам цены...

Тут он опасливо покосился на свой монументальный стол. Но листки были на месте, и Николай Фомич плюхнулся на первый попавшийся стул, приглашая Егора на соседний. Академик уже забыл свои собственные первоначальные эпитеты в адрес безвинных бумажных носителей информации.

— А что в них? — осторожно спросил подопечный, опасаясь вызвать новую бурю эмоций, но страстно желающий узнать, что же такое могла нацарапать рука карапуза. Нечто необычное, потрясшее мирные устои серьезного научного учреждения.

— В них все, — неожиданно спокойно и серьезно произнес Николай Фомич. — Все будущее науки. Все об окружающем нас мире. Все о нашем прошлом и будущем... Если, конечно, сможем расшифровать и, главное, понять.

Теперь уже нарастало смятение Егора. Его мозг активно протестовал против мысли об авторстве потрясшего ученых труда, написанного его маленьким гостем.

— Этого не может быть, — шепнули его губы, повторив уже сказанное хозяином кабинета.

Академик тем временем попытался рукавом пиджака стереть белые пятна, что плохо получалось.

— Николай Фомич, — умоляюще сказал Егор, — ну, хоть в двух словах объясните.

— А что я могу объяснить, когда я сам пока еще не понимаю сути изложенного здесь. Я могу только предполагать, о чем идет речь, и то только судя по графическим иллюстрациям, если их можно так именовать. Математическая же составляющая для меня, как... как..., — и, не найдя сравнения, он махнул рукой.

Профessor привстал и потянулся за одним из листков.

— Например — вот это, судя по всему, схематическое изображение черной дыры. Имеешь представление об этих загадочных объектах Вселенной?

— Самое общее, — честно признался Егор, вспоминая написанное в книгах, — после вспышки Сверхновая звезда, увеличившись в размерах в сотни тысяч раз, начинает сжиматься, доходя до определенного предела. Далее возникает такое состояние, когда ее гравитационный радиус, или радиус Шварцшильда, не позволяет сжавшейся до невыносимых пределов звезде, выпускать даже фотоны света. Она все поглощает,

но ничего не выпускает в связи с ужасающей силой тяжести. Поэтому становится невидимой...

— Примерно так, — усмехнулся профессор, — хотя и подилетантски. Не буду давать тебе чисто научную трактовку, чтобы окончательно не запутать. Скажу лишь об одной особенности этого рисунка. Смотри. Тебе ничего здесь не кажется странным?

Егор честно вытаращил глаза. Но никаких выдающихся особенностей не заметил. Ну, черный круг и какие-то конусы по бокам.

— Вот по этому конусу в черную дыру попадает все, что оказывается в пределах ее чудовищного тяготения. Другие звезды, планеты и более мелкие и разряженные космические объекты. Она заглатывает в себя все, ничего не выпуская, даже лучи света.

Николай Фомич указал кончиком ручки в правый конус, острием упираившийся в черный овал.

— Но здесь почему-то изображен и второй конус, — он ткнул ручкой на вершину другого конуса, примыкавшего к левой стороне черного кружка. Этого быть не должно.

— Почему?

— Во-первых, лучи света, образующие так называемый горизонт событий, то есть границу черной дыры, по законам математической физики никогда не смогут сблизиться. А площадь горизонта может увеличиваться со временем за счет притягиваемой материи, но никогда не будет уменьшаться. Понятно?

Егор неуверенно кивнул головой.

— В то же время черная дыра обладает энтропией, — увлеченно продолжал профессор, а значит — у нее должна быть (и есть) температура. Любое тело, имеющее определенную температуру, дает невидимое излучение, так как второй закон термодинамики незыблем при любых условиях. Но черная дыра не может испускать и это излучение, поскольку ничто не выходит из нее за горизонт событий...

Профессор увлекся и едва не проткнул листок острым концом ручки. Он сразу же опустил драгоценный листок на стол и осторожно разгладил его своей ладонью, вглядываясь — не оставил ли он случайного следа, который может завести в тупик будущих исследователей рисунка.

— И вдруг — второй, исходящий из черной дыры конус, — профессор успокоился и победно усмехнулся. — Значит, лучи света сблизились и, более того, пересеклись внутри пространства черной дыры. И она стала отдавать свою массу и энергию кому-то более могущественному...

Академик осторожно, тупым кончиком ручки коснулся неопределенно штрихованной массы, в которую упирался конус своим широким раструбом.

— А это уже — нон-сенс, — раздельно сказал он. Этого быть не должно ни при каких обстоятельствах, иначе все наши физические и математические законы неверны. Чего, в свою очередь, быть не может, поскольку они уже апробированы практикой.

— Об этом и шел такой горячий спор в Вашем кабинете?

— А что, даже в приемной слышно было?

— Еще как.

Николай Фомич озорно улыбнулся.

— Самые заядлые спорщики — это ученые, — констатировал он. — Но вопрос остается открытым...

— Почему, — удивился Егор, — раз это идет вразрез со всеми научными законами...

— Дело в том, что неизвестный автор далее доказывает свою правоту математическим путем. И, похоже, он действительно знает нечто, идущее поперек и вопреки всем земным законам.

— Но, — сказал Егор, осторожно подбирая слова, — вы, возможно, просто не нашли никаких ошибок в его вычислениях? А они...

— Ошибок? — вскинулся профессор, — о них пока не может идти и речи, поскольку все еще нужно расшифровать. Там в одном символе кроются десятки понятий и формул.

— И много таких черных дыр во Вселенной?

— Открыто пока несколько их десятков. Но специалисты предполагают, что порядка трехсот на каждый кубический световой год. Знаешь что-то о световом году?

— Конечно, — уверенно ответил Егор, — световой год — это расстояние, которое свет, преодолевающий за секунду около трехсот тысяч километров, проходит за земной календарный год, — и сам ужаснулся этой бездне, прикинув в уме неохватные просторы.

— То есть их достаточно много, — произнес академик с некоторой неуверенностью, — но — главное, что процесс возникновения черных дыр, как показывают наблюдения, все убыстряется. А иногда они вообще бесследно исчезают, чего уж быть никак не должно ни по каким законам. Помнишь: ничто в природе бесследно не исчезает и...

Егор без запинки продолжил известную еще со школьной скамьи формулировку.

— Ладно, — спохватился профессор, — не буду тебя больше окутывать научным и околонаучным туманом, да и некогда... В связи с этими записками появляется масса неотложных дел. Бюрократических. Которых я терпеть не могу. Нужно сейчас писать письмо в президиум Академии наук, прилагать научные обоснования, просить правительство о дополнительном финансировании для исследования и разработки темы...

Егор сочувственно вздохнул. Сам он не любил даже заполнять жировки на оплату квартиры.

— Да еще, пожалуй, один наш институт ее и не потянет, — с сомнением сказал Николай Фомич, — придется привлекать смежников, а это такая головная боль... Ну бывай, подающий надежды астроном. Подкинул ты задачку...

Профессор еще и не догадывался, как он близок к истинности сказанного и как далек от настоящей истины, ее сути и масштабов.

Егор пожал протянутую руку и поспешил к себе домой, где, как он помнил, ждал его прибытия малыш.

Глава четвертая

ТЕМНОЕ ВЕЩЕСТВО

— Смотри, Закатин, — грозно сказала Иришка, что ей вовсе не шло, — я надеюсь, ты не вовлекаешь моего сына во что-то нехорошее.

— По-моему, — Егор в сомнении подышал в телефонную трубку и вполне искренне заметил, — это он меня вовлекает, Димон твой ненаглядный.

— Оба вы хороши, — Иришка счастливо засмеялась, — верни мне его не позже десяти. Поесть хоть себе купил?

— Э-э-э, — начал Егор, действительно забывший о покупке съестного.

— Все понятно. Впрочем, на тебя и не надеялась... Я заранее подготовила для вас бутерброды. Димка принесет. Чай — есть хоть?

— И даже кофе, — Егор сглотнул слюну, он зверски проголодался.

— Не смей мне поить ребенка кофе — детям в таком возрасте..., — назидательно начала заботливая мамаша.

— Ирка, да знаю я...

— То-то!

Малыш примчался буквально через секунды после звонка Егора к Ирине. Протянув хозяину пакет с бутербродами, он стал снимать башмачки и вдруг всплеснул ручонками.

— Ой! А я книжки забыл, дядя Егор.

— Не к спеху, — буркнул дядя, плотоядно посматривая на пакет, — давай поедим сначала, а?

— Я не хочу, я недавно покушал, я тебя подожду.

— Погоди, у тебя же вроде что-то срочное, — Егор пока сознательно избегал темы листков.

— Я бы хотел поработать на твоем компьютере, — он так и сказал «поработать», будто всю свою маленькую жизнь этим только и занимался.

Но Егор после случившегося за последнее время, похоже, утрачивал потихоньку способность удивляться. Он лишь машинально взвесил руками пакет и утвердительно кивнул головой.

— Конечно. Садись. Давай что-нибудь подложим под тебя на кресло, а то тебе неудобно будет.

Включив компьютер, он, однако, посмотрел на ребенка с сомнением.

— Сумеешь обойтись без моей помощи?

— Думаю — да. Только найди мне самый полный и быстрый поисковик.

— Англо- или русскоязычный, — отчего-то схохмил хозяин компьютера, которого слово «поисковик» царапнуло.

— Лучше смешанный, но с уклоном на английский язык.

Егор пожал плечами, неопределенно хмыкнул и открыл своему маленькому приятелю поисковую систему Google. Малыш поерзal, устраиваясь поудобнее, и невозмутимо накрыл ручонкой мышку.

Сам хозяин торопливо двинулsя на кухню, где включил чайник и принялsя за содержимое пакета. Уминая свежие ломти мягкого белого батона с розоватыми кружками докторской колбасы внутри, он размышлял о странности последних событий. Реальность их уже не вызывала никаких сомнений, но все равно понимание серьезности происходящего пока к нему не пришло. Он смотрел на творящиеся чудеса, а это были явно чудеса, как бы со стороны. И включаться в суровую действительность полноценным участником не спешил.

— Дядя Егор! Можно тебя на минуточку?

Он отложил бутерброд, тщательно вытер пальцы бумажной салфеткой и пошел на зов.

— Теперь можно с уклоном на русскоязычный, — попросил малыш.

Егор молча вывел на экран Rambler и вновь отправился на кухню, где уже закипел чайник. Он меланхолично дожевал остатки бутерброда и потянулся еще за одним, но вовремя вспомнил, что есть и второй едок, который, возможно, тоже захочет перекусить. После угощения ароматным напитком в институтской приемной собственный чай показался ему невкусным. Еще бы — кто же заваривает чай в пакетиках. Это только в рекламных роликах облизываются, глядя на какой-нибудь пакетный «Lipton». Приготовить настоящий крупнолистовой цейлонский чай, конечно, надо уметь, но зато вкус у него какой! Егор вздохнул. Как ни переводи мысли на постороннее — придется возвращаться к возникшей проблеме. А что это проблема — он уже не сомневался.

Когда он возвратился к малышу, тот уже покинул поисковик и сосредоточенно изучал, или скорее читал, какой-то текст на английском языке, перемежавшийся длинными математическими формулами.

При появлении своего взрослого покровителя он свернул текст и указал Егору курсором на два майкрософтовских документа, которых, Егор это знал точно, ранее на рабочем столе компьютера не было.

- А можно их распечатать?
- У меня нет принтера, — озадачился Егор. — Это надо скачивать на дискету и где-то распечатывать.
- Ну, придумай что-то, — малыш смотрел серьезно и требовательно, — очень нужно.
- А что там?
- Списки необходимой мне литературы, которую надо поискать в библиотеках. В Интернете этих книг нет и...
- Послушай, Димон, — решительно сказал Егор, — я никак не врублюсь, что уже происходит, а ты затеваешь...
- Дядя Егор! Это совершенно безотлагательно и необходимо, — малыш задумался, — иначе...
- Что иначе, — заинтересовался Егор.
- Я потом обо всем расскажу, — попытался отложить выяснение своих коварных замыслов малыш.
- Сейчас рассказывай! — потребовал его взрослый соучастник.
- Хорошо, — малыш вздохнул и потер покрасневшие от общения с монитором глаза, — только я и сам еще не все понимаю.
- Он повернулся всем креслицем к Егору и начал рассказывать.
- Значительную часть Вселенной занимает агрессивная материя с неизученными до конца свойствами. Земные ученые дали ей название Темное вещество.
- Я где-то читал об этом, — пробормотал Егор.
- Оно не имеет определенной формы. И обладает разумом. Но разум этот простой и прямолинейный.
- Поясни, пожалуйста.
- Ну, оно не может мыслить абстрактно, не обладает фантазией и логикой. А без этого невозможно что-либо изобрести или открыть. Но исполинские резервы позволяют Темному веществу производить колоссальные операции с материей.
- Ты сказал — оно агрессивно.
- Да. Темное вещество пожирает звезды, планеты и иные космические тела.
- Что? Ты соображаешь, что говоришь?
- Дядя Егор, это не мои знания, — укоризненно произнес малыш, — мне передал их Создатель.
- Создатель..., — пробубнил себе под нос Егор, — а это что еще за персонаж?

— Я потом расскажу, попозже. Иначе у нас получится такая мешанина... Давай сначала — про Темное вещество.

Егор молча кивнул головой.

— Так вот. Темное вещество способно преобразовывать материю и создавать различные органические и неорганические соединения.

— Перестраивать материю? Но...

— Преобразование материи — достаточно простая операция, — малыш был невозмутим. — Просто нужно знать, с чего начать, а также, где и в какой момент оказывать воздействие на определенные точки. А дальше процесс идет автоматически, по законам, предопределенным природой.

— Ну да, совсем просто, — мрачно сыронизировал Егор, — взял шило и ткнул, куда следует... Чего проще.

— Правильно, — к его удивлению согласился малыш. — Например, как вызвать цунами? Для этого потребуется воздействовать на определенную точку земной коры под океаном. Происходит сдвиг пластов земной коры и начинается необратимый процесс, который уже проходит в точном соответствии с законами природы и который уже не остановить. Он неуправляем извне. Так и в космосе.

— Как именно?

— Точно не знаю. Но приблизительно следующим образом. Берется обычная звезда, типа нашего Солнца...

— Берется кролик за задние ноги..., — едва слышно, побрячески процитировал Егор, начавший серьезно опасаться за состояние своего душевного здоровья и добавляя в диалог изрядную дозу грубого юмора и здорового скептицизма.

— ...И производится вмешательство в ядерные процессы, которые активизируются и ускоряются. Звезда начинает быстро возрастать в объеме, а затем сбрасывает свою оболочку и стремительно расширяется. При этом ее светимость возрастает во многие миллионы раз. Это явление названо вспышкой Новой звезды.

— Но ведь не все Новые продолжают свое дальнейшее одинаковое преобразование, — не преминул блеснуть своими знаниями Егор, — одни превращаются в красных карликов, другие — в белых, и лишь единицы вспыхивают как Сверхновые.

— Не все, — согласился малыш, — здесь, вероятно, есть свои сложности. Процесс и далее искусственно катализируется, в результате чего в недрах некоторых звезд наступает гравитационный коллапс и звезда взрывается уже как Сверхновая.

— Как Сверхновая, — эхом повторил его внимательный слушатель.

— После взрыва часть звезды становится чисто нейтронным телом...

— В астрономии их именуют пульсарами..., — продолжил Егор.

— Пульсарами..., — подтвердил малыш.

— А оставшаяся часть образует волокнистую туманность, — подтвердил свою эрудированность Егор.

— Точно, — малыш с уважением взглянул на своего взрослого собеседника, и Егору оно не показалось нарочитым, — а далее — из нейтронной звезды образуется Черная дыра.

— Каким образом?

— Тело звезды продолжает сжиматься до невероятных размеров. И если оно сожмется до размеров, меньших его гравитационного радиуса, то уже никакие частицы и излучения не могут преодолеть чудовищное поле тяготения и вырваться наружу. Это явление земными учеными названо радиусом Шварцшильда, по имени его первооткрывателя.

— То есть звезда становится фактически невидимой?

— Да. Невидимой зрительно, но ее можно обнаружить по тяготению либо по характерному излучению заглатываемого звездой извне межзвездного газа.

— И, таким образом, все эти процессы осуществляются самой материей, в соответствии с космическими законами?

— Верно. Необходимо только в определенные моменты подбрасывать в эти процессы катализаторы, — малыш помолчал и добавил: — что и делает Темное вещество. Ничего сложного.

— Темное вещество? — Егор ошарашенно уставился на своего маленького просветителя. — Ничего сложного? Да это же чудовищно! Ты утверждаешь, что это чертово Темное вещество...

— Я не утверждаю, — мягко поправил его малыш, — я просто передаю тебе то, что мне стало известно от Создателя.

— Черт меня побери! — рявкнул Егор. — От твоего невинного рассказика надо немного очухаться! Пойдем пить чай?

— Пошли, — согласился мальчуган и сполз с креслица вместе с подушкой.

От последнего бутерброда Димка отказался, и он достался Егору. Меланхолично, уже не ощущая прежнего восхитительного вкуса, жуя батон с колбасой, искатель астероидов пытался проникнуть поглубже в суть рассказанного малышом.

А тот, пыхтя и надувая щеки, глотал из чашки горячий чай и в сторону Егора не смотрел, видимо, занятый этой самой сутью в иных параметрах.

Егор только принялся за свой чай, а малыш уже аккуратно поставил чашку на край стола. Но не уходил, сидел молча, полностью углубленный в себя. Егор поставил чашки в мойку и потеребил его за плечо. Глаза малыша тотчас обрели подвижность и вопросительно уставились в лицо взрослого.

— Я сейчас сбегаю на почту, — озабоченно сказал Егор, — там есть отдел, где делают распечатки текстов. Побудешь немного один?

— Не вопрос, — по-взрослому ответил малыш, — я пока позанимаюсь с компьютером. Мне еще многое надо найти.

Вернувшись, Егор застал удивительную картину. Весь экран монитора заполонили интернет-файлы с англоязычными названиями. Они все выскакивали и выскакивали из необъятных глубин Сети. Его юный воспитанник мгновенно просматривал раскрывающиеся окна файлов и также моментально принимал решения. Одни он сразу же удалял, а другие (таковых было большинство) отправлял в созданную им на рабочем столе папку желтого цвета без названия.

Егор тихо положил на столик стопочку распечатанных листов и отправился на кухню мыть чашки. Он еще не мог и предполагать подлинных масштабов последствий того злополучного вечера, когда взор ребенка проник сквозь систему окуляров телескопа в сторону созвездия Персея. Беспредельно отдаленная мерцающая звезда со зловещим арабским названием, переводимым как Дьявол, втянула ничего не подозревающих людей в решение задач вселенских масштабов.

Он не знал, что сама Алголь погасла несколько тысяч лет назад, и он наблюдал лишь далекое прошлое звезды. Нынешнее ее состояние увидят лишь потомки землян через несколько тысяч лет... Если потомкам суждено будет родиться...

Глава пятая

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

В просторном кабинете за массивной и длинной приставной столешницей сидело шестеро мужчин. Кресло за столом, над которым на стене висел портрет президента, пустовало. Вел совещание вице-премьер, который умышленно не сел в пустовавшее кресло хозяина кабинета — председателя ФСБ, чтобы подчеркнуть неформальность и демократичность данной встречи. Из сидящих лишь двое были в генеральской форме: министр обороны со знаками различия генерала армии и заместитель председателя ФСБ по оперативной работе, на котором был мундир генерал-лейтенанта. Остальные были одеты в ладно скроенные модные костюмы приглушенного серого тона, белые рубашки и неяркой расцветки темные галстуки.

— Начнем с Вас, Сергей Петрович, — негромко произнес председательствующий, обращаясь к седовласому полноватому мужчине в золотых очках, — что Вы можете пояснить нам по этому поводу как глава всей нашей науки.

Президент Академии наук встал и застегнул пиджак на одну пуговицу.

— Собственно говоря..., — начал он.

— Сидите, сидите, — замахал рукой вице-премьер, — никакого официоза, рабочий обмен мнениями.

Седовласый сел, вновь расстегнул пиджак и продолжил.

— Я знаю пока немногое и то со слов Николая Фомича, — он кивнул на сидящего рядом с ним представительного мужчину с аккуратной темной бородкой с проседью, — может быть, мы предоставим слово сначала ему.

Председательствующий перевел взгляд и утвердительно кивнул головой.

— Директор научно-исследовательского института ядерной физики при Академии наук Колбанов, — слегка привстав, представился бородатый, — с чего начинать?

— Как водится, с начала, — позволил себе пошутить вице-премьер.

— Хорошо, — мужчина погладил ладонью бороду и приподнял над столом стопку листков, — хотя должен предупредить всех присутствующих, что казус столь удивителен... Столь необычен... И настолько необъясним... Короче говоря, он пока не поддается никакому разумному рациональному истолкованию...

— Что имеется в виду под разумным рациональным истолкованием? — вопрос задал министр обороны, — если можно, оперируйте понятиями, доступными людям, непричастным к вашей сложной науке. Извините.

— Этот случай не поддается научной трактовке с точки зрения наших современных знаний, — пояснил директор института, — более того, нам не хватает знаний, чтобы его расшифровать, не говоря уже о том, чтобы понять.

— Я думаю не только знаний, но также времени и имеющихся ресурсов, — добавил президент Академии наук, — наукоемкость этого, с позволения сказать, труда...

— Предупреждение принято, — положил конец начинаящейся научной дискуссии многоопытный вице-премьер, — итак, уважаемый Николай Фомич — откуда взялись эти тетрадные листки?

— Эти листки — уже не эти, — ворчливо заметил бородатый, — это всего лишь копии, — и я не понимаю, зачем.., — он перевел взгляд на председателя ФСБ.

— У нас они будут целее, — поспешил ответил тот, — согласитесь, здесь содержатся государственные секреты, и мы не можем даже допустить возможности их утраты.

— Тем более что ваши институтские сейфы — обычные консервные банки, только прямоугольной формы и крупнее, — добавил зампред ФСБ по оперработе, — они не являются преградой даже для домашника-новичка, не говоря уже о медвежатниках или серьезных современных шпионах.

— Товарищи.., — укоризненно произнес вице-премьер, — давайте все-таки выслушаем специалиста по существу, а всякие технические проблемы решим потом. Уточняющие вопросы только по сути.

— Эти листки, их всего девять, мне принес сын моих старинных приятелей, — начал степенно ученый-ядерщик, — зовут его Егор Закатин. Его родители четыре года назад погибли в автомобильной катастрофе, и с тех пор я осуществляю над ним

нечто вроде опеки. У нас с ним есть и один общий интерес — мы оба увлекаемся астрономией. Моя первая специальность вообще-то астрофизика, наука на стыке... Ну, об этом потом. Так вот, Егор уверяет, что нашел эти листки случайно, и поскольку они относятся, как он полагает, к его любимой астрономии, он попытался в них разобраться. Но ровно ничего не понял...

— Нашел случайно где? — тотчас спросил вице-премьер.

— Ну, я не уточнял, да это и не суть важно...

— Позвольте, я доложу, — привстал генерал-лейтенант.

— Да, Александр Викторович.

— Закатин уверяет, что нашел их в нише для цветов, расположенной на стенке у подъезда дома, в котором он проживает. Эти данные косвенно подтверждены.

— Хорошо, — вице-премьер вновь кивнул ученому.

— Листки заполнены графическими рисунками и математическими выкладками и формулами. Причем все данные закодированы.

— Каким образом? — спросил министр обороны.

— Это сложно объяснить. Скажем так: каждый изображенный там символ вмещает, по меньшей мере, несколько математических формул и уравнений. А если удастся расшифровать их полностью, то это получится многотомный научный труд колоссальной насыщенности новой для нас информацией.

— Что значит удастся, — недовольно проговорил вице-премьер, — вы — наука, и вы должны бросить на это все силы, уважаемый профессор.

— Вот уже вторую неделю весь наш институт работает над первым листочком. Я повторяю: весь институт — свыше трехсот научных работников... И мы расшифровали лишь часть самой первой строки, — с горечью произнес профессор.

— Что? — министр обороны не смог скрыть своего изумления, — весь институт?

— Да. Причем это делается с помощью компьютерной техники и специально разработанных для этого нашими коллегами программ. Люди сидят днем и, можно сказать, ночью.

Вице-премьер откинулся на спинку стула. Было очевидно, что эти слова его весьма поразили, но он промолчал.

— Я думаю, — сказал президент Академии наук и сразу пояснил и поправился: — мы уже обсуждали эту проблему в

тесном научном кругу... Так вот, мы думаем: для того, чтобы расшифровать содержание листков полностью надо на годы... На годы, — подчеркнул он, — посадить за эту работу все научные резервы мира.

— Так, что же это такое? — не выдержал министр обороны, — безразмерный ящик Пандоры какой-то! Вы отдаете отчет своим словам?

— Отдаем, — спокойно ответил уже вновь профессор, — знания, изложенные там, — он ткнул пальцем в листки, — многогранны и почти безграничны. Они перевернут все наши научные представления о существующей действительности.

— Какие темы там затронуты? — вице-премьер снова обрел спокойствие.

— Точно сказать никто не сможет, — профессор пожал плечами, однако, судя по графическим составляющим, — это, прежде всего природа вещества и различное его состояние. Кроме того, вопросы возникновения Вселенной, причины возникновения антивещества и «черных дыр»...

— Черных дыр? — снова вскинулся министр обороны, — это что — специальная терминология? Что означает это понятие?

— На эту тему нам с вами надо прослушать целый курс лекций, — мягко вмешался вице-премьер, — и то вряд ли придет понимание их сути. Не будем на этом останавливаться. Что еще?

— Еще соотношение пространства и времени, квантовая природа гравитации, экспоненциальность Вселенной..., — начал перечислять бородач, постукивая в такт пальцами по столу.

— Довольно! — положил конец вице-премьер, — Вы нас задолбаете, извините за выражение, своими специфическими терминами. Давайте по-другому. Где Вы видите практическое применение содержимого этих теоретических дисциплин?

— Где? — лишь на мгновение задумался профессор, — да повсюду!

— Например?

— Например? В преобразовании материи. Еще Аристотель считал, что всякий кусок вещества можно бесконечно дробить на все меньшие и меньшие кусочки, так и не дойдя до такой крупинки, которая бы не делилась. И он был прав. Процесс сей бесконечен. Наука это постоянно доказывает, открывая все новые и новые бесконечно малые микрочастицы.

— И, что? — скепсис вице-премьера был явно направлен на сокращение вступительного слова и освещения самой сути.

— Как — что? — возмущенный профессор клюнул на приманку, — это означает, что все в мире состоит из одинаковых кирпичиков, из которых можно слепить все, что угодно — от собачьей будки до шикарного особняка. Мы берем, скажем, стол.., — профессор не нашел ничего лучшего, ткнув в столешницу..

— И изготавливаем из него паркет, — продолжил коварный вице-премьер.

— И изготавливаем из него телефон, зеркало, вентилятор.., — бородач азартно поочередно тыкал в находящиеся в кабинете предметы быта, — ...растение в цветочном горшке... Да все, чего пожелаем!

— Вы хотите сказать, — министр обороны выпрямился во весь свой немаленький рост, — что, к примеру, из дерева можно получить золото?

— Не получить! Пре-о-бра-зо-вать в золото. Даже воду и воздух можно преобразовать в золото, в любой металл, в любое неорганическое или органическое вещество!

Профессор победно махнул рукой в сабельном замахе. В кабинете воцарилась тишина. Щеки вице-премьера покрылись пятнами — свидетельством о его замешательстве, что бывало с ним крайне редко. Министр обороны грузно рухнул на стул, который едва сдержал удар, скрежетнув по паркету пола всеми четырьмя конечностями. Растряпнностью отличались и лица руководителей ФСБ, доселе невозмутимые и всезнающие. Даже президент Академии наук, похоже, был поражен таким простым примером, подтверждающим сложный научный тезис.

Безмолвие, впрочем, длилось недолго. Закаленные кабинетные бойцы разом пришли в себя, и на профессора вразнобой посыпался град вопросов.

— Стоп, стоп, стоп! — закричал опомнившийся вице-премьер и для убедительности постучал по столешнице костяшками пальцев, — давайте по порядку. Он ткнул рукой в сторону министра обороны.

— Вы хотите сказать (вероятно, это была его любимая фраза), — вкрадчиво начал тот, — что таким образом можно разрушить оружие противника и его военную технику, а также живую силу врага? И превратить их в прах?

— Хочу, — безмятежно ответил бородач, — только зачем же в прах? Можно во что-то более мирное и полезное. В сады, например, в озера с чистой водой или кислорода добавить в атмосферу. В морской песочек для пляжа, наконец.

Какое то время все сидели молча, переваривая услышанное. Лишь размеренные щелчки маятника старинных напольных часов, стоявших в углу кабинета, нарушали эту неожиданно наступившую тишину.

— Все! Достаточно! — неожиданно резко произнес вице-премьер. — Суть понятна. Последний вопрос: для этого необходима какая-то специальная установка?

Этот вопрос застал профессора врасплох.

— Да, — неуверенно подтвердил он, — что-то вроде этого.

— Гиперболоид инженера Гарина, — хмыкнул министр обороны.

— Честно говоря, над этим мы еще не думали... Так вопрос не стоял.

— Теперь стоит, — жестко сказал вице-премьер. — Все, товарищи. На сегодня хватит. Наши ученые могут быть свободны, а мы еще обсудим некоторые практические нюансы.

Он встал и попрощался с ними за руку. Профессор попытался сунуть принесенные листки в кожаную папочку, однако вице-премьер отрицательно покачал головой.

— Оставьте их здесь, — глухо сказал он.

— Но, как же..., — начал ученый.

— Все работы будут с завтрашнего дня засекречены, даже с сегодняшнего, — все так же глухо произнес высший чиновник, — все это слишком серьезно.

Было заметно, что груз ответственности наложил уже свой отпечаток на его лицо. Под глазами легли темные круги, от носа к подбородку протянулись две заметные, почти вертикальные морщины, а губы, и без того тонкие, превратились в ниточку.

Ученые молча вышли из кабинета.

Вице-премьер вновь сел за стол, и некоторое время сидел молча.

— Сейчас поеду докладывать президенту, — устало проговорил он, — но, в принципе, план уже ясен, и я думаю, президент с ним согласится. Поэтому необходимо приступить к его реализации немедленно. Безотлагательно.

Присутствующие раскрыли рабочие ежедневники.

— Первое, — произнес вице-премьер, — необходимо обеспечить строжайшую секретность проводимых исследований и обеспечить охрану главных фигурантов.

Председатель ФСБ и его заместитель синхронно черкнули ручками.

— Второе. Необходимы деньги, материальные ресурсы, создание специального центра и доставка туда всех наших лучших ученых. Это моя забота. Охрана — за спецслужбами МВД и военными.

Министр обороны согласно кивнул головой.

— Третье. Следует создать разветвленную систему специальных лабораторий, чтобы каждая работала по своей теме и ничего не знала о других наработках. Нужно сделать что-то типа сталинских «шарашек», вызвав у ученых максимальную материальную заинтересованность. Проработайте этот вопрос.

Оба руководителя ФСБ сделали пометки.

— Четвертое. К черту все эти игры в шпионов и ловлю коррупционеров. Все оперативные силы бросить на поиск автора этих заметок, — вице-премьер кивнул на лежащие на столе листочки. — Вы понимаете, что это за фигура?

— Новый Эйнштейн, — хмыкнул министр обороны.

— Это не Эйнштейн, — вице-премьер помолчал, — это миллион эйнштейнов вместе взятых. И мы должны его найти. Докладывайте, что уже сделано в этом направлении.

Генерал-лейтенант вскочил и здесь ему уже не было предложено присесть. Вице-премьер смотрел на него холодными требовательными глазами.

— По словам Закатина, он подобрал эти листочки, когда утром выходил из дома для совершения обычной гимнастической пробежки. Они лежали вместе с книгами в нише, предназначеннной для установки цветочных горшков. Он утверждает, что некоторые люди, желающие избавиться от ненужных книг, не выбрасывают их в мусорные баки и мусоропроводы, а оставляют где-либо на видном месте. Чтобы те, кому они еще могут пригодиться, легко их заметили.

— Проверяли?

— Так точно. Дворничиха подтверждает, что такая практика существует. Оставляют рядом с баками или у скамеек также иногда годные к употреблению носильные вещи, обувь и другие предметы. Опрошенные жильцы дома также об этом

свидетельствуют. Хотя, конкретно, на этот день такого подтверждения не получено.

— Что собой представляет этот Закатин? Можно ли ему верить?

— Родители погибли в автомобильной катастрофе четыре года назад. Других близких родственников нет. Холост. Двадцать шесть лет. Закончил филологический факультет университета. Учится в аспирантуре. Специализация — пушкинист. Увлекается любительской астрономией. Еще одно хобби — коноклефилия.

— А это что еще за извращение? — брови вице-премьера слегка приподнялись в знак удивления.

— Так называется коллекционирование брелков для ключей, — пояснил генерал-лейтенант, скосив глаза и, на всякий случай, заглянув в «объективку», составленную оперслужбой на Закатина, чтобы убедиться в правильности произнесенного слова.

Вице-премьер кивнул головой, приглашая продолжить характеристику.

— Живет один в двухкомнатной квартире. Близких друзей нет. Часто встречается и, похоже, симпатизирует бывшей однокласснице Маклаковой Ирине, живущей в этом же доме. Ни к уголовной, ни к административной ответственности не привлекался. На учетах не состоит. В участии в различных молодежных акциях не замечен. В наше поле зрения никогда не попадал. Словом, типичный тихоня.

— Возможно, листки принадлежали одному из родителей? — подал голос министр обороны.

— Вряд ли. Отец Закатина работал спортивным врачом. Мать — также врачом, только онкологом в специализированной клинике.

— А может, автор сам Закатин, — вновь продолжил вице-премьер, — ведь он увлекается астрономией? Ведь и любители иногда совершают удивительные открытия, в которых сами не в силах разобраться.

— Это исключено полностью.

— Почему?

— Графологическая экспертиза начисто отрицает авторство Закатина. Кроме того, его математические знания остались на уровне теоремы Пифагора. Учительница математики той школы, которую он закончил, вообще утверждает, что тройку по ее пред-

мету она поставила Закатину из чистой жалости. Его коньком с первых классов была литература. Ну, еще история и спорт. Физически он неплохо развит. Нет, он не может быть ни автором, ни исполнителем этих физико-математических изысков.

— Что дал опрос жильцов дома?

— Практически — ничего. Никто не видел оставленных у подъезда книг в тот день, и никто в сопутствующие дни не пытался избавиться от ненужной литературы.

— Может соседство книг и листков случайное?

— Скорее всего, нет. Закатин утверждает, что листки он обнаружил уже дома в книге Воронцова-Вельяминова «Очерки о вселенной», якобы оставленной у подъезда, которую он и взял себе, поскольку интересуется астрономией. Он нам ее предъявил.

— А какие книги там еще лежали вместе с этой?

— Названий он не запомнил, но какая-то техническая литература, касающаяся вопросов строительства и архитектуры.

— По профессиональной принадлежности проверили всех живущих в этом доме?

— Обижаете, Вениамин Александрович, — впервые позволил себе улыбнуться генерал-лейтенант, — не так уж мы и подрастеляли свои кадры и навыки, несмотря на все бывшие пертурбации в нашем ведомстве. Да что я Вам говорю, будто сами не знаете. Работаем и в данном направлении и не только по этому дому.

Улыбнулись и председатель ФСБ, переглянувшись с министром обороны.

Дело в том, что вице-премьер пришел в правительство из ФСБ. Этим и объяснялись столь профессиональные вопросы, задаваемые бывшему коллеге. Кроме того, по распределению функций он курировал силовые ведомства, был личным другом президента, а многие считали, что и его преемником, и чувствовал на этом посту себя достаточно твердо и независимо. Поэтому он и вел себя в кругу высокопоставленных силовиков, назначаемых и подотчетных лишь самому президенту, столь решительно и уверенно.

— Ну-ну, — впервые легкая улыбка появилась и на лице председательствующего, — докладывайте дальше.

— Оперативной работой охвачены все прилегающие микрорайоны, — генерал-лейтенант вновь обрел серьезный вид. — Проверяются люди, которые могли оставить книги ввиду своего переезда, капитального ремонта в квартире, других событий,

которые могли способствовать пересмотру ненужных вещей. Например, смерти бывшего владельца книг. Эти книги могли быть оставлены случайно или намеренно, но лишь в предшествующую ночь или ранним утром. Поэтому установлены и опрашиваются все окрестные нищие, бомжи, люди, возвращающиеся с ночной работы, любители бега трусцой, собачники, водители такси и так далее. Круг интересующих нас людей очень широк...

— Однако...

— Однако нужного результата пока нет. Кроме, пожалуй, одного нюанса.

— Какого? — заинтересовался вице-премьер.

— Графологи утверждают, что все эти формулы и графики, скорее всего, выполнены рукой, не знакомой с элементарными правилами правописания. Линии наполнены перенапряжением, начинаются с разных мест символов и цифр, у них не тот нажим, который должен наличествовать у обычного человека. Примерно так, будто мне дать исполнить письмо китайскими иероглифами — вот как выразился один из них.

— Инопланетянин, — хмыкнул министр обороны, — или иностранец...

— Нет, не иностранец. Поскольку навыки овладения письмом у всех народов примерно одинаковы. Разве что некоторые пишут не слева направо, а справа налево. Насчет инопланетян, как я понимаю, шутка.

— Инопланетянин.., — задумчиво пробормотал вице-премьер, — а ведь в этом что-то есть...

И, увидев вытянувшиеся лица коллег, ухмыльнулся.

— Это мог быть человек абсолютно неграмотный, — быстро сказал он, — но добросовестно переписавший текст и перечертивший графики из другого источника. Надо покопаться в этом направлении.

Генерал-лейтенант согласно кивнул головой и черкнул несколько слов в своем ежедневнике.

— С Закатина взята подпись о неразглашении?

— Так точно. И с других фигурантов тоже.

— За Закатиным пустить наружку, взять под контроль его телефон, мобильник и Интернет. Возможно, это выведет нас на контакт, о котором не подозревает и сам Закатин.

— Негласный обыск?

— А что это нам даст? Если он в чем-то хитрит и что-то скрывает, то время для заметания следов у него было. Нет, обыск не нужен.

Вице-премьер потер пальцем переносицу, размышляя, не упустил ли он чего важного. Вроде нет. Он выпрямился и поочередно оглядел участников совещания.

— И последнее. Все это чрезвычайно серьезно. Ученые еще подготовят пояснительную записку для доклада президенту. Но уже ясно одно, помимо этих «черных дыр» и теорий пространства-времени, исследования ведут к главному — к природе вещества. То, из чего состоит весь органический и неорганический, а возможно, еще и информационный, а также духовный мир. Если я правильно понял — в принципе из любого молекулярного тела можно получить любое иное молекулярное тело, переместив его атомы, их составляющие и связи, а также перекроив молекулярную структуру. У кого-то сложились другие представления?

Руководители ФСБ лишь отрицательно помотали головами, а министр обороны поднялся из-за стола и выразил свое мнение по-военному кратко и предметно. Несмотря на скептическое хмыканье по ходу обсуждения, профессиональный военный прекрасно понял открывающиеся перспективы.

— Все составляющие конкретного вещества или тела могут распадаться и вновь складываться по специально заданной программе, — четко произнес он. — Это абсолютное оружие. Против него не может быть создана никакая защита. Американская ПРО — детская игрушка после этого.

— Да. Но это далеко не все. С помощью новой технологии возможно преобразование в целом небесных тел. Планеты Земля. Солнца. Галактики. И даже, может статья, всей Вселенной...

Вице премьер проговорил это с неожиданной болью. Лица присутствующих разом потемнели. Страшная перспектива открылась во всем своем величии и всемогуществе.

— Руководителем проекта, до принятия решения президентом, останусь я, — с внезапной усталостью в голосе сказал вице-премьер, — по соответствующим вопросам будут подключены специальные службы МВД и ГРУ. Все докладные по ведомствам предоставлять мне ежесуточно к девятнадцати часам. Вопросы?

Генералы молча встали из-за стола и вытянули руки по швам.

Глава шестая

СОЗДАТЕЛЬ

Он пришел под вечер. Один, без мамы, чему Егор несколько огорчился. Деловито раскрыл целлофановый пакет и достал оттуда стопку журналов.

— Спасибо, дядя Егор, — малыш взрослым движением небрежно бросил журналы на низкий столик, оставив в ручонке один из них.

Внешне «тигренок» не изменился: все тот же комбинезончик, пестрящий многочисленными карманами, та же вихрастая голова и те же пухлые щечки. И лишь внимательно заглянув в его глаза, можно было поймать их уже совсем недетское выражение.

— Мне позарез (он именно так и сказал — позарез), — нужны две монографии.

— Какие? — Егору уже и в голову не приходило общаться с ним, как с ребенком. Более того, он чувствовал все нарастающее внутреннее уважение к этому крохотному человечку с обликом малыша, но обладателем диковинных знаний и недетского взгляда.

«Тигренок» открыл журнал на странице, заложенной полоской белой бумаги, и ткнул пальчиком в подчеркнутую красным фломастером строчку.

— «Некоторые аспекты теории сингулярности» Р. Пенроуз и «Основы частично-волнового дуализма» Дж. Бикенстин, — машинально прочел вслух Егор и глянул на мальчишку с некоторой смесью недоверия и почтения.

— Что такое сингулярность?

— Сингулярность — это точка пространства-времени, в которой кривизна его становится бесконечной, — без запинки доложил малыш.

— А — частично-волновой дуализм?

— Это.., — «тигренок» запнулся и смешно сморщил носик, — как бы попроще объяснить... м-м-м... лежащее в основе квантовой механики представление о том, что не существует различия между частицами и волнами...

Вероятно, уловив изменившееся выражение лица Егора, которое буквально вытянулось, малыш дополнил:

— В общем, это когда частицы иногда могут вести себя, как волны, а волны — как частицы.

— Ну, да. Конечно. Вполне д-доступно, — выдавил из себя Егор и озабоченно пошевелил губами, — только вряд ли их можно достать в наших библиотеках.

— Я знаю, — безмятежно ответствовал «тигренок», — надо через Интернет пошарить в университетских библиотеках Гарварда, Оксфорда, Кембриджа... Где-то найдутся.

— Но они же на английском, — Егор уже благоразумно не стал уточнять, как карапуз попадет в эти библиотеки.

— Я владею всеми распространенными языками мира, — ответил малыш без улыбки, но все же не смог удержаться и прихвастнул, — даже многими мертвыми языками.

— Ну, действуй, — дал согласие Егор и решил пристроиться за спиной «тигренка», дабы воочию насладиться взломом библиотек, которые наверняка были закрыты для посторонних пользователей.

С каждой минутой его все меньше удивляли произошедшие с ребенком перемены. За эти несколько дней интеллект малыша поразительно изменился. Его лексику могли позавидовать не только маститые ученые, но и многоопытные компьютерные пользователи.

Уже привычно подложив подушку на компьютерное креслице, «тигренок» вдарил по клавишам со скоростью рок-н-рольного барабанщика, поэтому Егору удалось увидеть лишь ряды мелькавших символов и цифр, беспрерывно мельтешащих и сменяющих друг на друга на экране монитора.

Малыш достиг цели менее чем через минуту. Экран заполонил длинный список литературы, как определил Егор, мало-мало смысливший в английском языке. Затем стали всплывать окна со страницами самих работ, которые юный вундеркинд сканировал взглядом, казалось, мгновенно.

— Вот и все, — малыш соскочил с подушки, — теперь я готов.

— К чему? — не понял Егор.

— К путешествию.

— Куда? — струхнул даже уже отвыкший удивляться тайный поклонник мамы юного путешественника.

— К Нему, — малыш произнес это слово с пугающей почтительностью.

— ???

— К Создателю. Он уже открыл мне главное.

— А что главное?

— Как все было.., — «тигренок» сделал значительную паузу, — как и что произошло за сто миллиардов лет до начала Большого Взрыва. И что будет... Что грозит Вселенной.

— Сто миллиардов? Лет? — изумился Егор, имевший, однако, понятие о Большом Взрыве.

— Мнимого времени, — уточнил малыш, — так как фактически время тогда стояло.

— Н-ну, может, поделишься со своим верным напарником, — только и нашел, что сказать ошалевший любитель астероидов и малых планет.

— Я лучше покажу, нарисую — так будет понятнее.

Егор поспешил достал из ящика стола пачку листов притерной бумаги и пенал с цветными фломастерами.

— А простой карандаш есть?

Нашелся и простой.

«Тигренок» взял один листок и быстрыми движениями заштриховал его слева почти на треть. Затем он вдавил жирную точку и от нее изобразил уже знакомую цепочку земных гобусов.

— Вот, — сказал он, — это графическая модель пульсирующей Вселенной.

— А это? — кончиком фломастера Егор ткнул в серую штриховку.

— Это — то, что было за сто миллиардов лет до Большого Взрыва. Бесконечное пространство, заполненное абсолютно одинаковыми атомами. Все атомы были идентичны по своей структуре, и, главное, они находились в свободном состоянии, то есть не складывались в молекулы, образуя частицы вещества или материи. И не делились на более мелкие элементарные частицы.

— Любопытно.., — пробормотал Егор, поражаясь дерзкой, но понятной гипотезе.

— Не было никакого движения, — уверенно продолжил малыш, — все пространство заполнял неподвижный кисель

из атомов. И не существовало времени — оно находилось в своей нулевой отметке.

— А потом? Что было затем? Как все началось?

— Потом? Потом пришел Он, — торжественно произнес «тигренок», выделяя слово «он». — И запустил Юлу.

— Кто — Он?

— Создатель. Тот, кого земляне называют Богом.

— Что, значит — запустил юлу? — с опаской осведомился Егор, подозревая, что ребенок уже малость перегрелся и заговаривается.

— Он создал круговой вихрь. Нечто вроде синхрофазотрона. Атомы пришли в движение, вращаясь и все более ускоряясь. Сначала медленно, а потом все быстрее начался и отсчет времени. Юла раскручивалась с неимоверной скоростью, которую трудно вообразить, сгущая атомы и перемещая их к единому центру..

Егор закрыл глаза, воображая себе этот фантастический процесс.

— И, наконец, собрав их всех в одну бесконечно малую точку, — буднично закончил малыш, прервав красочные видения своего старшего товарища.

— А что осталось вокруг точки? Пустота?

— Ничего не осталось.

— Как ничего? Ничего быть не может. Было же пространство, заполненное атомами. Значит, осталась какая-то пустота. Вакуум, например, — попытался вести научную дискуссию на равных Егор.

— Нет. Не было ничего. Только точка и больше абсолютно ничего. Это трудно постичь, понять и воспринять нашим земным разумом, но такова истина. Пространство также полностью свернулось.

— Охренеть! — Егор был вполне искренен. — Это нельзя себе представить...

— Да. Это невозможно вообразить и придется принять на веру, как данность, — малыш усмехнулся совсем по взрослому.

— И затем.., — Егор по-новому взгляделся в незамысловатый рисунок, осмысливая нарисованное.

— Затем произошел Большой взрыв. И точка с неимоверной скоростью стала раздвигать свои границы. Наступил полный предел сжатия. Как воздушный шарик лопается, когда наступает предел сжатия, только здесь наоборот.

- Верно. Так говорит теория Расширяющейся Вселенной.
- Но и процесс расширения не бесконечен. Наступает такое состояние, когда материя уже не в силах продолжать свой бесконечный путь и вновь начинается процесс ее сжатия.

Егор зачарованно смотрел на рисунок. Он впервые слышал такое простое и, в то же время, раскрывающее суть явления объяснение.

— Представим, что это наш земной глобус, — продолжил ребенок, — Вселенная начинает расширяться с точки, расположенной на Северном полюсе, — он возвратил острие карандаша в первую жирную точку.

Все свои слова он сопровождал перемещениями карандаша.

— На экваторе она достигает максимальных размеров и затем начинает сжиматься до точки на Южном полюсе.

Об этом Егор слышал впервые. А заостренный конец карандаша рукой малыша был отправлен на противоположный конец глобуса и сделал там вторую жирную точку.

— Время при этом начинает течь обратно, — спокойно констатировал ребенок.

Егор буквально раскрыл рот.

— Я думал, что это сказки и выдумки фантастов. Об обратном времени, о путешествиях в прошлое и будущее...

— И вот Вселенная вернулась в свое первоначальное состояние в виде бесконечно малой точки, — подытожил малыш, — и вновь наступил предел сжатия...

— Но почему ты изобразил последовательно цепочку глобусов?

— Это и есть пульсация Вселенной. Она непрерывна и бесконечна.

Глава седьмая

СУПЕРХАКЕР

— Есть след, товарищ генерал-лейтенант, — оперативник протянул синенькую папочку с распечатками и застыл возле стола, — Закатин посетил интересные сайты в Интернете.

— Присаживайтесь, — заместитель председателя ФСБ открыл папку и взгляделся в первую распечатку.

— Ничего себе, тихоня, — присвистнул он. — Взломал базы данных нескольких университетских библиотек.

Генерал-лейтенант быстро просмотрел представленные материалы. Лицо его было непроницаемо, и лишь подрагивающие пальцы руки выдавали его эмоции. Он поднял глаза на оперативника.

— Сколько времени он на это затратил?

Тот молча указал на цифру в одной из колонок.

— Чуть более минуты... Это что, действительно возможно?

— Суперхакер какой-то..., — оперативник пожал плечами в знак полной своей обескураженности.

— Та-ак. Увлекательная раскладка получается... А где сами статьи, которые он вытащил из закрытых архивов библиотеки?

— В отделе переводов. Там мучаются уже третий час — тексты содержат массу специальных терминов и понятий, различные технические нюансы.

— Какова их общая тематика?

— Волновые перемещения в пространстве-времени.

— Перемещения чего?

— Я не специалист, товарищ генерал-лейтенант. Вот на листке записал, что мне дали первоначально переводчики, — оперативник протянул квадратик бумаги.

— Р. Пенроуз. «Некоторые аспекты теории сингулярности», Дж. Бикенстин. «Основы частично-волнового дуализма», — вслух прочел заместитель главы ФСБ, — что бы это значило?

Наступило некоторое молчание. Генерал-лейтенант задумчиво потирал горбинку носа указательным пальцем, а оперативник ел глазами начальство, ожидая команды.

— Ладно, — наконец молчание было прервано, — продолжайте отслеживать все реальные и виртуальные перемещения Закатина. Как только будут готовы переводы статей этих заморских ученых — сразу ко мне. Прямо сейчас же отправьте машину за директором научно-исследовательского института ядерной физики при Академии наук Колбановым и доставьте его непосредственно ко мне.

— Разрешите идти?

— Идите. Да, минуточку...

Оперативник, уже развернувшийся к двери, приостановился.
— ... И составьте мне справку.., — генерал-лейтенант вновь потер нос, — как это сформулировать... В общем, о способности... Или нет, о технической возможности такого вот быстрого проникновения в кодированный сайт. Вы меня поняли? Может ли, без специальной хакерской программы, сделать такой фокус обычный пользователь сети Интернета?

— Это я Вам сразу могу сказать — нет. Даже специалисту это не под силу, а..., — но, натолкнувшись на укоризненный взгляд начальника, прервался, — слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант.

Когда дверь за оперативником закрылась, генерал еще некоторое время сидел неподвижно и перебирал принесенные ему листочки. Лицо его было хмурым, а взгляд неподвижным. Наконец, он, видимо, принял решение.

— Асадов, — он ткнул клавишу селектора, — зайди ко мне.

Ладно сидящий модный костюм с ярким галстуком все же неуловимо уличал вошедшего черноволосого крепыша в принадлежности к офицерскому корпусу. В выпрямке ли было дело, в застегнутом ли на все пуговицы пиджаке, или в волевом выражении красивого восточного лица — но факт оставался фактом. Внимательный наблюдатель подметил бы, при желании, и легкий прищур глаз, способных к быстрому принятию решений и привычных смотреть в лицо любой опасности, и грацию хищного зверя, пробивающуюся сквозь ленцу неторопливой походки. Крепыш подобрался, сразу же подметив сумрачное настроение хозяина кабинета. Должность его именовалась витиевато: начальник управления защиты конституционного строя и сил быстрого реагирования.

Генерал-лейтенант махнул рукой, предваряя попытку доклада и приглашая садиться.

— Надлежит взять под «колпак» один заинтересовавший нас объект, — короткая фраза поставила задачу, — здесь его координаты и характеризующие материалы, добытые оперативным и обычным путем.

Он протянул собеседнику компьютерную флэш-карту.

— Есть! — крепыш сунул крохотный серый пенальчик в боковой карман пиджака и всем своим видом показал, что готов внимать уже более развернутой формулировке по поставленной задаче.

— Что-то мне подсказывает, что этот человек, фамилия его Закатин, не одиночка, — доверительно продолжил хозяин кабинета. — Возможно, он член какой-то группы, пока непонятной направленности. Речь идет о секретах государственного масштаба. Каким-то образом, в зашифрованном виде, они оказались в руках этого субъекта, ранее никогда не попадавшего в наше поле зрения.

Начальник управления лишь коротко склонил голову, показывая, что услышанное им усвоено и отложено на соответствующей полочке памяти.

— Следует круглосуточно, с помощью спецтехники и, по возможности, визуально отслеживать и фиксировать абсолютно все его телодвижения. Любая мелочь должна быть соответствующим образом зафиксирована, проанализирована и задокументирована. Понятно, что тщательному контролю подлежат все средства его связи — мобильник, Интернет и прочие. И, естественно, все его контакты, с немедленным запуском контактеров в оперативную разработку. Каждый контактировавший с ним человек, в свою очередь, должен быть взят под «колпак». Докладывать мне лично каждые шесть часов, а в случае необходимости — немедленно, в любое время суток.

— Будет исполнено, товарищ генерал-лейтенант.

— Александр Викторович, — ожило селекторное устройство мелодичным голосом секретарши, — к вам — Колбанов Николай Фомич.

— Пусть заходит. И сделайте нам по чашечке кофе. — Затем, обратился к Асадову: — Возможно, придется спровоцировать объект на какие-то активные действия. Продумайте этот вопрос.

— Есть, — начальник управления ловко крутанулся на каблучках, поворачиваясь к двери, и посторонился, пропуская бородатого профессора.

Генерал встал со своего кресла и двинулся навстречу вошедшему, протягивая руку для рукопожатия.

— Здравствуйте, Николай Фомич. Присаживайтесь, — хозяин кивнул в сторону приставного столика для посетителей и сел не в свое кресло, а напротив гостя, демонстрируя посетителю свое расположение.

— Добрый день, — профессор охватывающим жестом ладони погладил свою бороду и выжидающе посмотрел на собеседника.

— Удалось что-нибудь еще выяснить по этой криптограмме? — генерал не стал тратить время на обычные условности, предваряющие основную тему разговора.

— Да. Хотя и немного.

— Я — весь внимание.

— Мы начали расшифровывать лишь начало первого листка. И уже масса новейших знаний. Хотя знаниями, в полном смысле этого слова, их назвать нельзя... Скорее новой информации, которая нуждается в осмыслении и проверке доступными нам научными методами.

— Я не специалист, — извиняющимся тоном сказал генерал, — поэтому, если вы не возражаете, я включу диктофон.

— Какие могут быть возражения...

— Тогда начнем, — генерал нажал одну из кнопок на своем многофункциональном селекторе.

— Во вступлении, если это можно назвать вступлением, — осторожно подбирая слова, начал профессор, — неизвестный автор предупреждает о наличии во Вселенной некой силы, стремящейся к доминированию над всей существующей материей. Эту силу мы, земляне, называем Темным веществом.

— Темное вещество действительно существует?

— Да. Но мы имеем о нем совершенно иное представление, нежели то, что преподносит нам этот автор.

— Доказательно преподносит?

— Как тут сказать, — профессор помедлил, — обо всем этом можно судить лишь по прочтении всех записей. Если нам это удастся. Ну, например, раскрывается тайна гибели динозавров на Земле.

— Кажется, наука выдвигает десятки гипотез на эту тему, — генерал показал свою некоторую осведомленность о предмете.

— Но эта гипотеза еще не озвучивалась...

В кабинет впорхнула секретарша с подносиком в руках, на котором стояли две чашки дымящегося ароматного кофе, пакетики с сахаром и блюдечко с печеньем.

— Спасибо, Лилечка, — генерал жестом показал, куда поставить принесенное.

— Это знание совершенно новое, — удрученно произнес профессор, принимая из рук генерала чашечку с кофе, — и я бы сказал — невероятное... Невероятное не в смысле, что такого

не могло быть, а ошеломляющее своей новизной, совершенно иным представлением о процессах, происходящих в недрах Вселенной.

Он понюхал вздывающийся от кофе аромат, удовлетворенно прищурился и отхлебнул первый глоток.

— Неизвестный автор утверждает, что гибель динозавров произошла в результате столкновения скоплений галактик, находящихся в районе созвездия, известного нам под названием Волосы Вероники..., — профессор приостановился, желая насладиться эффектом от произнесенных им слов.

— Столкновения... скоплений... галактик..., — раздельно повторил хозяин кабинета, — но это же полная чушь! Даже мне неспециалисту понятно...

Он потер пальцами горбинку носа, что свидетельствовало об активной мозговой деятельности.

— Хотя... Если вследствие столкновения образовалось какое-либо смертоносное излучение... И то... На таком расстоянии... Погодите-погодите! Вы сказали столкновение скоплений галактик? Разве такое возможно? Это же грандиозный космический катализм!

Как и любой ученый муж, профессор не упустил возможности насладиться эффектом парадоксальной фразы.

— Именно! — подтвердил он. — Так сообщает этот таинственный автор. А возможно ли подобное... Не берусь ни утверждать, ни отрицать. Науке известны случаи столкновения отдельных галактик... Возможно, вы этого не знаете, но количество звезд в рядовой галактике, типа нашего Млечного пути, составляет от ста пятидесяти до двухсот мил-ли-онов.

Директор института сделал паузу, чтобы до собеседника дошел смысл этой чудовищной цифры.

Но генерал лишь кивнул головой, лишний раз подтверждая, что и он не лыком шит и кое-что изучил по данной теме в преддверии этой беседы.

— Скопления же галактик насчитывают в своих рядах иногда многие тысячи членов, — продолжил профессор. — То есть в гигантском побоище, по-другому и не назовешь, сойдутся сотни тысяч миллиардов звезд, таких как наше Солнце.

Тут уже генерала проняло. Он вновь рванулся рукой к многострадальной переносице, но передумал и лишь резко дернул головой.

— Сотни тысяч миллиардов звезд.., — тихо повторил он, — сотни тысяч миллиардов... Это невозможно представить.

— Да, — сказал профессор, — это вообразить трудно даже мне — человеку, избравшему своей профессией изучение Вселенной.

— И когда это произошло?

— Не менее одиннадцати миллионов лет назад.

— Откуда такая цифра?

— От созвездия Волосы Вероники до Земли порядка восьми миллионов световых лет. Динозавры на нашей планете вымерли около трех миллионов лет назад. Сумма этих цифр и составляет время, прошедшее с момента этой катастрофы.

— Значит, они погибли все-таки от смертоносного излучения, двигавшегося к нам со скоростью света, — предположил генерал.

— Нет. Но я опять же опираюсь на сообщение нашего неизвестного автора — динозавры погибли в результате воздействия гравитационных волн, возникших в месте грандиозного взрыва Гиперсверхновой звезды, вовравшей в себя энергию всех звезд, входящих в эти скопления.

— Немного подробнее.

— Гигантский взрыв вызвал невиданную генерацию гравитационных волн. Как круги на воде от брошенного камня. Конечно, с расстоянием они слабели, и Земли достигла всего лишь гравитационная рябь. Но и этого оказалось более чем достаточно, чтобы мгновенно умертвить все живые существа, имеющие большую массу. Проще говоря, допотопные ящеры умерли от разрыва сердца, которое не в силах было справиться со страшной трясучкой, поразившей разом все составляющие организма. И современная наша наука не может отвергнуть этой гипотезы. Это вполне возможно.

— Мне придется еще не раз включать диктофон, чтобы как-то систематизировать и осмыслить сказанное вами. Но вернемся к Темному веществу. При чем здесь оно?

— Дело в том, опять оговорюсь — это мнение автора этих листков, что сие столкновение было вызвано искусственно.

— Искусственно? Но кем?

— Тем самым Темным веществом. Это была одна из первых его попыток уничтожения материи на обширнейшем участке Вселенной.

— Знаете, Николай Фомич! — генерал криво усмехнулся. — Я, конечно, не могу не верить вам...

— Не мне! — разгорячился профессор, — не мне... Хотя я лично допускаю, на основании уже полученных нами сведений, что такое вполне могло произойти.

— Каким образом.., — было заметно, что генерал устал от столь мощного потока запредельной информации. — Каким образом это самое Темное вещество может бесследно уничтожить материю...

— Я, вероятно, не совсем точно выразился. Бесследно ничего не исчезает, так учил еще великий Ломоносов. Я хотел сказать: уничтожить материю, как таковую, превратив ее в мертвую субстанцию и, в конечном итоге, в то же Темное вещество. В самое себя...

— В самое себя.., — голос генерала был безжизненен.

— Ну, да! Взрыв такой Гиперсверхновой звезды образует впоследствии чудовищных размеров «черную дыру», а оттуда уже всего лишь один шаг до превращения содержимого «черной дыры» в Темное вещество... Так утверждает автор и в подтверждение приводит многие математические и физические выкладки. И с этим трудно не согласиться...

— И вы согласны с этой...

— Галиматьей! — оживленно подхватил профессор. — Представьте, готов согласиться. Этому есть подтверждение, которое мы сейчас наблюдаем.

— Поделитесь, — голос генерала стал ироничным, его ирония была обычным средством защитной реакции против вторжения в сознание чего-то непонятного и неудобоваримого.

— Пожалуйста. Сейчас наши телескопы фиксируют расплывающуюся туманность в районе созвездия Волосы Вероники. Это остатки межзвездного газа после произошедшего взрыва. Они простираются на миллиарды миллиардов километров и струятся, как длинные женские волосы на ветру — отсюда и название созвездия. Вы, вероятно, знаете, что свет от далеких галактик содержит историческую информацию о том, что в них творилось десятки миллионов лет назад. Мы наблюдаем сейчас страшно далекое прошлое. А в центре туманности существует мощный источник излучения. Это и есть «черная дыра». Что же касается...

— Погодите, в чем все-таки ее сущность?

— Предполагается, что черные дыры образуют вокруг себя новые галактики и своей колоссальной гравитацией предохраняют их от разлета. Так же, как Солнце удерживает в поле своего тяготения планеты Солнечной системы. Только неизвестно, какова природа этого процесса, он весьма непрост и загадочен. Проще говоря — зачем это черной дыре, которая, напротив, стремится заглотить все, что находится поблизости от нее.

Академик не подозревал, что последняя фраза является пророческой. Это было нужно Темному веществу, чтобы не гоняться за одиночными разлетающимися звездами, на что требовались значительное время и нешуточная энергия.

— Извините, Николай Фомич, — генерал улыбнулся бледной улыбкой, — давайте перенесем нашу беседу на завтра. Понимаете, мозг уже не воспринимает ничего, как в том анекдоте... Я постараюсь дополнительно изучить сказанное вами и составить хоть какое-то представление о проблеме, если она есть.

— Проблема есть, — уверенно сказал профессор, — правда, я и сам пока не пойму ее сути и возможной опасности.

— Договорились, — генерал протянул руку на прощание.

Глава восьмая

ПОЖИРАТЕЛИ КОСМОСА

— Я купила вам пельменей, — оживленно щебетала Ирина, выкладывая на кухонный стол две пачки пельменей, кусок костромского сыра и четвертушку черного хлеба.

— Да, у меня..., — начал Егор, слегка краснея и смущенно отводя глаза.

— Знаю я — что у тебя..., — Ирина торжествующе распахнула дверцу холодильника, — ой, что это?

Она брезгливо, двумя пальчиками, вытащила нечто прямоугольное, покрытое серо-зеленым пухом и стала пристально всматриваться в находку.

— Плавленый сырок, — выдавил из себя Егор, тщетно изображая снисходительную улыбку.

— Был, — буркнула Ирина, — это же выращивание плесени в домашних условиях. Если ты собираешься открыть пенициллин, так он уже давно открыт Флемингом.

Егор протянул руку к бывшему представителю дешевых сыров, которые, в основном, шли на закуску пьяницам, но Ирина повела плечом в сторону.

— Не-ет, — протянула она, — еще слопаешь, чтобы добру не пропадать. Где у тебя мусорное ведро?

Егор с крайне несчастным видом открыл дверцу под мойкой.

Димка все это время молча стоял у двери, глядя на них большими серьезными глазами.

— И что ты сделал с моим сыном, — продолжала Ирина, запихивая одну пачку пельменей в совершенно пустой, увы, морозильник, — все время рвется к тебе. Забросил все игрушки. Рассматривает картинки в каких-то научных книжках, сам что-то рисует...

В холодильник она положила сыр и еще раз внимательно взгляделась в его малосодержательное нутро.

«Знала бы ты, что он рисует, — подумал Егор, — а если бы еще и проведала, что не картинки разглядывает, а...»

— Сам сваришь? — Ирина оставила на столе вторую пельменную пачку и хлеб, но метнула на Егора подозрительный взгляд, — или..., — она взглянула на часы, — ...ох, кажется, опаздываю!

Ирина работала только по вечерам в бывшем Дворце пионеров. Она вела там два кружка для детей. Рисование и лепку из пластилина, как доложил однажды Егору малыш, недовольный тем, что и его хотят вовлечь в эти промыслы. Конструкторы и различные виды техники — это Димка обожал и мог часами возиться с ними, что-то переделывая и изобретая.

— Если буду поздно — там сегодня родительское собрание, — отведи Димку домой и уложи спать. Если не трудно... Вот тебе запасные ключи от квартиры.

— Не трудно, — Егор сунул ключи в карман джинсов, с удивлением нащупывая там еще какой-то предмет.

— Все, побежала! — и Иркины каблучки зацокали уже на лестнице. Видимо, лифт был занят, и для быстроты она спускалась пешком. Она была весьма спортивной. Хотя Егор не

раз поражался ее умению бегать на шпильках, да еще и по ступенькам.

Егор вздохнул, закрыл за ней дверь и вытащил непонятный предмет из кармана вместе с ключами. Им оказался весьма оригинальный брелок в форме крохотного, но действующего разводного ключа.

— Ой! Совсем забыл, бы-бы-был, — радостно пропел он на манер Винни-Пуха, решавшего, к кому бы отправиться в гости по утрам.

Диковинный брелок будущий ученый-филолог выменял вчера у одного студента, предложив взамен газовую зажигалку в виде пистолетика. Бормоча Винни-Пухову песню о прелестях утреннего хождения по гостям, Егор открыл одну створку встроенного шкафа, находящегося в прихожей, и окинул его содержимое вожделенным взглядом, по крайней мере, коллекционера скальпов.

Все три стены шкафа, от пола до потолка, были утыканы рядами разнокалиберных гвоздиков. А на каждом из них, кое-где и по два, висели брелки для ключей. Они были самой разнообразной формы, а многие из них имели еще и иное предназначение. Брелки здесь имелись на любой вкус: музыкальные, оптические, говорящие, измерительные, в виде различных бытовых инструментов и приспособлений и даже непристойного характера, правда, последние были закрыты специальной ширмочкой.

Свободными оставались лишь несколько боковых рядов. Егор любовно оглядел свои сокровища, решая, куда поместить новую добычу. Прикинув, он переместил один из брелков непонятного назначения из участка, занятого бытовыми приспособлениями, в свободный боковой ряд, а на освободившееся место повесил результат недавнего обмена. Малыш молча стоял сзади и тоже смотрел, но в его глазах уже не светилось прежнее восхищение приобретениями своего взрослого друга.

Егор алчно причмокнул губами, поправил один из брелков и, закрыв шкаф, повернулся к юному гостю.

— Сегодня нам понадобится телескоп, — неожиданно сипло сказал малыш.

— Ты что — простыл? — заботливо осведомился Егор.

— Да нет.., — промяглил мальчуган и покраснел.

«Э, да он для придания солидности пытается говорить басом», — догадался Егор, но промолчал и двинулся по направлению к балкону.

— Куда его наводить, — спросил он, устанавливая телескоп на штатив, — на Персей?

— Нет. На Плеяды.

— На Плеяды? — Егор забыл, что уже отучился удивляться.

— Да. Я хочу показать тебе его в деле?

— ???

— Темное вещество, — пояснил малыш, заметив немое удивление взрослого собеседника.

Егор для порядка заглянул в звездный атлас, хотя и знал, где находится это околополюсное звездное скопление, прозванное в народе Стожарами за яркость и одновременно размытость. Строго говоря, Плеяды нельзя было назвать созвездием, так как они представляли из себя громадные скопления галактик, состоявшие из миллиардов миллиардов звезд. Астрономия относила Плеяды к созвездию Тельца. Освежив координаты, он навел телескоп и предложил жестом свое место малышу.

Тот подкругтил еще колесики и взгляделся в окуляр.

— Вот смотри, — наконец произнес он, — они спровоцировали столкновение скоплений галактик и пожирают их.

— Они?

— Да. Это они. Завоеватели Вселенной. Земляне знают их под названием Темное вещество.

Егор приник к окуляру. Действительно слева на Плеяды наползalo что-то черное, гасящее блеск далеких звезд.

— Вижу, — хрипло сказал он, — оно уже добралось до самой яркой звезды Альционы.

— Не добралось, — по-взрослому усмехнулся малыш, — оно давно поглотило эту звезду. Как и Плеяды в целом. Мы видим лишь далекий отголосок космической катастрофы, произошедшей около трех тысяч лет назад. Лучи света еще долго будут долетать до Земли из прошлого, показывая мнимые Плеяды, которые уже давным-давно не существуют...

Егор знал об этом парадоксе в целом, но сказанное малышом потрясло его своей реальностью и масштабами.

— Тебе известно, что из себя представляет Темное вещество? — чуть помедлив, спросил он.

— Это неорганическое вещество, которое не обладает высшим разумом, но способно, соединяясь в структуру, что-то наподобие гигантской рыбацкой сети, производить практически любые операции с материей.

— Ты сказал — оно не обладает разумом...

— Высшим разумом, — поправил малыш, — но мыслить может. Примитивно и прямолинейно. Пожалуй, даже многие земные животные умнее, если можно так выразиться, чем Темное вещество.

— Операции с материей? Что ты имеешь в виду?

— Оно превращает любые виды материи — звезды, планеты, межзвездный газ и прочее — в Темное вещество, захватывая постепенно все новые области Вселенной.

— Преобразует материю в себя самое, — потрясенно проговорил Егор. — Для чего?

— Оно хочет превратить всю Вселенную в Темное вещество, то есть, в конечном итоге, стать Вселенной.

Егор надолго замолчал. Картина, представшая перед его разумом, не поддавалась пока полностью осмыслению. Но даже размытая и нечеткая, не сформировавшаяся в единое целое страшная перспектива угнетала психику и инстинктивно глушила воображение, чтобы не повредить мозг.

Молчал и малыш, вновь глядываясь в необъятные и бесконечные просторы, заполненные звездами, многие из которых уже погасли и превратились в карлики либо черные дыры, а многие были поглощены невидимым страшным врагом. Звезды обманывали. Испускаемый ими свет рассказывал лишь об их далеком прошлом, какими они были иногда миллиарды лет назад. Истинной картины Вселенной землянам увидеть было не суждено никогда. Звезды лгали. И малыш знал об этом.

— Они... Эти завоеватели — знают о нас? — наконец промолвил Егор, нарушив молчание. — О земле? О людях?

— Не только знают, — малыш сокрушенно вздохнул, — они нас создали. С вполне определенной целью.

— Вообще-то принято считать, что нас создал Бог, — возразил Егор, который был ошеломлен и этим новым известием и просто сказал первое попавшееся, лишь бы не дать взорваться в голове комку этой чудовищной информации. — Или по-другому Создатель...

— Создатель сотворил Вселенную в целом. И запустил ее. А нас, то есть планету Земля и всех ее обитателей, создали они. И еще много таких островков во Вселенной, населенных разумными существами.

— Но с какой целью? Почему они нас не превращают в свою плоть — в Темное вещество?

— Мы им нужны, — и малыш посмотрел на собеседника не по-детски тоскливым взглядом.

— Для чего? В качестве пищи? Неприкосновенный запас?

— Нет. В качестве высшего разума. Они, если можно так выразиться, выдавливают наше сознание, наши мысли, наши идеи, чтобы синтезировать их с помощью образованного ими гигантского искусственного мозга и окончательно преобразовать Вселенную.

— То есть они нас фактически разводят, как нужную им органическую культуру? Как люди разводят животных и растения?

— Да. Можно сказать так. Они разбрасывали ростки различных форм жизни на благоприятных для развития органических культур планетах. И время от времени навещают их, определяя зрелость цивилизаций и пригодность их достижений для своей зловещей цели.

— И, побывав на Земле, чтобы посмотреть, как созревает их урожай..., — со злой иронией начал Егор.

— И, побывав на Земле, — спокойно продолжил малыш, — они увидели настоящее чудо...

— Если они, конечно, способны воспринимать чудеса...

— Они способны постигать суть явлений и фактов. И они обнаружили, что за какие-то ничтожные несколько тысяч земных лет...

— Увы... В масштабах Вселенной это сущий мизер, — согласился Егор, — все равно, что десятитысячная доля секунды в жизни человека.

— ...Эта жалкая беззащитная органика совершила невозможное. Люди полностью преобразовали планету. Они сделали массу удивительных открытий и изобретений. Но, главное, им уже было мало Земли. Они рвались в космос.

— И космос стал раскрывать перед ними свои тайны, — увлеченно продолжил Егор.

— Да. Затерявшись на краю громадной галактики, имеющей в поперечнике около тридцати парсеков и состоящей из более чем ста миллиардов звезд, — малыш вздохнул, — среди которых наше Солнце не выделяется ничем особенным... люди сумели точно определить свое местонахождение среди них, назвав свою галактику Млечным путем. При этом находясь на, в сущности, крохотной планете и не покидая ее.

— Более того, земляне обнаружили множество других галактик, — гордо добавил Егор, — зафиксировали основные процессы, происходящие во Вселенной, и сформулировали ее ключевые законы.

— Предвидя, что люди, развиваясь, будут искать способы освободиться от зависимости от Темного вещества, оно дало мизерный срок на существование отдельно взятой особи.

— Увы, сто лет жизни в масштабе Вселенной — вообще не время, а просто крохотный кусочек мига, — согласился Егор, — к тому же лишь полпроцента землян доживают до такого возраста.

— Да. Темное вещество опасалось, что, живя относительно долго, скажем несколько тысячелетий, человечество сможет познать суть материи и посягнуть на планы завоевания Вселенной. — Однако человек и здесь изловчился. Он искусственно продлил свою жизнь...

— Что-то я об этом впервые слышу, — осторожно заметил Егор.

— Не абсолютно, а относительно. Время осталось то же, но люди разбили его на годы, месяцы, недели, дни, часы, минуты и секунды. И разбив свою жизнь на маленькие отрезки, части и частички, они научились сполна их использовать, вплоть до мгновений.

— И что это дало, — не совсем понял Егор.

— Увеличение производительности труда, если сформулировать очень кратко. И ускорение темпов научного прогресса. Если, например, семьсот лет назад минута в масштабах планеты ничего не значила, то теперь за эту минуту производится продукции в миллионы раз больше, чем те же семьсот лет назад всеми обитателями Земли за год. Люди научились не только сохранять полученные ими знания, но приумножать их и передавать потомкам. И Темное вещество все-таки уловило эти непредвиденные им ранее и очень опасные тенденции.

Егор застыл, восхищенный простотой действий, давших такие плоды.

— Но, самое главное, заключалось не в этом, — малыш загадочно улыбнулся.

— А в чем же?

— Ненасытные пожиратели космоса поняли, что люди открыли некоторые законы времени.

— Законы времени? Но при чем здесь время? — удивленно вскричал Егор.

— Время — единственное, что неподвластно Темному веществу. Время, которое соединяясь с Пространством, создает Движение. А Движение обеспечивает последовательное расширение Вселенной, которая сейчас пока раздувается, как воздушный шар, но, дойдя до определенного коллапсического состояния, начнет вновь быстро сжиматься...

— И превратится в итоге в бесконечно малую точку.

— Совершенно верно. И при этом вся живая и неживая материя погибает безвозвратно, в том числе и Темная материя.

— Но затем вновь происходит Большой взрыв, — сказал Егор, — и Вселенная снова начинает расширяться.

— Не совсем так. Большой взрыв был самым первичным, когда Создатель запустил Юлу и привел материю в движение.

— А потом?

— Потом Создателю удалось сделать модель автоматически пульсирующей Вселенной. И эти циклы: сжатие до точки и расширение до бесконечности происходят постоянно — один раз в сто миллиардов земных лет.

— То есть Создатель сделал все, для того чтобы не дать Вселенной погибнуть?

— Именно так. И эта пульсация не дает времени Темному веществу захватить полностью все пространство.

— Значит Время.., — ужасная истина, наконец, дошла до Егора.

Он вскочил и приложил кулаки к своим вискам, сжимая их и как бы препятствуя истине вырваться наружу.

— Они хотят остановить Время! — вскричал он.

— Да, — сумрачно произнес малыш, — и если Время остановится, то Материя перестанет находиться в движении. Процесс пульсации прекратится.

— И все застынет...

— Увы. Материя перестанет в полной мере быть таковой и будет превращаться сначала в черные дыры, а затем и в Темное вещество. Вся Вселенная станет Темным веществом и навечно застынет. Жизнь уже никогда не возродится...

Егор сокрушенно покачал головой и закрыл глаза. Он попытался представить себе этот чудовищный космический катаклизм и не сумел. Разум отказывался верить в услышанное. Слова, зафиксировавшиеся в памяти, никак не могли преобразоваться в образы, поскольку картина была попросту невообразимой.

— Таким образом, с нашей помощью они намерены полностью уничтожить существующую Вселенную? — наконец глухо спросил он.

— С нашей помощью и с участием Создателя.

— И что же Создатель?

— Создатель не позволит этому случиться. Для этого он и создал канал связи на Землю, к которому случайно прикоснулись мы. Он ждет нашей помощи в своем освобождении из пут черной дыры.

— А как ты доберешься до Создателя?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Я не знаю самой сущности способа перемещения в пространстве, — поправился малыш. — С помощью того самого луча, по которому Создатель направил информацию, случайно попавшую на твой телескоп...

— Случайно ли, — усомнился в душе Егор, а вслух спросил, — как именно?

— Создатель объяснил только в общих чертах...

— Он пришлет за тобой космический корабль?

— Если бы, — печально усмехнулся малыш. — Нет, космические межзвездные корабли невозможны в принципе.

— Невозможны? — Егор не просто поразился, но даже обиделся за земную науку и инженерию.

— На то есть множество материальных причин.

— Но мы, земляне, уже построили космические корабли, которые преодолели не только земное притяжение, но и притяжение Солнца. Некоторые из них ушли за пределы солнечной системы.

— С их смехотворной скоростью даже до ближайшей звезды Альфа Центавра — Проксимы они будут добираться сотни тысяч лет.

— Скорость будет увеличена, — уверенно произнес Егор.

— Конечно, будет, — спокойно согласился малыш, — но у нее есть свой материальный предел — скорость света. Достигнувшее ее тело просто превращается в энергию без всякой перспективы дальнейшего увеличения скорости.

— Ну, пусть — с околосветовой, — не сдавался Егор. — Все равно долетим.

— Скорость света, — мягко констатировал малыш, — почти триста тысяч километров в секунду. А световой год, в переводе на земные расстояния, составляет около 9,5 триллиона километров. И является величиной в общем-то смехотворной в масштабах Вселенной. До той же Проксимы 4,3 световых года. А сегодня земные корабли могут передвигаться со скоростью около шестнадцати, даже не тысяч, а просто шестнадцати километров в секунду. Но суть не в этом...

— А в чем же?

— Даже двигаясь со скоростью света, до ближайших звездных систем придется лететь многие десятки лет. Да еще и назад возвратиться — иначе сам полет теряет свой смысл.

— Человек научится жить гораздо дольше, победит все болезни, — упрямо сказал Егор.

— Хорошо, — согласился малыш. — Но где взять столько энергии... Я уже не говорю, как ее аккумулировать или сконцентрировать на корабле. Для получения такого количества энергии потребуется превратить в нее всю планету... Впрочем, возможно, требуемая энергия будет даже сопоставима со всеми запасами Солнца, а то и всей солнечной системы.

— Научимся, — уже не так уверенно произнес Егор.

— Научимся, — эхом откликнулся малыш. — Но есть еще самая главная преграда.

— Какая?

— Само преодолеваемое пространство. Космос не пуст, это не вакуум в чистом виде. Он заполнен различными мелкими частицами, камушками, песком, пылью, межзвездным газом.

— Но они крайне разрежены в пространстве.

— Да. Но не будем забывать, что кораблю за одну секунду придется преодолевать триста тысяч километров. Расстояние не

маленько даже по космическим масштабам. И пусть на один километр пути встретится хотя бы по пылинке... Представляешь? Космический корабль будет подобен рыбе, пытающейся прорваться сквозь твердый металл. Он мгновенно сгорит или взорвется.

Егор представил и уныло опустил голову. Картина была действительно безрадостной. Но затем встрепенулся.

— А как же ты собираешься добраться до Создателя? Ведь до Алголь миллионы световых лет! Миллионы лет потребуются при движении с околосветовой скоростью, чтобы достичь этой потухшей уже звезды!

— Я знаю лишь принцип почти мгновенного проникновения через пространство, — пожал плечами малыш. — А остальное будет сделано Создателем.

— Объясни же мне!

Малыш надолго задумался.

— Земляне еще не изобрели понятий и терминов, могущих проиллюстрировать этот процесс. Начать сейчас объяснять — это будет примерно то же, что ежик примется втолковывать кролику принцип работы двигателя внутреннего сгорания.

— Ну-ну, — попытался обидеться Егор на кролика, но затем сообразил, что и ежик-то точно такой же специалист, как и кролик.

— Ну, хоть в самых общих чертах.

Малыш еще раз задумался, а потом взял со стола листок бумаги и шариковой ручкой поставил на противоположных его сторонах две точки.

— Вот, — он ткнул концом ручки в одну из точек, — это планета Земля.

Егор кивнул головой, хотя кивать было еще рано.

— А — это, — малыш ткнул в другую точку, — звезда Алголь. Между ними, — он провел линию между точками и продолжил, — неисчислимые миллиарды миллиардов километров, преодолеть которые обычным прямым путем невозможно.

— Значит...

— Значит, — подхватил малыш, — нужно искривить само пространство и сократить тем самым расстояние.

Он взял листок за концы, посмотрел его на свет, а затем согнул бумагу с двух сторон и совместил обе точки.

— А дальше?

— Дальше, — малыш острием ручки пробил двойную поверхность бумаги со стороны воображаемой Земли точно в месте совмещения точек, — дальше вот — я уже мгновенно очутился на Алголе.

— То есть пространство искривлено настолько, что искомые его объекты оказались рядом друг с другом? — поразился Егор.

— Да, — просто констатировал малыш, — на самом деле, конечно, все гораздо сложнее, но принцип достижения цели через пространство именно этот.

Егор вновь задумался, но ненадолго.

— Хорошо, — решительно сказал он, — иди домой и собирайся в дорогу. Возьми с собой то, что, по твоему разумению, может понадобиться тебе там.

Малыш согласно кивнул головой.

— Мне нужно сконструировать еще один прибор, — озабоченно сказал он. — Может у тебя есть электрический фонарик?

— Фонарик?

— Ну, да. Обычный электрический фонарик. Только небольшой.

— Сейчас принесу, — пообещал Егор, — он у меня где-то в туалете, на полке. А под вечер приходи. Если успеешь.

— Успею, — уверенно ответил малыш.

Ни он, ни Егор не подозревали, что их планам помешает очень скорое вмешательство новой могущественной силы.

Глава девятая

ВАРИАНТ «КОНТРО»

Генерал-лейтенант молча мерил шагами свой просторный кабинет. Иногда он останавливался перед висевшим на стенах портретом президента и подолгу смотрел на него, как бы исполняя некий ритуал. Следовало принять неординарное решение, и он несколько колебался, хотя обычно подобного рода дилеммы разрешались мгновенно. И столь же незамедлительно принятное приводилось в исполнение.

Кто он, этот Закатин? Действительно непризнанный гений либо обычный компьютерный воришка с незаурядными хакерскими способностями, случайно выловивший в безграничной Всемирной паутине удивительный плод чьих-то трудов? Чьих? Судя по высказываниям ученых мужей, над этим ребусом мог работать какой-либо закрытый зарубежный институт, приютившийся, скажем, под крыльышком Пентагона.

Хакер? С хакером проблем не будет. Эти вопросы давно отработаны и апробированы.

Но если он гениальная личность, то наверняка со свернутыми набекрень мозгами. То есть по части научных изысканий он, безусловно, дока. А в быту обычный рохля, с которым можно особо и не церемониться. Все эти великие ученые всегда были с большими странностями. За десять минут могут изобразить математически любой физический процесс такими замысловатыми формулами, что обычный дипломированный труженик науки три дня будет потом с ними разбираться. А вот поход, например, в обычный магазин за молоком станет для такого уникума чрезвычайно трудновыполнимой задачей.

В то же время, практика, в том числе и сталинских времен, показала, что среди этих яйцеголовых попадаются весьма крепкие орешки. У некоторых из них есть свой особый бзик, который не преодолеть ни послами, ни угрозами. Тактика кнута и пряника к ним неприменима. Пойдут на смерть, но принципам не изменят...

Генерал еще раз остановился перед портретом главы государства, а затем, резко крутнувшись на каблуках, склонился над своим столом.

— Полковник Филимонов слушает, — нажатая почти не глядя клавиша селектора отозвалась басовитыми раскатами селекторного динамика.

— Зайди! — коротко приказал генерал и опустился в кресло.

Вошедший здоровяк в спецназовской форме являл собой типичный продукт специфического рода деятельности. Но лишь внешне. Лицо его выражало немедленную готовность исполнить любую команду начальства. Однако если всмотреться повнимательней, то становилось очевидно, что глаза явно демаскировали это ложное представление, удивительно сочетая неспешное внимание, ум и даже некоторую хитринку.

— Филимонов, — произнес генерал, — дай группе «Зет» команду «готовность номер один» со спецснаряжением по варианту «контро».

— Есть, готовность номер один по варианту «контро», — и лишь человек, давно знающий командира спецназа, мог уловить проскользнувшую в его уверенном голосе нотку удивления.

Отданный приказ означал подготовку к операции по обезвреживанию крупной, хорошо вооруженной террористической группировки. Это была первая степень сложности, с использованием тяжелого вооружения и вертолетов.

— Лично возглавишь группу захвата, — продолжал заместитель председателя ФСБ, — вот тебе координаты и краткая характеристика объекта.

Он протянул спецназовцу листок плотной белой бумаги с распечатанным текстом, который был изучен одним коротким взглядом, в мгновение ока сложен вчетверо и отправлен в один из многочисленных боковых карманчиков пятнистого комбинезона.

— Все так серьезно? — командир спецназа позволил себе задать вопрос лишь потому, что операция подобного рода проводилась лишь однажды, два года назад при захвате группой террористов одного из столичных театров с заложниками.

Генерал поднял холодные глаза.

— Товарищ генерал-лейтенант, — ничуть этим не смущившись, отчеканил полковник, — могу ли я хотя бы знать, к чему быть готовыми. Какими навыками обладает этот парень для нас несущественно, но вот вопрос возможного применения взрывчатки или отправляющих веществ, опасных для проживающего...

— Пусть это вас не беспокоит, — прервал его генерал. — Объект вряд ли окажет вооруженное сопротивление. Но... даже у овечек иногда обнаруживаются рога. Мне нужен здесь внешний эффект. Цели — две. Полностью парализовать волю задержанного и дать понять возможным сообщникам серьезность наших намерений.

— Есть! — теперь уже по-солдафонски рявкнул спецназовский командир явно повеселевшим тоном.

— На подготовку, включая рекогносцировку района оперативных действий, отводится час, — генерал поднял к глазам руку с часами, — время пошло...

Спецназовца бесшумным вихрем вымело из кабинета.

— Доставите его лично ко мне! — уже вдогонку крикнул генерал-лейтенант.

Операция была проведена, что называется, на уровне. Барражировавшие на небольшой высоте два пятнистых вертолета не привлекли особого внимания местных жителей. Мало ли сейчас в небе гибдедешников, да эмчеэсовцев летает по своим, иногда и вовсе прозаическим делам... Чердачные помещения близлежащих к Егорову обиталищу домов, не потревожив бдительных жэсовцев, заняли люди, вооруженные диковинными длинноствольными винтовками с лазерными оптическими прицелами. Каждая из групп огневой поддержки имела также на вооружении гранатометы и ручные гранаты различных модификаций. Даже легкая безоткатная пушка, замаскированная муляжами голубей, якобы сидящих в разбитом чердачном оконце, хищно вытянула свой ствол аккурат в створ Егоровой кухни.

В рядах силовиков спокойно делали свое дело и люди более мирных профессий. В сторону злосчастной Егоровой обители со всех сторон были направлены антенны и раструбы различной улавливающей техники. Диковинные металлические ежики, какие-то зарешеченные вращающиеся вентиляторы, спиралеобразные штуковины в виде висячих запорожских усов — вся эта спецтехника заставила бы почесать в затылках даже видавших виды сотрудников иных спецслужб.

Бойцы и специалисты знали свое дело. Ничто не потревожило покоя местных аборигенов, хотя размещенные здесь силы способны были противостоять, пожалуй, натиску пары батальонов обычной пехоты. Никто даже и не заметил самого факта постороннего вторжения, не говоря уже о дислокации участников разворачивающейся операции. Секрет был прост: жильцы домов могли видеть лишь входящих в свои подъезды работников вполне мирных профессий в характерных оранжевых спецовках с надписями типа «водоканал» или «горсвет» либо небритых личностей в спецовках и с потрепанными чемоданчиками, в которых легко узнавались воспетые юмористами сантехники. Кто на таких обращает внимание?

Лишь по прибытии на место исходной дислокации бойцы стряхивали маскировку и оказывались в привычных черных или пятнистых комбинезонах.

В ходе внедрения с одного из чердаков был снят одинокий бомж, которого спецрейсом доставили в ближайший милицейский преемник-распределитель. Под гребенку попали также три местных алкаша, собравшихся, вероятно, распить бутылочку-другую, вдали от своих зловредных супруг и поэтому избравших местом дружеской попойки верх одной из чердачных лестниц. Предельно вежливый старший лейтенант в милицейской форме, необычайная учтивость которого смертельно испугала несчастных алкашей, порекомендовал им немедленно отправиться по домам, не разбив даже вожделенных бутылок. Что они и не преминули сделать.

Основные события происходили в доме Егора. Естественно, все чердачные помещения в этом доме были задраены наглухо, однако и в чердачных помещениях возле закрытых входных люков затаились невидимые постороннему глазу мастера ближнего рукопашного боя.

Выходы из всех подъездов были также блокированы спецназовцами в виде праздношатающихся влюбленных парочек, озабоченных водил возле поднятых капотов автомашин и прочих людских атрибутов мирной повседневной жизни. Миновать все кордоны и просочиться сквозь поставленную блокаду могла разве шустрая мышка и то, если бы она передвигалась по невидимым глазу внутристенным и подземным коммуникациям, никак не подходящим по своим размерам для передвижения даже крохотной человеческой особи.

Хотя по условиям операции в этом уже не было особой необходимости, оба выезда со двора также моментально могли быть перекрыты — один пузатым грузовичком с белой надписью на боку «Дорремстрой», а другой видавшим виды автобусом с непрятательной табличкой «Школьный». Моторы обоих на удивление тихо урчали на холостых оборотах, готовые к внезапному резкому старту для занятия нужных позиций.

Сам Филимонов находился уже возле входных дверей квартиры, в которой обитал ничего не подозревающий Егор, о чем полковнику было неоднократно донесено посредством микрофончика, вставленного прямо в ушную раковину, недремлющими наружными наблюдателями. Возле двери царили тишина и полумрак, поскольку верхнюю лампочку

в коридоре предварительно слегка вывернули, так чтобы не замыкались ее цокольные контакты. Легкий ночной свет давал специальный многофункциональный фонарик, работающий сейчас в слабом режиме лампы дневного света, который держал в руке один из сопровождающих руководителя операции.

Рядом с ним находились еще два человека. Один был с черным плоским чемоданчиком, который уже раскрывал по знаку спецназовского командира, другой имел в руках миниатюрную дрель с притороченным прямо к ее корпусу баллончиком со специальным усыпляющим газом. Справедливости ради, следует отметить и еще одно несуразное орудие, относящееся к спецсредствам. У ноги человека с фонариком, придерживаемая его другой рукой, стояла металлическая кувалда чудовищных размеров. Непосвященный, увидев такую штучку, способную свалить, пожалуй, и слона, так бы и охарактеризовал ее прямое назначение — оглушить противника. Однако это было элементарное орудие взлома, хотя и архаичное, но вполне эффективное и надежное.

Человек с фонариком, осторожно прислонив кувалду к стене, отогнул рукой край коричневого кожзаменителя, которым была обита дверь, и пренебрежительно махнул рукой — дверь была обычной филенчатой.

Чемоданчик, тем временем, был открыт и замерцал изнутри разноцветными огоньками. Его обладатель вытащил из недр кейса плоскую продолговатую черную коробочку с круглым рыльцем и поднес к замочной скважине. Крохотное табло внутри чемоданчика засветилось мерцающим светом и показало какие-то пересекающиеся линии и ряды точек, понятные только знатоку.

Специалист усмехнулся одними губами и достал из того же чемоданчика маленькую пластмассовую масленку с длинным узким жальцем и, введя жальце в замочную скважину, произвел туда впрыск тончайшего ружейного масла. Затем нажал одну из кнопочек на коробочке. Из ее рыльца с тихим жужжанием вылезли два металлических спиралевидных жгутика. Жгутики беззвучно ввинтились в нутро замка и произвели необходимые манипуляции, сопровождаемые едва слышными пощелкиваниями.

— Готово, — очень тихо, одними губами, доложил дипломированный взломщик и быстро убрал все свои приспособления назад.

Чемоданчик бесшумно примостился рядом с кувалдой, а все четверо по знаку полковника проворно вытащили из подмышек маленькие плоские, смахивающие на игрушечные, пистолеты.

— Объект работает на компьютере в зале, — тихо доложила рация в ответ на запрос о местонахождении оного в настоящее время.

— Начали! — тихо скомандовал полковник в миниатюрную рацию у плеча, и дверь от толчка спецназовца бесшумно распахнулась. Четыре фигуры стремительно ворвались внутрь квартиры, растекаясь веером по определенным заранее помещениям.

Одновременно две черные фигуры, оттолкнувшись на штурмовых тросах от наружных стен дома, вломились в окна кухни и спальни, наполняя квартиру звоном бьющихся стекол и шумом городских улиц. Третий спецназовец прорубанил одновременно балконную раму и окно, ведущее с балкона в зал.

Сказать, что Егор был напуган, было бы неправильно. Он попросту не успел испугаться, до того молниеносно сработали неожиданные налетчики.

Буквально секунды спустя после вторжения хозяина квартиры уже выносили в специальном продолговатом кофре — полностью обездвиженного и лишеннего возможности позвать на помощь или издать иные звуки.

Квартира была тщательно обыскана, но ничего заслуживающего внимания стремительные визитеры не нашли. Они лишь упаковали с собой компьютер и то, что могло иметь отношение к работе с ним.

— Операция завершена, — буднично пробурчал ее руководитель в висевший на плече микрофончик, — всем отбой.

Полковник оглядел еще раз подвергшуюся нашествию квартиру, задержал взгляд на усыпанном битым стеклом полу и удовлетворенно хмыкнул.

— Операция успешно завершена! — в тот же микрофончик, но уже на другой волне, отрапортовал он сухим, без эмоций, голосом в виде доклада.

Глава десятая

ПОПЫТКА СТОЛКНОВЕНИЯ

Разбросанное по безграничной Вселенной громадными, даже по космическим масштабам, причудливой формы комками Темное вещество находилось в расслабленном аморфном состоянии. Несмотря на кажущуюся разорванность, оно представляло собой единое целое. Как такового, какого-либо мыслительного или вычислительного центра у Темного вещества не было. Было единое информационное пространство, связанное постоянно незримыми нитями мощных торсионных полей.

Ему не хватало настоящего интеллекта. Зато имелся безмерный аппетит инфузории, готовой поглощать, поглощать и поглощать все, что ее окружает, раздуваясь до невероятных размеров. И был разум муравья, способного заставить работать других насекомых для выполнения своих целей и задач. Этот разум позволял также наладить производство других форм жизни, в том числе и белковых, подобно тому, как муравьи выращивают из своих яиц особей, предназначенных для выполнения узких задач. Так появлялись муравьи-разведчики, солдаты, фуражиры, строители и другие.

Разросшаяся до невероятных размеров и массы инфузория имела в наличии примитивное, в силу своего громоздкого механизма, мышление. И создавало колоссальный искусственный мозг. Это было обусловлено тем, что Темное вещество уже не было материей. По этой причине законы и процессы, заложенные в живой природе самим естеством материи, в черных бездонных и бескрайних недрах прожорливого космического хищника не действовали.

Но, главное, у него была цель — полное пожирание Вселенной, которую Темное вещество преследовало уже неисчислимое время. И именно время не позволяло ему выполнить поставленную задачу до конца. Вселенная пульсировала, умирая и вновь рождаясь, и процесс этот длился бесконечно, не давая Темному веществу довести свой зловещий замысел до конца.

Материя была побеждена полностью. Темное вещество могло делать с ней все, что угодно. И она совершила цепь превраще-

ний, в конечном счете, превращая материю в себя самое. Но время было неумолимым и пока непобежденным противником. И тогда Темное вещество задумало произвести расы ученых, способных постигнуть суть времени и научиться управлять им.

На пустынных планетах, на звездах, в межзвездном пространстве были созданы десятки тысяч различных миров. В зависимости от местных условий формы жизни закладывались самые разнообразные.

На планетах — газовых гигантах Темным веществом создавалась азотная форма жизни на аммиачной основе. В планеты, поверхность которых раскалялась до тысячи градусов, закладывались зачатки силиконовых форм жизни на кремниевой основе. Безводные каменисто-песчаные планеты успешно осваивали существа кремниевой формы жизни на углеродной основе. Радиобы — энергетические существа зарождались в недрах звезд и могли жить как на поверхности звезды, так и в межзвездном пространстве в форме лучистых тел. Разнообразные эфирные формы жизни были созданы в пылевых, газовых и волокнистых туманностях. Волновые формы жизни блуждали по окрестностям сверхмассивных черных дыр.

На хорошо освещаемых звездным светом теплых планетах, с наличием на их поверхности воды, были зачлены и различные формы белковой жизни. Они были изначально совершенно примитивными. Это делалось Темным веществом умышленно. Только выжившие в борьбе с окружающим суровым миром особи могли постепенно менять заложенные в них инстинкты на интеллигibleльные и сенсибельные составляющие. То есть, постигая явление с помощью все более развитых чувств, они должны были развивать познание, совершенствовать на этом свой разум, закреплять полученные знания и передавать их потомкам.

Многие созданные таким образом миры достигали поразительных результатов. Развивались удивительные цивилизации, преображались планеты и звездные системы, невидимая жизнь бурлила в недрах звезд, поставив происходящие в них процессы под свой контроль.

Но самый ошеломляющий результат был достигнут на ничем не примечательной планете Земля, находящейся в солнечной системе на задворках рядовой галактики, названной землянами Млечным путем. За какой-то миг, применительно к масштабам

Вселенной, белковые обитатели небольшой планеты постигли сущность многих вещей и явлений, создали целые научные направления по различным отраслям приобретенных знаний и изобрели разнообразную техническую поддержку, обеспечивающую удовлетворение всех нужд и комфортное состояние для их слабых телесных оболочек.

Не покидая собственной планеты, земляне уяснили основные аспекты сущности Вселенной и достигли с помощью своих приборов визуально довольно далеких областей безграничного космического пространства. Более того, они даже вырвались в открытый космос, несмотря на абсолютную неприспособленность своих тел к суровым космическим условиям, и уже строили планы на освоение прилегающих к планете районов. А теоретически наглые белковые выкормыши уже готовы были приступить к овладению законами пространства и времени.

Сущность времени и управление им — вот что было нужно Темному веществу. Именно быстро развивающимся познанием этого процесса, на свою беду, обладали взращенные им земные существа.

Без сомнения, если бы Темное вещество умело удивляться — оно поразилось бы успешным развитием несовершенной и слабой белковой жизни на планете, которую ее обитатели назвали Землей. Динамичный и стремительно совершенствующийся разум неожиданно материализовался в бурный научный и технический прогресс, начисто преобразовавший планету.

Однако эмоциями супергигантская космическая инфузория не обладала. Просто установленные когда-то на Земле бесстрастные информационные датчики зафиксировали здесь самые высокие результаты деятельности разумных существ за предельно короткий срок.

Еще бы. Если взять все существование Вселенной после очередного Большого взрыва за время, равное земному году, то прогресс мчался во времени следующим образом:

1 января произошел Большой взрыв, давший начало новой Вселенной;

1 мая из газово-пылевых скоплений сформировалась галактика Млечный путь;

9 сентября возникла Солнечная система;

14 сентября образовалась планета Земля;

9 октября Темное вещество заселило планету первыми бактериями и синезелеными водорослями;

21 декабря ознаменовалось появлением первых насекомых;

24 декабря родились и вскоре погибли могучие динозавры...

И лишь 31 декабря в 13 часов 30 минут появились первые прямоходящие существа — люди. В 23 часа они уже приспособились использовать каменные орудия...

В 23 часа 59 минут и 56 секунд возникла Римская империя и родился Иисус Христос...

В 23 часа 59 минут и 59 секунд на земле грянула Эпоха Возрождения...

И всего лишь тысячные доли секунды существования человечества ушли на изобретение электричества, строительство космических кораблей, внедрение в обиход компьютеров и Интернета.

Столь впечатляющий результат обратил на себя внимание Темного вещества. Но, главное, эти настырные существа вплотную подобрались к природе времени.

Несколько сот тысяч лет Темное вещество двинуло на галактику Млечный путь гигантскую галактику Туманность Андромеды. Нет, оно не предвидело появления потенциально опасного противника в виде обитателей крохотной планеты Земля, на которую забросило когда-то рассаду белковой жизни. Жалкие неуклюжие особи, на восемьдесят процентов состоявшие из воды, не вызывали вначале даже интереса. Лишь зафиксированный на планете скачок научного и технического прогресса, внезапно приблизившего людей к раскрытию загадки сущности времени, пробудил в мрачной аморфной массе нечто вроде любопытства, а затем привлек внимание.

Однако очередная операция по столкновению галактик, превращению их последовательно в черные дыры, а затем и поглощению их Темным веществом прервана не была. Человечеству суждено было погибнуть в грядущем космическом катаклизме, но перед этим послужить своими научными открытиями и разработками взраставшему его бездушному темному чудовищу.

Главным недостатком Темного вещества было то, что его колоссальный по объему разум был крайне неповоротливым. Процесс сортировки и осмыслиения поступающих со всех сторон посылок длился сотнями лет, и лишь затем принимались решения зачастую,

не отвечавшие уже изменившимся условиям. Следовало создать гибкий и быстрый тип мышления, мгновенно адаптирующийся к окружающей действительности и способный принимать оптимальное решение в сжатые сроки. Нужно было остановить время и заглотать ставшую разом беспомощной Вселенную.

Для этого нужно было взять у человечества его наработки по управлению временем и вручить их тому, кто сможет их использовать во вселенских масштабах.

С этой целью космический монстр вычислил и захватил существо со сверхъестественными возможностями, давшее начало циклическому развитию Вселенной, и заточил его в одну из черных дыр. Этим существом и был Создатель.

Темное вещество не испытывало злобы ни к материи в целом, ни к Создателю, ни к многочисленным разумным мирам, которые сотворило в угоду своей зловещей цели. Оно просто выполняло казавшуюся ему обыденной и естественной задачу полного превращения Вселенной в свое раздувающееся, пока еще разрозненное на колоссальные куски, тело.

И пока застыло в коротком дремотном забытьи перед завершающим этапом своей ужасной миссии...

Глава одиннадцатая

ОБРАТНЫЙ ПРОЦЕСС

— Что за спешность, уважаемый Николай Фомич? — полный седовласый человек снял с переносицы очки в тонкой золотой оправе и положил их на стопку бумаг, — это связано с тем проектом по зашифрованному посланию неизвестного автора?

— Именно. Только этим сейчас и занимаюсь, — мрачно ответил профессор, — можно сказать денно и нощно.

— Многие сейчас занимаются этой темой. Что поделать — приоритет. На контроле лично у президента.

— Послушайте, Сергей Петрович! Ну, зачем было так делить эти листки... Зачем такой разброс? Нам досталась, например, расшифровка начала первого листка и самой концовки предпоследнего. Это же затрудняет работу.

— Э, батенька, я здесь не при чем. Академия наук всего лишь определяет, какие институты и лаборатории могут заниматься этой проблемой. Все остальное полностью в руках ФСБ. Я полагаю это связано с режимом секретности. Чтобы иностранная разведка не могла получить доступа к полной информации. Вот и раздробили ее на неравномерные, вырванные из контекста клочки.

— Секретности, — горько усмехнулся собеседник, — эта секретность у меня уже вот где!

Он поднес к горлу ребро сжатой ладони.

— Вначале все сотрудники восприняли работу с энтузиазмом. Еще бы — такую зарплату положили. Кому день за пять дней, а тем, кто круглосуточно — день за двадцать, как космонавтам на орбите.

— Как это? — заинтересовался глава Академии наук.

— День засчитывается за пять дней тем, кто занимается первичной обработкой формул и выкладок. Они делают лишь чисто математическую работу, решают возникающие в процессе вычисления различные уравнения и группируют их.

— Вычисления?

— Ну, да. Каждый значок раскодируется специальной компьютерной программой и содержит сотни формул и бесчисленное количество уравнений.

— А что делают круглосуточники?

— Соединяют получившиеся выкладки и, опять же с помощью компьютера, считывают полученные в итоге результаты и переводят их в ряды символов на языках программирования — Ассемблер и Фортран.

— А дальше — кто их расшифровывает?

— Дальше работает только один программист. Сидит он в опечатанной комнате без окон и без средств связи. У него восемь мощнейших компьютеров, соединенных в локальную сеть. Вот он и переводит всю информацию на человеческий язык. Она совершенно секретна. Допуск имею только я. И он, естественно.

— Что вы делаете с полученной информацией?

— Она вновь шифруется специальным кодом, который меняется каждый день и затем переносится на флэш-карту. Флэшка кладется в специальный пластиковый контейнер, который запечатывается и содержит программу уничтожения содержимого

карты в случае неправильного набора кода при вскрытии. Каждый вечер, ровно в двадцать три часа, на крышу института садится специальный вертолет, и контейнер вручается под расписку курьеру, которого охраняют пять вооруженных до зубов спецназовцев. Ну, а дальнейшую ее судьбу, наверное, знаете вы.

— Не знаю, — президент Академии наук отрицательно покачал головой, — и слава богу. Вероятно, в ФСБ с помощью файнридера происходит обратная расшифровка текста. Ну и составляются все куски. Всего над этой темой работают сейчас двадцать три научных учреждения, находящихся в структуре Академии наук. Скорее всего, подключены и НИИ, работающие для министерства обороны, МВД и ФСБ.

— Я думаю, вы правы.

— Что-нибудь интересное выкопали по своей части? Или это секретно?

— Это действительно секретно. Но от вас какие секреты... Вы и сами имеете все возможные допуски к государственным секретам. А интересное там все. И не просто интересно, это нечто удивительное и неизведанное. Сотворение мира, структура Вселенной, качественные свойства черных дыр, загадка Темного вещества, природа света...

— Природа света? — сразу же заинтересовался глава академии, защитивший по этой теме когда-то докторскую диссертацию, — ну-ну-ну, очень любопытно...

— Уверяю вас — это поразительно. Неизвестный автор считает, что свет образован частицами, которые имеют волновую природу и, соответственно, ведут себя, как волны. Более того, он утверждает, будто они не имеют определенного положения в пространстве и, толкнув такую волну, можно направить ее мгновенно в любой участок Вселенной. Только следует вложить в нее информацию о координатах.

— Мгновенно? — собеседник был явно поражен, — ну, знаете, батенька, это просто невозможно, еще Эйнштейн...

— И про Эйнштейна еще поговорим! — воскликнул профессор, в азарте забыв о соблюдении необходимой субординации, — а сейчас я скажу вам, что этот автор не только утверждает о таком немыслимом феномене, но и подтверждает свою мысль с помощью математических формул и соответствующих уравнений. Вполне реальных и решаемых уравнений.

— Давайте-ка эти ваши уравнения! — так же рьяно включился в научный спор, отбросив присущую ему степенность, президент высшего научного учреждения.

— Уравнений у меня, к сожалению, нет. Запрещено вести любые записи. А запомнить их... Немыслимо. Их сотни, да еще с невиданной для нас структурой четырехстепенности. Вот...

И, воровато оглянувшись, профессор схватил со стола листок бумаги и быстро исписал его почти на третью.

— Это только часть одной из формул, — сообщил он, придвигая листок к собеседнику.

Тот нацепил на нос очки, схватил его и буквально впился глазами в текст.

— Да-а-а... — он лишь потрясенно вздохнул. — Что-то в этом есть рациональное, но с ходу понять не могу, может вы...

— Увы. Я для себя понял, в переводе на обычный язык, лишь заложенный в нем принцип.

— И какой же это принцип?

— Представьте себе, что мы стоим, скажем, в ста километрах друг от друга и держим в руках, каждый за свой конец, тончайший стальной стержень, сотканный из одних ядер атомов и прямой, как пространственный вектор...

— Но это невозможно, — сразу же скептически заметил глава академии, — Земля, как известно, имеет шарообразную форму.

— Абстрактно. Или, предположим, в космосе.

— Хорошо.

— Я толкаю стержень, и вы мгновенно... понимаете, мгновенно, в буквальном смысле этого слова, чувствуете мой толчок. Независимо от расстояния. Пусть это будет хоть миллион километров, хоть десять световых лет.

Президент академии задумался, а затем, набросав несколько формул, стал быстро что-то чертить на бумаге.

— Принцип понятен, — объявил он и скомкал лист бумаги со своими набросками, — конечно, если не принимать во внимание такие понятия, как растяжимость и сила тяжести.

— Ну, да. Это опыт в самом чистом виде.

— К тому же еще Эйнштейн предполагал, что общее гравитационное поле Вселенной представляет собой вид искривленного пространства-времени. А поскольку оно не плос-

кое — волны искривляются и могут находиться сразу в любой искомой точке.

— Да. Пространство и время якобы образуют некую совместную поверхность, которая имеет конечную протяженность, но не имеет границ и краев. То есть Вселенная бесконечна в пространстве и во времени.

— Либо она существовала всегда в течение бесконечного времени, — задумчиво пробормотал Сергей Петрович, — либо ее началом была реальная сингулярная точка в какой-то, все-таки, конечный момент времени в прошлом... Терциум нон датур — третьего не дано, как говорили древние римляне.

— По нашим теперешним выкладкам возможно и третье. Пространство-время, будучи конечным, может, тем не менее, и не иметь сингулярности, которые образовали бы его границы...

— Парадокс какой-то. Пространство и время конечны, но без границ. Ладно, не будем залезать пока в дебри. Давайте-ка, что у вас по времени.

— К сожалению, нам достался только маленький кусочек по категории времени. Остальное будет дешифровывать какое-то другое научное учреждение. Но уже из этого обрывка становится понятно, что время — это не материя, в полном смысле слова... Это скорее свойство и даже не материи, а всей Вселенной в целом.

— И это свойство может как-то воздействовать на развитие Вселенной?

— Сергей Петрович! — воскликнул профессор, — вы просто провидец! Действительно просматривается такая взаимосвязь. Время течет вперед — Вселенная неудержимо расширяется. Время пошло назад — Вселенная начинает сжиматься.

— М-м-м, — промычал собеседник, встряхивая седоватой густой шевелюрой, — это что-то новенькое... Мне трудно по этому поводу... Получается взаимонаправленное векторное время. И что же здесь первично, по вашему мнению?

— Наверное, об этом говорится дальше, в том кусочке листка, который достался не нам. Но, вот, смотрите, — профессор пошарил глазами по сторонам и взял стоявшую сбоку чашечку из-под кофе, — чашка, наполненная кофе падает из ваших рук...

Седовласый президент инстинктивно дернул руками, как бы стремясь подхватить чашечку, но никакого падения, конечно же, не последовало.

— И чашка разбивается на мелкие куски, а кофе растекается по полу, — профессор обвел рукой предполагаемое пятно. — Но вот время пошло назад, и мы наблюдаем, как осколки фарфора собираются вновь вместе, кофе стягивается назад в чашку, и она снова в ваших руках. Для нас привычен лишь первый этап. А ведь впервые киношники продемонстрировали, как может проходить и обратный процесс. Они искусственно пустили время вспять, понимаете? То есть, в принципе, это возможно.

— Значит, время может быть и приостановлено? А, возможно, и остановлено совсем?

— Думается — да.

— Но в этом случае утратят силу все известные нам законы физики...

— И некоторые математические догмы, — подхватил профессор, — а в целом это перевернет все наши представления о строении материи и соотношении пространства и вещества.

— Тогда произойдет нарушение принципа Аристотеля, что Ахиллес никогда не сможет догнать черепаху и вообще начнут твориться удивительные вещи.

— Например, мы сможем покинуть пределы так называемой наблюдаемой Вселенной. Сейчас для нас конечность Вселенной недостижима и непостижима, поскольку ее границы разлетаются почти со скоростью света, и мы не можем их ни физически видеть, ни зафиксировать с помощью наших приборов.

— Но это невозможно! — вскричал Сергей Петрович, — это просто...

— Мы убеждаемся с каждым днем, что возможно все. Более того, я полагаю на основании нашего первичного исследования, что возможна даже иная категория времени — реальное время, в котором и существует Вселенная. А наше время... Оно мнимое, оно нами придумано, это лишь плод нашего воображения, и оно бесконечно далеко от реально существующего времени...

И оба собеседника замолчали, потрясенные открывающимися перспективами. Президент Академии наук бездумно чертил на листке бумаги какие-то кривые. Профессор столь же безотчетно следил за движениями его руки, размышляя о таинственной природе и загадочных свойствах новых понятий, приводящих имеющуюся науку в состояние ступора.

— Вы упоминали о черных дырах и их качественном состоянии, — наконец, отбросив ручку, начал неторопливо глава государственной науки.

— Пока нам известно немногое. Мы знаем, что в черной дыре полностью меняется структура пространства. Существуют и сверхмассивные черные дыры, размером с Солнечную систему. Вокруг них также искажаются и взаимоизменяются пространство и время. Там образуется зона сингулярности, в которой обычные известные нам законы природы бессильны. В этом районе звезды и газ, поглощаемые ненасытной черной дырой силой чудовищной гравитации, разгоняются до околосветовых скоростей.

— И в самих недрах творится нечто невообразимое.

— Да мы пока не можем представить состояние времени и пространства в этих ужасных невидимых клоаках.

— И последний вопрос, — глава академии нервно пожевал губами. — Вы знаете, что существует еще и так называемая Темная энергия... Как по-вашему Темная энергия — это антимир?

— Не знаю. Но, похоже, это нечто совершенно неизведанное и таящее в себе скрытую угрозу материи, пространству и времени. Трудно даже представить, что может произойти с ними при непосредственном контакте. Допустимо и иное. Возможно, галактики это острова, а их скопления — материки в океане Темной энергии.

— Весьма образное сравнение. Да, — спохватился хозяин кабинета, — так что у вас за срочный вопрос?

— Мне нужны люди. Конкретно — опытные программисты. Имеющие физико-математические навыки и знакомые с общими началами астрономии.

— Сколько?

— Десятка три. Иначе мы не успеваем в определенное нам время.

— Всем нужны программисты... Но их в наших академических институтах уже не осталось. Все заняты на этой теме и разбросаны по целевым точкам, работающим над расшифровкой послания.

— К кому же обратиться?

— К нашему нынешнему куратору — вице-премьеру. Он пошарит в оборонке, силовых ведомствах, а также проэкспроприирует крупные корпорации... Хотя, погодите. Я сам с ним

переговорю, поскольку с подобными заявками обращаются все. Нужны тысячи специалистов и срочно.

— Буду на вас надеяться.

— Поеду немедленно. Только созвонюсь по правительственной «вертушке», чтобы оказался на месте и принял меня.

Глава двенадцатая

ДОПРОС

Сколько времени его везли и куда привезли, Егор не знал. Вопреки киношным правилам он не считал про себя секунды и минуты и не отмечал поворотов автомашины. Неожиданные события последних дней держали в постоянном умственном напряжении. Лишь только машина тронулась, пленник проvalился в глубокое забытье.

Скрипнувшая застежка кофра и проникший внутрь свет не потревожили мертвого сна Егора. Двое дюжих спецназовцев застыли в растерянности — захваченный человек лежал с закрытыми глазами, положив скрещенные руки на живот. Ну, ровно покойник, только свечки в руках не хватает. Такого в их богатой практике еще не было.

— Помер, что ли? — тихо предположил один.

Другой быстро нагнулся и, протянув руку, прижал сложенные вместе большой и средний пальцы к шее лежащего, между ухом и нижней челюстью.

— Дышит, — так же тихо констатировал он.

— Что вы там шепчетесь? — Филимонов стремительно подошел к кофру.

— Он спит, товарищ полковник.

— Кто спит?

— Задержанный.

— Что-о-о? — полковник Филимонов нагнулся к лежащему на полу камеры кофру, — разбудить и привести в чувство! И через мгновение поправился: — Хотя, нет. Пусть спит, пока не потребуют к генералу. Все ж дополнительный фактор внезапности будет при допросе.

Егор проснулся сам от щемящего чувства беспокойства, которое заторможенный мозг все же включил. Через полу-раскрытые створки кофра он увидел лишь какой-то серый кусок потолка.

— Где я? — он рванулся наверх всем телом и вывалился из упавшего набок кофра на некрашеный бетонный пол.

Этот здоровенный чемоданище для скрытной перевозки задержанных и вернул ему память. Звон выбитых оконных стекол, куча стремительных черных фигур в масках, их отлаженные ловкие действия... Его схватили и куда-то привезли. Кто схватил? Неизвестно. Но, во всяком случае, не какие-нибудь бандиты — в этом Егор был почему-то уверен. Куда привезли? Взгляд ловил лишь однотонную серую поверхность стен и потолка. Никаких окон, никакой мебели. Свет давала электрическая лампочка, забранная в решетку из толстых железных прутьев и прикрепленная над дверью такого же унылого серого цвета. Внутренняя дверная ручка отсутствовала. Егор закрыл створки кофра, стянул их застежкой-молнией и сел на него, уперев локти в колени, а кулаки в подбородок. Поза для детального осмыслиения ситуации была принята, но вот осуществить задуманное он не успел.

Противно скрипнул ключ в несмазанном замке, и дверь в комнату распахнулась. Здоровяк с крестьянской хитринкой в лице, одетый в пятнистую спецназовскую форму, и еще двое плечистых верзил в черном слабо оживили мрачный пейзаж, но какое-то разнообразие в него все же внесли.

— Еще раз обыскать! — короткий приказ здоровья привел в действие сразу обоих сопровождающих.

Четыре проворных руки исполнили указание в две секунды, обхлопав и ощупав все тело пленника, и замерли по бокам молчаливыми конвоирами. Егор лишь подивился четкости и слаженности их действий.

— Пуст.

— Хорошо.

— Руки за спину и идите вперед! — это уже Егору.

Коридор. Поворот направо. Два пролета лестницы. Еще кусок коридора. Вновь поворот направо. И еще два пролета лестницы, только ее ступени покрыты уже стандартной ковровой дорожкой темно-бордового цвета с зеленоватыми

закраинами. Дубовая дверь. Широкая приемная с современной мебелью и разнообразной оргтехникой. Еще одна дубовая дверь, почему-то без обязательной таблички на ней, обычно представляющей хозяина кабинета. Просторный тамбур. И последняя внутренняя дверь. Путь закончен.

— Присаживайтесь, Закатин, — человек с волевым лицом, похожий на Клинта Иствуда двадцатилетней давности, и в отлично скроенной форме с погонами генерал-лейтенанта указал на стоящий у приставного столика стул. Его серые глаза смотрели на Егора со скучным превосходством льва, отогнавшего от поверженной газели стаю гиен.

Егор остался стоять, заложив руки за спину и приняв позу из виденной когда-то еще в детстве картины «Допрос коммуниста». С момента своего захвата он не сказал еще ни слова. Вначале этому препятствовала широкая клейкая лента, которой первым делом залепили ему рот свалившиеся неизвестно откуда и непонятно зачем лихие спецназовские бойцы. Сейчас в его душе, еще не оправившейся от перенесенного шока, царила вполне закономерная детская обида. За что? Что он такого натворил, что его выдернули из собственной квартиры, сунули, как обреченного на утопление новорожденного котенка, в какой-то кокон и доставили в неизвестно чей кабинет...

— Заместитель председателя ФСБ России Трунин, — словно отвечая на его последний обрывок мысли, представился хозяин кабинета и вновь сделал приглашающий жест рукой.

«ФСБ? Вот так клюква! — поразился Егор про себя. — Чем это я так насолил этой грозной kontore?»

Он вновь промолчал, но на стул присел и поднял на генерала недоумевающий взгляд.

— Вы попали сюда вовсе неслучайно, — генерал правильно понял выражение лица задержанного. — Вы именно тот, кто нам нужен. Тот, кто должен объяснить свою игру. И тот, кто обязан помочь Родине, поскольку речь идет о вопросе чрезвычайной государственной важности.

— Я готов помочь Родине, — промямлил Егор, — но не пойму, о какой игре идет речь.

— Ну, будет вам прикидываться овечкой. Вы поняли, где находитесь и запираться просто бессмысленно. Выкладывайте свои секреты.

— Я не знаю никаких секретов, — глухо произнес Егор, уже догадываясь, что речь пойдет о злосчастных записях малыша.

— Послушайте, Закатин! Давайте без дураков. Где вы раздобыли эти листки с формулами, выкладками и графиками? Нам известно, что не вы их автор. Вопрос первый: кто автор, и где он находится?

— Я не знаю... Я уже объяснял...

— Ну, да... Случайно нашли... Тогда зачем вы взламывали через Интернет закрытые сайты библиотек крупнейших зарубежных университетов? Что вы там искали.

— Это какая-то ошибка, — искренне удивился Егор. — Я ничего не взламывал.

— Конечно. Просто ваш компьютер работал сам по себе... Егор насупился и сцепил за спиной руки.

«Ничего не скажу им о малыше, — решил он без долгих раздумий, — иначе они схватят и его. И попытаются использовать в своих непонятных целях. И тогда у него не будет уже никогда ни счастья, ни детства, ни свободы. Ирка мне этого ни за что не простит. Да, я себя и сам не прошу, что принес в жертву ребенка в угоду...»

— Хорошо, — прервал его мысли генерал, — я не буду вас долго уговаривать — хочу лишь сказать только одну вещь...

Будучи настоящим профессионалом, он понял, что в данном случае эффект внезапного силового задержания не сработал. Шок уже прошел, и казавшийся простаком недоучившийся аспирант будет упорствовать в своем отрицании. Из каких-то там своих высших духовных побуждений. Генерал знал такую породу людей. Чем больше на них давишь, тем более они будут противодействовать давлению. Закон Ньютона.

— Хорошо, — повторил он. — Вы человек, безусловно, развитый и должны знать, что существуют специальные средства для разрешения такого рода ситуаций.

— Я не боюсь пыток! — гордо сказал Егор.

Генерал лишь рассмеялся раскатисто и, судя по всему, от всей души. Егор, напротив, упрямо сжал губы.

— Да-а... Дремучие у вас представления о нашей службе, — отсмеявшись, заметил он. — Кандалы, застенки, мрачная пыточная, палач в окровавленном брезентовом переднике с клемшами в руках и леденящие душу крики жертв.

Егор промолчал, хотя, чего греха таить, он думал о чем-то в этом роде и в душе боялся, что не выдержит боли.

— Были времена.., — произнес генерал, и непонятно, чего больше было в его интонации — сожаления или осуждения. — Принималось в тридцать шестом году даже специальное постановление Политбюро, которое допускало и разрешало соответствующим органам применение силовых методов воздействия. Но только в отношении врагов народа. И применяли. И добивались признаний... И невиновных, случалось, расстреливали по ложным признаниям. Все было...

Он привычным жестом потер переносицу и покосился на бронзовый бюст Дзержинского, стоявший в нише книжной полки.

— А сразу после революции и еще хуже обстояло дело. Не до пыток было — сразу к стенке и вся недолга. Что было, то было... Но сейчас иные времена. Просто нет никакой необходимости в причинении боли задержанным подозреваемым. Вон шум подняли — американцы пленных мусульман пытали. Пытки... Смех. Развлекались просто от скуки... Чтобы заставить человека говорить правду, есть иные, более современные методы.

— Детектор лжи? — осведомился повеселевший Егор, сразу же поверивший в отсутствие у зловещего представителя наследников Дзержинского намерений покалечить его жизненно важные органы.

— Нет, — усмехнулся генерал, — так называемые полиграфы — это уже прошлый век. Их применяют сейчас в банках, крупных корпорациях и фирмах, в основном, для проверки лояльности персонала. У нас есть средства покруче.

Он вновь пытался психологически воздействовать на своего визави, страшная его неопределенностью перспективы применения чего-то более страшного, чем физические пытки.

— Я не доставлю вам мазохистского удовольствия изобразить из себя Зою Космодемьянскую. Все будет проще. И гораздо хуже. Итак, вы намерены говорить?

— Я ничего не знаю, — твердо повторил Егор, передернувшись от жуткого предчувствия.

Генерал пожал плечами и нажал на одну из кнопок селектора.

— В реанимационную его! — коротко бросил он вошедшим конвоирам.

Глава тринадцатая

ВЗЯТЬ БЕЗ ШУМА И ПЫЛИ

— Что вы там сейчас применяете для развязывания языков? — генерал-лейтенант показал некоторое знание предмета. — Мескалин? Скополамин?

— Нет, — с достоинством специалиста ответил человек, одетый в темно-серый лабораторный халат с черными оборочками на отворотах и карманах. — Мескалин — это порождение еще эсэсовских лабораторий в концлагерях, неэффективное и устаревшее средство. Скополамин применяют штатовцы, но он излишне мощен и до того сильно влияет на психику человека, что вызывает у него так называемые ложные воспоминания. При этом испытуемый может нагородить что угодно, вполне искренне считая, что сообщает правду.

— Ладно. Сейчас не до лекций, — досадливо поморщился генерал, бесцеремонно уличенный в определенном отставании от темы, — короче, мне не важно, что вы будете использовать. Мне нужно, чтобы человек правдиво и без запинки ответил на мои вопросы.

— Мы используем производные пенотала натрия, — невозмутимо продолжил, тем не менее, человек в халате, — это стопроцентно эффективное средство.

— Инъекция?

— Да.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы довести пациента до нужного состояния?

— Минут десять, не больше.

— Хорошо. Через десять минут я буду в вашей лаборатории. Вопросы буду задавать сам.

— Единственное.., — человек в халате слегка замялся.

— Что?

— Требуется ваше письменное распоряжение в виде записи в нашем лабораторном журнале.

— Будет, — лаконично подтвердил генерал, но затем насторожился, — а это еще зачем? Разве недостаточно требований вашей инструкции?

— Дело в том, что испытуемый может в результате воздействия инъекции полностью потерять память. То есть не саму память, как таковую, а приобретенные ранее углубленные знания.

— Поясните!

— Ну, например..., — лабораторный эскулап задумался на какое-то время, — он будет знать, что такие часы, находящиеся у него на руке, будут в состоянии определять по ним текущее время. Но совершенно забудет их устройство, хотя не раз читал и видел эти зубчатые колесики и пружинки.

Собеседник думал недолго. Он поднял на врача сузившиеся глаза и жестко сказал: — Это издержки, в данном случае. Они не имеют значения. Важен результат. Любой ценой.

— Тогда я пошел, — совсем не по-военному подытожил человек в халате и двинулся по направлению к двери.

— Погодите, — остановил его генерал, — все же попытайтесь не повредить его мозг. Парень, похоже, не виновен, что попал в данную ситуацию...

— Конечно, постараемся. Главное не переборщить с дозой. А необходимая сыворотка, которую ему введут после допроса, уже готовится...

Генерал возвратился в свой кабинет довольно быстро и, судя по выражению лица, вполне удовлетворенный результатами допроса.

«Он лежа-ал к дверям ногами, — промурлыкал он в стиле романса, выказывая знакомство с лихой блатной лирикой тридцатых годов прошлого века, — элегантный, хм, как рояль...».

— Лилечка! — без всякого перехода продолжил генерал в микрофон, — найди-ка мне Филимонова. Быстро.

— Слушаюсь, Александр Викторович, — службистским тоном, придавшим только шарма женскому голосу, ответил селектор.

Филимонов, впрочем, как и положено, был наготове.

— Вот тебе адрес и данные, — генерал самолично черкнул несколько строк и протянул кусочек плотного картона вошедшему. — Вы должны взять его без шума и пыли. И... Доставить лично ко мне.

— Тут, по-моему, ошибочка, — здоровяк, как всегда, охватил текст одним взглядом, — Маклаков Дмитрий Дмитриевич, 2004 года рождения. Этому человеку получается всего пять лет...

— Да. Это не ошибка. Он живет в том же доме, что и предыдущий задержанный, только в другом подъезде. Вы должны захватить мальчишку с соблюдением всех обычных мер предосторожности. И чтоб не царапины.

— У него такая сильная охрана?

— Нет. Он один, — генерал усмехнулся, — точнее с мамой. Маму тоже доставить сюда и посадить пока в министерскую камеру.

Здоровяк согласно склонил голову. Министерской называли двухкомнатную камеру, куда, в случае ареста, помещались члены правительства. Недавно там побывал заместитель министра финансов, уличенный во взяточничестве и попытке хищения миллиардных бюджетных сумм. Камера была полностью благоустроенной, с холодильником, телевизором и прочими бытовыми удобствами, за исключением средств связи.

— Мне взять с собой всю спецгруппу? — командир спецназа смотрел спокойно, как человек, привычный к любым ситуациям, с промелькнувшей, однако, в глазах искоркой некоторого недоумения.

— Достаточно группы захвата. Этот мальчишка, возможно, я повторяю — возможно, чтобы твои волкодавы не перестарались — обладает экстрасенсорными способностями. Твоя задача взять его любой ценой, как говорится, целым и абсолютно невредимым. Если он применит свои способности — пренебречь любыми жертвами, но схватить его. Возможно, он и не обладает ничем сверхъестественным или не захочет использовать свой дар. Но будьте готовы к любому варианту. Работать в натяг, по полной программе, без всякого расслабления и с обязательной подстраховкой.

— Есть, товарищ генерал-лейтенант. Будет исполнено. Разрешите идти?

— Действуйте.

Генерал встал из-за стола, немного походил по кабинету, бумкая губами мотив бравурного военного марша: — бум-бум, бу-бу-бум, бум-бум, бу-бу-бу-у-м...

На третьем куплете он прервался и подошел к столику, полностью уставленному телефонными аппаратами. Белый с гербом телефон правительственный связи заурчал набираемым двузначным номером.

— Здравия желаю, Вениамин Александрович! — голос генерала был подчеркнуто официален. — Докладываю: нами, похоже, установлен главный фигурант известного Вам дела. Сейчас за ним отправилась наша спецгруппа, и минут через двадцать его привезут ко мне... Я бы не хотел озвучивать подробности по телефону, поскольку дело подпадает под высший уровень секретности... Так точно!.. Справка для президента будет подготовлена в одном экземпляре и будет отправлена специальной фельдсвязью... Есть, будет исполнено... И Вам — всего доброго.

Глава четырнадцатая

ГЛЮКИ

Егор раскачивался из стороны в сторону, сжимая ладонями свою и в то же время какую-то чужую распухшую, как ему казалось, голову. Мысли пронирались через извилистые лабиринты, освещая короткими вспышками минувшие события и не складываясь во что-то единое и целое. Это продолжалось бесконечно, пока окружающий мир не стал проявляться, как на фотопленке, сначала черно-белым и неподвижным, а затем взорвался цветной реальностью.

Правда, цветного в воссоздавшейся картине было маловато. Крохотная, забранная металлической решеткой электрическая лампочка скорее создавала довольно густой полумрак, нежели давала свет. Массивная металлическая дверь с глазком и откидывающимся окошечком была грязно-серой. Стены имели унылый зеленовато-серый оттенок. Пол, похоже, был бетонным и радовал красно-коричневой гаммой. В углу виднелся белесый унитаз, а рядом, чуть в стороне и повыше такой же белесый умывальник. Цвет потолка был вообще неразличим. А почти прямо под ним угадывались контуры окошка, за которым, судя по его сплошной черноте, стояла ночь.

Ах, да... Еще нары, на которых он сидел. Егор склонил голову, чтобы убедиться, что это именно нары. Струганые доски, отполированные до желто-коричневого блеска телами

бесчисленных и безвестных прежних сидельцев, были тепловатыми на ощупь.

— Успел согреть своим собственным теплом, — подумал Егор, — значит, сижу здесь уже порядочно.

В изголовье нар лежало свернутое серое, по виду, байковое одеяло с сиротливой, когда-то, вероятно, белой, полосой. Подушки не было, как, естественно, не было и простыней.

Голову ломило и корежило, но мысли уже обретали некоторую четкость и пытались выдать своему обладателю какую-то, хоть мало-мальски внятную, череду прошедших событий.

Так. Задержание в собственной квартире, сразу устрашившее своей внезапностью, мгновенной скоротечностью и поначалу парализовавшее его волю. Черные фигуры в масках посыпались на него со всех сторон, даже откуда-то с потолка. Он и пикнуть не успел, как его буквально спеленали. Далее переноска в каком-то душном, типа спального, но жестком мешке, застегнутым снаружи на молнию. Непродолжительная, в лежачем положении, езда в автомобиле, в который не проникали звуки внешнего мира...

Соображать толком он начал лишь, когда очутился перед массивным дубовым столом человека в генеральской форме с волевым лицом голливудского киногероя и жесткими серыми глазами. За окном, плотно задернутым тяжелыми зеленоватыми шторами, судя по их потемневшему квадрату, был уже поздний вечер. Короткий допрос, без всякой записи, по поводу авторства этих проклятых листков. И... Здесь память зияла рыхлым провалом.

Егор застонал и вновь обхватил голову руками, пытаясь выдавить пересыпавшиеся, как песок, крошки ускользающего прошлого. Он стучал по голове кулаками, встряхивал ее, мотал и даже делал попытку открутить в сторону левой резьбы. Все напрасно... Он положил локти на колени и изобразил позу роденовского мыслителя, только держа подбородок на обоих кулаках. Дальше генерал вроде кого-то вызвал... Кого? Что было позже? Отчего так раскалывается голова, и мысли разбредаются, будто с тяжелого похмелья?

У-у-у! — Егор с силой сжал руки в локтевых суставах и прижал их к груди. Левый сгиб локтя ответил затухающей, но саднящей болью. Он быстро закатал левый рукав. Вот оно —

локтевой сгиб в районе вздувшейся вены темнел синеватым пятнышком с крохотной ранкой посередине. В его кровь вводили какое-то снадобье... Сыворотку правды? Наверняка. Точно, ведь генерал сказал, что я все равно все расскажу, никуда не денусь. Мол, современные средства позволяют выжать из любого человека даже то, что он давным-давно забыл...

— Вот, дьявол! — Егор с силой стукнул себя кулаками по коленям, — выходит — я им все рассказал? И про малыша тоже? Они его схватят! Или уже схватили...

Он вскочил на ноги и стал быстро ходить по камере, от передней стенки с оконцем и до двери. Три шага вперед, резкий по-военному разворот и три шага назад. Раз-два-три... Раз-два-три...

— Вон, верткие, да шустрые какие... — Егору припомнилось его недавнее задержание. — Засадят Димона в какую-нибудь свою сверхсекретную лабораторию, да будут над ним эксперименты всякие ставить... А Иришка... Она же этого не переживет... Да еще и ее изолируют куда... А то и ликвидируют... Во имя высших целей и интересов государства... Эти на все способны...

И Егору начали вспоминаться жуткие кадры американских фильмов, где всеведущие и всемогущие цэрэушники и фэбээрщики ради своих замыслов жертвовали своими же людьми, как пешками на шахматной доске. Ничего, мол, личного...

— Вот влипли-то! — Егор вновь присел на нары, — и все телескоп этот чертов... С него началось. Вернусь, выброшу его прямо с балкона. Хм-м, вернусь... Только вернусь ли? Это вряд ли. Толку с меня для них все равно никакого, а вот свидетель я явно ненужный. Да, что я это все о себе, драгоценном и любимом!

Егор прислонился спиной к холодной стене и подтянул под себя замерзшие от цементного холода босые ноги. Туфли, которые все равно не держались на ногах по причине отсутствия шнурков, валялись под нарами.

— Шнурки забрали, — ухмыльнулся он про себя, — чтобы не повесился... Ага, и ремня нет. Наоборот, надо было оставить, им же хлопот меньше было бы. А что? Впору и повеситься в такой ситуации. Сплошная безнадега...

Узник перевел взгляд вверх, на черневший квадратик оконца.

— Темно еще. Значит, ночь. Ирку, наверное, тоже схватили. Может в соседней камере? Не постучать ли в стенку? Но никаких кодов типа морзянки он не знает, а уж Ирка — тем более. Что же будет с Иришкой и Димкой?

Лишился теперь Егор осознания, насколько дороги и близки ему эти люди. И понял, что готов отдать за них свою собственную жизнь. В этих тягостных думах, переживаниях и терзаниях он так и не заснул, строя иногда фантастические варианты их освобождения. Слегка забылся лишь под утро, привалившись головой все к той же стене и, конечно, не представляя, насколько невероятным и фантастическим будет его собственное вызволение из мрачных кагэбэшных, а точнее, уже фээсбэшных казематов.

От короткого забытья Егор очнулся под влиянием какого-то странного ощущения, которое многие называют шестым чувством. Нечто заставило его разлепить сомкнутые веки и насторожиться. Он не то, чтобы не поверил своим измученным глазам, но счел это видение обрывком своего мятущегося сновидения.

Прямо из противоположной зеленовато-серой стены, на примерно метровой высоте беззвучно, головой вперед, выполз малыш, собственной персоной. В правой руке у него был зажат маленький фонарик, а левой он делал какие-то несуразные гребковые движения, будто бы плывя по воде.

— Глюки... — Егор молча закрыл глаза, но мозг уже сработал на опережение и бил тревогу.

— Сколько тут этих камер, — с недетским покряхтыванием явственно произнес голос малыша, — еле нашел. Думал уже, что нет тебя здесь...

Егор едва не взвился под потолок. Он тер глаза руками, тряс головой, щипал себя за разные места, но видение все не проходило.

На полу стоял самый натуральный Димка, в своем комбинезончике и накинутой на плечи ветровочке. А за спиной у него горбился детский рюкзачок, в котором он таскал свои игрушки.

— Димон! — хриплым и от неожиданности грубым голосом возвзвал Егор, — ты чего это?

— Чего, чего, — малыш шмыгнул носом, — тюрьма эта, здоровущая какая... Правда, народа почти нет. Но комнат всяких... Да еще три этажа вниз под землю... Думал до утра не успею...

А ты, оказывается, на втором этаже сидишь... Давай, собирайся — мне лететь надо. Без тебя координат не знаю.

— Куда собираться? Ты мне чудишься, что ли?

— Не чудюсь, — серьезно произнес малыш, — скоро утро. Где твои ботинки-то подевались?

Егор машинально сунулся под нары, доставая свои туфли.

— Они без шнурков, — сказал он лишь для того, чтобы что-то сказать.

— Надевай и поплыли.

Егор покорно сунул ступни в туфли.

— И — что? — спросил он, уже отдаваясь этому диковинному сну.

— Держись прямо за мной, — скомандовал малыш приглушенно, — а в тоннеле греби руками и двигайся, как будто под водой плывешь. Ничего сложного... На улицу эта стенка выходит?

Егор молча кивнул головой.

— Тогда, вперед! — и малыш, двинувшись прямиком на стену с окошком под потолком, посветил на нее своим фонариком и будто нырнул прямо в толстый бетон старинного каземата.

На стене выступило какое-то светловатое округлое пятно, диаметром около метра, в котором малыш и скрылся, приняв положение горизонтально полу и болтая кроссовками, как ластами.

— Глюки, — повторил Егор и обреченно повторил телодвижения своего юного друга.

Стена оказалась очень вязкой, погуще, чем вода Мертвого моря, на котором Егор не был, но где-то слыхал, что на его воде можно спокойно лежать и читать, например, газету. Толщина стены была метра полтора, и виртуальный беглец подивился царским умельцам, воздвигавшим этот монументальный острог, перешедший позже во владение революционных, а затем советских, а потом и российских спецслужб.

Когда голова и плечи высынулись за пределы стены, Егор инстинктивно попытался податься назад, чтобы не свалиться вниз. Но вязкость ничуть не изменилась с переменой субстанции, видимость осталась той же, а малыш спокойно двигался впереди с грацией пыхтящего во льдах тюленя.

— Бр-р-р, — сквозь зубы протянул Егор и решительно последовал за ним.

Плыть было тяжело. Воздух, или что это было, был тягучим, очень густым и переливчатым, напоминая по свойствам жидкую ртуть. Малыш, однако, как только они скрылись за стеной следующего дома, резко пошел на снижение, по-прежнему подсвечивая себе впереди фонариком.

— Уф-ф! Совсем устал, — фыркнул малыш и мягко опустился на корточки, упервшись в асфальт и руками, и ногами. Егор привычно повторил его позу и приземлился рядом. Оглянувшись назад, он увидел на фоне сумрачного утреннего неба едва различимый светлый столб, идущий от места их посадки кривоватой линией в сторону фээсбэшных застенков, из которых им удалось сбежать столь необычайным способом. Впрочем, он полагал, что всего лишь досматривает удивительный сон.

Малыш тем временем встал на ноги и навел свой фонарик в створ сказочного тоннеля. Последовал легкий щелчок и ствол исчез.

— Так, — устало произнес он, — денег на транспорт у нас, конечно, нет — придется добираться пешочком.

— Ага! — словоохотливо подхватил Егор и фальшиво пропел, имитируя хрипотцу Владимира Высоцкого, — ...а все равно автобусы не ходят, метро закрыто, в такси не содют...

— Тише! — прошипел малыш, — назад попасть что ли хочется?

И здесь впервые до Егора стало доходить, что дело реально обстоит именно таким образом, как ему и чудится. Он осторожно выглянул из-за стены. Громада тюремы высилась в утренней дымке натурально и устрашающе.

— Назад не хочу, — передернул плечами Егор, — но ведь и домой нам нельзя. Там нас будут искать в первую очередь. Куда же деваться?

— Надо добраться до твоей квартиры.

— И что? У меня там ни валюты, ни денег, ни даже маленького продовольственного склада, — с горечью поведал Егор.

— Мне нужно к Создателю. Только из твоей квартиры я смогу попасть к нему с помощью твоего телескопа.

— А потом?

— Потом я освобожу его... Но давай быстро уходить отсюда, пока нас не хватились тюремщики. А потом я тебе все расскажу. Побежали же...

Туфли без шнурков на ногах держаться не хотели, и необходимую как раз обувь пришлось бросить. Егор аккуратно опустил их в урну на безлюдной троллейбусной остановке и подумал, что шнурки, наверное, отбирали не только для того, чтобы отчаявшийся арестант не повесился, но и с целью затруднить ему побег.

Босиком бежать оказалось не то чтобы легче, но, напротив, затруднительно и с непривычки больно. Асфальт казался нескончаемо разворачивающимся рулоном крупнозернистой наждачной бумаги. Малыш молча сопел рядом.

Ссадины и боль были куда как натуральны, и Егор окончательно уверовал в реальность происходящих с ним событий. Правда, мозг пока отказывался анализировать такой фантастический и неслыханный способ побега.

На счастье, им подвернулась громадная поливальная автомашина, которая, не спеша, обдавала мощными водяными струями утреннюю мостовую. Сзади у нее зачем-то была расположена открытая платформа, на которой запросто разместилось бы отделение автоматчиков, и беглецы устроились на ней вполне комфортно. Машина двигалась медленно, но зато они отдыхали, и Егор, уже очухавшись от стресса, немедленно начал дознание по отдельным аспектам их перемещения в пространстве.

— Что это было? — спросил он, — эта вязкая масса, этот светящийся столб...

— Я не знаю всего механизма этих преобразований, — сообщил малыш со всей присущей ему в последнее время серьезностью, — могу лишь обозначить некоторые основные положения.

— Валяй, — легко сказал Егор, — по-моему, я уже начинаю привыкать ко всяkim головоломкам.

— Чтобы было понятней, я начну с того, — начал малыш, — что земляне живут в трехмерном пространстве, тогда как на самом деле оно многомерно. И обитают в двухмерном времени, которое в природе трехмерно.

У Егора вполне натурально отвисла челюсть, и он даже придержал ее рукой.

— Ну, я имею некоторое представление о четырехмерном пространстве, — осторожно сказал он, выделив два последних слова. — Но трехмерное время???

— Многомерное пространство, — настойчиво подтвердил юный собеседник сказанное ранее, — но об этом потом... Сначала о сущности времени как такового...

— Ну-ну.., — пробурчал Егор со всем накопившимся у него за последнее время скепсисом.

— Еще кто-то из древних сказал, — обстоятельно начал малыш, поправив лямки сползающего рюкзачка, — что нельзя дважды войти в одну и ту же реку...

— Слыхали, как же, — Егору отчего-то стал обиден поучавший тон его бывшего воспитанника.

— Сам того не зная, — малыш покосился в сторону собеседника и примирительно улыбнулся на его реплику, — этот мудрец открыл для человечества сущность времени. Однако он полагал, что время имеет только одно направление — оно идет вперед. Современная наука признает двухмерное время — оно есть в прошлом и в будущем. На самом же деле время трехмерно.

— Вот как? — Егор не смог скрыть своего удивления, — и какая же это третья составляющая?

— Это время, которое для простоты можно охарактеризовать словом «сейчас».

Егор лишь беспомощно покрутил головой, всем своим видом требуя необходимого пояснения.

— Это стоячее время, его трудно охарактеризовать словами... — малыш в затруднении смешно сморщил носик и зажмурил правый глаз, — оно абсолютно застывшее и находится в состоянии вечного покоя. Но слой этот существует и в него можно проникнуть, что мы сегодня и сделали с помощью вот этого прибора.

И он показал свой фонарик.

— Я думал это обычный электрический фонарь, — хмыкнул Егор.

— Маскировка! — малыш подмигнул собеседнику уже левым глазом. — Инструкция по изготовлению этого изделия содержалась в зашифрованном виде на одном из наших листочеков.

— Машина времени? — поразился Егор.

— Нет. Хотя можно сотворить и машину времени. Я еще не успел дойти до расшифровки остальной информации, но уже понял, что там содержится и эта тема. Более того, земляне

должны создать машину времени по формулам и чертежам Создателя для борьбы с Темным веществом. И это должна быть целая планетарная сеть, которая...

— Стоп! — быстро сказал Егор, — ты хочешь, чтобы моя голова лопнула? Давай вернемся к твоему фонарику.

— С помощью этого прибора, — малыш согласно кивнул головой, не развивая новую тему, — можно попасть в состояние времени «сейчас». В этом состоянии нет материи, как таковой. Все рассеяно на уплотненные в миллионы раз атомы с неустойчивыми связями. Молекул нет, материальные объекты из них не созданы — есть лишь этакий атомный кисель, зависший неподвижно в пространстве и во времени.

— Это в нем мы и передвигались? — догадался Егор, — потому-то он такой тягучий и вязкий...

— Да. Но не спрашивай меня, как это происходит, я и сам не знаю. Просто я нажимаю на кнопку, из этого фонарика выходит конусообразный пучок энергии, которая расщепляет материю, то есть любые материальные объекты, на атомы. Из них образуется пространственно-временной тоннель, по которому можно передвигаться.

— Здорово! — только и сказал ошарашенный Егор. — Э-э-э..., нам тут сходить, на нашу улицу нужно направо, а машина идет прямо. Мы проехали уже полторы улицы. Сам спрыгнешь или поддержать снизу?

— Сам, — солидно произнес малыш и легко спрыгнул вниз.

Егор последовал за ним. Они вновь припустили бегом по направлению к своему дому, который был уже недалеко. И через несколько минут беглецы уже стояли перед дверью, ведущей в квартиру Егора.

— Ключи.., — горестно протянул Егор, — у меня же нет ключей от квартиры. Наверное, их забрали при обыске после задержания...

Малыш лишь весело хмыкнул и направил на дверь свой фонарик. В образовавшийся туманный провал они уже привычно скользнули рыбками друг за другом и оказались в темноте Егоровой квартиры.

— Не зажигай свет! — прошептал малыш.

— Сам знаю! — огрызнулся Егор, — тут уже слушай меня — я буду действовать.

— Хорошо.

Егор на ощупь нашел свои шлепанцы, памятуя про разбитые спецназовцами окна, и засунул в них уже и так израненные ноги. Они на всякий случай прислушались.

В квартире было тихо и пусто. Лишь хруст битого оконного стекла, валявшегося на полу, да свежий ветерок, насквозь продувавший помещения сквозь светлеющие глазницы окон, свидетельствовали о недавнем погроме, которому подверглось жилье Егора.

Беглецы тихонько пробрались на балкон. Телескоп сиротливо стоял в углу на штативе, но Егор стал шарить в стоящей у стенки тумбочке. Внутри что-то шуршало и перекатывалось. Рука вытащила сначала высокий стеклянный стакан со следами томатного сока на стенке. Затем свет увидел кусок батона, судя по стуку, превратившегося в камень.

— Не то.., — этой короткой фразой Егор завершил поиски, напоследок вытянув на свет божий заплесневелую «Энциклопедию астронома-любителя».

Он засунул в тумбочку даже свою голову, что, однако, не повлияло на достижение искомого результата.

— Нету, — в голосе Егора звучали горечь и досада, — видно, эти налетчики изъяли ее.

— А что ты ищешь? — поинтересовался, наконец, малыш.

— Рабочую тетрадь, в которой я записывал все результаты своих наблюдений за небесными телами и их координаты. Утро. Звезды уже не видны, как же я наведу на Алголь свой телескоп?

— Понятно, — вздохнул малыш, — да, без координат телескоп в нужную точку небесной сферы не наведешь. Выходит, побег был напрасным... Что будем делать?

— Сдаваться, — горько пошутил Егор.

— Может, куда-нибудь скроемся?

— Куда? Без денег, без документов, без всякого запаса продуктов, наконец. Нас мгновенно отыщут и схватят. Мы не сможем постоянно убегать с помощью твоего фонарика... Догадаются о его назначении, в конце концов — там же не дураки служат. Или случайно отберут вместе со всеми остальными вещами.

— Ты прав, — малыш понурил голову, — а может, попробуем договориться с ними? Объясним все...

— И они поверят в эту.., — Егор запнулся, — ...небывальщину? Про Темное вещество, про его агрессию против всей Вселенной, про выращивание людей?

— Ты же поверил?

— Я осознал это постепенно. А изложи все это разом.., — Егор покрутил пальцем у виска, — нас попросту сочтут за... Сам понимаешь кого.

— Но нам ничего другого не остается.

— Не остается, — эхом согласился Егор. — Значит, будем сидеть и ждать, пока за нами приедут. Не возвращаться же назад тем же путем. Они уже наверняка обнаружили наше отсутствие.

— Подождем. А что с мамой, ее тоже задержали?

— Не знаю, — спохватился Егор, — сейчас позвоним.

Он отыскал свой мобильник, который лежал на кухонном столе, и набрал номер. Прижал трубку к уху.

— В настоящее время связь с данным абонентом отсутствует, — механически повторил он вслед за приятным женским голосом телефонного робота.

Ответом на звонок с квартирного телефона были лишь продолжительные длинные гудки.

— Она была рядом, когда меня собирали в дорогу, — сообщил малыш, — двое дядек ее держали, а она кричала и вырывалась.

— Похоже, она находится в том же месте, откуда мы вырвались, — Егору стало невыносимо стыдно, что он на время забыл о существовании своей возлюбленной.

— Может, попытаемся пробраться к ней и освободить?

— Не имеет смысла. Ей также некуда податься, — вздохнул Егор. — К тому же мы вот-вот снова составим ей компанию. Пытаться скрыться от ФСБ бессмысленно. Нам остается лишь попытаться объяснить им настоящее положение дел, что будет очень нелегко.

На какое-то время оба замолчали, оставшись каждый наедине со своими мыслями. Затем Егор решил продолжить экскурс в дальнейшее видение ситуации своим юным другом.

— В дороге ты начал мне рассказывать о Создателе, давай продолжим эту тему, пока есть такая возможность.

- Хорошо, — тихо согласился малыш.
- Ты говорил, что хочешь освободить Создателя?
- Мне в любом случае необходимо к нему попасть и освободить его из заточения. Мы вместе возвратимся на Землю и, используя ресурсы нашей планеты и других планет Солнечной системы, а также энергию самого Солнца, соорудим гигантский излучатель энергии.
- Для чего?
- Для уничтожения Темного вещества.
- Егор лишь медоверчivo присвистнул.
- Даже то, что ты поведал мне об этом космическом супермонстре, который называется Темным веществом, не дает абсолютно никаких оснований мечтать о малейшем шансе на победу. Для сражения с ним нам не хватит даже ресурсов всей нашей галактики, именуемой Млечный путь...
- Малыш покосился на него и хитро усмехнулся.
- Речь не идет о прямом столкновении, типа стенка на стенку, — сообщил он. — Здесь, конечно, у нас не будет никаких шансов. Создатель придумал нечто иное. Все гениальное — просто.
- Что же это такое?
- Способ. Это способ приведения Темного вещества в другое, совсем неагрессивное состояние.
- Егор взорвался на собеседника с немым вопросом.
- Гигантский излучатель, о котором я уже говорил, — продолжил малыш, — ударит по самой структуре Темного вещества, а она довольно проста, невообразимо мощным пучком энергии с определенной длиной волны.
- И уничтожит его?
- Если бы..., — вздохнул малыш, — но это невозможно. Для этого, вероятно, понадобилась бы полностью энергия всей видимой Вселенной... Здесь же будет иное. Структура Темного вещества построена по принципу прямой связующей цепочки, скажем, как вереница доминошных косточек. Мы ударим по самой первой косточке, а дальше уже сработает принцип домино, и пойдет цепная реакция уничтожения составных частей всей структуры. Это будет катаклизм, которого еще не знает бесконечная история Вселенной.

Егор попытался представить этот чудовищный по масштабам процесс и не смог этого сделать. Все эти созданные воображением фантастов империи, межзвездные сообщества и звездные войны просто смешны и нелепы по сравнению с тем, что на самом деле происходит и еще произойдет в необъятных просторах космоса. Те силы безмолвного Зла, что таятся в бесконечных просторах безграничной Вселенной...

— Какой он из себя, Создатель, — немного помолчав, осведомился Егор, — ты его видел?

— Когда я смотрел на Алголь через твой телескоп, он сбросил по лучу и свое изображение. Он похож на Иисуса Христа с наших земных картин. Но при этом Создатель пояснил мне, что у него нет определенной формы и внешнего облика. Он представляет собой сверхплотный сгусток материи, не имеющей формальной конфигурации.

— А где сейчас Создатель? — спросил Егор.

— Темному веществу удалось заточить его в бывшую звезду Алголь, название которой переводится как Дьявол.

— Почему в бывшую? Она же светится на небосводе. Мы вместе с тобой на нее смотрели, — возразил Егор.

— Она уже давно превращена Темным веществом в черную дыру. Просто свет, излученный погасшей звездой, все еще идет к нам. И будет идти еще многие тысячи лет, хотя самой звезды уже нет.

— То есть Создатель сейчас находится в непреодолимых объятиях чудовищной черной дыры?

— Эти объятия, к счастью, преодолимы. Формула раскрытия гравитации находится в моей памяти и записана мной на одном из листочеков, которые ты вырвал из тетради и отдал профессору.

— Вырвал..., — как соннамбула повторил Егор, — из тетради...

Он уставился в одну точку, и вдруг в его мозгу высветилась вся эта картина. Проснувшись в то, такое далекое уже, утро с похмелья, он сразу же наткнулся на злосчастную тетрадку. Заглянул в нее, желая убедиться, что никакой записанной Димоном математической абраcadабры там нет. Но она, к сожалению, наличествовала. И он в отчаянии бросил ее возле

кровати на пол. Потом пил кофе. Кто-то ему позвонил. Затем тетрадка вновь попалась ему на глаза, и он принял роковое решение показать ее Николаю Фомичу. Так... Он поднял тетрадь и вырвал из нее поочередно листки с записями «тигренка». А куда он ее потом девал? Бросил на кровать? Наверное...

И Егор, вероятно, напугав своим резким стартом малыша, бросился в свою спаленку. Малыш, что-то недовольно бурча, двинулся за ним.

Увы. Тетрадки не было ни на кровати, ни под кроватью.

— Да. Ее все-таки прихватили с собой оперативники, — пробормотал Егор.

И вдруг рука, лихорадочно шарившая по всем кроватным закоулкам, нашупала искомый предмет, завалившийся между пружинным матрацем и деревянной боковиной каркаса кровати.

— Есть! — ликующе закричал Егор. — Вот она, нашлась!..

Малыш стоял перед телескопом с совершенно незнакомым Егору выражением лица. Что-то неземное и отрешенное пропадало в его глазах, устремленных вверх. Тончайший и, тем не менее, четко видимый ослепительно голубоватый луч, входивший в жерло телескопной трубы, уходил своим началом в бездну Вселенной, в район далекого Персея.

— Ты вернешься, тигренок?

— Не знаю. Поверь, я на самом деле, не знаю. Я вообще бесконечно мало знаю по сравнению с истинным знанием. Возможно, Он научит меня... И еще. Мне очень страшно, — и малыш неожиданно прижался к его руке своей горячей щекой.

Затем он резко отстранился и осторожно протянул свою руку к лучу. Егор даже не успел заметить момента самого прикосновения к сверкавшей линии луча, как малыша рядом уже не стало. Его исчезновение не сопровождалось ни звуками, ни запахами — пропал лишь также сам луч.

И в то же мгновение по ушам ударил грохот выламываемой молотом двери. На этот раз оперативники не стали тратить время на отмычки...

Егор повернулся на короткое громыхание упавшей на пол двери, спокойно поднял свои руки вверх и пошел навстречу ворвавшимся в квартиру людям в черном камуфляже.

Глава пятнадцатая

ОБЪЕКТ ЭЙБЕЛЛ-400

— Надеюсь, вы уяснили себе наши возможности в области развязывания языков, — генерал-лейтенант нервно шевельнул кончиками губ, — добавлю еще, что этот процесс весьма опасен для головного мозга человека. В первый раз вам повезло, все прошло благополучно. Второй раз может не сойти, и вы превратитесь в животное по разуму, хотя и сохраните свой внешний человеческий вид.

Егор молча кивнул головой. Он вновь сидел на стуле в знакомом уже кабинете.

— Значит, рассказывайте все — от и до.

— Что именно?

— Во-первых, как вам удалось совершить побег? За всю историю нашей тюрьмы отсюда еще никто не убегал.

— Если я вам поведаю о способе побега, мое место будет уже за двойной вашей решеткой, — горько усмехнулся Егор. — В вашей тюрьме ведь есть еще дополнительные надежные изоляторы для умалишенных?

Генерал молча глядел на пленника холодным немигающим взглядом.

— Вы мне все равно не поверите, — повторил Егор, — и заточите в психушку. Да, я не и смогу рассказать вам о сути этого способа, поскольку сам в этом ничего не понимаю. Побег осуществлен силами исключительно малыша.

— Я знаю, — сказал генерал, — точнее догадываюсь. Я запишу вас на диктофон, чтобы потом ваш рассказ был проанализирован учеными. Начинайте...

Егор сцепил перед собой руки, чтобы сосредоточиться, и начал свое неторопливое повествование...

— Да. Все это звучит весьма фантастично, — такими словами резюмировал высокопоставленный фээсбэшник первую часть услышанного.

Егор лишь неопределенно качнул головой, мол, сами же наставали.

— Откуда у него такие способности?

И здесь Егор так же честно рассказал все, что ему было известно.

— То есть вы полагаете, что все знания были переданы ребенку посредством этого самого луча, направленного со стороны звезды Алголь?

— Вне всякого сомнения. До этого контакта Димка был обычным малышом, полностью соответствующим своему возрасту в плане развития его, как личности.

— Конечно, науке известны многочисленные случаи внезапного развития феноменальных человеческих способностей, — раздумчиво произнес генерал, — но, как правило, это следствие различного рода травм. Да и касается это каких-то узких направлений в определенной области человеческой деятельности. Гениями же рождаются, но никак не становятся.

Егор лишь пожал плечами.

— Но главное обстоятельство произошедшего, — быстро сказал он, — звучит еще более безумно. Я, конечно, расскажу обо всем. Скрывать не только не имеет никакого смысла, но и, более того, нужно, чтобы вы это знали. Речь пойдет о планах уничтожения всей Вселенной неким космическим монстром. Поэтому нужно, чтобы при нашем разговоре присутствовали ученые в области математики, физики и астрономии одновременно.

Генерал взглянул на собеседника с явным недоверием. Он скептически хмыкнул и потер пальцем горбинку носа.

— Я тоже сначала отнесся к этому с недоверием, — зачастил Егор, — вы просто выслушайте меня, потом спросите мнение специалистов по поводу сказанного мной и лишь затем сделайте выводы.

Генерал хмыкнул еще раз, оставил свой нос в покое и отбрабанил пальцами по столу какой-то военный марш. На лице его никакие внутренние чувства не отражались.

— Ладно, — сказал он наконец, — давайте попробуем ваш сценарий. В конце концов, разберемся — где чушь, а где зерна истины. Вас отведут сейчас в другую комнату и покормят. Вы ведь голодны?

Егор лишь слегка сглотнул слюну, только сейчас поняв, насколько он проголодался.

— За это время, — хозяин кабинета правильно расценил его движение, — вы подумайте, как можно четко изложить

ваши.., — он помешкал, подбирав определение, — словом, ваше видение проблемы, если она действительно существует. Бумагу и ручку вам дать, чтобы планчик набросать?

— Проблема существует, да еще какая. Вы в этом сами убедитесь, а бумаги мне не надо. Малыш изложил мне очень четко, и я запомнил.

Генерал нажал на клавишу селектора...

— Егор? — Николай Фомич не смог скрыть своего крайнего изумления при его появлении и вопросительно взглянул на уже знакомого ему человека в форме генерал-лейтенанта.

— Да. — Генерал кивнул головой, — этот молодой человек продолжает оставаться одним из основных действующих лиц, или, как выражаются в нашем ведомстве, главным фигурантом.

В кабинете, помимо них, находились еще вице-премьер и президент Академии наук. Бесшумно двигавшийся офицер приворно поставил перед каждым из них по чашечке дымящегося кофе и так же быстро и беззвучно покинул кабинет.

Вице-премьер нарочито примостился почти в конце длинного стола для совещаний, показывая, что полностью отдает инициативу хозяину кабинета. Вид у него был усталым, но в запавших глазах горел огонек заинтересованности.

— Начнем? — генерал все же скосил глаза на вице-премьера.

Тот едва заметно качнул головой.

— Попрошу ученых внимательно послушать этого молодого человека и.., — он слегка замялся, — даже не послушать, а, скорее, осмыслить сказанное им, не торопясь с выводами. Наш гость сам предупредил о невероятности и фантастичности своего изложения и... Словом, слушайте и не стесняйтесь задавать свои вопросы прямо по ходу услышанного.

Егор встал со стула.

— Сидите, сидите, — генерал махнул рукой вниз.

— Мне так проще, привык со студенческой скамьи, — лицо Егора отражало отчаянную решимость.

Он предполагал реакцию собравшихся, но надежды быть не только услышанным, но и понятым не терял.

— Я начну с самого конца, — Егор обвел взглядом всех присутствующих и остановился на Николае Фомиче, — мне кажется, так будет понятнее.

Тот приободряюще тряхнул своей бородкой и сразу же забрал ее в ладонь, выражая высшую степень готовности внимать.

— Вселенной грозит невидимый и коварный враг, — пафосно начал Егор, но, увидев скользнувшие по лицам присутствующих улыбки, рубанул рукой вниз.

Он, не имеющий практического опыта оратора, умеющего сразу взять аудиторию в свои руки, тем не менее, немедленно сообразил, что взял неверную тональность и начал не с той фразы.

— Короче, говоря, — запальчиво продолжил он, — вы все просто должны поверить мне, невзирая на ваши высокие ранги и научные знания...

Когда необходимое вступление было закончено, на лицах присутствующих отразились разнообразные гаммы чувств. Пожалуй, больше с доверием, нежели недоверием, к рассказу Егора отнеслись лишь Николай Фомич и, как ни странно, вице-премьер, разом сбросивший усталый облик и привычно готовившийся к дискуссии. Что же касается заместителя председателя ФСБ и президента главного научного учреждения страны, то, судя по их скептическим улыбкам, повествование странноватого молодого человека произвело на них впечатление, если и не бреда, то какой-то мешанины из апокалиптических голливудских блокбастеров.

Генерал, однако, не спешил выложить свое мнение, а призывно глянул на ученых, предлагая им высказаться первыми.

— И из чего состоит это ваше агрессивное Темное вещество? — главный академик не счел необходимым скрывать свое недоверие.

— Темное вещество состоит из барионов, которые представляют собой трехкварковые частицы, — наизусть отбарабанил Егор, точно запомнивший все формулировки своего юного напарника. — При этом все физические свойства материи в его естестве исчезают.

Оба ученых изумленно взметнули брови.

— Это, в принципе, возможно, — осторожно сказал Николай Фомич.

— Возможно, — огрызнулся академик, — но далеко еще не факт. Ответьте-ка, мой юный друг, на всего лишь один простейший вопрос: кому же стали известны намерения Темного вещества и чем их можно подтвердить.

— Создателю, — спокойно ответил Егор, которого приободрила реакция Николая Фомича и, особенно, вице-премьера. — Это обнаружил Создатель. А подтвердить можно с помощью визуального наблюдения определенных участков неба.

— Оставим пока в стороне вашего какого-то гипотетического Создателя, — академик пренебрежительно мотнул головой, — какой участок неба вы имеете в виду?

— Звездный объект Эйбелл-400, расположенный на расстоянии 12,6 миллиона световых лет от Земли. Там сейчас происходит столкновение огромных скоплений галактик и начинается зарождение новой исполинской массы Темного вещества.

— Что значит, начинается зарождение?

— Темное вещество формируется из сверхмассивных черных дыр, образующихся в результате массовых взрывов Сверхновых звезд. Место столкновения окружено огромным кольцом Темной материи, размер которого около 5 миллионов световых лет в диаметре. Это можно наблюдать в мощные земные телескопы.

Ученые ошарашенно уставились друг на друга. Затем президент академии быстро перевел взгляд на генерал-лейтенанта.

— Александр Викторович, — обратился он, — можно ли от вас, я имею в виду из вашего здания, связаться с нашей обсерваторией, расположенной на Южных Курилах? Там, как раз, сейчас ночь.

— От нас можно связаться с кем угодно, — заинтересованно произнес тот, — пишите ваш текст на бумаге.

Академик немедленно набросал на листке несколько предложений и передал их генералу. Вызванный офицер бросился бегом исполнять приказ.

— А пока, мой юный друг, — едко начал глава академии, — извольте-ка...

Но здесь неожиданно вмешался вице-премьер.

— А пока, — тихо произнес он, — мы все посидим молча и попробуем переварить полученную нами информацию. К дальнейшему обсуждению вернемся после получения ответа с Курил.

Глава шестнадцатая

КАТАКЛИЗМ

Если бы земной наблюдатель мог увидеть, зафиксировать на видео и прокрутить записанное с очень большой скоростью... Ну, например, как показывают иногда распускание цветка. Снимают этот процесс в течение нескольких суток, а показывают за несколько секунд.

Так вот, если бы он со своей видеокамерой оказался в районе Плеяд три тысячи лет назад, то его взору открылось бы грандиозное по масштабам и чудовищное, по сути, зрелище ужасающей космической катастрофы.

Скопление галактик, известное под названием Abell 400, со скоростью 3700 километров в секунду начало отсчет времени своей гибели в лобовом столкновении со скоплением галактик 3C-75. Указанное скопление мчалось навстречу звездно-пылевой массе Abell 400 со скоростью 3400 километров в секунду.

Ужасное зрелище свертывающейся материи, гибнущей в раскаленном горниле, способно помутить любой разум, если он только будет способен воспринять этот вселенский катализм...

Вот две звезды — голубая и красный гигант — оказались в поле взаимного тяготения, и начался неумолимый процесс убыстряющегося с каждым мгновением вращения и сближения их раскаленных масс. Сила взаимного тяготения ускоряет ядерные реакции и все более раскаляет звездное вещество и в их недрах. Это смертельное объятие вызывает, наконец, мощный синхронный взрыв обеих звезд, как Сверхновых, сливающихся в одно нестерпимо белое пятно.

Подобные стычки происходят непрерывно на громадном участке космического пространства размерами в сотни парсеков, которое занимают столкнувшиеся с неимоверной скоростью скопления галактик.

Потрясающий межгалактический фейерверк вспыхивающих Сверхновых звезд делает этот участок космоса сотканным из нестерпимого ярчайшего света.

Еще более страшный оттенок чудовищной картине придает полнейшее безмолвие совершающейся космической трагедии.

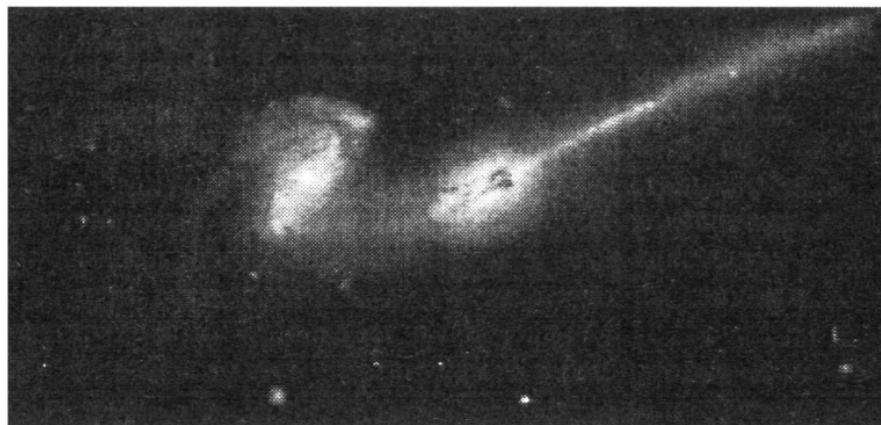
Космический вакуум не передает никаких звуков, и безобразный неслышный хруст сминаемой материи можно только видеть. В гнетущей застывшей тишине лишь возникают колоссальные вспышки сцепившихся в смертельной схватке уже Сверхновых. И уж, конечно, абсолютно беззвучны испепеляющие все вокруг ярчайшие фотонные лучи, несущее неумолимую смерть живым организмам рентгеновское излучение и разрушающая неживую материю, не такая спешная, но жуткая в своей неизбежности, гравитационная зыбь.

Но даже если бы звук в месте взрыва существовал, то образовавшиеся вокруг сверхплотные вакуумные поля с невероятной плотностью энергией, сжатые немыслимым давлением взрывной волны, не дали бы ему прорваться извне.

Увы, вся эта головоломная квинтэссенция последствий проходящей катастрофы не может быть запечатлена и истолкована обычным людским мышлением.

Бесполезно также подсчитывать неимоверное число звезд, с их системными придатками и межзвездным веществом, несущихся с обеих сторон и найдущих свою смерть в исполинском чреве взрыва. И столь же бессмысленно пытаться определить их суммарную массу — она не поддается существующему математическому исчислению и не подвластна человеческому разуму.

Возможно, там, в суперсжатом нутре черной дыры и ее окрестностях, совершенно не действуют все основные известные законы природы, а также образуются и иные измерения, с которыми человечество пока незнакомо даже теоретически.

А кривизна пространства в этом районе наверняка имеет структуру, не поддающуюся никакому осмыслинию.

Температура газовых потоков, бешено вращающихся и мчащихся со скоростью кластера, достигает семидесяти миллионов градусов.

Миллиарды звезд, вышвырнутые из эпицентра столкновения колоссальной силой взрыва, таща за собой длинные шлейфы межзвездного газа, с громадной скоростью удаляются от места космического катаклизма, чтобы обрести новое место обитания в близлежащей галактике.

Звездную участь разделяют и планетарные системы.

Еще задолго до того, как обитаемые планеты попадают в сферу взрыва Сверхновой и испаряются, жесткое рентгеновское излучение убивает на поверхности планеты все живое. Те разумные формы жизни, которые, чтобы спастись, уходят от воздействия смертоносных лучей в глубь планеты, уничтожаются последующим накатом гравитационных волн. Гравитация разрушает и всю внутреннюю структуру планеты, поэтому в страшное и безжизненное огненное царство попадают уже крупные куски и осколки материков и гигантские каплевидные массы бывших океанов.

Последние протуберанцы, взметнувшись со стороны эпицентра своими парсековыми сплохами, отдают как бы салют погибшей материи.

И еще тысячи лет гравитационная рябь, растекаясь по Вселенной концентрическими кругами, будет уничтожать на огромном пространстве существующие и только зарождающиеся формы жизни, в том числе и разумной.

Отголосок чудовищного космического катаклизма дойдет до Земли в виде мощной световой вспышки, заметной невооруженным глазом, лишь через три тысячи лет. Еще через тысячу лет земные материки вздрогнут от последствий гравитационной ряби, а океаны выплеснут на разрушающиеся города сметающие все на своем пути цунами.

А на месте космической катастрофы остается лишь шрам в виде сверхмассивной черной дыры диаметром со звездную систему, окруженной гигантским ореолом межзвездного газа и уцелевших в катаклизме звезд, медленно, но неуклонно втягивающихся в ее жуткий невидимый зев. И все это покрыто

красивой легкой вуалью образовавшейся в результате взрыва планетарной туманности, которая стыдливо пытается скрыть следы злодейского преступления, совершенного Темным веществом.

А сбоку уже, медленно, но неумолимо наползает безмолвная рыхлая хлябь Темного вещества...

И никто во Вселенной не подозревает, что началось нашествие, которое может положить конец и материи, и движению, и времени, и, в конечном итоге, всей Вселенной.

Никто?..

КНИГА ВТОРАЯ
ЧУЖОЙ МИР

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Возможно, а скорее наверняка, язык моего повествования будет скучен, но так же беден был красками и тот мир, в который я попал. Поэтому я не смогу живописать его полностью земными образами и понятиями со всеми их разнообразными колерами и оттенками. Однако пережитые мной приключения были чрезвычайно серьезными и опасными.

Глава первая

НЕВЕДОМЫЙ МИР

Это был явно чужой и неведомый мир. Кромешная тьма не позволяла разглядеть его подробностей, но напрягшиеся от неизвестности органы чувств четко отметили новизну и некоторую шероховатость ощущений, нахлынувших внезапно, всеохватно и потому пугающе.

Человек сидел на корточках в позе эмбриона, обхватив руками колени, и, несмотря на неудобство позы, пока не собирался ее менять. Не нужно делать никаких движений, могущих привлечь чье-то внимание. Следовало постепенно приобщиться к окружающей обстановке, которая могла быть очень опасной и непредсказуемой.

Прежде всего, запахи. Обоняние не улавливало ни одного знакомого запаха. Чужой мир пах почти однородно, но преобладали кисловато-горькие оттенки. Запах слегка подгнившего лимона, если сравнивать с чем-то земным. И еще пахло корицей, но не резко, а ароматно, как легким дуновением очень дорогих женских духов.

Окружающие звуки были приглушенными и неясными. Так бывает, когда вокруг густой туман, разбавленный осенним моросящим дождиком. Собственно, отчетливых звуков, как

таковых, слух не улавливал — так, какой-то расплывчатый фон. Может быть, легкий шелест листвьев на темных силуэтах окружающих деревьев. Судя по высоте, скорее даже не деревьев, а высокого и густого кустарника.

Вокруг, несомненно, был лес или что-то родственное ему. Зрение пока не могло зафиксировать деталей неизвестной растительности, но по земным понятиям это была флора. Подтверждением этому послужило сразу же усилившееся шуршание, вызванное незначительным порывом ветерка. Кожа лица явственно ощущала перемещение воздушной массы и отреагировала чувством легкой прохлады, вызванной этим порывом.

Слава богу, воздух по своему составу, если и отличался от земного, то весьма несущественно. То же можно было сказать и о его температуре. По привычным меркам — около восемнадцати-двадцати градусов по Цельсию. Вполне терпимо для ночной поры, а то, что это была ночь, сомневаться не приходилось. Небо было сплошь усеяно абсолютно незнакомыми созвездиями. Никакого подобия туч наверху не наблюдалось, а разноцветные звезды сияли ярко и однотонно, не изменяя своего блеска. Вероятно, атмосфера незнакомой планеты была более прозрачной. Не хватало и привычной Луны, хотя была почему-то уверенность, что какое-то подобие ей должно существовать и здесь.

Доказательств долго ждать не пришлось — над верхней границей растительности показалось ночное светило. Точнее, не светило, поскольку чужеземное небесное тело лишь отражало свет истинного светила, а что-то типа земной луны. Только цвет его был каким-то кровавым, густо-багровым, в отличие от приятного лунного цвета, который по-иному, кроме как лунный, и не назовешь, пожалуй. И по размерам здешний спутник планеты был несколько меньше. Однако бег его был стремительнее, а движение расчерчивало небесный свод ровно посередине.

А вот от следующего видения могло захватить дух у самого закаленного и искушенного зрителя. Над горизонтом почти одновременно всплыли еще две луны, почти втрое крупнее первой. Они как бы сопровождали соседку, одновременно стремясь ее догнать, и двигались по обеим сторонам главной луны, только очень низко по краям горизонта. Цвет сопровождающих был нежно-розовым. Все триочных светила создали весьма приличное освещение, сравнимое с земными белыми ночами северных широт.

Теперь можно было и осмотреться. Егор покрутил головой — вокруг был только высокий и густой кустарник. На деревья здешняя растительность явно не тянула как по высоте, так и по толщине стволов. Листья кустарника были какими-то странными — выпуклыми, вытянутыми в длину и остроконечными. Ими была усыпана почва вокруг, и Егор поднял один листок. Что-то типа стручка земного гороха. Он сдавил пальцы, лист хрумкнул и развалился на две части, а изнутри посыпались мелкие круглые семена, совсем как маковые зернышки, только темно-коричневого цвета. И сразу же усилился запах слегка подгнившего лимона.

Небо на востоке начало румяниться. Почему на востоке? Егор же не знал здешних сторон света. Но, по идее, где восходит дневное светило — там и восток. Соответственно, где заходит — там запад. Ну, и север с югом должны присутствовать. Получалось, что здешние экзотические луны начинали свой путь с севера и заканчивали на юге. Хоть какие то первичные координаты уже получены. Кстати, обе розовые луны дрогнули багровую уже на кромке южного горизонта и скрылись за его линией уже дружной компанией.

Утро. Однако никакого радостного птичьего ора по случаю наступления следующего дня. Все та же шуршащая тишина. Странно. Лес без птиц, что свадьба без невесты. Не было видно и никаких насекомых. А из-за горизонта уже выползал диск косматого кроваво-красного дневного светила, то бишь, здешнего солнца. Какое же оно громадное, раз в шесть больше нашего в диаметре. А рядом с ним всплывало еще одно дневное светило, только раза в три меньше и темно-вишневого, почти черного цвета.

Двойная звезда? Ладно, позже разберемся, покопавшись, как следует, в запасниках своей памяти. Облаков по-прежнему не наблюдалось, а чистый небосвод был странного розовато-серого цвета. Признаков присутствия живых существ так и не появилось.

Хорошо бы планета была полностью необитаемой. А если и обитаемой, то, во всяком случае, без этой фэнтезийной начинки, где каждый второй туземец пытается прикончить тебя зазубренным от бесконечных поединков мечом, да еще и является командующим целой орды эльфов или предводителем

шайки злобных гномов. Кроме того, каждый пятый абориген оказывается коварным колдуном, пытающимся (и не без успеха) определить твою истинную сущность и превратить в нечто противное человеческому разуму. На каждом шагу оборотни с чисто вампирскими наклонностями, норовящие вцепиться в твою шею, а немногочисленные красавицы оказываются весьма зловредными ведьмочками или (неизвестно, что хуже) нетрадиционной сексуальной ориентации, а то и вовсе двуполыми. Не приведи господь оказаться в такой кошмарной компании. Ну, да надо надеяться всегда на лучшее, а худшее оно и так никуда не денется.

Пора определять свое местоположение. Егор поднялся на ноги и почувствовал, что сила тяжести здесь меньше земной раза в полтора. Отлично, это даст дополнительное преимущество в физической силе. Он двинулся в западном направлении. Почему на запад? Косматое светило не будет бить в глаза и ослеплять. Легче разглядеть какую-нибудь подлянку, каковую может преподнести здешняя природа. И кустарник был пореже, возможно, впереди был выход на опушку леса.

Сзади вдруг явственно хрустнул стручок. Опаньки! Планета-то вполне обитаемая. Боковым зрением, не оборачиваясь, Егор увидел, что за ним крадется человек, скорее даже подросток. Юноша, как юноша — вполне даже земного обличья, одет в куртку и штаны, без головного убора. Только вот руки его были заняты луком, и тетива натянута — того и гляди, пустит стрелу в незащищенную спину. Чего я (перехожу к прямому повествованию), впрочем, ни чуточки не боялся. Спина как раз была надежно защищена. Под пятнистым спецназовским камуфляжем, в который я был облачен, находился бронежилет. Или, скорее даже, не бронежилет, а бронекостюм, или бронетрико. Словом, как ни назови (с подачи Малыша, я окрестил его ласково — броником или бронекольчужкой), а реальная броня, которой не страшны не только стрелы, но и пули.

По утверждению Малыша, который являлся автором проекта этого бронекостюма, материал, из которого он сделан, был абсолютно непробиваемым. Для его изготовления была использована особая субстанция, состоящая из паутины и тончайших полимерных нитей. Паутина эта непростая и была соткана пауком отряда птицеедов, обитающего в верховьях Амазонки. Паучище этот, как уже следует из его названия, отлавливал и поглощал

птиц, причем мог употреблять и довольно крупных. Его сеть разорвать было невозможно, и даже орлы, попадающие в эту ловушку, в конце концов, обессиливая, становились жертвами страшного насекомого-хищника. Это обеспечивало невероятную растяжимость костюма и его невообразимую прочность. Свойства непробиваемости придавали полимерные нити, которые при резком ударе образовывали особую кристаллическую решетку, надежно преграждающую дальнейшее проникновение ударного предмета. Более того, она не уступала ни на йоту никакому давлению. То есть даже крупнокалиберная пуля, к примеру, не оставляла на теле в месте удара ни синяка, ни царапины.

На мне его, правда, не опробовали. Первоиспытателем дивного костюмчика был человеческий манекен на полигоне, изготовленный из хрупкой пластмассы. Чтобы его не унесло пулями, он был привязан к бетонному столбу. В манекен в упор выпустили разом всю акээмовскую обойму. И когда броню сняли, на пластмассе не было ни вмятинки, хотя трепало его под градом свинца, как испортившуюся заводную куклу. Зрелище было впечатляющее: в стороны летели осколки бетона, а манекену — хоть бы хны.

Для простоты пояснения столь чудесных свойств Малыш сказал, что здесь действовал принцип ремня безопасности в автомобиле — резкий толчок, и ремень надежно стопорится. Костюм был совершенно невесом, почти прозрачен и защищал все тело, за исключением ступней ног и лица. В силу растяжимости он был впору как грудному младенцу, так и двухметровому гиганту. Однако пробить его было невозможно ничем, а прожечь данную броню мог только специальный кумулятивный снаряд.

Поэтому какой-то жалкой стрелы, выпущенной из примитивного лука, я совершенно не опасался. И уж, конечно, какой-то жалкий подросток не мог быть для меня сколько-нибудь серьезным противником.

— Индеец хренов, — подумал я беззлобно, — что же он собирается дальше делать?

Ответ на этот вопрос я получил уже очень скоро и на вполне понятном для меня языке.

Тем временем, судя по просветам в кустарнике, мы выбирались на край леса.

— Стоять и не оборачиваться! — голос мальчишки был звонким и ничем не отличался от тональности наших земных подростков. Басовитых ноток в нем еще не было. Чужой язык оказался лающим и отрывистым, чем-то напоминая наш немецкий.

Он был вполне понятен мне. Более того, я чувствовал, что знаю этот язык и могу свободно на нем разговаривать. Малыш вложил в меня и всевозможные лингвистические способности.

Я выполнил команду и остановился, не поворачиваясь на голос.

— Расставить руки в стороны и раскрыть ладони!

Во дает — не хенде хох какой-нибудь! Спецназовец хренов... Однако опасается, что у меня может быть оружие. Я исполнил требуемое, по-прежнему не оборачиваясь.

— Повернись лицом!

Ну, повернулся — дальше что? Стрела была нацелена мне прямо в грудь. Подросток старался казаться грозным и устрашающим, что у него, впрочем, плохо получалось. Мальчишеское самодовольство и ликование так и перли из него.

— Ты — мой пленник! — объявил юный лучник и опустил свое оружие. Стрелу он просто заткнул за пояс.

Одет он был в штаны, длинную рубаху и сапоги — и все это тусклого цвета сырого бетона.

— Следуй за мной! — парнишка прошел мимо меня и пошел вперед.

Ну, ничего себе спектакль! Прям, рыцарство какое-то средневековое. Объявил пленником и схватка закончена, не успев даже начаться. И где это видано, чтобы конвойр шел впереди конвоируемого? А по затылку схлопотать не хочешь? Однако воевать с мальчишкой я не стал. Пленник, так пленник... Главное — не враг. И он приведет меня в город, к взрослым, с которыми можно и поговорить.

Треск кустарника прервал мои размышления. Что-то темное и громоздкое выпрыгнуло из кустов и сбило мальчишку с ног. Зверь! Спина его была покрыта густой рыжей шерстью с серыми подпалинами по центру. Зверюга поднял вверх лапу с громадными когтями и собрался размозжить своей жертве голову и позавтракать без помех.

На меня он не обратил никакого внимания. То ли я не издавал привычного ему запаха, то ли слился в своем камуфляже

с фоном леса. Не мешкая, я включил всю свою физическую мощь и одним прыжком оказался на его спине, нащупывая руками шею хищника. Мальчишка лишь слабо пискнул внизу от двойной тяжести. Ну и шейка, не обхватить! Но мне нужна была горталь, и мои руки уже добрались до нее. Животное даже не успело повернуться в сторону неожиданно объявившегося противника, как раздался тошнотворный хруст, и мощное тело забилось в предсмертных конвульсиях.

Я сбросил еще содрогающегося в судорогах зверя с лежавшего мальчишки и лишь теперь сумел разглядеть его страшную треугольную голову. Почти всю морду занимала огромная разинутая пасть, а его гигантским клыкам позавидовал бы любой земной хищник. Параметры этой местной зверюшки соответствовали примерно львиным.

Парнишка, наконец, пришел в себя и тоже пристально разглядывал своего устрашающего четвероного обидчика. Но странно — на лице его не было никакого страха, оно выражало лишь некоторый интерес. Похоже, он тоже видел этого хищника впервые.

— Не ходите, дети, в Африку гулять! — эта сказанная мной фраза выдала мое шоковое состояние.

Только сейчас пришел настоящий испуг. В прошлой-то жизни я даже домашних собак побаивался и старался обходить их стороной. А здесь такой кошмарной образины не побоялся.

Между тем, мой конвоир встал, отряхнулся, подобрал свой упавший лук и жестом предложил мне следовать дальше.

«Даже спасибо не сказал! — обиделся я про себя, — плохо, видать, воспитали тебя папа с мамой...»

Впереди был пригород и, взобравшись на него, я увидел внизу селение. По земным меркам на город оно не тянуло, хотя и маленьким его не назовешь. Больше десятка довольно длинных улиц сходились лучами, с неодинаковыми промежутками между ними, к единому центру. Центр представлял собой овальную площадь с высоким столбом посередине. Как это принято и в наших городах, в центре находилось основательное строение, вероятно, что-то вроде мэрии или исполкома. Остальные домишкы были приземистыми, одноэтажными и несколько однотипной архитектуры. Интересно, что ни окон, ни дверей в них не наблюдалось.

По одной из улиц мы медленно продвигались к центру, никого не встречая на своем пути. Селение казалось безлюдным.

При ближайшем рассмотрении лачуги были сложены из камня беловато-серого цвета, наподобие известняка. Окон в них действительно не имелось, как и никаких других отверстий, даже дымовых труб. А вот некоторое подобие входа было — небольшой прямоугольный лаз внизу, в который можно было втиснуться только лежа или на корточках. Перед каждым из таких входов лежала продолговатая циновка из грубой материи цвета слоновой кожи. Понятно, чтобы не испачкать одежду, забираясь в дом.

Мы подошли к центру поселка, так никого и не увидев. Мальчишка целеустремленно направился прямиком к зданию, которое я принял за орган местной власти. Ясное дело, хочет сдать меня здешнему шерифу...

Глава вторая

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЕГОРА

Смертельный враг материи и всей Вселенной был случайно обнаружен астрономами совсем под боком — в районе планеты Нептун. Произошло это во время поисков даркснита.

Однако расскажу все по-порядку. Во время работы на Большом адронном коллайдере, сооруженном, как известно в Швейцарии, экспериментальным путем был открыт новый химический элемент. Сто девятнадцатого члена таблицы Менделеева сначала никак не назвали, поскольку вероятность его существования где-то во Вселенной в естественном виде приближалась к нулю. Он обладал удивительными свойствами. Имея громадный атомный вес, новый элемент при разгоне в коллайдере его частиц до субсветовой скорости начинал «выстреливать» пучки короткоживущих и распадающихся с рождением двух мезонов частиц с b -кварком.

Дальше не буду дурить голову научными премудростями, в которых и сам не разбираюсь, а слышал об этом со слов Малыша и академика Николая Фомича Колбанова. Короче говоря, эти коварные частицы, встречая на своем пути какой-то материальный объект, разрушали начисто его структуру,

заставляя его атомы складываться в нечто противоположное материи, например антиматерию.

Здесь действовал закон Т-симметрии... М-м-м... опять меня понесло в научные дебри. Попробую объяснить «на пальцах». Есть удивительные слова, так называемые «палиндромы», которые можно читать в любом направлении: справа налево или слева направо. Например, «колок» или «топот». Так вот, Т-симметрия — это нечто похожее: между событиями, описываемыми симметричными законами, которые работают в прямом порядке и обратном, нет никакой разницы.

Понятно? Не совсем? Мне тоже не очень понятно, так что примите эти ученые выкрутасы на веру.

Малыш первым понял, что новый элемент можно использовать как преобразователь Темного вещества, а Николай Фомич предложил назвать его даркснитом. От английского «dark» (темный).

Если вы помните, Николай Фомич Колбанов был близким другом моего отца и возглавлял научно-исследовательский институт ядерной физики при Академии наук, имел профессорское звание и даже был академиком.

Научными силами планеты было решено построить колоссальный излучатель — Сверхгигантский адронный коллайдер, который ударит по самой структуре Темного вещества, а она довольно проста, невообразимо мощным пучком энергии частиц даркснита с определенной длиной волны. Структура Темного вещества построена по принципу прямой связующей цепочки, скажем, как вереница косточек домино. Удар будет нанесен по самой первой косточке, а дальше уже сработает принцип домино и пойдет цепная реакция уничтожения составных частей всей структуры. Начнется процесс ужасного катаклизма, которого еще не знала бесконечная история Вселенной. В результате Темное вещество преобразуется в обычную материю и Вселенная будет спасена.

Но чтобы все это проделать, требовалось добыть даркснит в его естественном виде, которого не было не только на Земле, но не обнаруживалось даже в ближайших окрестностях Солнечной системы. Для начала нужно было найти это редчайшее вещество, которое, по предположениям ученых, могло существовать в природе в ничтожно малом количестве.

С этой целью днем и ночью радиотелескопы «простреливали» Вселенную во всех направлениях, надеясь обнаружить в ее необъятных просторах хоть какие-то следы даркснита.

И, наконец, ответный сигнал принес спектральный след даркснита, обнаруженный в одной из галактик, расположенной в скоплении галактик в созвездии Северная Корона. Расстояние до нее было чудовищным — один миллиард четыреста миллионов световых лет.

Не спрашивайте меня, как была вычислена конкретная планета, в районе которой был найден даркснит, и как я был туда заброшен. Объяснить этого я все равно не смогу, даже с теми познаниями, которыми снабдил меня заботливый Малыш. Знаю только, что это его рук дело, вкупе с Николаем Фомичем. Предполагаю, нет, даже уверен — не обошлось здесь и без Создателя.

Малыш там что-то объяснял про некий коридор пространства, где время напрочь отсутствует, а поэтому можно мгновенно очутиться в любой точке Вселенной. Не то чтобы я был полным лохом в этих вопросах, все же имел высшее образование, увлекался астрономией, плюс имел таких продвинутых друзей. Но понимал лишь то, что мне растолковывали «на пальцах».

Чем страшно пространство? Временем. С ним стараются и воевать. На преодоление одного и того же расстояния путешественнику, в зависимости от его технической вооруженности, потребуется различное время. Скажем, один странник пройдет сто километров за два дня. Другой то же самое расстояние пройдет на велосипеде за двенадцать часов. Третьему на автомобиле понадобится всего лишь час. Авиалайнер может преодолеть его за десяток минут. Допотопной земной космической ракете потребуется пять-шесть секунд. И так далее.

А если воевать не с кем? То есть времени на данном отрезке пространства нет. Выходит, сделал один шаг и оказался хрен знает где. Да еще, если учсть, что вся наша галактика с поэтическим названием Млечный путь — всего лишь амеба в луже безбрежного океана.

Вот такие мысли одолевали меня иногда после разъяснительных высказываний по этому поводу моих ученых друзей.

Между тем, могущественный хищник уже изготовился проглотить эту амебу, выбросив один из своих бесчисленных

отростков в направлении еще не покоренной им области Все-ленной.

Небольшое, по космическим масштабам, щупальце Темного вещества имело в диаметре всего лишь несколько миллионов километров и тянулось откуда-то со стороны сверхскопления Шепли. Его окончание было обнаружено лишь в четырнадцати миллионах километров от Нептуна. Это было явно начало агрессии, но не против Солнечной системы, эту мизерную частицу атома хищник даже не замечал, а против скопления галактик, в которое входил Млечный путь.

Когда я покидал Землю, там уже с размахом проводились работы по сооружению на орбите вокруг Юпитера Сверхгигантского адронного коллайдера.

Был создан и рабочий штаб по осуществлению всего проекта, возглавляемый уже известным мне вице-премьером. Фактически все кружилось вокруг Николая Фомича с Малышом. Именно они были основными генераторами идей.

Забавно было наблюдать со стороны их бесконечные научные дискуссии. Они хватали друг друга за грудки (Малыш, кстати, невероятно быстро подрос), выдирали из рук собеседника какие-то бумаги, испещренные заковыристыми длиннющими формулами, черкали и вносили туда правки, чертили головоломные схемы.

В эти минуты обычно ухоженная бородка профессора превращалась в подобие небольшого помела, а Малыш выглядел задорным петушком, выясняющим отношения с соперником по поводу права первой брачной ночи.

— Но Темное вещество состоит из барионов, которые представляют собой трехкварковые частицы, — азартно орал академик, — и мюонные струи не смогут создать нужного напряжения на разрыв!

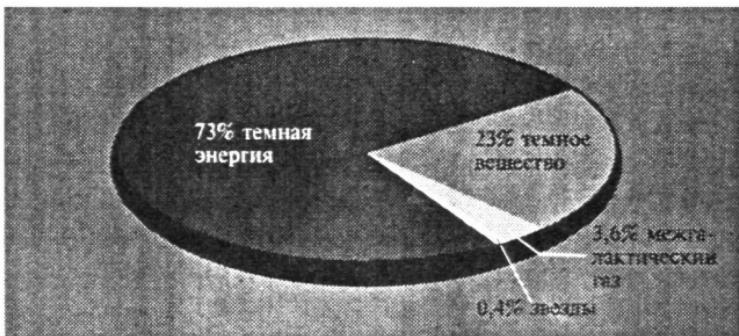
— Отчего же, — невозмутимо парировал Малыш, подскакивая от нетерпения и вцепляясь в расчеты, — их энергия на окончании пучка составит более двух триллионов электрон-вольт. Вот смотрите...

Однажды я услышал вообще про какую-то новую субстанцию, но решил, что они просто заговорились.

— Темная энергия, — важно вещал Николай Фомич, — представляет собой динамически изменяющееся во времени и пространстве поле...

— Именно поэтому мы и можем использовать ее в качестве союзника, — Малыш также вел себя степенно, — расчеты показывают, что она составляет семьдесят три процента всей массы Вселенной...

Уж не ослышался ли я? Более семидесяти процентов? Какая-то еще энергия? Я сунул свой нос между учеными мужами, чтобы вмешаться в полемику на основе своих собственных познаний и вот что я увидел. А потом втихую и запечатлев, воспользовавшись фотокамерой мобильника.

Надеюсь, вам эта схема понятна. Оказывается, масса звезд, планетарных систем и иных космических тел составляет ничтожную часть от всей массы Вселенной — всего лишь 0,4 %. И с такими силами мы собирались ввязаться в схватку с Темным веществом... Даже не с такими, а в миллиарды миллиардов раз меньшими, ведь Солнечная система — ничтожная частичка звездно-планетарной материи.

Однажды я таки встрял в один из их научных диспутов.

— Что произойдет, когда Вселенная перестанет расширяться и начнет сжиматься? — размышлял вслух профессор, — повернется ли при этом термодинамическая стрела времени? Начнет ли уменьшаться со временем беспорядок?

— Этого не может быть, — сказал Малыш, — воцарится непредсказуемый хаос. Например, упавшая на пол и разбившаяся вдребезги тарелка начнет собираться на полу из разлетевшихся кусочков в целую и вернется на стол, откуда она упала. Или представьте себе — все бы помнили завтрашний курс акций и удачно играли на бирже? Что из этого получится?

И здесь на арену выступил я.

— Вселенная не только необычнее, чем мы воображаем, она необычнее, чем мы можем вообразить, — это мудрое изречение застало их врасплох. — Время улучшения ситуации обратно пропорционально времени ее ухудшения, а качество корреляционной зависимости, в свою очередь, обратно пропорционально плотности точек.

С минуту они оба растерянно смотрели на меня, затем вцепились немигающими взглядами друг в друга, а потом началось...

Им не хватило столешницы, которая мгновенно заросла выведенными мелом формулами и прочими непонятными значками. Математико-физическими выкладками немедленно покрылся, выкрашенный в защитный цвет, борт стоящего рядом автобуса с локатором на крыше. Причем все эти действия прерывались обоядными выкриками и хватанием друг друга за грудки.

— Второй закон Свиппла! Дилемма Деври! Первый постулат Пардо! Правила Хешайза! Закон сэра Вуда! Принцип Бенедикта! Парадокс Чизхолма! — наперебой орали они и, выдирая мел из рук друг друга, чертили все новые кривые, синусоиды и оси координат, сдабривая их все новыми цепочками математических знаков.

Со всех концов начала сбегаться охрана, заподозрившая начавшийся на штаб налет со стороны крутых межпланетных террористов. Я же в панике бежал. Дело в том, что я процитировал этим ученым мужам всего лишь несколько парадоксальных, так называемых, законов Мерфи, способных сбить с толку любого теоретика. Плохо мало знать, но и знать много — тоже ни к чему хорошему не приводит.

Но хватит о грустном, поговорим о еще более грустном персонально для меня.

Я никогда бы и подумать не мог, что моя скромная кандидатура будет предложена на роль охотника за даркснитом. Тем не менее, с подачи Малыша, я попал в кандидаты на беспрецедентный межзвездный перелет. А скорее, я стал кандидатом в верного покойника...

Обсуждение этого вопроса на рабочем штабе было бурным и долгим. Глава ФСБ предлагал своего агента, министр обороны настаивал на своем кандидате, начальник ГРУ выдвигал своего человека. Не оставались в стороне и космические войска. Наука

требовала участия чисто научного кадра. Были и международные, натовский и ооновский, кандидаты.

Николай Фомич неожиданно поддержал предложение Малыша, тоже друг отца называется... На верную гибель ведь обрекает.

Последнее слово было за вице-премьером. Как ни странно, он остановился на выдвиженце Малыша, отрезав мне все пути к отступлению.

Впрочем, почему странно. Вице-премьер был чистым прагматиком, и, поскольку Николай Фомич с Малышом играли в проекте первые скрипки, он вполне доверял их мнению, а в их компетентности сомнения давно отпали.

К тому же Малыш в своей короткой речи при выдвижении кандидатуры гарантировал создание мне соответствующего научно-технического обеспечения по всем параметрам.

Мог ли я отказаться от этой очень сомнительной чести?

Безусловно, мог. Тем более что все предпосылки к этому были. По мнению блока руководителей в погонах, я был самым неудачным кандидатом. Больше всех негодовал директор ФСБ. Наверное, он хотел взять реванш за предыдущую неудачную операцию.

— Посмотрите на него, — главный босс фээсбэшников негодующе тыкал пальцем в мою сторону, — ну, какой из него силовик... У него нет никакой подготовки. Это обычный...

Не знаю, каким эпитетом он хотел меня наградить, но тут вмешался вице-премьер.

— Ему не придется штурмовать арсенал или завоевывать чужую планету, — веско произнес глава штаба, — его дело — разведка.

Он поиском глазами Николая Фомича.

— Если я правильно понимаю, ему будет вручен спектральный анализатор для обнаружения даркснита, и, когда тот сработает, нужно будет всего лишь послать специальный сигнал на Землю. Я верно излагаю его задачу, уважаемый академик?

— Да, — профессор прокашлялся и ухватил свою бороденку в ладонь. — Сверх того. Это будет крохотный приборчик «два в одном», то есть обе функции будут совмещаться. И еще, более того. Прибор будет имплантирован в тело разведчика, его нельзя будет потерять и невозможно обнаружить даже при самом тщательном осмотре.

— Но на неизвестной планете могут водиться всякие твари, — глава ФСБ не терял надежды, хотя бы запугать меня, чтобы я сам снял свою кандидатуру.

— Твари? — Николай Фомич был, кажется, озадачен, как ученый он далек был от всяких бытовых подробностей, — какие еще твари?

— Ну, всякие..., — с фантазией у фээсбэшника было не очень, — те же динозавры или каннибалы, например...

Тоже испугал. В фэнтезийных книжках и голливудских боевиках я встречал монстров похлеще, чем какой-то Ганнибал Лектор. Так что привычен и к шизоидным маньякам, и к горам трупов, и к рекам крови. Конечно, какая-то космическая нечисть должна существовать, но мы же земляне всегда их били. Тут я был подкован на все сто.

— Опять же спецслужбы разные могут существовать. Нужно уметь уйти от слежки, сбить со следа погоню...

Но вице-премьер не дал разгореться дискуссии на тему столкновений с кровожадными монстрами и вероятными контрразведками.

— Ваших плечистых маски-шоуменов, — резко заметил он, — с квадратными подбородками и оловянными глазами за версту узнает любой обыватель, а не то что вражеская агентура.

По-моему, он недолюбливал это ведомство, хотя и вышел из его недр, и на этом тема была закрыта.

Итак, мог ли я взять самоотвод? Теоретически мог, о чем особо подчеркнул вице-премьер в коротком заключительном спиче.

Но кем бы я стал в глазах моих друзей, если бы отказался?

Не знаю. Возможно, какое-то подобие дружбы и сохранилось бы, но уважать меня они точно бы перестали. И я себя перестал бы уважать. Не говоря уже об Иришке, в глазах которой я пал бы бесповоротно и окончательно. Вот эти «бы» и дали мне мужество сказать «да».

Хотя первым ощущением, которое я испытал, сказав это слово, было очень смешанное чувство. Ужас пополам с безысходностью. Подобное я ощущал, когда в Музее космонавтики в городке Монино (что под Москвой) я впервые воочию увидел капсулу, в которой стартовал в космический полет первый космонавт планеты Юрий Гагарин. Эта крохотная беззащитная скорлупка могла вместить лишь баскетбольный мяч. Ну, может,

два мяча. Я, с моими скромными габаритами, туда поместиться точно не смог бы. А если бы и сумел, то не усидел бы и минуты. Не говоря уже о полете в неизведанную бездну..

Уже значительно позже, поразмыслив на досуге над своей горькой судьбой и взвесив все контраргументы, я пришел к следующему выводу — не мог Малыш единственного друга отправить на эшафот так вот, запросто. Не будучи полностью уверенным в успехе. И Николай Фомич не мог. Напротив, они нашли мне нужную нишу, где я мог проявить себя, а не болтаться где-то в сторонке, за их спинами.

Единственное опасение, которое высказал профессор, заключалось в том, что неподалеку от точки моего финиша находилась сверхмассивная черная дыра. Неподалеку по космическим масштабам, разумеется. Мой путь должен был проходить мимо нее, а этот космический монстр силой своего чудовищного притяжения заглатывал все, что попадало в зону его влияния. Область черной дыры граничила с исполинским войдом.

Войд на языке астрономов — это пространство, совершенно свободное от скоплений галактик и звезд. Диаметр супергигантской пустоты был немыслимым — около трех с половиной миллиардов световых лет. Человеческие разум и воображение не могут себе представить такое расстояние, не заполненное звездно-планетарной материей.

Николай Фомич подозревал, что этот войд и образовался вследствие постепенной гибели сверхмассивной черной дыры, которая, умирая, пожирала самое себя, оставляя мертвую пустыню космического пространства. Малыш не возражал против такого предположения, но считал, что помехи моему скоротечному перемещению не существует.

Пространство и время в луче, который перебросит меня в точку назначения, будут сжаты до нулевой величины, утверждал он. Это произойдет практически мгновенно. В качестве иллюстрации Малыш взял листок бумаги и в разных его углах обозначил две точки. Первой была планета Земля, откуда я должен стартовать. Второй точкой являлась неизвестная планета, в районе которой были обнаружены следы даркснита. Затем он совместил обе точки, согнув листок, и проткнул место их соприкосновения кончиком шариковой ручки. Фигаро здесь — Фигаро там... Действительно выглядело просто и безопасно.

Я шел в неизвестность, но чувства страха у меня не было. Моя подготовка к экспедиции на неведомую планету не ограничивалась лишь изготовлением телесной защиты в виде броника. Я был подготовлен к грядущим испытаниям и всевозможным опасностям более чем всесторонне.

Малыш заверил, что постарается как можно полнее раскрыть резервные возможности моего организма. Чтобы я не чувствовал себя совсем беспомощным на чужой планете и мог, при необходимости, за себя постоять. И, следует отметить, он в этом преуспел. При помощи специальных упражнений, похожих на гимнастику йогов, я открыл в себе невиданные умения.

Я научился, например, парить в воздухе без помощи каких-либо технических приспособлений. Правда, лимит моего полета не мог превышать шести-семи минут. И на высоте двух-трех метров. В принципе я был способен подняться и на несколько десятков метров вверх — насколько хватило бы энергии в течение этого шести-семиминутного отрезка времени. Но это было очень опасно: могло не хватить мощности для мягкого приземления, и возникала большая вероятность просто разбиться в лепешку.

Оказывается, все дело было в умении использовать окружающую энергию. Точнее — научиться ее аккумулировать извне, а затем применять накопленное в различных целях. Это было труднее всего. Сам процесс накопления энергии был несложен, и я освоил его довольно быстро. Нужно было, закрыв глаза, почувствовать себя частицей окружающей среды, а затем представить себя центром притяжения различных энергетических потоков. И днем и ночью в любой точке земного шара текут, пересекаясь и переплетаясь самым причудливым образом, разнообразные энергетические реки и ручейки. Они существуют в виде всяческих волн: света, гравитационных, рентгеновских, радиоволн и прочих, перечисленных мне Малышом, названий которых я не запомнил. Все эти энергетические носители можно использовать для накопления дополнительной собственной энергии.

Только вот аккумулятор из меня получился никудышный. Малыш уверял, что энергии можно накопить даже на межзвездный прыжок, без всяких там космических ракет. Мой зарядки хватало ненадолго, даже в масштабах земных, не говоря уже о космосе.

Где конкретно она накапливается и хранится, было непонятно. Во всяком случае, после окончания процесса насыщения

энергией я всегда ощущал легкий укол в левую пятку и мне казалось, что именно там перекатывается некий крохотный шарик, хранящий драгоценный энергетический сгусток.

Впрочем, Малыш, которому я поведал о своих необычных ощущениях, отнесся к этому вполне серьезно и отчасти подтвердил мои предположения.

Более того, он рассказал, что легенда о знаменитой «ахиллесовой пятке» — это вовсе не стопроцентный миф. Согласно древнегреческим версиям Ахилл (Ахиллес), величайший герой Троянской войны, был сыном царя мирмидонян Пелея и морской богини Фетиды. Стремясь сделать своего сына неуязвимым и таким образом дать ему бессмертие, Фетида по ночам закаляла его в огне, а днем натирала амброзией и купала младенца в подземной реке Стикс. В результате Ахиллес стал полностью неуязвимым, за исключением пятки, за которую она его держала, окуная в воду.

И действительно существовала такая историческая личность с паранормальными способностями бойцовских качеств. Скорее всего, Ахиллес был пришельцем, инопланетянином, неизвестно как и зачем заброшенным на Землю в глубокой древности. Вероятно, это произошло каким-то случайным образом и ему пришлось смириться со своим положением и ассимилироваться в чужом обществе. При этом он показал многим своим противникам такую инопланетную кузькину мать, что навечно вошел в анналы истории. Однако исхитрились все же земляне, нашли слабину и поразили его в единственное уязвимое место. Знай наших!

Вообще, оказывается, возможности своего организма любой человек применяет в мизерном количестве. От Малыша я узнал, что обыкновенный средний человек использует возможности своего мозга лишь на четыре процента, а люди, призванные гениями, — всего на семь процентов. То же, приблизительно, касается и физических кондиций человеческого организма. Лишь очень одаренные спортсмены достигают восьми процентов заложенных природой возможностей, у остальных этот уровень втрое ниже. Потолка имеющегося потенциала можно достигать лишь путем накопления энергии, которая существует в природе повсюду в разнообразной форме и неограниченном количестве. Нужно всего лишь научиться это делать.

Как раз эта операция мне и не давалась полностью. По мнению Малыша, мне удавалось вырвать у природы лишь незначительную толику причитающегося мне ресурса. К сожалению, времени было в обрез и мне пришлось довольствоваться уже достигнутым. На мой взгляд, и полученные мной способности были удивительными и вполне суперменскими. Я мог использовать полученную энергию в любых целях. К примеру, стать абсолютно невидимым. Причем не только для людских глаз, но и для специальных радаров, способных обнаруживать даже объекты на основе стеллсовских технологий. К сожалению, режима невидимки хватало лишь на время до полутора десятка минут — в зависимости от того, передвигался я при этом или оставался на месте.

Я получил возможность многократно усиливать свою физическую силу. Для тренировки я вырывал из земли с корнем дерева до четырех метров высотой. Маловато? А вы попытайтесь руками выдрать из нормальной почвы хоть совсем крохотный кустик. Попробовали? То-то!

Мог вышибить плечом любую дверь, даже бронированную. При желании был способен проломить не очень толстую стену и при этом не получить ни царапины. Дело в том, что конкретно все эти действия совершались соответствующим сгустком энергии, который направлялся мной путем имитации удара телом или одной из его конечностей. Разрушающее воздействие производил пучок энергии, а уж следом прорывалась моя плоть.

Мой гуру, по прозвищу Малыш, не будучи экзотическим тайцем или японцем, вложил в мои мозговые извилины и мышцы навыки всех мыслимых восточных единоборств. Мои голые руки были теперь способны на настоящие чудеса, в плане побоищ в замкнутом пространстве и быстрого поражения превосходящей живой силы противника.

Теперь мне не было соперников и во владении любым холодным оружием. Я одинаково ловко фехтовал, даже сразу с двух рук, метал ножи с ужасающей меткостью и сбивал яблоко с предполагаемой головы точным броском старинной булавы.

Заодно Малыш обучил меня всем премудростям огнестрельного боя. При этом, как выяснилось позже, никакого оружия мне с собой в командировку на чужую планету не дали. Из соображений моей же безопасности, как мне было сказано, мудрыми руково-

дителями разработанной военными, фээсбешниками и учеными операции. Вас бы на мое место, заботливые вы мои...

Я мог... Короче говоря, мои возможности были сопоставимы с организованной группой Бэтменов. И, думаю, схлестнувшись я с ними в честном бою — киношным суперменам не поздоровилось бы.

Откуда сам Малыш взял все эти специфические познания и умения? Я полагаю, что к этому времени он впитал в себя абсолютно все земные науки и знания и не только земные, общаясь периодически с Творцом посредством кратковременных, но емких сеансов связи...

Конечно, я получил лишь небольшую толику специальных дисциплин в области человеческих возможностей, но и эта малость впечатляла весьма и весьма.

Но все это — при наличии аккумулированной во мне энергии. Без нее я оставался обычным человеком. Безусловно, более ловким, лучше другого подготовленным к неприятным неожиданностям и более изощренным в быстрейшем разрешении возникающих практических задач. И все же человеческой плотью — уязвимой и чувствительной ко всяkim бякам и поползновениям извне.

Процесс обучения не состоял из обычных тренировок и зурбажек, а включал в себя кучу этапов, насыщенных всесторонней физической, духовной и астральной энергетикой. На завершающей стадии Малыш «слил» в мой мозг неимоверную массу всевозможной информации по различным вопросам.

Моя память стала невероятно громоздкой и настоящим хранилищем всяческих, нужных и ненужных разнообразных данных и сведений. И, если я хотел что-то найти, приходилось действовать по принципу компьютерного поиска. Допустим, я хотел покопаться в основах биометрии. Для начала следовало мысленно определить диск, на котором содержится вся информация о человечестве. Затем в открывшейся директории выбрать раздел «Науки», ну и далее — «Естественные науки» — «Биология» — «Биометрия» (как раздел биологии). И просматривать нужные страницы.

Можно было действовать и по-иному, включая мысленную поисковую систему, по принципу работы интернет-поисковиков типа «rambler», «google», «yandex» и других. Но здесь

легко было захлебнуться бездной совершенно ненужных мне знаний. Так, набрав «биометрия» я получил бы десятки тысяч статей по этой теме. А на кой леший мне научные работы, к примеру, английских ученых девятнадцатого века Ф. Гальтона и К. Пирсона — родоначальников этой науки?

Короче говоря, процесс подготовки был, в конце концов, завершен и требовались специальные тесты для проверки усвоения всех полученных навыков и знаний.

На контрольных испытаниях, при стечении представителей всех заинтересованных ведомств, против меня была выставлена разведгруппа Рязанской десантной дивизии. Количество двенадцать единиц. Спецы еще те, настоящие волчары, один вид которых был способен произвести соответствующее впечатление даже на небезызвестных Джеймса Бонда во всех его ипостасях и прочих заграничных рэмбо. Увы, лихие бойцы в полосатых тельниках проиграли мне в течение двух минут. Даже одной минуты и пятидесяти двух секунд — время схватки хронометрировалось. При этом никто не был серьезно травмирован, так легкие вывихи, ушибы и синяки.

Для проверки иных моих тактико-технических данных я был сброшен ночью на парашюте в горный район северо-западного Пакистана, полностью контролируемый свирепыми и сверхбдительными талибами. Именно в тот район, где предположительно скрывался неуловимый Бин Ладен. Но это я узнал только по возвращении. Приземлился я неизвестно где. Естественно, без оружия, денег, каких-либо документов и даже без сухого пайка и аптечки. Через четыре дня, несколько исхудавший и обросший, я возник в кабинете вице-премьера, осуществлявшего общее руководство операцией. Миновав знаменитую кремлевскую охрану без единого инцидента. Сказать, что видавший виды один из высших чиновников страны был просто в ступоре, завидев мою персону у своего стола, значит лишь зафиксировать самый, что ни на есть, минимум.

После этого моя готовность в части выживания во враждебной среде была признана соответствующей, что и записали в каком-то специальном протоколе.

И все же, в самом конце, я поставил вопрос о выделении мне оружия. Мотивировка была проста: в чужой среде могли обитать враждебные, крайне агрессивные к любым другим osobям,

организмы. Ладно, если они будут величиной с крысу... А если габариты этих существ будут превышать размеры доисторических тираннозавров, бронтозавров и прочих динозавров?

Вопрос этот вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой мое предложение получило поддержку большинства присутствующих.

Руководитель ГРУ брал обязательство снабдить меня одной из самых последних разработок их секретных лабораторий — лазерным дробовиком, поражающим вероятного противника пучком лазерных лучей. Глава ФСБ предложил старое, но проверенное и надежное оружие — пистолет, стреляющий парализующими иглами. Министр обороны полагал, что достаточно знаменитого АКЭМа, но со специальными вакуумно-разрывными пулями.

Свою лепту внес даже Малыш, пообещавший изготовить персонально для меня парочку-другую ручных барионных гранат.

Вице-премьер тотчас заинтересовался этим экзотическим оружием. Малыш объяснил, что бомбочки будут представлять собой мини-черные дыры, и при взрыве втянут в себя всю материю в радиусе тридцати-сорока метров, которая бесследно исчезнет. Руководитель штаба сразу же достал рабочий блокнот и сделал в нем какую-то пометку, многозначительно глянув на генералов. Те последовали его примеру.

Казалось, в принципе, вопрос решен положительно и оставалось лишь выбрать вид вооружения, но все неожиданно испортил Николай Фомич. Ссылаясь на различные международные конвенции и на будущие межпланетные соглашения, он заявил, что посланец Земли, где бы то ни было, не вправе причинять вред окружающей среде чужих миров. Мол, гуманизм тем и отличает людей от прочих живых существ, а наша планета должна быть в авангарде межзвездного гуманистического движения.

Увы, вице-премьер, за которым было последнее слово, завершил выспреннюю профессорскую речь кивком согласия и добавил, что приобретенных мной навыков хватит на любую враждебную фауну. Более того, он дал команду взять с меня подпиську о непричинении немотивированного зла представителям других миров.

Честно говоря, моя подготовочка, в чем я имел возможность убедиться лично, и на самом деле по всем параметрам была на

высоте. Может и не хватало некоторых фэнтезийных прибамбасов, типа страшных колдовских заклинаний и превращений во всяких сказочных уродов, но я и не верил в существование таких в реальном мире.

Вообще, под влиянием своих достижений, приободряемый Малышом и Николаем Фомичом, я стал относиться к предстоящей экспедиции на чужую планету, как к легкой прогулке. Всего и делов-то — нажать на кнопку сигнала, когда умный приборчик учуяет присутствие даркснита. Я уже строил радужные планы по части причитающихся мне почестей и наград, а также на предмет более тесного сближения с Иришкой. Жалкий мечтатель. Если бы я мог предположить, что меня ждет...

Глава третья

СТАРЕЙШИНА

И все же я ошибся, посчитав самое большое строение селения главным местным представительством. Вход в него, правда, оказался нормальным и даже с закрытой дверью. А вот внутри открылось помещение, по земным меркам, соответствующее трактиру или харчевне. Освещение было каким-то необычайным туманно-призрачным, но видно было все хорошо. Источниками света служили причудливой формы светильники, похожие на пучки мха с вкраплениями лишайников белесого колера, развесанные по стенам этого явно общепитового заведения. Пол также был известняковый. В помещении были хаотично расположены грубые столы из того же известняка, покрытые скатертями типа тех же циновок унылого слонового цвета. Стульев не было вообще. Не имелось почему-то и главных атрибутов питейно-закусочного заведения. Я имею в виду камин и барную стойку.

Пока я разглядывал убранство сего странного трактира, из черневшего на противоположной стене проема другой двери вышел высокий и плечистый чернобородый человек, одетый в подобие длиннополого халата без пуговиц, но подпоясанного широким поясом без пряжки. И халат, и пояс на вид были все из той же ткани цвета слоновой кожи. Борода была пышной

и окладистой, такими изображали на старых картинах купцов или старообрядцев. Широко расставленные темные глаза, уставились на мою персону с нехорошим, как мне показалось, прищуром. Вид у него был властный и внушительный. Судя по всему, он и являлся хозяином заведения.

— Кто это? — вопрос был адресован мальчишке, меня пока игнорировали.

— Я взял его в плен в лесу, — рука моего конвоира ткнула куда-то в неопределенную даль, — можешь сделать его нашим рабом.

Вот те раз — рабом! Это в награду-то за спасение его от опасного хищника? Я глянул на него — может мальчишка шутит? Но увидел только его удаляющуюся в сторону черного проема спину, он отчего-то утратил ко мне всякий интерес.

— *Condenado¹ bambino², enfant terrible³!* — пробормотал я, от возмущения смешав испанский, итальянский и французский языки в одной короткой фразе.

Я уже упоминал, что Малыш снабдил меня удивительной способностью общаться на любом языке и иногда в моем мозгу рождались редкостные перлы, которые самопроизвольно высекали наружу посредством речевого аппарата.

— Кто ты? — это вопрос уже ко мне.

И пока я размышлял, как себя пообстоятельнее представить, чернобородый принял вслух гадать, сразу же озадачив меня своими странными предположениями.

— Рудокоп? Нет, не похож? Караванщик? Тоже нет. Может, обозник? Ты не обозник?

— Нет, — я не имел понятия, какого такого обозника он имел в виду, но приобретать подобный статус пока не собирался.

— А-а-а, ты, наверное, охотник, — обрадовался незнакомец, — с Дикого яруса свалился?

— Ниоткуда я не сваливался, — меня даже обидело это предположение (как будто с печки свалился), — я просто заблудился и...

— Что значит, заблудился, — грозно перебил чернобородый, — откуда ты? Из какого селения? У нас нет таких, как ты.

¹ Проклятое (исп.)

² Дитя (итал.)

³ Ужасный ребенок (франц.)

И он с большим сомнением обозрел мой камуфляжный прикид.

— Я с..., — ну, не говорить же мне, что я с другой планеты и вообще из другой галактики — вряд ли грозный незнакомец примет это на веру.

Эх, как-то я не подготовился к встрече с людьми такого уровня. Обычно в научно-фантастических книжках контакты с представителями иной цивилизации описываются по-другому. Надо выходить из положения. Проще всего сказать, что я ничего не помню — так меня невозможно будет уличить в какой-то лжи. А начнешь лгать и придумывать, непременно попадешься, и тогда жди любых неприятностей.

— Я не помню, как сюда попал, — сказал я, лихорадочно обдумывая свое дальнейшее поведение.

Начало моего обустройства в чужом мире явно не складывалось с самого основания. И сам этот мир с его серыми и однотонными красками мне не нравился. И не таким мне казался предполагаемый диалог с инопланетянами. Что-то типа обмена научными любезностями. А здесь сначала какой-то дурацкий плен, теперь допрос с пристрастием... Дальше что? Ясно только, что ничего хорошего...

— Не помнишь..., — это было сказано без всякой интонации, просто повтором.

При этом бородач весь подобрался, как бы готовясь к активным действиям и применению физической силы. Ну, этого, при моей-то подготовке, я ни чуточки не боялся, мне не страшен и взвод таких здоровяков. Однако начинать с конфликта не хотелось.

— Не помню, — в моем подтверждении не слышалось никакого вызова.

— Кто ты?

Вопрос был уже не нов, но приемлемых вариантов пока не было. Я никак не мог знать, кем я мог быть в этом мире, равно, как и не имел понятия, кто его населял вообще.

— Я не помню, кто я, — продолжая гнуть неопределенную линию, я сказал это самым мирным и добросердечным тоном, надеясь не прогневить своего настырного собеседника.

Как ни странно этот ответ, похоже, его удовлетворил или, во всяком случае, успокоил.

— Четыре периода назад, — буркнул он, то ли для себя, то ли для меня, — в становище растенщиков тоже забрел неизвестный — он стал рабом их старейшины... Как твое имя?

— Егор, — здесь я не стал лукавить, а то, не дай господь, окрестят каким-нибудь эндрюсархусом и бкртчнаном.

— Меня зовут Мальен, — кажется, отношения налаживались, раз началось знакомство.

И я протянул ему руку, как это и принято при процедуре знакомства, но он лишь удивленно на нее посмотрел. А вот продолжение диалога меня не обрадовало.

— Будешь моим рабом, — похоже, данное утверждение обжалованию не подлежало.

— Я не..., — конечно, я собирался выразить свой протест этому неожиданному закабалению, но он меня перебил, сразу определяя *who is who* и расставляя все точки над *i*.

— Я являюсь старейшиной этого селения, — эти слова меня несколько удивили, вот уж не подумал бы — никаких атрибутов власти на собеседнике мною замечено не было. Трактирщик и трактирщик...

Мое неопределенное пожатие плечами побудило его выдвинуть еще один веский тезис.

— И мой сын взял тебя в плен! — торжественно закончил чернобородый властитель.

Доводы, несомненно, убедительные, однако никаким рабом я становиться не собирался и уже готовился показать, в свою очередь, кто есть кто, вплоть до применения к поработителю физической силы. Ведь не самый же он главный на этой планете, где-то есть центральная власть — туда-то мне и надо стремиться, а не вступать в сложно-правовые взаимоотношения с главой какой-то убогой деревни. Или погодить с выяснением отношений, а попытаться выяснить на месте, как можно больше об общественном устройстве чужого мира?

Пока я решал эту непростую дилемму, бородача позвали внутрь второго помещения, где скрылся его сын.

— Мальен! — голос был женским и приятным, — подойди к нам!

Старейшина повиновался, но перед уходом выкинул позабывший меня трюк. Он внезапно снял свой пояс, схватил меня за руку и обвязал запястье неожиданно сложным узлом, показывая

несомненные морские задатки. Второй конец пояса он накинул на здоровенный металлический крюк, вбитый в стену, и сотворил там такой же диковинный узел. Ага, это, чтобы новоиспеченный раб не сбежал. Ладно, сделаем вид самой смиренной овечки, не будем пока пугать старика небрежным выдергиванием крюка.

Но когда он вышел, я все же попробовал освободиться. Кто его знает, вдруг эта железяка заделана в известняк намертво и вытащить его можно только вместе со стенкой. Распутывать чертовы узлы не стал, а просто включил физическую мощь, дернул рукой и крюк легко, как гвоздик из сырой картошки, выскоцил из стены. Полностью освобождать руку не стал, оставил на потом, чтобы продемонстрировать воочию местному вождю, с кем он имеет дело.

Старейшина отсутствовал недолго. Войдя, он молча уставился на образовавшуюся в стене дырку, а затем опустил взгляд на мою руку. Я демонстративно поднял ее на уровень глаз, а затем второй рукой небрежно, всего лишь пальцами, порвал свои путы. Они разлезлись, как полусгнившие нитки, хотя я и почувствовал их удивительную прочность. У Мальена аж глаза полезли на лоб.

— Рабом не буду, — буднично сказал я, опуская изуродованный пояс с крюком на пол.

— Не будешь, — подтвердил чернобородый Мальен, — почему ты не сказал, что на Аллока напал дзург, а ты помог ему освободиться?

Ага, значит, его сына зовут Аллок. Неблагодарный свиненок, однако, твой отпрыск, папаша. Вместо того чтобы сказать хотя бы спасибо, в рабство хотел сдать и даже не обмолвился отцу, что я спас ему жизнь. А зверюга, стало быть, звался здесь дзургом.

— А что, твой сын не мог сам об этом рассказать? — мои слова были смесью иронии со злостью, — или твоему народу вообще чужды чувства признательности и благодарности?

— Разве ты забыл, что основные чувства приходят к нашим детям с достижением брачного возраста?

Этим ответом он меня сразил. Так вот почему парнишка вел себя так черство и бездушно! Позднее я узнал, что здешние подростки обретают стыд, любовь, скорбь, сердечность, благодарность и прочие проявления человеческого душевного состояния только по достижении ими, по земным меркам, совершеннолетия. Как только впервые юноша или девушка

посмотрят на подростка противоположного пола, опять же выражаясь по-земному, сексуальной заинтересованностью, они обретают чувство любви, а вслед за ним появляются и остальные нормальные страсти, пристрастия и их эмоциональные проявления. Вслед за этим родители покупают юношам жен, и начинается их самостоятельная жизнь. Но здесь я забежал вперед, позже расскажу и об этом.

— Я же говорю, что ничего не помню, — вяло парировав реплику собеседника, я впал в легкий ступор — в какой же странный мир меня занесло...

— Ты, правда, убил дзурга? — в голосе Мальена сквозило нескрываемое недоверие.

— Я его задушил.

— Этого не может быть. Он страшный и сильный. Дзурга нельзя убить даже копьем. Его шкура, покрытая очень густой шерстью, прочна и непробиваема. К тому же дзурги в нашем лесу не водятся, они живут в горах.

— Ты не веришь своему сыну?

— Дети не умеют врать, — убежденно произнес старейшина, — но иногда могут фантазировать.

Он перевел взгляд на валяющиеся на полу обрывки пояса и поднял их.

— Хотя и джалмин невозможно порвать, — пробормотал он, — но ты же его разорвал...

Я подумал, что джалмин — это пояс и поделом ему такая участь, нечего вязать честных людей, но позднее узнал, что так назывался материал, из которого здесь делали все предметы одежды и многое другое.

Мальен продолжал вертеть в руках остатки пояса и рассматривал на меня уже с явной опаской. Дырка от крюка, скорая расправа с путами — доказательства вроде бы налицо. Но мертвый дзург? В это, судя по выражению его лица, он никак не мог поверить.

— Может это детеныш дзурга? Или совсем больной дзург? — сомнения его не отпускали.

— А ты сходи и посмотри, — мой выпад был недурен.

— Верно! — довод был неожиданно принят, — надо взглянуть на это место.

И он выждающее уставился на мои руки.

— Только без меня, — моя решительность не оставляла надежд на мое участие в поисках зверя, — к тому же я не найду, где это было.

— Аллок!

Непутевый сынишка вбежал в зал с неизменным луком в руках.

— Ты помнишь место, где на тебя напал дзург?

— Помню! — уверенно заявил доблестный лучник.

— Сейчас я соберу людей — проводишь их туда, — и они двинулись к выходу.

У самой двери Мальен вспомнил обо мне и остановился.

— Ты никуда не уходи отсюда, — это был уже не приказ, а скорее просьба, — ничего дурного тебе у нас не сделают... И не ломай больше ничего, — он оглянулся еще раз.

Пока старейшина отсутствовал, я продолжил изучение окружающей обстановки. Но особых дополнительных знаний не получил. Столы трактира были рассчитаны на 5—6 стоячих мест, а всего их было четырнадцать. То есть вместимость заведения была порядочной и, скорее всего, Мальен, занимая пост старейшины, был и его хозяином. Относительно чистые стены и неповрежденные предметы мебели свидетельствовали о том, что пьяные потасовки, если они тут и случались, были редкими и не очень буйными. Возможности отсутствия здесь спиртного я не допускал. Для чего тогда людям идти за общие столы? Борщца похлебать? Так это, с гораздо большим комфортом, можно сделать дома. Да и не приспособлены эти столы под первые блюда, а стоячие места предполагали только к недолгой выпивке и легкой закуске.

Легкое перешептывание прервало мои изыскания, и в темноте дверного проема я заметил две пары блестящих глаз. Гадать, кому они принадлежат, я не стал — то ли прислуга, то ли домочадцы старейшины, мне-то какая разница. Судя по уже увиденному, жил здешний народец небогато. Основным строительным материалом служил беловато-серый известняк. Деревянных изделий почему-то не было.

Я присмотрелся, а затем и потрогал скатерть на столе. Ткань по структуре и цвету была такая же, как и ткань, из которой был сделан пояс, только значительно толще. Наибольший интерес вызывали светильники: уж больно вычурный вид у них

был, и свет они давали какой-то не искусственный, а скорее естественный. Я уже примеривался поизучать один из них поподробнее, но в это время вернулся Мальен.

Прямо от входа он окинул помещение несколько обеспокоенным взором, но изменений в окружающей обстановке не углядел и направился ко мне. Перешептывание у других дверей сразу же прекратилось, и блестки глаз исчезли. Значит, это были слуги, решил я, но оказался не прав.

— Тилна! Эмата! — рявкнул бородач, и поначалу я принял это за заклинание.

Но из темноты проема выплыли две женщины, точнее, одна из них была совсем молоденькой девушкой.

— Это Тилна — моя жена, — рука старейшины ткнула в сторону старшей.

Жена выглядела гораздо моложе Мальена, а ее глаза смотрели на меня благодарно и признательно. Еще бы — я спас ее сына.

— Эмата, — имя было произнесено с любовью.

Дочь оказалась пухленькой толстушкой, совсем не в моем вкусе, но симпатичненькой и очень подвижной. Впрочем, судить о ее стати пришлось лишь по ее личику. Длинная, до пола, юбка и что-то вроде длиннополой рубашки полностью скрывали ее фигурку. Такое же точно одеяние было и на мамаше. Скудость здешней моды удачно дополнял все тот же серо-слоновый цвет одежды. Да, бедноватый народец тут обитает, если даже семья старейшины селения щеголяет в таких нарядах.

«А ведь он почему-то полностью мне доверяет...» — эта возникшая вдруг при представлении семейства мысль была дополнена воспоминанием о том, что Мальен, по сути, оставил их со мной наедине, уходя с сыном на сбор поисковой команды.

— Егор, — я церемонно склонил голову.

Жена заулыбалась еще больше, а дочь зарделась и опустила глазки.

— Принесите нам по кружке эля и сушеных овощей, — и Мальен жестом пригласил меня к ближайшему столику.

Первым делом он уставился на мой спецназовский прикид, ему явно нравилась пятнистая расцветка и такое количество карманов.

— Я никогда не видел такой одежды, — с восхищением произнес он, ощупывая прочную, но мягкую ткань.

Что ж, намек был понятным, и у нас на Земле у многих народов существовал обычай отдавать собеседнику вещь, которую он похвалил. И я, ничуть не сожалея, впоследствии подарил комбинезон старейшине. Все равно ходить в нем здесь нельзя, только привлекать внимание столь экстравагантным одеянием.

Забегая вперед, отмечу, что Мальен надевал комбинезон только в самых торжественных случаях, таких как общий селянский сход. И выглядел в нем внушительно, словно в королевской мантии и с посохом в левой руке, как символом власти. Погоны представляли собой деревянную увесистую клюку с резным наконечником, изображавшим местного двуликого бога, и присутствовал только на сходах и разборках различных междуусобных тяжб. Надо было посмотреть, как восхищенно пялились на него соплеменники, когда он председательствовал в таком наряде.

Два вместительных глиняных сосуда с напитком и тарелочка с какими-то корявыми стручками очутились перед нами почти мгновенно, что свидетельствовало об отсутствии прислуги. Семья при обслуживании клиентов, похоже, обходилась своими силами.

Пиво оказалось терпким кисловатым напитком с запахом животного жира. Но не пригубить его было нельзя — законы гостеприимства едины у всех рас и народов. Теперь следовало приступить к делу и выяснить, прежде всего, куда я попал.

— Как называется ваше селение?

— Становище тканщиков, — ответ был предельно краток и указывал на отсутствие названий населенных пунктов, как таковых.

— Не выражай удивления по поводу моих дальнейших расспросов, — попросил я Мальена, — возможно, они покажутся тебе смешными и нелепыми. Я просто почему-то забыл всю свою предыдущую жизнь, а с помощью твоих ответов надеюсь возвратить свою память. Поэтому рассказывай все и как можно подробнее, как ребенку, недавно увидевшему свет.

Мальен согласно кивнул головой и, забросив в рот овощной стручок, принял его посасывать, запивая глотками эля. Последовать его примеру я пока не решился и продолжил задавать вопросы. Причем попытался разбросить их похотичнее, что было бы несомненным признаком полной моей амнезии.

— А далеко ли от вас находится главный город вашей страны и как он называется?

— Столица, что ли?

— Да.

— Он так и называется столица, вернее имперская столица. А находится на имперском ярусе, я в ней никогда не был, и никто из наших там не бывал.

Опять какой-то ярус. Вероятно, это название области или провинции империи. Но дополнительные вопросы пока опустим, чтобы не вызвать лишних подозрений. Главное, уже известна форма государственного устройства — империя. Следовательно, есть император и соответствующий двор, куда мне и нужно стремиться попасть, чтобы получить необходимую информацию у компетентных лиц о залежах и добыче полезных ископаемых. Стоп, Мальен ведь предполагал — не рудокоп ли я. Невероятно, неужели я угодил прямо в цель и оказался там, где как раз и добывают даркснит?

— Кто такие рудокопы?

— Каторжане, сосланные из империи за совершенные ими злодействия.

Ого, почти четкая юридическая формулировка. Не так прост этот Мальен, как может показаться на первый взгляд. Надо держать с ним ухо востро. Не зря он является старейшиной большого поселения.

— Они добывают руду?

— Да, у самого подножия гор.

— Много ли их?

— Не знаю, я там не был.

Вот домосед чертолов! Где же он бывал?

— А что они добывают?

Здесь Мальен запнулся, подбиравая ответ. Наверное, конкретное название руды ему было неизвестно, и он силился объяснить, хотя бы где она находит свое применение.

— Они достают из горы денежную руду, — наконец сообщил он.

— Денежную руду?

— Ну, да. Из чего в империи делают деньги. Я сейчас покажу.

Он залез за пазуху и выудил оттуда что-то типа кисета для табака, горлышко которого затягивалось шнурком.

— Вот, — шнурок был растянут, и на его широкую ладонь лег блестящий круглый шарик, величиной с горошину.

— Можно посмотреть?

Мальен кивнул головой и протянул ладонь ко мне. Шарик, как шарик, чистая медь без всяких там обозначений и клейм.

— Это деньги?

— Да. Это один фарг.

— А какие еще есть деньги?

— Ларги и дарги.

— Можешь показать?

— Покажу.

Мальен довольно долго рылся в своем кошеле, пока не выудил шарик, отличный от первого серебристым блеском.

— Это ларг, — гордо сказал он, — за два ларга можно купить очень хорошую джалму.

Так, производное от этого слова я уже слышал — джалмин. То есть прочный материал, который, якобы, невозможно порвать и из которого сделан пояс. Что за джалма такая? Отрез ткани, что ли? Ладно, оставим на потом. Это было явно серебро и, судя по блеску, очень высокой пробы.

— А дарг?

Здесь Мальен замялся. Видно, деньги была дорогущая, и он не очень хотел показывать ее посторонним.

— Здесь его нет. Это редкость в наших краях. У меня только одна такая монета, она спрятана. Сейчас я ее принесу.

С этими словами он скрылся во второй комнате. Все же он мне доверяет, я еще раз в этом убедился. Отсутствовал старейшина довольно долго, и я успел продумать последовательность других, интересующих меня вопросов.

— Вот дарг! — Мальен показал мне его издали, держа шарик двумя пальцами руки.

В руки он мне его так не дал, но я и не настаивал. По характерному тускловато-желтоватому блеску было ясно, что это золото. Он быстро унес его назад, и я, видя, что некоторые откровения на эту тему неприятны, постарался быстро сменить ее, выяснив лишь основы туюшней денежной системы. Она оказалась несложной: десять фаргов равнялись одному ларгу, а десять ларгов — одному даргу. Вот и все. Красотища, никаких тебе пенсов и фунтов. И рай для фальшивомонетчиков. Подделать такие монеты можно без всяких технических пре-

мудростей и сложной аппаратуры. По степени защиты своей валюты можно судить об уровне цивилизации государства. Получалась картина полной отсталости. М-да.

— А что твой сын искал в лесу?

— Заросли светляков, некоторые уже пора заменить, — но здесь Мальен вдруг забеспокоился, подошел к входной двери и открыл ее.

Он долго вслушивался и куда-то всматривался. На лице его появились признаки беспокойства.

— Дневное светило уже садится, — это было сказано с тревогой, — а сына все нет.

— Это неблизкий путь, — успокаивающе заметил я.

— Лес же рядом. А ты точно убил дзурга? Может, ты его просто оглушил? — от этого предположения у него даже сорвался голос.

— Он мертв и.., — начал я, но продолжения не потребовалось.

Снаружи донесся неясный шум и возбужденные крики людей. Мальен выскользнул на улицу, и я вышел вслед за ним.

Это было впечатляющее зрелище. Четверо аборигенов тащили на нескольких скрещенных стволах кустарника громадную тушу убитого зверя. Двое, вооруженные копьями, шли вслед за ними. А впереди гордо шествовал Аллок со своим луком, как будто это именно он уложил страшного хищника. Народ повылезил из своих хибар и бурно выражал свой восторг ликующими криками. Тушу сбросили под ноги Мальену, а возле его трактира собралась целая толпа. На меня внимания почти не обращали. Каждый норовил подергать дзурга за его густую щетинистую шерсть и издать ликующий победный клич. А в толпе шел оживленный спор, чем именно был убит зверь. Все сходились на копьях, но ран обнаружить не могли. Вопрос об авторе победы почему-то не стоял вообще, но меня это мало трогало. Глядя на свирепо оскаленную треугольную морду, я и сам не верил в то, что это страшилище было убито мной.

Импровизированный митинг закончился массовым распитием эля в трактире. Тилна и Эмата едва успевали разносить кружки с пенящимся зельем и тарелочки с сушеным снедью.

Глава четвертая

КОЕ-ЧТО О ЯРУСАХ

Проснулся я в несколько разбитом состоянии, что объяснялось плохим сном, ввиду отсутствия привычных атрибутов кровати. Ложем служил известняковый топчан, а из постельных принадлежностей наличествовала лишь тощая циновка. Все тот же загадочный джалмин, который различается здесь лишь по толщине, и все тот же кошмарный слоновый цвет. Ни подушек, ни одеяла. Впрочем, спать было не холодно, только жестко, а под голову я положил руки. Свет на ночь выключить не удалось — светильник, такой же, как и трактирные, не имел ни проводов, ни розетки, ни выключателя.

Побаливало почему-то бедро, я протянул руку, чтобы помассировать ноющий участок мышцы, и наткнулся на нечто твердое лежащее в одном из многочисленных карманов комбинезона. Это была крохотная зажигалка. Она и являлась источником боли, всю ночь я прижимал ее бедром к твердой поверхности топчана. Эта зажигалка была моим спутником в долгих и непростых странствиях в горах Пакистана. Удивительно, как она завалялась, и ее никто не заметил при осмотре моей одежды. Брать с собой, на чужую планету земные предметы, за исключением одежды и обуви, было запрещено. Но раз уж она есть, то пригодится, может, кому-нибудь подарю.

Тот темный проем, из глубины которого вчера поблескивали глаза двух женщин, вел в просторную трактирную кухню. Кухонное помещение было заставлено чанами и бочками различных размеров, а стенки занимали полки с разнообразной посудой. Никакой печи не было и в помине.

— Должно быть, они разводят огонь прямо на улице из соображений противопожарной безопасности, — решил я и, как оказалось, ошибся.

Дом старейшины примыкал к трактиру и соединялся с кухней узким и низким лазом. Судя по тому, что мне была предоставлена, пусть и крохотная, но отдельная комната, помещений в нем хватало.

На завтрак я получил кружку зеленоватого зелья, которое по вкусу отдаленно напоминало козье молоко, и что-то вроде сущеного хлебца. Маловато, конечно, но с голоду не помру.

Утро началось с попытки снять шкуру с убитого зверя. Мальен тыкал в нее сначала ножом, потом копьем, но пробить толстенную и чрезвычайно прочную кожу никак не удавалось.

Еще вчера я подарил тушу грозного хищника Мальену, он сам меня об этом попросил. Все равно он мне ни к чему, к тому же следовало оплатить проживание и пропитание. Его мясо в пищу все равно не годилось.

Видя эти бесплодные усилия, я выбрал самый большой нож и, включив физические резервы, легко расположил шкуру от горла до хвоста. Старейшина лишь восхищенно покачал головой, после чего созвал все семейство, и они совместно довели дело до конца. Позже шкуру дзурга высушили, и она украсила главную стену трактира, вызывая неизменно восторженные эмоции посетителей.

Расщедрившись, Мальен пригласил меня за один из трактирных столов и принялся потчевать элем. И хоть здешнее пиво мне категорически не нравилось, а градусов в нем было кот наплакал, ну может два или три, я героически глотал это зелье. Как и на Земле, это было средство общения, а мне не терпелось продолжить свои расспросы.

И, выдержав приличествующую паузу, я начал.

— Ты говорил, что сын ходил за светляками, которые пора заменить?

Вместо ответа Мальен ткнул пальцем в висящий на стенае светильник. Я пожал плечами — электролампочки что ли имеются в виду? Попытался отыскать их на светильнике, но безуспешно.

— Это светящиеся растения, — пояснил Мальен, — они растут колониями на опушке леса.

Вот оно что. Теперь объясним этот странный призрачный свет. Я засмеялся, вспомнив свои попытки выключить на ночь свет.

Старейшина бросил обеспокоенный взгляд: что тут смешного.

— Над собой смеюсь, — пояснил я, — все-все позабывал...

— Бывает, — Мальен понимающе кивнул головой.

— И на сколько его хватает?

— На треть периода?

— А сколько дней длится период?

— Мы не считаем дни. Когда два ночных светила полностью скроются за боковыми горизонтами, этот период закончится.

Это будет скоро. А когда они вновь появятся на восходе — начнется новый период.

Странная система летоисчисления. Похоже, они толком не знают даже, сколько живут на этом свете. Ладно, оставим пока эту тему.

— Почему вход в ваши дома такой маленький и низкий?

— Это защита от нападения горных людей. Они большие и не могут пролезть внутрь дома.

Горные люди? Это что-то новенькое. Другая раса?

— Расскажи мне о них, — попросил я.

По словам Мальена, горные люди обитали в отрогах горных хребтов, тянувшихся далеко на восход по обеим сторонам ущелья. Они жили в пещерах, не носили одежды и были очень злыми. По словесному описанию они походили на крупных земных обезьян — горилл или орангутангов. Несколько раз они нападали на селение Мальена, убили трех мужчин и украли двух женщин. Их оружием являлись дубинки. Соплеменники Мальена в бою убили больше десятка горных людей, но самой надежной защитой являлись дома, куда враг не мог проникнуть ввиду своих больших размеров. Через входные лазы противника можно было поражать стрелами. Вот, собственно, и все. Довольно куцые знания.

— Много ли селений в вашей империи?

Этого Мальен не знал. Из дальнейших расспросов выяснилось, что сама империя вообще находится как бы в другом месте. На другом ярусе.

— Что такое ярус?

— Так говорят обозники о нашей местности.

Еще одно племя, что ли? Кажется, вчера он спрашивал, не обозник ли я. Но их пока в сторону, важнее выяснить побольше об этих загадочных ярусах.

— А что собой представляет ваша местность?

Здесь Мальен надолго задумался. Его лицо выражало одновременно и недоумение и старание дать такое объяснение на словах.

— Там становище растенщиков, — произнес он, указывая в сторону северо-востока, — я там был два раза...

— Карту сможешь нарисовать? — попытался я прийти к нему на помощь.

— Карту? Что это?

— Такая схема, на которой видно, где расположены горы, где лес, где становища.

— Нет, я не сумею этого сделать. Но Аллок проводит тебя в каменоломни. Это место, откуда все будет видно, и ты сам сможешь рассмотреть и горы и лес.

Аллок повел меня по одной из улиц в противоположную лесу сторону, и вскоре мы пришли на довольно высокий холм со следами разработок и добычи серовато-белого камня. Это и был тот самый известняк, из которого были сложены все постройки в поселке.

Взбравшись на его макушку, я окинул взглядом окружающий ландшафт. Сразу за поселком лежала просторная и широкая степная равнина, сплошь поросшая очень высокой и однородной растительностью. Пожалуй, это была очень крупная трава, цвет которой был серо-зеленым. По ниточке вытоптанной низкорослой травы, вьющейся вдаль, можно было угадать дорогу, ведущую на восток. Равнину с трех сторон окаймляли горы с неровными клыкастыми вершинами. Их высота была порядка трех-четырех километров.

Я оглянулся назад. Внизу лежал поселок, а за ним, сколько хватало глаз, темнел лес.

— Где живут рудокопы? — спросил я Аллока.

Мальчишка целился из лука в какой-то кусок известняка и неопределенно ткнул рукой в сторону гор, находившихся левее. Я включил свое бинокулярное зрение со стократным увеличением и посмотрел в ту сторону. Никакого намека на селение. Стеной возвышались каменистые отроги, на которых темнели скудные пучки растительности. Я глянул правее. Тянувшиеся бесконечной чередой каменные хребты привели к входу в какое-то узкое ущелье. После ущелья вновь потянулись все те же нагромождения каменных скал, которые далеко на востоке смыкались с лесным массивом. Куда вело ущелье, разглядеть в подробностях не удалось, оно было тесным и извилистым. Вдали на востоке горы как бы смыкались, и за ними была только линия горизонта.

Я сделал попытку проследить направление дороги. Двадцатикратное увеличение привело меня к какому-то светлеющему пятну. Сфокусировавшись на нем шестидесятикратно, я разглядел лучеобразные вереницы строений. Ага, еще одно становище.

Поскольку оно было ближайшим, а мой усовершенствованный зрительный аппарат дал цифру в тридцать два с четвертью километра, можно было предположить, что это было становище растенщиков, в котором дважды бывал Мальен.

Присмотревшись, далее я разглядел около десятка подобных светлых пятен на темном серо-зеленом фоне травянистой растительности. Они были хаотично разбросаны по всей равнине и связаны между собой едва заметными паутинками дорог.

Вот и все, что мне удалось ухватить визуально. Негусто. Что таится там, далеко за горами? Куда ведет ущелье? Что находится за лесом? Ответов на эти вопросы пока не было. Спрашивать у бестолкового мальчишки было бесполезно.

Возвратившись к Мальену, я продолжил свои расспросы уже на основании лично полученных знаний. Он точил какое-то длинное металлическое лезвие с деревянной рукояткой, имевшее серповидную форму. Местный самурайский меч?

Однако оказалось, что этой штукой косят траву для джалм, которые являются местными домашними животными, и я немедленно захотел увидеть этих загадочных особей. В пристройке, прилепившейся к трактиру с другого бока, стоял ряд стойл. В каждом из них находилось приземистое тучное животное весьма странного вида. Морда напоминала голову бегемота, а туловище было, как у раскормленного хряка. Так вот откуда вездесущий цвет слоновой кожи, шкура животного была покрыта мелкими редкими волосками и блестела тусклым колером свежеизготовленного бетона. Громадные челюсти непрерывно жевали измельченную траву, поступавшую в корыта из нависших сверху треугольных бункеров. Именно ее высокие заросли я и видел давеча на равнине.

— Я владею девятью джалмами, — в голосе старейшины прозвучала нескрываемая похвальба, — это больше, чем у любого другого в нашем селении.

— Утром я пил молоко джалмы? — догадался я.

— Точно, — Мальен расплылся в улыбке, — только это не главное, что дает джалма.

— Мясо?

— Нет. Смотри, — и он указал рукой вниз.

Только сейчас я заметил вкопанный прямо в земляной пол чан. В нем пучилась какая-то темная масса. Как раз в этот мо-

мент животное отрыгнуло туда сгусток темно-серого вещества. Мальен проворно ухватил его рукой и протянул мне.

— Что это? — я брезгливо взял его двумя пальцами.

— Это джалм. Из него мы делаем заготовки грубой ткани и многое-многое другое.

Я осторожно помял сгусток рукой. Он производил впечатление пластилиновой массы или, скорее, теста. Мальен просто учился от счастья, глядя на своих животных. Я насчитал с одной стороны шесть очень коротких лап, значит, местная скотинка была двенадцатиной. Такие же чаны стояли перед каждым из них. А у задней части животных стояли миски.

Из дальнейшего рассказа Мальена следовало, что селение потому и называется становищем тканщиков, что поставляет ткани в саму столицу. Это является основной деятельностью живущих здесь людей и приносит главный доход каждой семье. За каждую кипу, состоящую из десяти связанных прямоугольных кусков, обозники дают по два фарга, а караванщики даже по три.

Из этого же сырья готовятся практически все местные текстильные изделия. Я вспомнил скатерти, циновки, свою жесткую подстилку. Для достижения различной толщины и консистенции изделий в заготовку добавляется определенное количество мочи все тех же джалм. Вот для чего стоят мисочки у их задних ног. Джалмы эти жуют траву непрерывно, днем и ночью, и большая ее часть выплевывается в виде жвачки, а совсем небольшая поступает в желудок. Твердого помета после них не бывает, только жидкий, в виде мочи. Процесс изготовления же предельно прост. Берется комок джалма, туда, в зависимости от принадлежности, заливается необходимая порция мочи животных, и все это перемешивается до однородного состава. Затем полученная масса кладется на ровную поверхность специального стола и раскатывается обычной каталкой — подобно тому, как земные хозяйки раскатывают тесто. Затем достигается нужная толщина, а сверху накладывается лист очень твердого джалма. После непродолжительной сушки первичное изделие готово. Ножницами его обрезают на определенных размеров листы прямоугольной формы, после чего те связываются в кипы по десять штук в каждой.

Я слушал эти откровения, открыв рот. Во дают, инопланетяне — да это же практически безотходное производство! О

таком можно только мечтать любому народу. Вот тебе и низкий уровень цивилизации...

Обозники прибывали за сырьем из столицы, с другого яруса и забирали неограниченное количество кип. Потом мастерами из них изготавливались разные виды текстильной продукции, многообразного фасона и расцветки. Таким же образом обозники закупали джалм у пастухов, овощи, фрукты и пряности в становище растенщиков, у кожевников — кожу, у гончаров — глиняную посуду, у корчевщиков — деревянные заготовки и так далее. В свою очередь, обозники привозили и продавали свои товары, в основном орудия труда, бытовые предметы и различные необходимые мелочи.

— Наш ярус называется Аграрным, — обобщил Мальен, — в империи ничего этого не производят, а просто перерабатывают. И то обозники уверяют, это делается не на имперском, а на каком-то другом ярусе.

— А что они говорили о других ярусах?

— Они пьют в моем трактире эль, и по их рассказам в других ярусах есть много чего необычного и интересного. Однажды с обозниками прибыл одетый в красивый мундир имперский офицер. Не знаю, ходил ли он в другие становища и к рудокопам, но со мной он беседовал очень обстоятельно. Расспрашивал меня о нашем хозяйстве, о взаимоотношениях с другими становищами, о рудокопах и горных людях. А также, не проникают ли сюда посторонние с других ярусов.

Здесь я навострил уши. Неужели в империи есть специальная служба, которая контролирует перемещения мигрантов? Тогда они могут выйти и на мой след.

— Когда это было?

— Очень давно, два периода назад. С тех пор, кроме обозников, никто у нас не был с других ярусов.

— А как они сюда попадают? — это был главный вопрос, и я буквально затаил дыхание, дожидаясь ответа.

— Через бальдмейкс, — и он выдал мне какое-то непонятное, наверняка не местное название, которое автоматически перевелось в моем мозгу, как транспортал.

— Где он находится?

— За пределами селения, недалеко от каменоломни. Аллок может показать.

Завтра надо будет взглянуть на этот бальдмейкс-транспортал. Вероятно это тоннель, обслуживаемый специальным транспортом, что-то вроде метро. Конечно, им непросто воспользоваться незнающему человеку, поэтому никто из аборигенов и не смог попасть на другие ярусы. В то же время извне люди забредали, говорил же Мальен о каком-то рабе в становище растенщиков. Следовательно, он был в рабочем состоянии постоянно, нужно лишь суметь в нем разобраться. Это местные жители, с их куцыми познаниями в науке и технике, не могут воспользоваться тоннелем. Цивилизация здесь вообще была довольно примитивной, хотя в столице этот уровень, скорее всего, был выше. Но мне-то, с моими обширнейшими знаниями по части передовой земной науки и техники, любая здешняя механическая головоломка будет нипочем.

Однако не будем выдавать свой жгучий интерес к средствам межъярусного передвижения. Прибудут обозники, тогда и прикинем, как ими можно воспользоваться.

Караванщики, напротив, были с этого яруса и развозили по селениям продукты от местных производителей. Купцы, короче, говоря. Закупали, скажем, в становище растениеводов сушеные овощи, фрукты и пряности и продавали их во всех других селениях. И так далее. Таким образом происходил процесс внутриярусной торговли.

Получалось, что ярус — это некая обособленная область империи, а скорее, планеты. Сколько этих ярусов и как они сообщаются между собой — неизвестно.

Итак, что мы имеем.

На ярусе расположены селения, именуемые становищами. В каждом становище проживают группы людей определенных профессий. Есть становища кожевников, растенщиков, гончаров, пастухов, караванщиков. Всех становищ Мальен не знал, а бывал лишь в селении растенщиков. Сообщение с ярусом империи проходит через какой-то транспортал. Раз в период, в его конце на ярус прибывают обозники. Забрав изготовленное сырье и добытую руду, они убывают назад. Все. Суть ярусов оставалась загадкой.

Надо будет пообщаться с рудокопами на эту тему. Среди них наверняка есть знающие люди, интеллигенты и даже ученые. Политические ссыльные, как правило, являются представителями интеллигенции — образованными и умными людьми.

Раз существует государство, значит, есть и политика, а наличие государственного строя предполагает существование его противников. Которых представители правящего режима гноят, как и везде, по полной программе, в том числе сажая в тюрьмы и ссылая в какую-нибудь тьмутаракань.

Лагерь рудокопов находился далеко слева, почти там, где лес смыкался с горами. Продираясь через густую траву, я думал о горькой судьбе этих людей, лишенных не только благ цивилизации, но и заточенных навсегда в подземных штреках. Травянистая растительность закончилась, и передо мной простерлась неширокая каменисто-песчаная равнина, упиравшаяся в горные отроги. Местами на ней виднелись небольшие пятна росшой пучками все той же травы.

Никакого движения у подножия гор не наблюдалось. Я включил свое бинокулярное зрение и при шестидесятикратном увеличении заметил передвигающиеся фигурки людей с одноколесными тачками. Их одеждой служили рубахи до земли, сотканные из грубой ткани серого цвета. Они то исчезали в черных провалах шахтных колодцев, то появлялись, свозя свою добычу в одно место. Там они опрокидывали свои тачки, сваливая добытую породу, и медленно плелись назад, возвращаясь в мрачное чрево горы.

В тени огромного обломка скалы, там, где сбрасывалась руда, сидел на камне человек громадного роста, одетый в подобие комбинезона, сшитого из такого же серого невзрачного материала. Я немедленно сфокусировал свой взгляд на нем, доведя увеличение до стократности. Лысая голова, грубое лицо в косых шрамах, маленькие поросячие глазки, заплывшие жиром, и большой нос, прилепившийся к лицу, как большая картофелина, немного асимметрично, вероятно, свернутый набок чьим-то могучим ударом. Характерное лицо уголовного громилы.

Наверное, он был здесь старшим распорядителем и главным надсмотрщиком, поскольку узники, подвозившие руду, старались убраться от него подальше как можно быстрее. Он поднимал куски породы и складывал их в лежащие рядом мешки. Я увеличил кратность и присмотрелся к этим кускам. Руда меди. Наблюдая дальше, я не обнаружил никакой иной подвозимой руды. Неужели они добывали только медь? Но старейшина говорил о добыче, кроме меди, серебра и золота. Может быть, у них какая-то сезонная добыча, и я нарвался именно на тот период, когда раскапываются медные залежи? Вот неудача-то...

Тем временем один из рудокопов свалил свой груз, по-видимому, не там, где нужно. Громила схватил с камня какой-то продолговатый предмет и резким движением хлестнул в сторону несчастного. Вопль боли был слышен даже на таком расстоянии. Присмотревшись, я опознал в этом предмете бич. Ужаленный плетью рудокоп отшатнулся в сторону и заковылял прочь, волоча за собой тележку. Я обнаружил, что его левая рука прикована цепью к ручке тачки.

Надсмотрщик встал, подошел к столбу, вкопанному рядом с камнем, и сделал на нем две насечки ножом. Ведет учет наказанных? Но я видел только одного из них. Затем надзиратель взял два мешка и понес их в сторону, противоположную шахтам. Он подошел к громадному валуну, лежавшему у подножия горы, и с заметным усилием сдвинул его в сторону. Открылся темный зев, ведущий в глубь горы, и громила скрылся внутри. Назад он вернулся через несколько мгновений, уже без мешков, сдвинул на прежнее место камень и затем возвратился на свое место, в тень обломка скалы.

Понятно. Надсмотрщик учтывал количество мешков, занесенных в хранилище, которым служила, вероятно, пещера естественного происхождения. Учет добычи и контроль за рудокопами — вот его основные функции. Что-то вроде десятника на золотых приисках царской России. Так и назовем его десятником.

Я вел наблюдение за рудокопами целый день, но ничего нового не узнал и испытал разочарование, глядываясь крупным планом в их лица. Интеллектом здесь и не пахло. Это были физиономии уголовных преступников. Угрюмые, злобные, со звериным выражением нелюдей и потухшими, ничего не выражавшими глазами, они, как никто, оправдывали теорию Чезаре Ломброзо о типичном облике преступного элемента. Абсолютные дебилы с кровавыми наклонностями. Напрасно было искать среди этого сброва ученых и интеллектуалов. Под вечер я слышал, как они ссорились и дрались между собой из-за кусков пищи, которые выкладывал у скалы человек, окрещенный мной десятником. Затем с помощью бича тот загнал их по норам, а сам отправился спать в хранилище, заложенное валуном.

Да, искать контактов с рудокопами, чтобы получить интересующие меня сведения, бесполезно. Придется изыскивать другие источники информации.

Глава пятая

ОППОЗИЦИЯ

Ночью мне приснился страшный сон. Я плыл на круизном теплоходе, который потерпел кораблекрушение и затонул. Немногие спасшиеся, и в их числе я, попали на необитаемый остров, который был заселен дикарями. Нас схватили и, естественно, стали готовить для употребления в пищу. В гуще джунглей разгорался огромный костер, а рядом с ним двое дикарей обтачивали рубилами острие исполинского вертела. Остальные сгрудились на поляне вокруг лежащих пленников и под торжествующие вопли уже начали свой дьявольский ритуальный танец. Их движения становились все быстрее, а крики пронзительнее.

Я проснулся в холодном поту. Уф, слава богу, это было всего лишь кошмарное сновидение. Но сон оказался в руку. На улице действительно слышались пронзительные крики, перемежающиеся гневными и угрожающими выкриками.

Я вскочил и двинулся на выход, чтобы посмотреть, в чем дело, и на внутреннем входе в трактир столкнулся с входящим Мальеном. Старейшина был необычайно мрачен и, как мне показалось, даже испуган. Таким я его еще не видел.

— Что-нибудь случилось? — спросил я, нарочито зевая, чтобы скрыть наступающую тревогу.

— Это — Лобурт, — ответ был короток и ничего для меня не прояснил.

Мальен прошел в комнату, где у него хранились оружие и сельскохозяйственные принадлежности. Себе он взял единственное копье, а мне, подумав, протянул лук и пучок стрел, перевязанный джалминовой бечевой.

— Умеешь обращаться с луком?

Я отрицательно мотнул головой. Хотя владение луком и арбалетом входило в программу моей подготовки, но то было настоящее боевое оружие. А из этого примитивного лука можно было подстрелить разве что воробья.

— Плохо, — пробормотал Мальен, — я бы отбивался у двери копьем, а ты поражал бы их с расстояния стрелами. Может, у нас что-нибудь и получилось бы...

— Кого их? — я попытался добиться вразумительного ответа, — на нас напали горные люди?

Старейшина с сожалением отложил лук и сунул мне в руку длинный серповидный нож, служащий для заготовки травы.

— Нет, это Лобурт, — повторил он, и в его голосе сквозило отчаяние, — пойдем, расскажу на месте, если успею...

Он увлек меня за руку внутрь трактира, и мы остановились у входной двери, запертой на внушительный засов.

Тем временем на улице немного стихло. Судя по приглушенным возгласам, неведомый противник совещался о своих дальнейших действиях.

— Когда дверь вышибут, я стану здесь, — Мальен ткнул кончиком копья в пол напротив двери, — а ты постараися защитить меня слева, только стой на месте, вперед не лезь, иначе тебя быстро убьют.

Диспозиция наших, прямо скажем, невнушительных сил, была ясна, и старейшина коротко поведал мне о сложившейся ситуации.

Лобурт являлся главой рода, который соперничал с родом Мальена в борьбе за власть. Такая своеобразная местечковая оппозиция. Всего в становище было одиннадцать родов. Структура построения известняковых домишек была неслучайной. Те длинные, сходящиеся к центру улицы, олицетворяли родовую основу здешнего общества. Каждая улица принадлежала одному определенному роду, а их длина и количество домов свидетельствовали о его влиятельности и богатстве.

— Моя улица самая длинная, — Мальен не преминул похвастаться и в сложившейся ситуации.

— Так чего хочет этот Лобурт сейчас? — я кивнул в сторону усиливающегося шума.

— Он и люди его рода требуют, чтобы я выдал пришельца, то есть тебя.

— Зачем?

— Они собираются побить тебя камнями в центре площади.

— Но за что? Я не сделал им ничего дурного и вообще впервые о них слышу, — вполне искренне удивился я.

Страх ко мне еще не пришел. Кроме того, я чувствовал себя под защитой старейшины — высшего должностного лица становища тканщиков. Однако ситуация оказалась намного сложнее...

— Они считают, что ты принесешь селению несчастье, — пояснил Мальен.

— Я? Несчастье? И с чего это они так решили?

— Восемь периодов назад к нам забрел какой-то неизвестный, — Мальен прислушался к нарастающим крикам, — старейшиной был тогда Костуг, он приютил его. В отличие от тебя, пришлый помнил, что жил прежде на ярусе империи и был придворным самого императора. Ему не сделали ничего плохого. Тем не менее, через некоторое время через транспортал обозников прибыл отряд военных во главе с офицером. Они были очень агрессивны.

«Хм, что-то типа поисково-карательной экспедиции», — подумал я и почти не ошибся.

— Они забрали с собой не только потерявшегося придворного, но и Костуга, — почему-то шепотом поведал Мальен, — потом все говорили, что его судил имперский трибунал, и он был отправлен на рудники.

— Кто говорил?

— Ну, все так считали... Очень уж злой был офицер, когда обнаружилось, что неизвестный находится в нашем селении. Сильно кричал и угрожал, что разрушит наше становище, а всех отдаст в рабство.

Ясненько. Как у нас принято говорить: вести из самого надежного источника, под названием ОБС (одна бабка сказала). Скорее всего, неизвестный был опасным беглым преступником, каким-нибудь вреднющим диссидентом, угрожавшим политическому строю империи. С инакомыслящими, даже относительно безвредными, во все века власти боролись решительно и сурово. Вот его и схватили. А заодно прихватили и добренького Костуга. Как укрывателя государственного преступника. Возможен и иной вариант. Сам Костуг мог наступать в центр о непонятном пришельце. И его за это поощрили видом на жительство в имперском ярусе. Должна же быть у них здесь какая-то связь, раз нет прямого соприкосновения ярусов...

— Но больше ведь никого не тронули? — в моем вопросе содержалось утверждение, — какое же несчастье пришелец принес вашему селению?

— Дело не в Костуге, по правде говоря, он был не очень-то хорошим человеком и никто не пожалел о...

В дверь забарабанили. Похоже, пока еще кулаками.

— Выдай нам чужака! — прорычал чей-то грубый голос, — открой дверь!

— Скажи, что ты отдашь меня им, — прошептал я, — но немного позже, потому что ты должен сначала сам разобраться со своим подозрительным гостем.

— Для чего? — Мальен был в полнейшем недоумении, — я не собираюсь отдавать тебя им без боя. К тому же им нужен не так ты, как я.

— Им нужен ты?

— Именно, я. А тебя хотят использовать просто, как предлог для расправы со мной.

Вот оно что. То-то я поразился храбости Мальена и его готовности постоять за чужака даже ценой своей жизни. А здесь просто какой-то междусобойчик, в который я попал очень не вовремя. Для нападающих я хороший повод задать трепку старейшине, а сам Мальен попросту собирался использовать меня, как хоть и слабенького, но союзника.

— Давай, скажи им это! — настаивал я, — нам нужно протянуть время.

— Думаешь, успеет прийти помочь? Нет. Весь мой род находится далеко отсюда, на заготовке травы для джалм. А другие вмешиваться не станут — многие боятся Лобурта, он лучший воин становища.

В дверь вновь забарабанили, теперь уже и чем-то твердым, похоже, древками копий.

— Говори же!

Мне позарез требовалось время, чтобы осмыслить столь внезапно возникшую ситуацию и выработать план действий по спасению и коз и волков. Копье Мальена в моих руках, в совокупности с включенной на полную катушку физической мощью и надетым на меня броником, при моей боевой вылазке произвело бы страшное опустошение в агрессивной, но неорганизованной толпе нападающих. Проще говоря, я перебил бы всю эту оппозиционную банду за считанные секунды...

— Я отдаю вам его, — голос Мальена звучал властно и надменно, как и подобает главе высшей власти поселка, — но сначала я должен допросить его сам. Так полагается по имперским законам.

Не знаю, полагалось ли так по имперским законам, скорее всего, не знал этого и сам старейшина, но ломившиеся в дверь, вероятно, поверили сказанному. Во всяком случае, в дверь стучать перестали и, судя по отдалившемуся шуму голосов, противник решил посовещаться в отдалении.

— Хорошо! — проревел все тот же резкий голос, — но мы будем ждать прямо здесь. И времени у тебя немного.

Ну вот, хоть какой-то передышки мы добились. Так вот, убивать кого бы то ни было, я не имел никакого права. Я и отдаленно не обладал правами киношного агента 007, который с пачками патентов на убийства в обоих карманах успешно прокладывал свой кровавый след из серии в серию знаменитой «бондинианы». Более того, при отправке в экспедицию на чужую планету, я давал официальную подписку, что не причиню смерти ни одному живому существу. И даже в случае с нападением дзурга, где не было иного выхода, мне придется еще писать специальный отчет, который будет проверяться, и мне может сильно не поздоровиться, если докажут, что я превысил пределы необходимой обороны.

Но ближе к делу.

— Чего в действительности хочет этот самый Лобурт? — задавая Мальену этот вопрос, я постарался проследить за выражением его лица.

Политика, всем известно, дело очень хитрое и еще очень-очень грязное. Каждый здесь преследует свою цель. Как знать, может и Мальен, убедившись в моей колоссальной физической силе, начал свою игру, желая использовать меня в качестве джокера.

— После того, как имперский отряд увез с собой Костуга, — начал Мальен, — в нашем становище были проведены выборы нового старейшины. Кандидатур было две: Лобурта, как самого сильного воина поселения, и моя, как самого рас-судительного и умного.

Да, скромностью мой союзничек не страдает. В то же время, пообщавшись с ним, я убедился, что к довольно многочисленному племени дураков, придурков и прочих очень недалеких личностей его не отнесешь.

— Мои крики оказались сильнее.

Вот те раз, выборы по испускаемым соперниками децибелам — об этом я слышал впервые.

— И что ты такое кричал?

— Это были крики в мою пользу, — рассеял мое недоумение Мальен, — при выборах все совершеннолетние члены всех родов выходят на площадь и по сигналу самого старого по возрасту, начинают выкрикивать имя своего ставленника. Через некоторое время старейший по возрасту подает сигнал о прекращении криков и указывает посохом на победителя.

Супердемократия. Вот бы нам такое голосование вместо сплошной фальши, закулисных интриг и разнообразных подтасовок соперничающих сторон.

— Все очень честно, — продолжил Мальен, — все видят, кто действительно победил. После этого посох как символ власти вручается вновь избранному старейшине, и тот клянется, что будет справедлив и ревностен.

— Ты был тогда просто трактирщиком?

— Да. Но, прежде всего, главой рода.

Пока он вполне искренен, я не спускал глаз с его лица. Но, наверное, и богатство сыграло свою роль, а может, и бесплатная кружечка эля потенциальному избирателю. Все эти предвыборные приемчики стари, как мир, и присущи всем народам и во все времена. Но это не мое дело...

— Что за несчастье последовало вслед за инцидентом с пришельцем? — вернемся все же к нашим баранам.

— У нас пропала вода, — судя по выражению лица Мальена, воспоминание для него было тягостным. — Мы все чуть не погибли.

Так вот почему я не видел здесь не только морей, озер и рек, но даже крохотных ручейков. Как же они существуют без воды?

Ладно, про воду расспрошу в следующий раз. Если он будет. Судя по всему, для этого Лобурта мой скальп служил лишь ключом к дверям власти. И он собирается взять этот ключ, во что бы то ни стало.

— Значит, меня считают предвестником большой беды?

— Во всяком случае они трясут именно этим лозунгом, — Мальен пожал плечами, — но я-то знаю, что они хотят убить меня.

— Но это же против ваших законов и обычаев! — вскричал я, — другие роды не признают его старейшиной!

— Ну, во-первых, его боятся все наши родовые вожди... А, во-вторых, я думаю, все будет обставлено так, как будто меня убил чужак, то есть ты.

— Я?

— Да, ты. А Лобурт со своими сородичами убьют тебя, то есть совершат героическое деяние и отомстят за меня.

— Сколько коварства на этой планете, — пробормотал я, ничуть, правда, не удивляясь — история моей родной планеты сплошь состояла из таких эпизодов.

Выходит Лобурт хочет убить разом двух зайцев: погубить пришельца — победителя дзурга и, следовательно, свежего претендента на роль самого сильного воина и, убив старейшину становища, занять его место. Сценарий был прост, скоротечен и вполне выполним. Злодей-чужак, ни с того, ни с сего, просто потому что он злодей, несущий все беды, расправляется с главой местной власти, а герой Лобурт и его сородичи забивают его за это камнями. Как говорится, все довольны, все смеются...

— И тогда, — продолжал Мальен, — всем ничего не останется делать, как прокричать имя Лобурта, — других претендентов не будет. Слишком уж все неожиданно...

В дверь снова забарабанили.

— Твое время вышло! — голос был все тот же, — открывай дверь и выходи вместе со своим гостем!

— Оставайся здесь, — скомандовал я, — а я выйду к ним и вступлю в схватку с Лобуртом.

— Ну, уж нет! — Мальен был настроен бесповоротно, — Лобурт проткнет тебя копьем, как мешок с травой. Он очень сильный. К тому же никакого поединка не будет. На тебя набросятся все. Я обязан защитить своего гостя! А меня потом все равно убьют... Нет, будем сражаться и погибнем вместе!

Напрасно я местами думал о Мальене плохо — он оказался мужественным и храбрым человеком. На первом плане были не чисто меркантильные интересы, а искренняя забота о моей шкуре. Ведь не факт, что его предположения о собственной судьбе были верными, какие-то шансы, что старейшину не тронут, все-таки были. Ему можно было попытаться отсидеться за крепкой дверью, отдав меня злодеям на заклание. Но он решительно потряс своим копьем, показывая полную готовность к неравному бою.

Я же, напротив, положил свое серповидное оружие на пол. В моей голове уже созрел дерзкий план...

Откровенно говоря, я очень боялся предстоящей стычки, а что она будет, я не сомневался ни на йоту. Это будет мое первое боевое крещение, соревнование не с людьми, но с самой смертью, таящейся в кончиках копий врага. Предстояла нешуточная проверка на выживаемость в полностью враждебной среде, и она меня пугала.

На стороне противника было абсолютное количественное превосходство, и он был вооружен вполне смертоносным оружием. Его слабостью было, что он меня не знал и нисколько не опасался. Моими аргументами были аккумулированная физическая мощь, готовая в любую секунду сконцентрироваться на необходимом участке, а также надежнейшая броневая защита тела. Но было у меня и еще кое-что. Специальные знания и почти автоматическое умение применить их на практике.

Обыкновенный человек знает две очень болевые точки тела: так называемый «подых» и нервный узел в районе локтевого сустава. Опытный уличный драчун использует еще и удары в пах, а также в нижнюю часть голени — боль от этого бывает невыносимой и можно без помех добивать корчащегося противника. Обученный спецназовец располагает сведениями о десятке таких болевых точек. И, наконец, мастер восточных единоборств знает их около трех десятков. Всего же на теле человека пятьдесят девять нервных узлов, обслуживающих мышцы, кратковременное и резкое воздействие на которые вызывает нестерпимую боль. Я знал их все и мог свободно применить свои знания в деле. Итак, выходим.

— Хорошо, — сказал я Мальену, — пойдем вместе, только ты держись сзади и прикрывай мою спину. Открывай дверь, я иду первым.

Я включил всю свою физическую мощь и напрягся, как перед прыжком в далекую и очень холодную воду. Мальен пожал плечами, мол, почему бы и не выполнить последнее желание обреченного на смерть и отодвинул засов.

Диспозиция противника оказалась не такой, как я предполагал. Возле самой двери стоял натуральный орангутанг с копьем, только величиной почти с Кинг-Конга. Он был страшно лохмат и весь зарос волосами, которые росли даже под глазами.

— Лобурт? — прошептал я, скосив глаза на Мальена.

— Да, — почти не разжимая губ, ответил тот, — его мать была из горных людей.

Ну, и страшилище! Как же можно его победить голыми руками?

Остальные толпились поодаль, метрах в восьми, числом не менее семи десятков воинов. Копья, судя по небольшой длине — метательные, были подняты над головами в готовности к броску.

Следовало менять план. Первоначально я собирался атаковать Лобурта и, выведя его из строя, напасть на остальных. Не получится. Одним движением такого великана не свалить, и, даже если с ним удастся покончить, вся его ватага тут же метнет в меня копья. За тело и заднюю часть головы я не боялся, их надежно защищал бронник. Но лицо... Его спрятать было некуда. И, если даже предположить, что копья будут целять только в туловище — не такие уж они снайперы, чтобы послать свои снаряды точно в цель. Наверняка хоть несколько копий отклонятся, а то и отрикошетят друг от друга в такой-то гуще и угодят в мое незащищенное лицо. А тогда — кирдык! Ранение лица наконечником копья не может быть легким. И что мой бесстрашный Мальен сможет противопоставить этой огромной толпе? Нас попросту затопчут.

— Вступи с ним в переговоры, — шепнул я вмиг посеревшему Мальену.

Нужно было хоть чуть-чуть усыпить их бдительность, ослабить немедленную готовность к действиям.

— Зачем тебе чужак? — спросил Мальен у Лобурта, и лишь легкая охриплость голоса выдавала его состояние.

Тот, не отвечая, презрительно сощурил глаза, которые полностью укрылись в пучках рыжеватых волос. Он рассматривал меня с интересом изголовившего отужинать кроликом удава.

— Я допросил его, — продолжил Мальен, не дожидаясь ответа, — это просто заблудившийся охотник с имперского яруса, и он не...

— Веди его к столбу! — рявкнул Лобурт и ткнул рукой в центр площади, — мы забьем пришельца камнями!

Толпа дружно опустила копья и изголовилась следовать к центру, где одиноко торчал высокий известняковый столб непонятного ритуального значения. Для дикарей казнь — это

всегда интересное зрелище, особенно, если сам принимаешь в этом участие в качестве одного из палачей.

Вот он момент истины. И я издал боевой клич. Если вы думаете, что это нечто вроде воинственного улюлюканья североамериканских индейцев, то здорово ошибаетесь. Невыносимый вой взлетающего пассажирского авиалайнера ударили по барабанным перепонкам присутствующих. Конечно, я не издавал рева самолетных турбин, но по количеству децибелов мой боевой клич им не уступал. В нормальном состоянии я не мог выжать из себя и жалкой сотни децибелов, но включенная физическая мощь, аккумулируемая в моем организме, придавала каждой его функции двухсоткратное усиление.

Эффект был потрясающим. Многие побросали свои копья и зажали уши руками, некоторые бросились ничком на землю. Не утративших боеспособность осталось не более трети. И я рванулся на них со скоростью курьерского поезда.

Все происходило, как в замедленной съемке. Моим оружием были четыре пальца: два больших и два указательных — на обеих руках. Я не баловал ошеломленных противников разнообразием, поражая наиболее доступные нервные узлы. Удары, а точнее, сильные тычки, с глубоким проникновением в тело, поражали наиболее болезненные точки: крестцовое сплетение, надключичные нервы, симпатический ствол и различные медиальные нервные сочленения.

И теперь уже ревела толпа. Но это не было ответным ревом на мой боевой клич — это был жалобный вой боли и страха. В течение каких-то секунд картина на площади резко изменилась. Большинство, отбросив свое оружие, бросились наутек, подывая на ходу. Меньшая часть сородичей Лобурта корчилась на земле, зажимая руками мнимые жуткие раны. Они издавали жалостные вопли, считая себя уже покойниками.

На Мальена было страшно смотреть. Серый цвет его лица принимал синюшный оттенок, а руки непрерывно тряслись, сжимая бесполезное копье. Он плохо воспринимал окружающую обстановку, о чем говорили его бессмысленно выпученные глаза.

Следует отдать должное самому Лобурту — он оказался настоящим воином. Лицо его было багровым, что свидетельствовало о перенесенном шоке, но глаза сверкали бешенством и неукро-

тимой яростью. Он поднял руку с копьем и метнул его в меня. Бросок был на удивление точным, однако мне не составило труда увернуться от одинокой попытки поразить цель.

Я бросился к нему, и мы сцепились в смертельных объятьях. Сила его была поистине ужасна, и, если бы не моя искусственная броня, он стер бы меня в порошок. Он рычал и мял мое тело своими громадными ручищами, но с таким же успехом можно было дожимать камень. Его кости трещали от моих усилий, но мне не удавалось обхватить его полностью и завершить схватку болевым приемом. И тогда я прекратил борьбу, и большими пальцами обеих рук одновременно ткнул в область правой стороны шеи могучего противника, поражая блуждающий нерв и основание шейного сплетения.

В горле Лобурта громко булькнуло, на манер вырвавшегося на поверхность болотного пузыря, и он медленно опустил рук, оседая на землю.

— Ты его убил? — Мальен потихоньку приходил в себя, хотя в лице его по-прежнему преобладали серо-синие цвета.

Он смотрел на меня полуиспуганно-полубожающее, как на какое-то сверхъестественное существо, сотворившее немыслимое чудо.

— Да, — соврал я, — но я верну ему жизнь.

На самом деле, в результате одновременного воздействия на два наиболее уязвимых нервных узла, Лобурт на длительное время впал в глубокий обморок. К вечеру он должен очнуться, и тогда сородичи доведут до него мои великодушные слова, которые окажутся подтвержденными.

— Зачем? — в голосе Мальена слышались горечь и плохо скрытое осуждение.

— Он больше не посмеет напасть на меня и не будет покушаться на твою власть. А воин он превосходный и еще послужит твоему становищу.

Мальен проворчал что-то нечленораздельное, но возражать не посмел.

Тем временем площадь стремительно пустела, стонущие представители разгромленной оппозиции разбрелись и расползлись во все стороны.

— Стойте! — громовым голосом вскричал я, — подойдите сюда и заберите своего вождя.

Жалкие сгорбленные фигуры продолжали ковылять прочь, но несколько наименее пострадавших сородичей Лобурта остановились, испуганно посматривая в нашу сторону.

— Идите ко мне! — я поманил их рукой.

Они подчинились и подошли понурой кучкой.

— Я убил Лобурта! — моя рука картино взметнулась в сторону распростертого тела поверженного гиганта, — но я возвращу ему жизнь, отнесите его домой и уложите в кровать. Я не хочу ничьей крови, но запомните: власть старейшины незыблема, а сам Мальен неприкосновенен. Если это правило будет нарушено, вы все умрете! *Tutti quanti!*¹ — добавил я для убедительности по-итальянски.

Приободрившийся Мальен энергично кивал головой, воинственно потрясая копьем. Он стоял уже в величественной позе полководца, озирающего поле брани, победа на котором осталась за ним.

Теперь обитатели становища стали считать меня кем-то вроде чародея, хотя никаких шаманов, колдунов, чревовещателей и прочих магов в здешних селениях отродясь не водилось.

Лобурт искренне полагал, что я задушил его, как и дзурга, но затем почему-то помиловал и воскресил. Вызывает сомнение, испытывал ли он, в силу своего дикого и необузданного характера, чувство благодарности, но пока я находился в становище тканщиков, никаких агрессивных попыток больше не предпринималось.

Грубую силу уважали повсюду и во все века, а непонятную грубую силу уважают втройне. С тех пор я мог считать себя в этом селении в полной безопасности.

Глава шестая

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Я начал строить свой дом. Не потому, что мне плохо жилось в жилище старейшины — главенствующая причина была иной.

¹ Поголовно все! (итал.)

Необходимо было готовиться к уходу в иной ярус, предпочтительно туда, где был административный и политический центр империи. Только там я мог почерпнуть информацию о месте нахождения полезных ископаемых планеты, в числе которых должен находиться и даркснит.

Место для строительства мной было выбрано рядом с каменоломнями, что несколько огорчило Мальена. Он уже считал меня членом своего рода и, следовательно, мое жилище должно было стоять на его улице. Добрый Мальен предлагал даже пристроить его к трактиру, благо места хватало. Но мои планы предполагали исключительное уединение для осуществления некоторых секретных операций. Более того, официальная моя резиденция будет существовать для отвода глаз. Фактически я планировал соорудить многоярусную пещеру непосредственно в каменоломнях, в ее отдаленной заброшенной части. Для чего? Увидите сами.

Но сначала о новых знаниях, которые я получил от Мальена. Как вы помните, меня посчитали предвестником беды, а бедой была пропажа воды. С этой темы я и начал разговор с Мальеном на следующий, после битвы с оппозиционным родом, день.

Вода пропала сразу же вслед за тем, как неизвестного пришельца забрали с собой прибывшие с имперского яруса солдаты во главе с офицером.

— На следующий день в наших колодцах стал стремительно падать уровень воды, — вспоминал Мальен, вздыхая от пережитых невзгод, — сразу после ухода армейского отряда.

— После этого еще не значит вследствие этого, — проницательно заметил я.

— Другой причины не существовало. Все решили, что это наказание со стороны императора, который приказал перекрыть нам воду.

— Водопровод, что ли?

— Я не знаю, что это такое. Просто через наше становище, глубоко под землей, протекает мощная подземная струя, образуя под становищем громадное водное хранилище. Каждый двор имеет свой собственный колодец, ведущий к ней, и никогда никаких проблем с водой не возникало...

Если я об этом еще не упоминал, география Аграрного яруса была на редкость скучной. Горы, единственный лес и

протяженная равнина. Никаких океанов, морей, озер, рек и прочих водоемов на ярусе не было. Даже обыкновенные лужи не могли порадовать глазaborигенов, поскольку и дождей здесь, равно как и иных осадков, не выпадало. Причина проста и взаимосвязана: нет испарений большого количества влаги, отсюда отсутствуют тучи и пролиться даже крохотному дождику было попросту неоткуда.

Чрезвычайно убогими были также местные флора и фауна. К первой относились однородный кустарниковый лес и высокая трава, росшая на равнине и служащая пищей для единственного домашнего животного. Единственное домашнее животное, как вы уже догадались, это джалма, которая давала этому миру почти все. Дзург представлял отряд хищников, да и то обитал далеко в горах и питался, должно быть, горными людьми.

Чтобы закончить тему небогатых ресурсов — жители яруса никогда не имели дела с огнем. Искусственных источников пламени здесь вообще не существовало, ни в каком виде, а естественному взяться было опять же неоткуда — ни гроз, ни извержений вулканов.

Поэтому, когда я впервые продемонстрировал Мальену огонек случайно прихваченной с собой зажигалки, он безбоязненно попытался ухватить его пальцами. Результат предсказуем — он отпрыгнул, неожиданно обжегшись, и потом долго лизал свои пальцы языком, чтобы ослабить боль.

Я пояснил ему, что с помощью этой неберущейся и жгучей штуки можно жарить мясо и варить иную пищу. Эти слова для старейшины абсолютно ничего не значили. Мясо здесь было очень редким деликатесом и употреблялось только в вяленом виде. Копченостей и вареных кулинарных изделий не существовало вообще. Печи и камины в качестве обогревательных устройств не требовались — климат на ярусе был ровным с почти постоянной температурой воздуха.

Вначале Мальен проявил жгучий интерес к зажигалке и исторгаемому ей язычку пламени и стал расспрашивать, как можно приспособить его в хозяйстве. Но когда я для примера поджег кусок джалмовой ткани, и тот дал соответствующие производные огня — жар и копоть, старейшина переменил свою позицию. Все ли может исчезать (то есть гореть) в пламени, спросил он, ткнув для примера пальцем в известняковую

стенку. Я, исключительно с целью рекламы этой неотъемлемой и полезнейшей частицы земного бытия, неосторожно ответил, что, в принципе, все — и это зависит лишь от температуры огня. И опрометчиво упомянул о сильнейших пожарах, уничтожающих леса и целые поселения.

Мальен, услышав это, сразу же предложил выкупить зажигалку за немыслимую, по местным понятиям, сумму в шесть ларгов. Я простодушно предложил бесплатно поделиться этим даром, то есть изготовить постоянно поддерживаемый источник огня, но он с ужасом отказался. Оказалось, что он увидел в огне всего лишь пожирателя полезных вещей, а попытка за-получить зажигалку была вызвана единственным намерением уничтожить ее немедленно и навсегда. Я, как мог, успокоил перепуганного старейшину, который видел уже свое селение исчезающим в пламени. Главным аргументом послужило мое сообщение, что огонь всегда спит и просыпается исключительно по моей команде.

Но мы несколько отвлеклись. Вернемся к нашей воде.

— Все колодцы в становище начали быстро мелеть, — продолжал Мальен угрюмо, — а потом в них осталась лишь грязь, да и та быстро засыхала...

Было видно — воспоминания даются старейшине с большим трудом, разразившаяся трагедия была нешуточной.

— Мы приносили дары одновременно обоим богам, — Мальен горько усмехнулся, — но все было напрасно.

Надо будет порасспросить его о здешней религии. Судя по его реплике она была любопытной, похоже здесь существовало двубожие.

— Имевшиеся запасы воды быстро заканчивались, и люди стали страдать от жажды. Все джалмы легли на землю и перестали жевать траву. Да и сама трава начала сохнуть.

— Это бедствие охватило всю равнину, — поинтересовался я, — в других становищах тоже вода исчезла?

— Не знаю. Но всюду, где доставал глаз, трава засыхала. И в этот раз в обычное время к нам не прибыли караванщики. Возможно, их тоже коснулась эта беда.

Мальену тяжко давались эти воспоминания. Он ухватил свою окладистую бороду в кулак и молча пропускал ее через пальцы. Взгляд стал пустым и был устремлен куда-то в пространство.

— Здесь нас ожидала неминуемая гибель, — он, наконец, прервал молчание, — и тогда сход решил, что становище должно перебраться в другое место. Куда, никто не знал. Мы полагали, что наказание императора касается только нас. Другие становища имели собственные подземные хранилища воды и вряд ли пострадали от засухи. Но нас бы никто не принял, если только в качестве рабов.

— Разве у вас развито рабство?

— Нет, насколько я знаю, рабов на нашем ярусе почти нет. Но обозники говорили, что есть ярус, где трудятся только невольники, и их эксплуатирует лишь небольшая кучка знати. Было даже восстание рабов, на подавление которого были брошены войска империи.

— Да, дурной пример заразителен, — подтвердил я, имея в виду и попытку своего порабощения.

— На сходе мы выбрали трех сильных мужчин и направили их в качестве разведчиков в сторону гор. Они должны были найти воду.

— Как?

— Наступил период цветения травы, во время которого верхушки распускаются зонтиком. Перед зонтичной верхушкой имеется округлое утолщение стебля. Обычно оно пустует. Но если в нем есть вода, значит внизу проходит подземный источник. Много таких растений вокруг означает наличие внизу подземного хранилища воды. Здесь можно закладывать новое становище.

— А из чего строить дома?

— Залежи известняка встречаются на нашем ярусе довольно часто. Но даже если его бы там и не было, наша основная задача была остаться в живых. А жить здесь можно и под открытым небом. Главное, чтобы выжили наши джалмы, а они животные неприхотливые.

— Разведчики выполнили свою задачу?

— Нет. — Здесь Мальен совсем помрачнел. — Мы отдали им почти все запасы нашей воды... Они отсутствовали много дней, а возвратился только один из ушедших. Его звали Жюст...

— Звали? Значит, он уже умер?

— Он жив. Но имя его забыли.

— Почему?

— Вернувшись, он стал нести несусветную чушь. Мол, его спутники погибли, их уволокла в пропасть черная мгла.

— Черная мгла?

— Он так сказал. Конечно, никто ему не поверил, все решили, что он просто бросил своих товарищей в беде. Возможно, на них напали горные люди, ведь разведчики добрались до самых гор и даже прошли по узкому ущелью и вышли с другой стороны гор.

Не это ли ущелье я наблюдал, озирая далекие окрестности своим бинокулярным зрением? Любопытно. Может там и есть вход на другой ярус?

— Что было дальше? — спросил я, перемалывая про себя полученные сведения.

— Обозленные люди приняли решение побить труса камнями в центре площади. Все стали готовиться к смерти. Для организации нового похода не было уже ни сил, ни воды.

— Ты же сказал, что он жив, — как мне не хотелось лишиться ценного источника информации, который мог помочь найти выход с нашего яруса.

— Его пожалели. Все же раньше он был полезным и ничем себя не запяtnал. К тому же у людей не было даже сил для расправы с отступником. Его просто выслали за пределы становища, и он живет сейчас там совершенно один, обособленно. Мне кажется, он немного тронулся умом, после того как вернулся. И его лишили имени.

— Как это?

— Вместо Жюста, его нарекли кличкой.

И Мальен назвал какую-то тарабарскую смесь понятий, составляющих новое имя отверженного. В переводе с земного, оно звучало примерно так: Лгуновралебалаболка. Для краткости будем в дальнейшем называть его просто Балаболом.

— А вы не пытались разыскать тех двоих или хотя бы их тела? И проверить, что там присошло?

— Да, мы хотели направить еще одну группу, но все вдруг вновь изменилось...

И старейшина рассказал, как буквально вслед за изгнанием незадачливого разведчика внезапно в колодцы начала возвращаться вода. Жизнь вернулась. Люди ликовали, стали спешно наверстывать упущенное и забыли про досадный инцидент. А

затем на одном из сходов, посвященном отводу новых участков для сбора травы, Балабола решили простить и разрешили ему вернуться в становище.

Однако изгнаник, видимо, уже привык к одиночеству и решил остаться за пределами селения. Женой обзавестись не успел. У него, еще с прежних времен, оставалась джалма, правда, доходов с нее он почти не имел, еле сводя концы с концами и ведя полунищенский образ жизни. Иногда он появлялся в трактире, сидел за столом в одиночестве, но ничего не заказывал. Иногда, кто-то из жалости оставлял ему полкружки пива, и он с жадностью его поглощал крохотными глотками. В общем, не жизнь, а существование.

Кстати, по удивительному совпадению, одинокий изгой оказался почти моим соседом. Когда я выбирал участок под свой дом, то обратил внимание на одинокую покосившуюся лачугу, стоявшую неподалеку от каменоломни, за пределами селения.

На мой вопрос, что там за строение, сопровождающий меня Аллок ответил кратко и емко — жилище изгнанника. Ни как его зовут, ни за что изгнали этого несчастного, мой юный проводник не знал, посоветовав порасспросить об этом у его папаши. Как я уже заметил, здешнее младое поколение не проявляло интереса почти ни к чему. И проводило свои дни до достижения совершеннолетия в незатейливых играх со сверстниками, да помогая по дому. В отличие от земных подростках в них начисто отсутствовала любознательность.

Мальчишке вообще было до фонаря, что я спас ему жизнь при нападении страшного хищника, и его отношение ко мне было... ну, скажем так — никаким. Он даже не поинтересовался, кто же я такой и откуда прибыл. Если отец поручал ему куда-то сопровождать или в чем-то помочь, он делал это, как заведенный бездушный робот.

Впрочем, я на это не обижался, памятуя слова старейшины, что все полноценные чувства просыпаются в их детях к совершеннолетию.

Мальен предлагал мне помочь в строительстве собственного жилья, но я предпочел справиться с этим один. Никаких архитектурных излишеств я не замышлял, каменоломня была рядышком, а физических сил мне не занимать. Единственное, что я у него одолжил, была специальная пила для нарезки

квадратных глыб известняка. Она представляла собой металлический круг, окаймленный острыми зубьями и насыщенный на длинную деревянную рукоять. Это экзотическое орудие труда оказалось удивительно приспособленным для резки камня. Им можно было свободно манипулировать во все стороны, делая необходимые повороты и на любую доступную глубину. К тому же известняк был довольно мягким, легким по весу и без труда поддавался даже лезвию обычного ножа.

На строительство дома у меня ушло полтора дня, что было местным рекордом. Я не раз подмечал удивление на лицах случайных прохожих, которые, завидев, с кем имеют дело, сразу же бледнели и пускались наутек. Оно и к лучшему — лишние глаза мне были не нужны. Следует отметить, что чрезмерное любопытство вообще не было присуще здешнему народу. Аборигены были просты как в своих чувствах, так и в облике. У женщин единственным украшением служили разноцветные ленточки, стягивающие волосы в пучок на самом затылке. Их лица совершенно не знали косметики. Мужчины носили однотипную прическу, в виде хвоста сзади, на манер голливудского киноактера Стивена Сигала. Короче говоря, никаких излишеств ни в одежде, ни во внешности.

Мое официальное логово состояло из двух комнат и небольшой пристройки. Одна из комнат была спальней, а вторая — столовой и всем другим по совместительству. В комнатах я разместил нехитрый домашний скарб, который одолжил все у того же Мальена. Старейшина все-таки был со мной добр и старался не отказывать в моих просьбах. Он дал мне в долг даже десять фаргов, чтобы я мог потратить их на неотложные нужды. Причем, похоже, это добросердечие шло от души. Его жена Тилна не чаяла во мне души и при каждом удобном случае старалась меня подкормить, что было, откровенно говоря, не лишним. Эмата, вероятно, стояла уже на пороге совершенолетия и буквально ела меня глазами. Она явно имела на меня виды, однако я уже отмечал, что девица была не в моем вкусе — слишком полной и пухленькой.

Пристройка предназначалась для джалмы, которую я рассчитывал приобрести, как только немного обзаведусь местными деньгами. А на этот счет у меня уже созрели далеко идущие планы...

По завершении строительства я решил навестить своего нового соседа, которого не видел ни разу за все это время. Покрутившись вблизи его дома и не заметив никаких признаков обитаемости возле покосившейся лачуги, я решил притиснуться внутрь.

В единственной небольшой по размеру комнатачке никого не было, но из пристройки доносились какие-то глухие ритмичные звуки. Заглянув туда, я обнаружил, что человек, нареченный Балаболом, стоит на коленях и доит свою джалму. Он посмотрел на меня без страха, но с явной неприязнью, однако промолчал, продолжая свое занятие.

— Здравствуй, Жюст, — я назвал его прежним именем, желая завязать, если не дружеские, то, во всяком случае, доверительные отношения.

— Откуда тебе известно мое имя, — с прежней неприязнью осведомился он, не прекращая доить джалму, — я тебя не знаю.

— Я..., — начал я и замолчал.

Как ему представиться? Его новый сосед? Чужой пришелец? Победитель дзурга? Друг Мальена?

— Я недавно появился в вашем селении, — такой нейтральный ответ не обязывал ни к чему.

— Что тебе надо?

Ага, он покосился на лежавший неподалеку нож. Уж не собирается ли он на меня напасть. Во всяком случае настроен крайне недружелюбно. А чего ты ожидал? Что к тебе сразу кинутся брататься? Нет, недаром существует поговорка: незваный гость хуже татарина. Поэтому нечего мне обижаться. Опасным он для меня не был. Но смотреть волком... Постараюсь его не раздражать и не провоцировать.

— Желаю с тобой поговорить, — мой тон был просительным.

— Мне не о чем с тобой говорить.

— Я хочу, чтобы ты мне рассказал о той...

— Я не собираюсь тебе ничего рассказывать. Убирайся отсюда, я тебя не звал!

И Жюст несколько поменял позу, якобы машинально, но я-то видел, что теперь он поближе к своему ножу и готов пружиной взвиться на непрошеного гостя. А ведь напрасно сход записал его в трусы, парень явно этого не заслуживает.

Зайдем-ка с другой стороны. Я достал из кармана два медных фарга и протянул их хозяину лачуги.

- За что? — он в растерянности отшатнулся.
- За твой рассказ и добавлю столько же, если он мне понравится.

Да, видно действительно доконала его нужда, если он сразу сник при виде денег. Глаза зажглись алчными огоньками и смотрели уже только на мою руку с деньгами.

- Какой рассказ? — голос звучал глухо и не столь агрессивно.

— Возьми сначала монеты.

Мой расчет был точен. Человек, взявший деньги, уже с трудом с ними расстанется.

Жюст неуверенно протянул руку и, глянув на свою ладонь с оказавшимися на ней фаргами, сжал пальцы в кулак. Медные горошины скрылись, он к ним привыкал.

- Расскажи мне о походе по поиску места для нового становища.

— Нет, только не это! — его голос сорвался в крик.

Здорово же ему досталось, если даже вспоминать не хочет. Но наживка уже заглохна, а я с иезуитским коварством показал ему еще две монеты... И он стал постепенно сдаваться.

— Зачем тебе мой рассказ?

— Скажем так, я изучаю здешнюю географию, — неудачно пошутил я и чуть не испортил все дело.

— Чего-о-о? Какую еще географию? — это слово ему не было знакомо, а неизвестность пугала. — Проваливай и забирай свои фарги, я ничего не знаю!

— Погоди, я не так выразился. Я хочу найти вход в ущелье, где вы побывали.

— Зачем тебе это? Там живут горные люди, а они очень опасны и поедают своих пленников.

— Они схватили и съели твоих товарищей? — я ловко ушел от ответа на вопрос, зачем мне это.

— Нет. Мои сородичи погибли не от рук горных людей.

— А от чего?

— Ты все равно не поверишь, — с горечью произнес Жюст.

— Я пойму, если ты расскажешь мне правду и заплачу тебе еще четыре фарга, — с этими словами я выудил из кармана еще

две медных горошины и присовокупил их к прежним двум, — но только чистую правду, как бы она не выглядела.

— Сход мне не поверил...

— Я знаю, но тогда было чрезвычайное положение и, может быть, просто не успели разобраться.

— Не успели... Скорее не стали разбираться, а хотели побить меня камнями, — обида поперла у него через край, в голосе прозвучали слезы.

Нет, не буду подставлять ему свою жилетку, иначе совсем раскиснет, и перенесенные невзгоды не дадут ему быть объективным. Нажмем опять на финансовые рычаги. И я протянул ему еще две монеты, которые он автоматически сцепил второй рукой. Четыре монеты в руках и еще две в перспективе — это было для него целым богатством, причем реальным. Обида была побеждена медным блеском.

— Говори же.

— Несколько периодов назад в наше становище забрел какой-то чужак...

— Я это все знаю, — прервал я рассказчика, — начни с того момента, как вы вышли из селения. Где шли, что видели, сколько дней занял весь путь и что случилось с твоими спутниками?

— Мы шли по равнине, заросшей высокой засыхающей травой, много дней. Шли днем, повторяя обратный путь дневного светила, а ночью отдыхали. В пути не встретили ни селений, ни людей...

— Трава засыхала всюду?

— Да. Беда охватила весь наш ярус. Наконец, перед нами сплошной стеной встали горы. Но нам повезло, мы обнаружили проход между горными хребтами. Приготовили оружие, так как боялись нападения горных людей — их гортанные крики мы слышали несколько раз и тогда прятались в грудах камней.

— Вы видели горных людей?

— Нет. Но иногда они кричали очень близко. Через проход мы пробирались целый день и к вечеру вышли к каменистой равнине. Мы решили отдохнуть, дежуря по очереди, по-прежнему опасаясь нападения горных дикарей. Утром нашим глазам открылась громадная пустая поверхность, на которой валялись только камни и ничего не росло.

— И даже вдалеке не было видно никаких изменений местности?

— Вдали пустынная равнина смыкалась с горизонтом. Но мы решили ее пересечь. Ведь должна она была где-нибудь закончиться. А на четвертый день случилось ужасное...

— Вот, с этого момента рассказывай все очень подробно, — потребовал я.

— Да, в общем-то и рассказывать нечего. Все случилось очень быстро и непонятно. Вначале мы увидели впереди какую-то черную стену. Она пересекала всю равнину и упиралась прямо в небо. Мы пошли к этой стене. Я отстал от своих товарищ, так как обронил флягу с остатками воды. Подобрав ее, стал их догонять. И вдруг какая-то страшная невидимая сила стала тянуть моих спутников к этой стене. Они сопротивлялись изо всех сил, потом упали на землю, вцепляясь в нее руками, ногами и даже зубами. Я замер на месте, застыв от ужаса. А их все тянуло и тянуло, а затем они покатились, как куски палки, и быстро скрылись во мгле. Они кричали так жутко, что я часто просыпаюсь от этих криков, которые чудятся мне во сне...

— Ты заметил, что их тащило? Ну, к примеру, какие-нибудь щупальца?

— Щупальца? — удивился Жюст, — а что это?

— Что-то наподобие длинных ветвей кустарника, которые извиваются, как живые, — как мог, пояснил я.

— Ничего такого там не было. Их просто несло по поверхности, как... Как ветром листки кустарника.

— Что было дальше? — сухо спросил я.

Не очень-то я поверил в эти рассказы о невидимке, который уволок куда-то сородичей Жюста. Что-то тут было не так. Или он умалчивает о каких-то важных обстоятельствах пропажи товарищ или попросту врет. Может, они свалились в пропасть, а он не оказал им помощи?

— Я бросился прочь от этого ужасного места. А затем возвратился в становище.

— Ты не пытался их искать? Или хотя бы подождать?

— Они погибли! Я это знаю точно. Я видел это собственными глазами. И вижу, что ты мне тоже не веришь.

Я ушел от ответа на этот вопрос. Слишком уж невероятными были обстоятельства исчезновения спутников Жюста. Но, с другой стороны, если он лжет, то зачем так несусветно и невообразимо.

Не зря разъяренные таким рассказом соплеменники хотели сразу же побить его камнями. Ведь можно придумать что-нибудь попроще и правдоподобней. Например, их схватили горные люди. И все. Никаких больше вопросов и подозрений. Нет же — плетет эту чушь на сходе тканщиков, а затем, уже убедившись в недоверии к своему изложению, упорно повторяет ее мне.

— Проводи меня туда, — попросил я, уже ожидая его отрицательную реакцию.

— Нет, нет, нет!

— Я дам тебе много денег.

— Не-е-ет! Ни за что!

Я не стал больше настаивать, отдал ему обещанные монеты и отправился восьсяи, чтобы в тиши и уединении обдумать полученные сведения.

Уходя от Жюста, я вдруг поймал на себе чей-то внимательный оценивающий взгляд. Очень неприятный взгляд. Так изучают неизвестное насекомое, случайно попавшееся на глаза. Жюст? Исключено. Моя экстрасенсорика позволяла фиксировать и запоминать чужие взгляды — этот я встретил впервые. Я осторожно огляделся по сторонам. Как всегда, вокруг ни души. Чужие глаза, однако, продолжали обозревать меня бесцеремонно и назойливо. Я включил дополнительную энергию и напрягся, стремясь засечь источник внезапно обнаружившегося надзора. Бесполезно. Все мои способности оказались бессильны. Так я и вошел в свое новое жилище со сверлящим спину чужим взглядом. И лишь внутри моего логова это ощущение исчезло.

Подведем, однако, итоги моего визита. Что мы имеем в качестве фактов? Экспедиция, снаряженная на поиски воды — факт номер один. Пропали два разведчика (не факт, что погибли) — факт номер два. Странный рассказ Жюста-Балабола, которому вовсе и не требуется сочинять подобные небылицы — факт номер три. Идем дальше. Цель, в результате, не достигнута. Но сразу после возвращения одного из посланцев вода вновь заполняет подземное хранилище. Простое совпадение? Или цена двух жизней? А если Жюст принес своих товарищей в жертву неизвестному божеству и оно, смилиостившись, вернуло воду селению?

Нет, слишком невероятная версия — так я далеко зайду. А если эти двое не погибли... Тогда где же они? И здесь я подскочил, как ужаленный змеей. Конечно же, как я сразу не догадался. Эта, так называемая черная стена до неба, не что

иное, как проход в другой ярус. Жюст возвратился за оброненной флягой, а когда вернулся назад, то обнаружил исчезновение своих спутников. А они просто вошли в проход. В месте соприкосновения соседних ярусов возникает особое оптическое явление — с испугу Жюст принял его за черную тьму, а воображение уже дополнило и стену, и невидимую страшную силу, и вопли погибающих сородичей. Все стало на свои места. Оставалось проверить свою догадку и проникнуть в другой ярус. Вдруг это ярус, где и расположена столица империи...

Все равно другого пути у меня не было. Кажется, я забыл упомянуть об этом, но транспортал, через который, по словам Мальена, прибывали обозники, я нашел и обследовал сразу же. Он находился на расстоянии в пару сотен метров от селения, неподалеку от того места, где мы вышли из леса вместе с пленившим меня Аллоком. Загадочный транспортал оказался здоровенным металлическим ящиком кубической формы, без окон-без дверей, высотой в рост человека. Этот куб был цельно-металлическим и абсолютно гладким. Никакого подобия замка на нем не было. Лишь взобравшись на его верх, я обнаружил едва заметный зазор во всю длину лицевой стороны. Почему я определил ее, как лицевую? Потому что перед ней начиналась утоптанная дорожка, которая вела в селение. Если это и было какое-то запорное устройство, то необычайное и очень хитрое. Я применял всю свою физическую мощь, пытаясь расшатать стенку ящика — никакого результата. Даже лезвие ножа не могло проникнуть в этот зазор, и после нескольких бесплодных усилий я оставил это занятие.

Чтобы посмотреть, как действует транспортал, следовало дождаться обозников, которые им пользовались. Я лично не сомневался, что это какое-то средство транспортной связи, нечто вроде метрополитена.

Сборы к путешествию на край света были недолгими. Я не видел смысла запасаться оружием и пищей. Опасным путешествие мне не казалось, несмотря на жуткие рассказы Жюста. Лишь, следуя местным обычаям, я положил скучные дары обоим местным богам, чтобы мое странствование закончилось благополучно.

Да, я же никак не упомянул о здешней религии. Наверное, потому, что ее не было, как таковой. Ни шаманов, ни молитв, ни икон, ни помещений, предназначенных для служения богу. Поклонялись лишь двум богам. Один в переводе на земной

язык именовался Добро, а другой — Зло. Единственное их изображение, в виде известнякового идола, стояло в центре селения.

Идол представлял собой громадную голову, выше человеческого роста, которая состояла из двух половинок, в виде лиц-антиподов. Бог Добра имел жизнерадостное выражение, душевые, с прищуром, глаза, широкую сердечную улыбку. Лицо бога Зла, естественно, носило отталкивающее выражение. Громадный, изломанный горбом, нос, вытаращенные в гневе глаза, раскрытый в вопле клыкастый рот.

Подношения обоим богам делались один раз в период, в самом его начале, а также в экстренных случаях, грозивших несчастьем или бедой. Дары клались обоим богам сразу: богу Добра, чтобы уберег от напастей и принес удачу, а богу Зла, дабы не чинил лишнего лicha.

По-моему, разумная, компактная и хорошая религия.

Мне не понадобится столько времени, чтобы достичь цели, ведь я мог передвигаться в десятки раз быстрее Жюста и его спутников. Фляга воды, мешочек сущеных овощей и два-три хлебца — вот и все припасы, которые понадобятся в пути. Оружие мне ни к чему, только лишняя тяжесть, а вот длинный серповидный нож для заготовки травы может пригодиться. Трава, заплонившая всю равнину, была высокой и очень густой — кое-где придется в ней прорубаться, как в непроходимых джунглях.

Мой внутренний навигатор был настроен точно на ущелье — в северо-восточном направлении. Вначале я бежал по довольно утоптанной тропе, но затем она стала уходить левее, к селению растенщиков. Пришлось переть прямо напролом, как дикому кабану, и кое-где пускать в ход нож. Две короткие остановки для подзарядки сил, и к вечеру я был уже у входа в ущелье.

В принципе, я мог бежать и ночью, включив инфракрасное зрение, но особой необходимости в этом не было. По моим расчетам, со слов Жюста, впереди оставалось менее четверти пути. К тому же горы есть горы. Сплошные каменюки кругом, так и ноги можно сломать, скорость-то у меня — ого! Съев свой скучный ужин, я переночевал в зарослях травы, а утром, с восходом дневного светила, пошел по каменистому дну ущелья. Горные люди не были для меня опасны, в любой момент можно было оторваться от них с помощью режимов невидимости и полета. Почти никакой растительности в горах не было.

Кустики той же травы, только высотой поменьше, да редкие островки чахлого кустарника со стручковыми листьями.

Ущелье было извилистым и закончилось внезапно. За одним из поворотов я вновь выскочил на равнину. Это было обширное плато, покрытое различных форм и размеров небольшими камнями. Что-то вроде наших среднеазиатских каменистых пустынь. Первым делом было включено мое бинокулярное зрение. Не то, чтобы я хотел обнаружить черную стену, скрывающуюся в небесах, в которую все равно не верил, а просто хотел проверить, насколько далеко простирается эта пустыня. Увы, она тянулась до самой линии горизонта. Встающее на дневную службу раскаленное светило, обмахиваясь длинными багровыми языками протуберанцев, слепило глаза. Рядом с ним всплыла яркая вишня второго светила. День обещал быть жарким. Поэтому, пока утренняя прохлада не спала, я бегом устремился к своей цели.

Черная стена возникла на горизонте внезапно. Она была даже не черной, а какой-то иссиня-темной и мглистой, и перечеркивала пустыню ровной линией, упираясь в самое небо. Не то, чтобы я полностью не доверял рассказу Жюста, но впечатление этот, похожий на искусственный, высоченный и непроницаемый забор производил жутковатое. От него так и веяло опасностью и тайной. Значит, Жюст не соврал в этой части, поэтому можно было ожидать, что и дальнейшее его повествование найдет какое-то свое непредсказуемое подтверждение.

На всякий случай я остановился и произвел полную подзарядку своего организма. Дальше стал двигаться не спеша, соблюдая осторожность и ожидая неприятного сюрприза. Крупные камни перестали попадаться на моем пути, а вскоре исчезли и мелкие. Каменистый грунт стал гладким, будто отполированным гигантским листом крупнозернистой наjjдачной бумаги.

Стена постепенно заполоняла весь видимый горизонт. Если принять на веру слова несчастного изгоя, его спутников внезапно потащило к этой стене. Что это могло быть? Ураганный ветер? Возможно. Только почему он не подхватил и Жюста? Смерч? Пожалуй, более правдоподобный вариант.

Чем ближе я приближался к стене, тем более она приобретала какие-то размытые очертания. Эта штука явно не была изготовлена из твердого материала. Она была похожа на очень густой туман, сотканный из черноты космического вакуума. И эта сумрачная неподвижная мгла привлекала и манила к себе.

Не в силовом смысле, а в психологическом, как гипнотизирующие глаза удава притягивают кролика.

Создалось впечатление, что это был край чего-то. Чего? Возможно, яруса, который висел в межпланетном пространстве. Или, может статься, это пропасть, разделяющая два яруса. А может, это вообще иное измерение, в котором находится соседний ярус. В любом случае здесь мог размещаться вход в иной мир. И те двое, спутники Жюста, проникли в него.

Я продвигался вперед небольшими шагами, и вскоре чернильный мрак заполнил весь горизонт. Вглядываясь в него, высмотреть что-то вроде входного зева было невозможно. Мгла висела однородно и непроницаемо.

И... Вот оно! Меня неожиданно потянуло в зияющую черноту. Это было странное ощущение. Будто металлическую пылинку пытался притянуть далекий магнит. Я усмехнулся — что ж, поможем магниту и мелкими шажками стал уступать его притяжению...

Внезапно меня рвануло вперед с нешуточной силой. Я стал сопротивляться тяготению, упираясь ногами в землю, но меня неумолимо влекло все сильнее и дальше. Ноги чертили в каменистом грунте длинные извилистые борозды, а моя фигура, в сопротивлении, наклонилась в противоположную от черноты сторону, уже касаясь земли руками.

Вот коснулись земли локти, но за ноги будто ухватил кто-то невидимый и тянул их в сторону тьмы. И тогда я запаниковал, цепляясь за почву руками и обламывая ногти. Тщетно! Мое движение назад начало ускоряться, грозя своей необратимостью. Тело просто волокло по земле.

Какой же я самонадеянный растерявшийся болван! В панике забыл даже про чудесные свойства своего организма. Я врубил полную физическую мощь, стараясь вжаться в землю всем телом. Поздно! Движение замедлилось, но меня по-прежнему тянул в неизвестность неведомый и неутомимый буксир.

Нож! Я выхватил из-за пояса длинный серповидный нож и с размаху, изо всех сил, воткнул его в землю. Он вошел туда по самую рукоятку, к счастью, не встретив по пути крупных камней. Я вцепился в него обеими руками. Лезвие вибрировало от страшного напряжения, но держалось, и мое движение назад прекратилось. Но ужасная безликая сила по-прежнему стремилась утащить меня в тьму. Руки стали неметь, а нож мог сломаться в любую секунду.

Но холодный рассудок уже возвращался ко мне. Лежа на животе, я поднял вверх правую ногу и со всего маху всадил ступню в каменистый грунт. То же самое я проделал левой ногой. Теперь у меня были три точки опоры. Я сжал ладонь правой руки в положение «клюв ястреба» из восточных единоборств и, размахнувшись, вогнал ее в землю. Хруст поломанных ногтей и ужасная боль не остудили моего пыла. Есть четыре точки опоры. Теперь надо было думать о продвижении вперед, прочь от ужасной темной бездны.

Вытащив нож из земли левой рукой, я вытянул ее на всю длину и вновь вонзил нож в грунт. Правая нога, слегка согнувшись в колене, взметнулась вверх, и ступня продвинулась вперед, воткнувшись сантиметров на двадцать ближе. За ней последовала левая нога. Правая рука, когтем вновь вспорола каменистую почву и очутилась рядом с ножом. Таким образом, я выиграл у своего невидимого могущественного противника первую пядь земли длиной с подошву башмака.

Наша борьба длилась весь остальной день. Крохотными рывками я продвигался вперед, потихоньку удаляясь от безмолвного зловещего мрака. Пока, наконец, не почувствовал, что сила, влекшая меня в жуткую тьму, значительно ослабла. Брошенный назад взгляд зафиксировал длинную вспаханную полосу каменистого грунта. Но передышки я не взял. Еще несколько усилий, и я оказался полностью свободным от пут непонятного тяготения...

Я валялся на каменистом грунте, раскинув руки и бездумно глядя в небо, очень долго. В голове была пустота, а все тело ныло от перенесенного перенапряжения. Паника, страх, отчаяние, разочарование, переплетаясь в гордиев узел, привели мою нервную систему в состояние полного ступора. Я не мог дать никакого определения своему запутанному эмоциональному состоянию.

Положительные эмоции одинаковы как для миллиардера, ухватившего по дешевке контрольный пакет акций какой-нибудь «петролиум компании», так и для бомжа, обнаружившего в мусорном баке пакет с десятком пустых бутылок, подлежащих сдаче в приемный пункт стеклотары. Они усваиваются легко и дарят состояние, близкое к счастью. Отрицательные чувства, в зависимости от степени стойкости индивидуума, могут полностью разрушить важнейшие нервные узлы и превратить человека в натурального психа или в животное, подвластное только инстинктам. Я был на грани этого.

Утром я встретил в полукилометре от того страшного места, где меня потянуло во мглу. На всякий случай я постарался держаться подальше — а вдруг в ночное время радиус действия этой силы удлиняется. Пуганая ворона куста боится. Сон не шел, и вся ночь прошла в размышлениях о странном механизме тяготения, чуть меня не погубившего. Никаких правдоподобных версий произошедшего накануне в мой измученный ум не пришло.

И все же я попытался исследовать это удивительное явление. Возвратившись к месту противостояния, я набрал камней и стал изо всей силы бросать их в сторону безмолвной черноты. Результат оказался поразительным. Метров пятнадцать камень летел по воздуху по восходящей дуге, а затем резко менял свою траекторию, почти вертикально уходя к земле. Многократно возрастала и его скорость. Затем его просто тащило по каменистой почве с громадным ускорением, и вскоре он беззвучно исчезал во мгле.

Потом я запускал камни по самой земле, и они мчались, подпрыгивая, подобно кругам на воде. Далее невидимая сила прижимала камень к земле, и его волокло по поверхности все с тем же громадным ускорением, вздымая легкую пыль.

Пережитый ужас не помешал закрасться крамольной мысли: а, может, мне самому шагнуть в безмолвную жадную бездну? Вдруг все-таки это и есть вход на иной ярус? Но я вовремя отказался от подобного намерения.

Поэкспериментировав, я пришел к выводу о наличии вдоль всей черной стены мрака чудовищной гравитационной силы, которая действовала тем сильнее, чем ближе к стене. Причем в отличие от обычной гравитации, действующей вниз под прямым углом, это тяготение имело угол наклона к земной поверхности, который составлял примерно сорок пять градусов. Вот и все.. Природа и источник этой колоссальной гравитации остались для меня неизвестными.

Меня спас, конечно, нож, лезвие которого оказалось удивительно прочным. И то обстоятельство, что в зоне тяготения поверхность земли была гладкой — все камни были унесены во мрак. Поэтому и лезвие не сломалось, наткнувшись на случайный камешек, и возрастала сила трения моего тела с грунтом, давая мне возможность хоть как-то зацепиться.

Я чудом избежал страшной участи, которая уже казалась неизбежной. О своем смертельном путешествии я не рассказал даже Мальену.

Глава седьмая**IN VINO VERITAS¹**

Лениво потягивая противный местный эль, к которому я так и не привык, я вполуха слушал мальеновские байки, как он унаследовал мастерство изготовления этого популярного напитка и какой он замечательный пивовар. А точнее пиводел, поскольку пиво здесь не варили. Как я соскучился по нормальным крепким спиртным напиткам, чтобы кровь в жилах заиграла, да в голове зашумело. Эх, накатить бы сейчас полстакана водочки и, не спеша, занюхать свежей корочкой ароматного черного хлеба. А потом грибочек на вилочку или кусочек селедочки пряного посола...

— Главное, — шептал хитрый трактирщик, чтобы не услышали другие посетители трактира, — знать, сколько мочи джалмы следует добавлять на бочку молока.

Меня передернуло, и глиняная кружка с напитком была временно отставлена в сторону. Ну, зачем эти натуралистические подробности? Оно и так на вкус — не очень, а тут еще моча...

Мимо нас сновала туда-сюда Эмата с тряпкой в руках. Выпивох в трактире было немного и особой работы для нее не было. Она стреляла в меня глазками, и, кажется, это являлось ее основным занятием. По-моему, девица давно стремилась меня соблазнить. Однако бедняжка была не в моем вкусе. Кроме того, по здешним обычаям за прелюбодеяние или связь с чужой женщиной могли забить камнями как женщину, так и мужчину. Что-что, а мораль здесь была строга. А женитьба в мои планы не входила.

— А еще, — глаза Мальена горели хитрым блеском, процесс брожения должен происходить в полной темноте и длиться не более...

Стоп! Брожения... В том слове что-то было. Брожение..., брага... Эврика! А ведь из этого кисловатого зелья с запахом прогорклого маргарина можно гнать самогонку.

— Даже обозникам нравится мое пиво, — продолжал рекламировать свое производство Мальен, — а они все же столичные жители и разбираются...

¹ Истина в вине (лат.)

Но я уже полностью отключился от его басен. Поисковые системы моего мозга работали на полную катушку, разыскивая в памяти устройство самогонного аппарата. Сам я самогонку никогда не гнал и не видел, как это делают другие. Мои теоретические познания в этой части не простирались далее кадров из очень смешной кинокомедии «Пес Барбос и необычайный кросс», где роль владельцев подпольного самогонного заводика исполняла знаменитая троица — Вицин, Моргунов и Никулин. Неужели Малыш не вставил никаких сведений по этой теме?

Есть! Целый раздел. Батюшки-светы, чего там только не понапихано. История самогоноварения, основы химии, объясняющие процессы брожения, куски физики, раскрывающие природу возгонки, какой-то крекинг нефти — а это тут при чем... и прочая и прочая и прочая. Но главное, здесь приводились модели и устройства сотен самогонных аппаратов. Каких тут только не было. Начиная от причудливых средневековых возгоночных тиглей и заканчивая портативными самогонными аппаратами, напичканными всевозможной электроникой. В общем, на любой, даже самый извращенный, вкус.

Прокрутив в голове файлы на эту тему, я узнал, что впервые «spiritus vini»¹ изготовил в одиннадцатом веке персидский врач Ар-Рази, который выделил этанол путем перегонки. Полученная жгучая жидкость использовалась исключительно в медицинских целях, так как Коран строжайше запрещает употребление алкоголя. Европу осчастливили первой перегонкой спиртосодержащей жидкости итальянский монах и по совместительству алхимик Валентиус.

В России водка появилась в конце четырнадцатого века. Ее завезли предприимчивые генуэзцы и представили Дмитрию Донскому, надеясь получить льготы по своим торговым делам. Ну, а ее дальнейший путь известен каждому.

С полчаса я с неослабным интересом изучал все перипетии, связанные с изобретением и употреблением алкоголя.

Зачем Малышу понадобилось сливать в меня всю эту информацию? Загадка. Но как же мне она пригодилось на далекой скучной чужбине.

¹ Дух вина (лат.)

Одолжив у добрейшей Тилны некоторые хозяйствственные приспособления, а также большую флягу пива из запасов Мальена, я помчался в свое секретное логово.

Никогда не гнали самогон? Ну и воздержитесь от этого. Поэтому не буду приводить конструкцию простейшего самогонного аппарата, который я соорудил буквально из ничего в считанные минуты. И вот из отводной трубы капнули первые капли, а чуть позже потекла в подставленную миску и тоненькая струйка полученного пахучего экстракта.

Производительность аппарата была не очень, но через пару часов я имел уже пару литров продукта возгонки. Теперь следовало его опробовать и убедиться лично в качестве самодельной водки.

Я зачерпнул треть кружки мутноватого зелья прямо из миски и принюхался. Пахло скверным ячменным канадским виски с примесью аромата бобровой струи. Как бы не отравиться этим зельем. С минуту я колебался. Эх, была, не была! Нужен только подходящий тост.

— За всех, кто меня любит! — с чувством промолвил я и опрокинул содержимое кружки в рот.

Не усмехайтесь. Налейте в подходящий сосуд любимого пойла и прикиньте про себя, сколько же найдется таковых, кто действительно испытывает к вам эти искренние чувства. Уверяю, число вряд ли будет двузначным. Если только вы не популярнейшая поп-звезда, всегда имеющая пару батальонов готовых на все фанатов.

Обжигающая жидкость, тем временем, миновала пищевод и обосновалось приятным горячим комком в желудке. В голове закружилось, и я на всякий случай присел на скамейку. Самогон оказался крепчайшим, градусов под семьдесят. Опьянение пришло довольно быстро и принесло недурственное настроение. Окружающий мир заблистал яркими красками.

— Когда бы водку гнать не из опилок.., — характерная хрюпотца незабвенного барда всех времен и народов Владимира Высоцкого мне не удалась, однако известную юморную песенку я исполнил с чувством и старанием.

К концу дня процесс самогоноварения был полностью завершен. Выход пахучего обжигающего напитка был неплохим. Из примерно восемнадцати литров пива, находившегося во

фляге, получилось почти четыре литра первача. На радостях я хватанул еще полкуружки самогона и сидел опьяневший, расслабленный, этакий счастливый.

Нет, алкашом я никогда не был и даже в любители по этой части не записывался. Самогон был нужен мне для иных целей. Экономическая зависимость от Мальена тяготила и так долго продолжаться не могло. Сивушный напиток я собирался продавать именно ему, с тем, чтобы он торговал им в своем трактире.

Прежде всего, самогонку следовало довести до привычной сорокаградусной кондиции. Именно автор периодического закона химических элементов и соответствующей таблицы Дмитрий Менделеев обнаружил, что сорокаградусный раствор спирта в воде обладает необычными физико-химическими, биохимическими и физиологическими свойствами, и защитил на этом докторскую диссертацию. И именно в таком соотношении он легче всего усваивается человеческим организмом и быстро разносит хмель в крови, принося блаженное чувство опьянения.

К Мальену я шел с флягой, в которой плескалось более шести литров сорокаградусного самогона. В трактире было с десяток любителей пива. С заговорщицким видом я зачерпнул прямо из фляги треть кружки мутноватого зеленоватого напитка и протянул ее Мальену.

— Попробуй-ка моего пива, — предложил я, ухмыляясь.

— Что это?

— Изготовленное мной пиво. Только очень крепкий сорт. Он принюхался и лизнул жидкость языком.

— Фу, какая горечь, — его лицо приняло выражение человека, слопавшего ложку злющей горчицы вместо ожидаемого варенья.

— Не бойся, пей! После этого ты забалдеешь, как от целой бочки пива.

— Да, это какая-то отрава. Разве ты умеешь делать пиво? Никто не умеет готовить настоящее пиво, кроме меня.

— А ты попробуй! — я взял другую кружку и, зачерпнув примерно такую же дозу, лихо опрокинул ее в рот, — смотри, со мной ничего не случилось. Только постараися выпить одним глотком.

При этом я, конечно, постарался даже не поморщиться, как это обычно бывает, а, напротив, состроил блаженную гримасу.

Мальен немного подождал, но, видя мою сладкую улыбочку, решил и хватанул налитую порцию.

Некоторое время он стоял, вытаращив глаза и задыхаясь от ядовитых сивушных паров. Затем на его глазах показались слезы. То ли старейшина оплакивал уже свою жизнь, то ли это были слезинки боли от жжения в горлани, я так и не понял. В следующее мгновение он рухнул на стул и застыл в полном ступоре, глядя мокрыми глазами в никуда.

Народ, с любопытством следивший за этой сценой, посбегался со всех сторон, приготовившись увидеть предсмертные конвульсии своего вождя. Вероятно, они решили, что таким способом коварный пришелец решил освободить для себя место старейшины. Что ж политическая борьба не терпит соблюдения хороших манер, и во все века славилась своими грязными приемчиками. И отравителей хватало, наверное, и в здешней истории. Уже раздались отдельные горестные вопли.

Вопреки ожиданиям, старейшина оклемался почти сразу же после наплыва зрителей. Он встал в полный рост и блаженно сощурив глазки, повел ими по потолку. Затем он поднял вверх руки и стал, кружась, притопывать ногами. Ну, ровно, трехлетний карапуз вокруг новогодней елки. В общем, впал в полный кайф.

Толпа, терпеливо ожидавшая смерти главы селения, от этого зрелища испугалась по-настоящему. Вмиг кружок болельщиков распался, и все они оказались поодаль, прижавшись к стенам трактира.

Прибежавшая на крики Эмата наблюдала издали за своим папашей с выражением грибника, завидевшего у себя под ногами ядовитую змею. Она застала лишь финал выпивки и не могла сообразить, что же творится с почтенным старейшиной и отчего это вдруг произошло.

Так продолжалось минут двадцать и все зачарованно следили за буйством вождя, ожидая, чем же все это закончится. Конец, впрочем, был прозаическим.

Старейшина внезапно остановил свой бесконечный бег по кругу, опустил руки и объявил заплетающимся языком:

— Хочу спать!

После чего и удалился неверной походкой в свои внутренние покои.

Не буду описывать всех последующих за этим событий. Старейшина оказался весьма сообразительным человеком и между нами возник соответствующий торговый диалог.

— Как ты сделал свое пиво?

— Главное, — подмигнул ему я, — знать, сколько мочи джалмы следует подбавлять в сусло. В том-то и пучок!

— Ты меня научишь?

— Нет, — здесь я был категоричен, — это тайна нашего рода, и она повязана страшной клятвой. Но я буду все отдавать тебе, а ты будешь продавать ее жаждущим диковинных грез. Но мне — двадцать процентов от выручки.

— А зачем тебе столько денег? — ушлый трактирщик, видимо быстренько прикинул предстоящие прибыли.

— Как зачем? Я хочу построить себе просторный дом, — вдохновенное вранье лилось из меня мечтательным тоном, — куплю несколько джалм, приобрету все, что нужно в хозяйстве и заживу на широкую ногу. А главное, куплю себе хорошую жену. Я хочу жить полноценной жизнью и стать полноправным членом твоего рода. Не вековать же мне бобылем, да ходить с протянутой рукой.

— Эмата умеет все, — тут же подхватил мою мысль о женитьбе Мальен, видя меня уже своим зятем.

— Посмотрим, — неопределенно произнес я, — конечно, она лучшая, но сначала нужно засчитать достаточно денег.

— Но я же кормлю тебя, — спохватился старейшина, — хватит с тебя и десяти процентов.

— Вот поэтому я и беру только двадцать процентов, оставляя восемьдесят тебе, а не наоборот.

— Пятнадцать и по рукам!

Но я уступать не собирался. Нельзя в глазах старейшины упасть ниже оговоренной суммы, иначе он перестанет уважать партнера. Это первый закон бизнеса. К тому же мне требовались очень большие деньги. Я не намеревался оставаться на этом бесперспективном ярусе и стремился в столицу. А в любой столице жизнь очень дорогая.

— Тогда я не буду брать у тебя пиво, — пригрозил Мальен, — и тебе не разрешу им торговать. Ты не являешься жителем нашего селения и только общий сход может признать тебя таковым.

— Тогда я могу предложить его другим сельчанам. Скажем, тому же Лобурту, — я знал куда метить, — или вообще уйду жить в другое селение.

Перспектива потерять столь выгодного партнера, да еще усилить оппозицию, всерьез напугала старейшину. Он заморгал глазами и закрутил руками, ища пути отхода.

— Тем более что я тебе ничем не обязан, — продолжал я тактику давления, — наоборот я спас твоего сына, кое в чем тебе помог и еще многому хотел научить.

— Ты не так меня понял, — взмолился Мальен, — просто я хотел все узаконить...

— С моей помощью, — важно произнес я, — ты станешь самым богатым и влиятельным человеком на всем ярусе.

— По рукам! — вскричал старейшина, — я согласен даже на двадцать пять процентов при условии моей полной монополии на твою продукцию.

— Идет! — согласился я, и мы ударили по рукам.

Уже через неделю в трактире было не протолкнуться. Каждый мужчина селения теперь считал своим долгом зайти вечером в трактир и пропустить порцию огненного зелья. После чего следовало исполнение обязательного группового танца вокруг елочки, зачинателем которого был сам Мальен. Женщинам здесь традиционно запрещалось даже употребление пива.

На вопрос трактирщика, под каким названием подавать новый хмельной напиток, я, недолго думая, предложил именовать его «егоровкой», в полном соответствии с именем его творца. А что? Путинка, жириновка и прочие именные водки имели право на существование, а чем я хуже. Хотя помнится, незабвенный Остап Бендер добывал для американцев, замученных «сухим законом», самогоночку с более экзотическими названиями, типа «табуретовка». Но надо же что-то оставить на память о себе этой планете.

Для того чтобы любители егоровки не впадали в слишком большой транс и не начались последующие разборки с мордобитием, я изготовил партию специальных глиняных стаканчиков. Емкость такого стаканчика составляла около пятидесяти граммов, и такие порции, по моему мнению, являлись «в самый раз» для неокрепших организмов здешних аборигенов.

— Будешь отпускать каждому не более стаканчика за вечер, — предупредил я Мальена.

— Это еще почему? — возмутился он, — пусть пьют, сколько влезет — денежки-то нам будут доставаться.

Я попытался популярно объяснить процесс привыкания к спиртному, именуемого на моей родине бытовым алкоголизмом.

— Ну и прекрасно! — трактирщик только обрадовался этому разъяснению, — пусть они только и мечтают, о том, чтобы выпить. К нам перейдут все их деньги, и мы очень быстро разбогатеем.

— А потом они все сопьются, перестанут работать и будут думать только о том, где бы добыть выпивку. А деньги закончатся и взять их негде. Поверь мне, дело закончится очень плохо. В конечном итоге, пьянчуги разнесут и твой трактир, и твой дом в поисках этого зелья.

— Думаешь, такое может случиться у нас? — Мальен в сомнении покрутил головой.

— Об этом свидетельствует весь.., — я автоматически хотел сослаться на соответствующие земные аналоги, но это было неуместно, и я закончил туманно, — весь международный опыт.

Возможно, эта непонятная Мальену формулировка и поставила точку в нашей дискуссии. Но, скорее всего старейшина своим крепким крестьянским умом понял последствия неумеренного потребления крепкого опьяняющего напитка и пагубность бесконтрольности продажи.

Глава восьмая

РУДОКОПЫ

С раннего утра я принялся за строительство своего тайного убежища. По расположению выработок в карьере я определил направление прохождения известняковой жилы. Отойдя шагов на триста от последней выработки, я стал копать яму в земле и скоро наткнулся на известняк. Два дня подряд я занимался вырубкой известняковых глыб с помощью пилы Мальена. Работы было много, но сил и энергии мне не занимать, и к вечеру второго дня пещера, в основном, была готова.

Она состояла из двух помещений. Первое из них я определил как каминный зал и мастерскую, а вторая должна была служить мне спальней и кладовой. Вход, который я сделал очень узким, в виде норы, закрывался спускаемой сверху по пазам массивной плитой. Открыть входное отверстие было нелегко. Включив всю свою физическую мощь, я правой рукой поднимал плиту, которая верхним концом также заходила в вертикальный паз, а левой рукой закреплял ее положение прочной подпоркой. Проползая внутрь, я аналогичным образом опускал плиту, забирая подпорку с собой.

Жилище мое вообще было трудно обнаружить. Сделав известняковую крышу из тех же плит, я полностью забросал его снятым ранее грунтом и сравнял его с поверхностью земли. Вход выглядел, как заброшенная известняковая выработка и был полностью недоступен. Ни один из мужчин селения не обладал достаточной физической силой, чтобы приподнять эту плиту. А вдвоем в образовавшейся яме, они бы не поместились. Да и кому придет в голову рыться в заброшенной выработке.

В каминном зале я установил усовершенствованный стационарный самогонный аппарат с хорошей производительностью, и поставил большие пустые фляги под будущий сивушный продукт. Здесь же размещались чаны под пиво, которое должно было бродить. Получился своеобразный пиво-водочный цех.

Но главным моим сооружением был все-таки камин. Нет, я не боялся замерзнуть, и не был тем снобом, которому не-пременно нужно было лицезреть успокаивающее каминное пламя. Камин должен был выполнять функции плавильной печи. На кой ляд она нужна?

Объясняю. Я собирался заняться изготовлением фальшивых денег. Кустарное самогоноварение не даст настоящего и скорого дохода. А для накопления суммы денег, требуемой на безбедное столичное житье, включая и непредвиденные оперативные расходы, понадобится больше здешнего периода. Поэтому я вознамерился решить эту проблему быстро и кардинально.

Как и все гениальное, мой план, как выражался О'Генри, был прост, как грабли, и незатейлив, как редис. Руда была под боком. Вот-вот за добычей должны были приехать обозники, но я должен их опередить и похитить у рудокопов добытую золотоносную породу. Выплавить из руды чистое золото и

изготовить примитивные золотые горошины с моими знаниями — пустячное дело.

Изготовить плавильную печь было очень просто. Зев камина следовало плотно закрыть, сделать решетку, поддув и вывести наружу дымовую трубу.

Как я уже заметил, здешний кустарник, несмотря на свою непрятательную внешность, был отличным горючим материалом. Его трудно было разжечь, но, разгоревшись, он давал большой жар. Для поддува воздуха я соорудил простейший кузнечный мех, сшитый из шкуры джалмы, и теперь без труда мог достигнуть температуры плавления золота.

С дымовой трубой было сложнее, она могла выдать местоположение моего тайного жилища, испуская клубы густого дыма. Пришлось поломать голову, но приемлемый выход был найден. Я нарезал два десятка толстых тканевых пластин, проделал в них ряды мельчайших дырочек, затем сложил эти пластины, чтобы отверстия не совпадали. Фильтр был готов. Дым и копоть оседали на пластинах, а наружу выходил лишь бесцветный угарный газ. Выходное отверстие трубы над поверхностью земли не возвышалось, а сверху я положил наискосок обломок известняка, так, чтобы оно оставалось открытым.

Теперь следовало приступить к операции, которую я условно назвал «Золотой телец». Она состояла из двух этапов: захват рудоносной породы и изготовление из нее фальшивых денег. Медь и серебро я зарабатывал сам, на самогоне — этого мне с лихвой хватало на жизнь. Для столицы же мне требовалось золото.

Как проверить, какая руда хранится в пещере десятника? И как ее захватить, если там обнаружится золото или, хотя бы, серебро? Открытое просматриваемое перед предгорьем пространство я не мог пересечь, будучи незамеченным. Режима невидимости в условиях быстрого бега хватило бы лишь на три-четыре минуты, как раз, чтобы достичь гор. А ведь требовалось еще возвратиться обратно. Нет, я не боялся этого уголовного сброва и звероподобного десятника. Расправиться с ними не составляло проблемы. Но не убивать же их. Я давал подписку не причинять гибели ни одному живому существу на чужой планете. Но если их оставить в живых, то захват драгоценной руды будет рассекречен. А посягательство на особо ценные полезные ископаемые в любом государстве считалось наиболее тяжким преступлением. Понаедет с имперского яруса целая

куча ищеек, где от них скроешься. Это деревенских жителей можно одурачить маскировкой моего тайного убежища, профессионалы же нащупают его в считанные часы.

Похищение мешков с рудой должно быть только тайным, чтобы никто не хватился валютных ценностей. Напасть на лагерь рудокопов необходимо до приезда обозников, которые могли оставить меня без добычи. Каждый мнил себя стратегом. В данном случае эта фраза относится и ко мне. Выработанный план кражи рудоносной породы казался мне блестящим...

Я начал с Мальена. Как бы между прочим, я подвел его к идее создания элитного народного ополчения.

— Зачем? — коротко спросил он, — мы ни с кем не воюем.

Странный вопрос, зачем создаются вооруженные формирования — еще древние говорили: «*Si vis pacem, para bellum*».¹

— Защищаться от врагов, — уверенно ответствовал я. — Мы создадим группу быстрого реагирования из двух десятков наиболее воинственных селян, которых я лично обучу тактике и приемам кратковременного вооруженного столкновения.

— От каких врагов?

— От горных людей, например. Ты же говорил, что они на вас нападали.

— Когда это было... К тому же мы дали им хороший отпор, и они больше не сунутся. Наше вооружение гораздо лучше.

— Ну, не скажи, всякое может быть.

— У нас каждый селянин — воин, — гордо произнес Мальен, справедливо полагая себя главнокомандующим, — каждый может стрелять из лука и имеет копье.

— Воин — это тот, кто умеет воевать и победить врага, — нравоучительно сказал я, — а тот, кто просто вооружен, еще не воин. Воин должен знать основы военной науки. Как защитить не только себя, но и своего соседа в боевом строю. Как взаимодействовать с другими в атаке и обороне, чтобы враг не зашел с тыла. Каким образом быстро произвести перегруппировку сил. Что предпринять, если попал в окружение. Как произвести рекогносцировку местности и захватить языка.

— Языка? — поразился Мальен, на которого моя речь своей ученостью все же произвела впечатление, — зачем отрезать языки врагам? Проще отрезать голову.

¹ Если хочешь мира, готовься к войне (лат.)

— Язык, по военной терминологии, — важно объяснил я, — это взятый в плен солдат или офицер противника, обладающий ценностями сведениями.

Когда я перешел к основам стратегии и привел в пример знаменитое Каннское сражение, а затем и Грюнвальдскую битву, старейшина перестал задавать вопросы и внимал, раскрыв рот. Мне казалось, что сейчас он достанет блокнот и начнет конспектировать мои военные поучения.

Как бы то ни было, но убедить Мальена в необходимости создания деревенского спецназа с ходу не удалось. Упрямый старейшина по-прежнему гнул свое — в случае нападения все селяне должны взять оружие и сражаться с врагом. Таковы военные традиции здешних мест и все тут.

И тогда я использовал последний аргумент.

— Это будет твоя личная гвардия. В случае любой опасности они встанут на твою защиту и добьются успеха, так как будут лучше других обучены приемам боя.

Мальен навострил уши. Вероятно, гвардейские формирования существовали в империи, и он о них слышал. Это, по-видимому, было почетно и считалось прерогативой императора.

— К тому же, — небрежно добавил я, — могут появиться и новые внутренние враги. А твоя личная охрана сможет защитить тебя от любых их происков. Да и Лобурт еще может поднять голову...

Упоминание о Лобурте доконало старейшину, он его побаивался до сих пор.

— Завтра я тебе выделю двадцать лучших воинов моего рода. Обучай их своим премудростям. Но командовать буду ими только я.

— Само собой, — согласился я.

Ополченцы мне нужны были для одноразового использования. По моей стратегической задумке они должны были атаковать рудокопов во главе с десятником, отвлечь внимание на себя, осыпая их издали стрелами и постараться, отступая, вовлечь десятника в преследование ополченцев.

Тем временем, пока все будут увлечены перипетиями боя, я пошарю в надзорительском форте-ноксе и прихвачу желанную добычу. Все будут заняты схваткой и на то, что творится в тылах, внимания не обратят. Гениальный план, не правда ли? Вот и я так думал.

Ополченцев следует убедить в необходимости атаки лагеря рудокопов. Это я сделаю через Мальена, а уж для него-то я постараюсь найти веские аргументы. Нужен какой-то повод для нападения? Не смешите меня. Была бы цель, а повод находили во все времена. Тому в истории мы тьму примеров слышим. Последний из них страшилка про ужасное не то химическое, не то ядерное оружие в руках восточного деспота-злодея. Демократический мир негодует, молниеносная война, и богатейшие нефтяные залежи переходят под контроль крупнейших нефтяных компаний. Чьих? Угадайте с трех раз.

Но это я отвлекся. Увы, бойцов спецназа из простодушных селян было сделать невозможно. Несмотря на чертимые мной на земле схемы, где должен находиться каждый в начале боя и куда и как перемещаться по этапам его дальнейшего развития, вся теория улетучивалась, когда начиналась военная игра по этим схемам. Разделенные условно на красных и синих мои ополченцы бегали по полю боя неорганизованными стадами, схватываясь в точке соприкосновения с противником в сплошной рукопашной свалке. А там не разобрать, где свои, а где чужие. И это безобразие повторялось раз за разом.

С каждым днем я убеждался, что толку с них не будет, а время шло. Да и план мой перестал казаться мне гениальным. Удастся ли уговорить упрямого старейшину совершить поход на лагерь рудокопов? Как на это посмотрит вся община, может для принятия решения потребуется резолюция схода селян? Захотят ли они напасть на рудокопов, ведь это может закончиться карательной акцией имперских властей?

Пожалуй, мне нужно придумать иной план, в котором не будет места для вспомогательных сил. Да и не придется делить добычу, если я совершу задуманное в одиночку.

И такой проект созрел. Я нарезал травы, навязал ее пучками и украсил ими свою голову и заднюю поверхность тела. В таком наряде и отправился непосредственно к месту своего наблюдательного пункта. Обозрев панораму предстоящей операции, я увидел лишь снующих со своими тачками рудокопов. Десятника нигде не было, следовательно, он находился в своем хранилище. Я опустился на землю и быстро пополз вперед.

Как там пел Винни-Пух, подбираясь к вожделенному меду, охраняемому злыми пчелами?

— Я тучка, тучка, тучка, я вовсе не медведь.., — с этими словами я застыл на месте, изображая одно из пятен травы среди каменистой равнины.

За несколько переходов я достиг точки, за которую заползать было опасно — меня могли заметить. Здесь следовало замереть на месте и дожидаться пока надсмотрщик покинет пещеру.

Наконец десятник вышел из пещеры, закрыл вход в нее огромным камнем и, помахивая бичом, с деловым видом направился в сторону шахт. По сторонам он даже не смотрел. Я включил всю свою физическую мощь в режиме невидимости, сбросил маскировку и в несколько прыжков очутился возле входа в пещеру. Закрывавший вход камень был отодвинут без особого труда, и я проник внутрь подземного хранилища руды. В пещере царил полумрак, на каменистом полу беспорядочно валялись мешки с рудой. Их было несколько десятков. У стены стоял топчан, видимо, на нем спал десятник. Никакой другой мебели здесь не было.

Для маскировки я снова придвигнул валун, закрыв вход, включил инфракрасное зрение и выключил невидимость. Мешки были стянуты вверху бечевой, на манер походных рюкзаков и не очень тяжелы. Слегка ослабляя бечеву, я совал внутрь руку и доставал кусок руды, определяя ее принадлежность. Мне нужна была только золотоносная порода, но ее все не было.

Я лихорадочно перебирал мешки, знакомясь с их содержанием. Медь, медь, медь, вновь медь, серебро, снова медь и опять серебро. Наконец, мешок, найденный в самом углу пещеры, блеснул красновато-тусклой позолотой самородка. Есть! А вот рядом и еще один с тем же содержимым. Снаружи послышался топот десятника, возвращавшегося в свое хранилище. То ли он что-то забыл здесь, то ли заметил меня.

Я оказался в ловушке. Можно было применить силу и, вырвавшись отсюда, убежать домой. Но тем самым я рассекретил бы не только себя, но и пропажу мешков с золотом. Кто знает, может у этого десятника существовал какой-то способ связи с империей. Например, для того, чтобы попросить подмогу, если каторжники вдруг взбунтуются. В данном случае он тоже вызовет помошь, сообщив о невесть откуда взявшемся дерзком похитителем имперского золота. Нет, рисковать не стоило.

Я включил режим невидимости и притаился у входа в пещеру. Вскоре валун был отодвинут в сторону, и огромная тень

застыла на входе, перекрыв доступ свету. Десятник пристально всматривался в глубину подземелья. Чего он насторожился? Может, сработала какая-то охранная сигнализация? И точно — он неожиданно согнулся вниз и пошарил у земли рукой. Луч света, вырвавшийся из-за его спины, высветил тонкую бечеву, натянутую на высоте двух-трех сантиметров поперек пещеры. Вероятно я, не заметив, случайно зацепил ее ногой и сработал какой-то сигнал тревоги. Не учуял ничего подозрительного, главный надсмотрщик вошел внутрь и стал осматриваться по сторонам. Не станет же он пересчитывать все мешки? Нет, он, вероятно, искал существа, осмелившееся проникнуть в хранилище и, не обнаружив такового, успокоился — никто ведь не мог проскочить мимо него незамеченным. Затем он вышел наружу и на всякий случай обозрел окрестности. Пусто.

Я быстро выбрался из пещеры, стараясь не греметь мешками, и, проскочив за его спиной, резво потрусили восьмьми. Через несколько минут густая трава надежно укрыла меня от посторонних глаз.

В мешках оказались золотые самородки с высочайшим содержанием высокопробного золота, почти без посторонних примесей.

Изготовление золотых монет-горошин оказалось самым простым делом в этой операции. Рецепт этот я позаимствовал у древних алхимиков, покопавшихся в своем мозговом хранилище. Единственное, что пришлось доделать, — произвести необходимые математические расчеты по диаметру отверстия, через которое будет капать золотая магма, и вычислить высоту падения капель. Чистое расплавленное золото я наливал ковшиком в воронку с очень узким горлышком, а внизу, под ней, поставил чан с водой. Золотые капельки одна за другой срывались из воронки и падали в воду. Выползая из горлышка воронки, они еще имели каплевидную продолговатую форму, но, ударяясь о воду, округлялись и на дно чана опускались уже горошины правильной округлой формы.

Я вытащил готовые монетки и сличил их с имеющимися у меня медными фаргами. Наверное, тщательная экспертиза нашла бы незначительные различия по пробе, форме и весу моих подделок с подлинными деньгами империи, но на глаз такие отличия отсутствовали.

Всего у меня получилось восемьсот шестьдесят четыре золотые горошины, и я стал, вероятно, одним из богатейших людей на этой планете. Теперь требовалось изготовить их надежное хранилище. И здесь я не стал открывать, как говорят, семь Америк, а просто сшил себе специальный пояс, состоящий из сплошных закрытых кармашков, куда и ссыпал все свое богатство. Всего получилось четырнадцать карманчиков, в каждый из них помещалось от пятидесяти до семидесяти монеток. Вес всего пояса составлял немногим более двух с половиной килограммов, и я свободно мог носить его постоянно, чтобы быть спокойным за сохранность своих капиталов.

Глава девятая

ОБОЗНИКИ

Наконец, обе боковые луны полностью скрылись за боковыми горизонтами. Вот-вот должны были прибыть обозники. К этому времени у меня уже был подготовлен план проникновения на главный имперский ярус.

Точнее говоря, я разработал три варианта плана. Можно было во время их прибытия использовать режим невидимости, пробраться в транспортал и совершить переход на нужный ярус. Я не сомневался, что средство сообщения между ярусами представляет собой разветвленную сеть тоннелей, типа метрополитена. И если уж обычные обозники умеют с ним управляться, то я, напичканный различными знаниями выше крыши, сумею это без проблем.

Второй вариант заключался в том же способе проникновения в транспортал, только при отбытии обозников восьмови. Они везут с собой массу имущества — сумею же я спрятаться среди ящиков и коробок.

Самым надежным, но и самым сложным был третий вариант. Он предусматривал замену субъектов транспортировки. Я должен был отбыть в имперский ярус вместо одного из обозников. Таким образом его осуществить, я еще не решил — здесь придется импровизировать. Смертоубийство, конечно, исключалось. Но

существовали такие старые и надежные методы, как подкуп или временное обездвижение кого-то из членов обозного экипажа.

Старейшина вовсю развернулся с торговлей самогоном и подумывал послать гонцов в другие становища яруса с рекламой крепкого зелья и заключением с тамошними торговцами договоров его поставки.

Я оставил ему пятьдесят золотых горошин, передав их завернутыми в плотную ткань Тилне и взяв с нее слово, что она отдаст сверток мужу только на следующий день после ухода обозников. Это было более чем щедрое возмещение убытков Мальена за полное обрушение рынка самогона, ведь я, с отъездом, собирался полностью разрушить свою потайную пещеру. Кроме того, я хотел поблагодарить старейшину и его семью за очень доброе ко мне отношение.

С самого утра обитатели становища принялись выносить кипы тканей и складывать их штабелями у порога своего дома. Это был верный признак приближения момента прибытия обозников, и я затаился за обломками известняковой породы, валявшимися подле каменоломни. Мое бинокулярное зрение было настроено прямо на цельнометаллический куб, выполнивший функции транспорта.

Пригревшись под лучами двух дневных светил, я задремал и чуть не прозевал выход обозников. Лишь какое-то шестое чувство толкнуло меня в бок, я встрепенулся и увидел, как лицевая часть куба стала уходить под землю, открывая его черный зев. Значит, транспортал закрывался металлической плитой, управляемой подъемным механизмом.

Из черноты появился высокий сутулый человек и внимательно огляделся вокруг. Мне даже показалось, что мы встретились глазами, хотя из-за расстояния это было невозможно, и я инстинктивно прикрыл глаза. Не увидев никакой непредвиденной опасности, человек прокричал команду и из куба вывалились все остальные обозники. Их было четырнадцать человек, не считая старшего, который выходил первым. На всех была одинаковая темно-серая униформа: комбинезоны, поверх которых были накинуты короткие куртки, а на головах кепи с длинными квадратными козырьками.

Они размялись, потряхивая руками и ногами, после чего последовала новая команда сутулого. Тотчас половина скры-

лась внутри куба и через некоторое время эта семерка вновь показалась, толкая перед собой вместительные двухколесные тележки. Теперь уже внутри скрылся старший и появился оттуда с увесистым кожаным мешком, который нес на плече.

— Деньги для расчетов с тканщиками, — догадался я.

Он сбросил мешок в одну из тележек и достал из кармана комбинезона черную квадратную коробочку, наподобие телевизионного пульта. Я немедленно увеличил кратность еще в два раза и сконцентрировал свое зрение на ней. Коробочка имела три разноцветных кнопки, расположенные равнобедренным треугольником самым острым углом вниз. Вверху на одной линии находились синяя и зеленая кнопки, а внизу желтая. Старший обозник нажал на синюю кнопку, и плита медленно вылезла из-под земли, закрывая вход в куб.

Логично было предположить, что зеленая кнопка открывала вход. При помощи желтой, вероятно, запускался механизм перемещения на другой ярус. Какой-нибудь поезд, а может, скоростной лифт.

Старший подождал, пока плита полностью стала на место, и махнул рукой в сторону селения. Вереница тележек по одной из радиальных улиц двинулась в сторону центра селения. Возле каждого дома в тележки загружались кипы ткани и сутулый, исполнявший по совместительству обязанности казначея, производил расчет с владельцами кип.

Все тележки были наполнены, не пройдя и треть улицы, и обоз тронул обратно к транспорталу, где внутри была произведена его разгрузка. И так они мотались туда-сюда до самого вечера. Причем каждая тележка обслуживалась парами. Один из обозников тащил ее за собой, а другой сзади помогал, придерживая одновременно кипы, чтобы они не упали на землю. Лесом я подобрался поближе к кубу и при одной из разгрузок, включив режим невидимости, проник внутрь транспортала вместе с суетившимися обозниками. Так и есть — здесь был лифт. Но он был размером с куб, стоявший наверху, и всего лишь опускал под землю еще метров на пять вниз.

А там было что-то типа прихожей и две двери, одна из которых вела в громадный полупустой зал с тремя рядами металлических контейнеров, а другая в небольшую каморку с двумя плотно стоящими рядами кресел. В этих помещениях абсолютно все

было сделано из неизвестного мне металла: пол, стены, потолки, кресла, любые мелкие детали их убранства. И все. Никаких там элементов, присущих управлению техникой, всяких встроенных пультов, клавиатуры, экранов, рычагов, рулевых колонок и тому подобного. В большом зале и складывались прямо на пол, вплотную друг дружке, привезенные кипы тканей.

А контейнеры были вывезены к центру селения. Позже я увидел, что там, рядом с трактиром, стал работать импровизированный магазин под открытым небом. Внутри открытых контейнеров, прямо на стеллажах, лежали всякие товары, начиная от кип предметов одежды и заканчивая сельскохозяйственными орудиями. Кроме того, лежали груды всякой бытовой и хозяйственной мелочевки — своеобразный минимаркет «Тысяча мелочей».

Первый вариант проникновения на ярус отпадал, поскольку я не имел пульта управления, а управлять изнутри было нечем. Возможно, оба помещения были вагонами, которые тащил локомотив, находившийся где-то впереди. Изучать, собственно, было нечего, да и время режима невидимости поджимало, и я выскочил назад.

По моим расчетам работы в становище тканщиков у обозников было дней на пять, не меньше. Еще пару дней они потратят на доставку в транспортный портал добытой рудокопами руды. Время обдумать дальнейшие действия у меня было.

Вечером трактир был набит до отказа, еще и очередь снаружи образовалась. Местные пропивали деньги, полученные от продажи заготовок ткани. Ну, а приезжие впервые познакомились с егоровкой, и, надо сказать, самогон им пришелся по вкусу. Точнее, не по вкусу, который был все же горьким, а по своим постприменительным ощущениям коварного крепкого алкоголя. Из чего я сделал вывод, что и на главном имперском ярусе высокоградусных хмельных напитков не существовало. Следовательно, и там можно наладить производство самогона. Или запатентовать мое изобретение, а затем продать тамошним крупным дельцам, чтобы не возиться с продажей самому.

Обозники не чурались селян, которые подходили к ним, и охотно делились столичными новостями. Правда, как выяснилось позже, хоть и проживали они в столице, но знали очень немногое. Как и было заведено, Мальен в одни руки больше

одной порции самогона не отпускал даже обозникам, хотя те и просили об этом. Впрочем, стаканчика егоровки вкупе с парой кружек местного эля хватало для нужных ощущений любому здоровяку, а их среди обозников не наблюдалось.

Я же внимательно присматривался к приезжим. Мне нужен был обозник, похожий на меня хотя бы ростом и фигурой. Двое из них по этим параметрам подходили, а один даже отдаленно напоминал чертами лица меня. Но сходство было слабеньким, и уж, конечно, остальные враз опознали бы чужака. Но у меня и на это существовали свои контрмеры...

Как вы уже догадались, я выбрал третий вариант плана. Второй не подходил, так как кипы складывались вплотную — еще и задохнешься, пока доберешься до имперского яруса. В течение какого времени проходит переезд в другой ярус, я понятия не имел.

Выбранный мной обозник, к тому же, буквально пожирал Эмату глазами. Веселая толстушка ему явно нравилась, если не сказать больше, и он замирал, когда она появлялась в зале трактира. А уж когда дочь трактирщика приносила ему заказанное, бедняга впадал в полное оцепенение, неподвижно уставившись на предмет своего обожания. Что тоже было немаловажным фактором — этот парень был психологически готов остаться в селении ради Эматы.

На второй день я подсед, а точнее подстал, так как сидеть в трактире было не на чем, к избранному мной обознику. Людей в трактире было уже меньше, но за его столом стояли еще двое местных. Вскоре они допили свое пиво и удалились восвояси. Обозник не спешил, как и его товарищи, он сидел до самого закрытия трактира, а затем они все вместе отправлялись в транспортал, где и проводили ночь.

Я начал издалека, типа, почем овес в ваших краях и какие виды в этом периоде на урожай овощей. В общем, обычный треп ни о чем конкретно. Сначала он слушал меня рассеянно и отвечал короткими фразами, не содержащими никакой полезной информации. И все время поглядывал на дверь, ведущую в кухню. Ясно, ждал Эмату, которая сегодня куда-то запропастилась.

Но вот пухлощекая дочь старейшины, наконец, появилась и, завидев меня, направилась прямиком к нам, чтобы поинтересоваться, что я хочу заказать. Ко мне здесь было особое

отношение, а Эмата и вообще просто таяла при виде моей персоны. Пока она оживленно щебетала, едва не касаясь плечом моего неразговорчивого собеседника, тот натурально обалдел и застыл безмолвным изваянием.

Да так и стоял, пока она не принесла нам по пиву. Кружку эля я заказал для него за мой счет. Парень очнулся лишь, когда Эмата пожелала нам стандартное: приятного хмеля, и с тем удалилась в свои кухарские чертоги. Бедолага обозник принял это пожелание исключительно в свой адрес и засчастливал от сказанного.

— Ты слышал, она пожелала мне приятного хмеля! — с восторгом произнес он, видя во мне свидетеля своего неслыханного успеха и потому проникаясь к таковому самыми теплыми чувствами.

— Конечно, — поддакнул я, — и, по-моему, ты ей очень понравился.

— Да?!? Ты это заметил? — и с этой минуты он стал моим лучшим другом.

Теперь мы встречались в трактире каждый вечер. Его звали Кастр. И поскольку Эмата, по понятным причинам, всегда особо отмечала наш столик и неизменно задерживалась возле него, моя потенциальная жертва уже не впадала в обычный ступор, а просто молча пожирала ее жадными глазами.

К четвертому вечеру я уже знал об обозниках многое и кое-что о жизни в столице.

Обозники были особой кастой. Их жизнь проходила в специальных закрытых казармах, и на свободу их не выпускали. Единственным их развлечением были настольные игры, типа нашего домино и костей. Каждая группа обозников обслуживала определенный ярус, поэтому узнать что-то о других ярусах мне не удалось. Свободный выход в город имели лишь старшие обозники и то по специальному графику.

— Значит, ты никогда не знал женщин и тебе нельзя жениться? — спросил я.

— Да, — ответил он, зардевшись.

— А как же старшие обозники, они тоже не имеют семей?

— У них есть общие жены.

— Общие жены? — поразился я.

— Они занимают отдельную казарму, и на закрытой ее половине живут только женщины. Дети, которые рождаются у

них от старших обозников, воспитываются там же и затем сами становятся обозниками.

— И тебе нравится такая жизнь?

— Какая есть, другой мне не положено, — горько вздохнул он. — Я родился обозником и умру обозником — такова моя доля.

— Но деньги-то вам платят за вашу работу?

— Платят немного. Да и зачем они нам? Нас кормят и одевают бесплатно, за счет императорской казны. Деньги тратить некуда и копить бессмысленно. Вот и проигрываем их в кости. И раз в период наслаждаемся свободой в этом и других становищах, пьем пиво, общаемся с другими людьми. Это длится долго.

— Ты никогда не хотел сбежать из своей казармы?

— А куда? И потом все равно ведь поймают и тогда приговорят навечно к каторжным работам на рудниках. А я видел, как живут рудокопы... Нет, лучше быть обозником, чем рудокопом.

«На рудниках сказал он, — отметил я про себя, — выходит этот ярус не единственный, где есть рудник?»

— Ты бывал на других ярусах?

— Нет. Уже много периодов мы посещаем только этот ярус. Но здесь так хорошо, на другой никто не хочет.

— А рудники? Они есть и на других ярусах?

— Не знаю. Но слышал от старшего обозника, что самых отъявленных преступников ссылают совсем в другой мир, вне нашей империи. Там тоже есть рудник, там не бывает дня — только ночь, и оттуда никто не возвращается.

— Старший обозник что-нибудь знает, где находится этот другой мир? — осторожно поинтересовался я.

— Вряд ли. Он тоже слышал от кого-то. А тебе зачем? Хочешь туда попасть?

— Нет, просто интересно. Я ведь, кроме нашего яруса, вообще нигде не бывал, — ушел я от этой темы, — ты вон в столице живешь...

— Только что живу, — вздохнул Кастрл.

— И я бы очень хотел туда попасть, — закинул я удочку.

Но мой собеседник заскучал, вспомнив о своей постылой жизни в казарме, и ушел в себя. Я не стал форсировать со-

бытия. Пусть попереживает. Я ведь и раны разбередил ему не напрасно. Мы еще вернемся к теме о лучшей жизни.

К вечеру пятого дня обозники закончили сбор кип у тканщиков и завтра должны были пойти к рудокопам. Я знал, что грузовой отсек уже почти полон и в другие становища яруса обозники пойдут следующими рейсами. Об этом говорил еще Мальен. Мне следовало начинать решительные действия.

Как обычно, мы встретились с Кастром вечером в трактире. Он был грустен. Работа на нашем ярусе заканчивалась, и Эмату он сможет увидеть лишь в следующем периоде.

— Скоро уезжаете? — поинтересовался я.

— Да, — он тяжело вздохнул и окинул зал трактира тоскливым взглядом.

— Слушай, а как вы перемещаетесь на другой ярус? Большая тележка вас везет, что ли? Столько груза-то...

— Я не знаю, как это происходит, — бездумно ответил он, уже шаря взглядом в поисках Эматы.

— Как это не знаешь? Не хочешь рассказать старому другу о своих дорожных ощущениях? Мимо чего проезжаете, что видите?

— Ничего мы не видим. Садишься в кресло, старший нажимает какую-то кнопку на штуковине, которая открывает и закрывает вход, и все.

— Как это все? — поразился я, — а дальше-то что?

— Все. Как бы теряешь сознание, а когда очнешься — мы уже на месте на складах, которые находятся рядом с казармами.

— Вот здорово! — притворно восхитился я, — и сколько времени это занимает?

— Неизвестно. Даже старший обозник этого не знает.

— Хотел бы я попробовать!

— Ничего приятного. Надо пристегиваться металлической сеткой. Потом сильно сдавливает грудь. А затем сплошная чернота. И больно.

— Жаль. Мне так хочется побывать в столице.

— Может, еще побываешь.

— Давай махнемся!

— Чем?

— Места-а-ами, — внушительно произнес я, растянув это слово, — ты останешься здесь, а я смотаюсь в столицу.

— Ты шутишь? — Кастрл даже рассмеялся от нелепости такой перспективы.

— Ничуть. Поменяемся одеждой, никто и не заметит.

Он опять засмеялся и помотал головой:

— Ну, ты и подпольщик!

— Я говорю вполне серьезно, — я понизил голос, — и не кричи так громко!

— Но это невозможно! — он перешел на шепот, хотя еще и не осознал, что я не шучу.

— Почему?

Вот здесь он задумался и поглядел на меня искоса. До него начала доходить вся серьезность моего предложения.

— Почему, — повторил он, — старший обозник все равно не разрешит.

— А кто его спрашивать будет?

Кастрл разинул рот. Вбитая в него с молоком матери железная дисциплина не допускала такого варианта. Он пожевал губами, думая над ответом.

— Он просто не пропустит тебя в бальдмейкс.

— Я же переоденусь в твою одежду...

— Ну и что, — теперь Кастрл включился в игру и начал полемизировать, — когда мы отываем в имперский ярус, он запускает нас по одному и пересчитывает, чтобы никто не остался. Ты будешь проходить мимо него вплотную. Он увидит твое лицо, его не обманешь.

— Это мои трудности, — сказал я, — и вообще ты хочешь зажить нормальной жизнью? С собственным домом, со своей семьей? С женщиной и всем таким прочим?

— Это невозможно, — глаза его потемнели, — зачем ты надо мной смеешься?

— Еще как возможно! Вот бери!

И я сунул ему в руку четыре золотые горошины. Он разжал ладонь и недоуменно посмотрел на сверкнувшее золото.

— Откуда у тебя такие деньги? Я никогда даже не видел золотых монет.

— Это твои деньги. Спрячь их и слушай меня внимательно.

Кастрл повиновался и осторожно опустил горошины в карман комбинезона, придерживая их внутри пальцами, будто боялся, что они ускользнут. Это был старый трюк. Известно, что за деньги можно купить не все. Но за очень большие деньги

продаётся все, даже душа. А положив громадную сумму в свой карман, потом невозможно с ней расстаться.

— Лучшая жена стоит здесь восемь ларгов. Тебе же нравится Эмата?

Он ошеломленно кивнул головой.

— Вот и уплатишь за нее старейшине. Она будет счастлива с тобой, тем более что ты ей нравишься.

Здесь я покривил душой, но на карту было поставлено все. Но, кто знает, может действительно дочь Мальена обретет свое счастье?

— Да, — произнес Кастл, как во сне, — я ей определенно нравлюсь.

— На остальные деньги ты построишь дом. Свой дом, — подчеркнул я, — обзаведешься хозяйством и прочим необходимым. И у тебя еще останутся деньги. Ты представляешь, что такое целых четыре дарга?

Он утвердительно кивнул головой, но затем стал мотать ей отрицательно. Парень был в панике.

— Будешь жить-поживать да добра наживать, — закончил я известной русской присказкой.

— Это невозможно! — прохрипел Кастл, но было видно, что нарисованная мной картина вольной жизни ошеломила его и он даже представил ее хоть крохотным кусочком.

— Возможно! — настаивал я, — и все это сбудется, вот увидишь.

— Старший обозник тебя не пропустит!

— Опять двадцать пять! Говорю же — это я беру на себя. Твое дело...

В это время возле нас нарисовалась незаметно подошедшая Эмата и невинно поинтересовалась, будут ли пить спорщики, может, это собьет их пыл?

Не знаю, помогло ли ее присутствие, или наоборот, но только почти ухвативший наживку обозник внезапно замкнулся. Он молча цедил свое пиво и не отвечал на мои попытки возвратиться к этой теме. Глаза у него были полубезумные.

«Как бы он не спятил на этой почве?» — не на шутку обеспокоился я про себя.

Так в молчании мы и провели остаток вечера. Но руки из кармана Кастл так и не вынули и денег не возвратил. Значит, шанс на мирное урегулирование проблемы оставался.

— Еще день тебе на размышление, — прошептал я на прощание, — смотри, не упусти своего счастья — всю жизнь жалеть будешь, а она у тебя и так хреновая...

Он опять ничего не ответил.

И вот настал день Х. Я был настроен очень решительно, вплоть до применения, если понадобится, силовых методов. Нет, убивать я никого не собирался, а вот обездвижить помеху намеревался без церемоний. Другой шанс попасть на имперский ярус мог представиться только через период — такое время меня не устраивало ни при каких условиях.

Вечером все обозники собрались на прощальную выпивку. Пришло и немало местных, так что зал был почти полон.

Кастл подошел к своему обычному месту, и это меня ободрило. Я еще некоторое время наблюдал за ним издали. Казалось, он принял нужное решение — полубезумная гримаса исчезла с его лица, а на губах даже блуждала легкая улыбка.

— Как дела? — вопрос заданный мной был стандартным, но за ним скрывалось многое.

— Я согласен, — прошептал обозник, хотя надобности в понижении тона не было, кругом стоял гвалт подвыпивших любителей эля.

— Нам нужно поменяться одеждой, — сказал я.

— Я готов.

— Не сейчас. Немного позже, пусть народ еще поразойдется.

— А что, если все-таки старший обозник узнает, что это не я и не пропустит тебя.

— Я его уже подкупил, — эту ложь я заготовил заранее, и она подействовала на Кастла успокаивающе.

— А если другие заметят?

— Не заметят, я об этом побеспокоюсь.

У меня на этот счет были свои соображения, которые я начну воплощать в жизнь чуток позже, когда присутствующий в трактире люд дойдет до определенной кондиции.

Некоторое время мы пили пиво молча. Но все же сомнения терзали обозника.

— А как ты сбежишь потом? Территория складов и лагеря огорожена и охраняется стражами.

— Старший обозник меня выведет, — вновь соврал я, — у нас уже все оговорено.

- А потом меня хватятся и станут искать.
- Тебя здесь искать никто не будет, ты ведь выбрался вместе со всеми из становища тканщиков. Будут считать, что ты совершил побег там, и начнут твой розыск тоже там. И пусть себе ищут — имперский ярус большой.
- Ты все продумал, — с уважением сказал Кастрл.
- Я отлучусь по делам, — вместо ответа на похвалу произнес я, — жди меня здесь — я скоро вернусь.

И я пошел на кухню. Там вовсю кипела работа. Мальен отмерял порции самогона и разливал в кружки пиво, Тилна возилась, готовя посуду, а Эмата носилась в зал и обратно, разнося заказы.

— Я хочу, — сказал я, подходя к старейшине, — чтобы ты угостил обозников егоровкой. По два стаканчика каждому, за счет заведения.

— Еще чего! Пусть платят, как положено! Ты меня за дурака считаешь — торговать себе в убыток?

— Ты меня не понял. Платить буду за всех я. А ты просто объявишь, мол, по случаю успешных торгов трактир раскошелывается на бесплатную выпивку.

С этими словами я положил на прилавок, где стояла пустая посуда, восемь серебряных ларгов.

— Хватит?

Мальен пошевелил губами и энергично кивнул головой — по его подсчетам выходил еще недурной приварок.

— Старшему обознику, — дополнил я, — поднесешь один за другим три стаканчика. Лично. Договорились? Начинай прямо сейчас.

Мальен кивнул головой и принялся разливать самогон по стаканчикам.

— Что ты задумал? — спросил он, когда порции были готовы.

— Ничего. Просто я повернул со старшим обозником очень выгодную для меня сделку и хотел бы их всех поблагодарить. Они мне кое-что должны привезти, когда прибудут со вторым рейсом в становище растенщиков. Ты тоже в накладе не будешь.

Не знаю, поверил ли умный старейшина в эту мою, на ходу придуманную ложь, но намек, что и ему кое-что достанется, успокоил его. Он поставил на поднос пятнадцать стаканчиков с самогоном и двинулся в зал.

Я быстро взял одну из кружек с пивом, отлил из нее немного и набуровил на место отлитого хорошеньюю порцию самогонки. Затем схватил за руку пробегавшую мимо Эмату и сунул ей кружку в руки.

— Отнеси это обознику, который стоит все время вместе со мной, — попросил я, — твоему отцу уже заплачено.

Тем временем из зала донесся восторженный рев грубых мужских глоток — это обозники приветствовали желание хозяина трактира угостить их за счет заведения. Эматы же зарумянилась оказанным ей знаком внимания и понеслась выполнять мою просьбу.

Смесь самогона с элем, который на моей родине метко окрестили ершом, сделает невозможным допустимое изменение решения все еще сомневающимся обозником. Такая порция уложила бы и привычного к лошадиным дозам земного выпивоху. Я хотел быть уверенным в исполнении своего плана.

Мальен возвратился на кухню и взялся за приготовление следующих порций. Мое сердце наполняло внутреннее ликование — все шло, как и было задумано. Сделав свое черное дело, я со спокойной душой возвратился в зал.

Как и следовало ожидать, Кастл, вдохновленный личным презентом своей будущей жены, выдул уже почти всю кружку и держался на ногах весьма нетвердо.

— Пошли, — скомандовал я ему, — пора меняться одеждой.

Ноги у него заплетались, но с моей помощью мы кос-как выбрались на улицу. Внимания на это никто не обратил, все были охвачены азартом дармовой выпивки. Мало ли куда мужикам надо выйти, до ветру, например.

На улице несчастному обознику стало совсем плохо. Он отключился, повис на моих руках, и мне пришлось ввести дополнительную физическую мощь. Было уже темно и следовало торопиться.

Укромное местечко я подобрал заранее. Между трактиром Мальена и домом его соседа была узкая щель, которая далее расширялась, поскольку соседний дом стоял несколько под углом к трактиру. Я втиснул туда сначала Кастла, а затем пролез сам. Переодевание заняло определенное время, поскольку обращаться с в стельку пьяным обозником пришлось, как с грудным младенцем. Он что-то мычал и упирался, оказывая пассивное сопротивление.

Он был немного крупнее меня, и моя одежда на него влезла с трудом. Зато его комбинезон пришелся мне впору, так как на меня был надет дополнительный комплект местного одеяния, под которым находилось невесомое и неощутимое бронетрико. На бронике я предусмотрительно застегнул свой пояс с монетами, чтобы быть во всеоружии и уже не возвращаться в свое логово.

Бедолага Кастрл был бережно уложен на землю лицом вниз. Почему именно так? Дело в том, что неединичны случаи, когда перепившиеся пьячужки захлебывались своими собственными рвотными массами, лежа на спине. На моей родной планете, разумеется. Рвотных рефлексов у представителей здешнего народа не наблюдалось, но береженого бог бережет. Сверху я накрыл его заранее приготовленной циновкой из грубой ткани, чтобы кто-то любопытный не сунул нос в эту щель и не обнаружил неподвижно лежащее на земле тело.

Все, основные задачи были выполнены. Я надвинул козырек кепи на лицо как можно ниже и возвратился в трактир. Веселье было там в самом разгаре. Все обозники уже приняли по второй, а их главарь уже нетвердой рукой прицеливался и на третью. Чем кардинально отличался местный выпивоха от своего земного собрата, так это сдержанностью своих агрессивных чувств. Если нашему, зачастую, хочется непременно закончить банкет с помощью оглобли или увесистым предметом мебели, будь это не на природе, то эти вели себя очень мирно. Единственное, на что их непреодолимо тянуло, это повращать поднятыми вверх руками и потоптаться по кругу. Прямо, птицы со сложенными крыльями, штопором медленно падающие на землю. Впрочем, в подобный пляс пустились только местные любители эля, сдобренного стаканчиком егоровки. Обозники стояли чинно, и лишь вытаращенные глаза, да внезапные резкие отклонения тел от вертикали свидетельствовали об уровне их опьянения.

Надо отдать должное старшему обознику — опрокинув третий стопарь, он не впал в прострацию, а встрепенулся и отдал своим орлам команду на выход. Приказ был исполнен беспрекословно и обозный народ потянулся на улицу. Здесь он построил народ в шеренгу, пересчитал всех и, встав впереди, в качестве поводыря, повел колонну по радиальной улице в сторону транспортала. Я замыкал вереницу бредущих пошатывающихся фигур. Не потому, что боялся лишний раз

попасться на глаза старшему, а оттого, что опасался, как бы кто не потерялся в этой темноте. Это вызвало бы дополнительные разборки, стали бы выяснять, кто именно потерялся, и меня могли расшифровать, как чужого.

Уходя, я бросил прощальный взгляд на трактир. Семья Мальена стала для меня почти родной. Будут ли они вспоминать о странном пришельце, неожиданно появившемся в их становище и столь же внезапно исчезнувшем? Я был благодарен им за добре отнешение и поддержку. Тех денег, которые я им оставил, хватит да конца жизни, на них можно скупить все имущество становища тканщиков. Вероятно, разбогатев, они перестанут вести громоздкое хозяйство с джалмами, ограничившись трактиром. Что же до Эматы... В любом случае я не мог стать ее избранником. Уверен, что истосковавшийся по женской ласке и семейному уюту Кастрл будет ей превосходным мужем.

Загрузка в транспортал прошла, как говорится, без сучка, без задоринки. Старший обозник, встав у входа, пропускал всех по одному и просто пересчитал личный состав своего экипажа по головам. В лица он не вглядывался — достаточно было характерных комбинезонов и кепи.

Кресел оказалось шестнадцать, и одно из них осталось пустым. Как и другие, я пристегнулся висевшей сбоку металлической сеткой и стал с некоторой тревогой ждать старта. Перенесет ли мой земной организм это путешествие, может, тела обитателей внутри устроены по-иному?

Но все обошлось благополучно. Старший обозник поманипулировал своим пультом и меня резко вжало в кресло. Грудь сдавило, дышалось с большим трудом, я съежился и замер. Ощущения дальше были такими, будто огромная рука крепко сжала меня в кулак и зашвырнула в тартары. Я потерял сознание, а когда очнулся, увидел, что обозники уже освобождаются от своих сеток и спешат на выход.

Вместе со всеми я приступил к разгрузке привезенных товаров в одно из помещений громадного склада, возле которого находился и куб транспортала, но на втором заходе включил режим невидимости и сбежал. Здесь уже начинался рассвет. В полумраке за складом возвышались длинные коробки двухэтажных зданий, видимо, это были казармы обозников. Рядом темнела стена забора, высотой более двух метров. Полагая, что его верхушка

может иметь сюрпризы в виде колючей проволоки или битого стекла, я включил режим полета и легко его перемахнул.

Город еще спал и был безлюден. Я снял комбинезон обозника и демонстративно положил его на самом виду, поместив сверху кепи. Пусть убедятся, что Кастрл совершил побег именно в этом месте и удачи им в его безуспешных поисках.

Одежка моя мало отличалась от здешней, разве только более грубой тканью и некачественным пошивом. Но на всякий случай я сразу сменил ее, дождавшись открытия одной из многочисленных лавчонок, торгующих готовой одеждой и обувью. Начиналась новая жизнь, которая оказалась гораздо более опасной и насыщенной, нежели на предыдущем ярусе.

Глава десятая

КЕМ БЫТЬ

Кем быть?

Наверняка многие, если не все, читали в детстве это знаменитое стихотворение популярного детского писателя. Сейчас этот вопрос встал предо мной, пожалуй, более актуально и остро, нежели известные гамлетовские «быть или не быть?».

Уже четвертый день я жил в главном городе империи. Столица внешне полностью соответствовала своему названию и статусу. Широкие проспекты, застроенные двух- или трехэтажными домами (выше строить было нельзя, поскольку по закону ни одно строение не должно было превышать высоту императорского дворца), шикарные магазины, роскошные гостиницы, громадные многолюдные рынки. По вечерам улицы освещались уличными газовыми фонарями. Электричества здесь не знали, поэтому витрины магазинов расцвечивались разноцветной газовой подсветкой, а окна домов выглядели тускловато-желто и однотонно.

Первым делом я купил себе подходящую одежду. Подходящую под что? Просто под среднестатистического горожанина. Большинство здесь одевалось достаточно незамысловато: мужчины в светлые куртки и более темного цвета рубашки и штаны, а женщины в цветастые длинные платья и разноцветные плащи.

К ночи по улицам начинали дефилировать многочисленные щеголи, разодетые, каждый во что горазд, но очень пышно и разнообразно. То же касается и особ женского пола, на головах которых, к тому же, кокетливо сидели умопомрачительные шляпки, причем ни одного повтора по фасону я не приметил. Я отнес эту категорию к местной средней буржуазии.

Меньшее число составляли мужчины, одетые в камзолы и чулки, по типу нашего Средневековья. Непременным атрибутом у этой части горожан были усы и клинки в ножнах на левом боку, похожие на наши шпаги времен французского короля Людовика XIV. По моему разумению вооруженные гражданские могли быть по земному определению только дворянами. Дамской части дворянства на улицах отчего-то не наблюдалось.

Еще меньше было офицеров. Их выделяли, разумеется, мундиры и погоны, а также военные награды. Непременные усы и шпаги ничем не отличались от штатских дворянских. Военная каста делилась, в свою очередь, на армейцев и на гвардию. Гвардейцы щеголяли исключительно в голубых мундирах с позолотой, эполетами, аксельбантами и прочей парадной мишурой. Армейское обмундирование тяготело преимущественно к защитным цветам, а вот погоны были разноцветными, по-видимому, в соответствии с родом войск. При этом вояк в гвардейской экипировке было в разы больше, чем армейцев. Столица, однако...

Наконец, каменные мостовые, время от времени, сотрясал грохот колес и дробный стук подкованных копыт. Это проносились закрытые кареты, запряженные двойкой-тройкой лошадей, а также открытые одноконные коляски. К этому времени я уже знал, что четверкой лошадей (и более) мог запрягаться лишь экипаж самого императора. Автомобилестроения в империи не знали. Сквозь окна карет можно было различить надменных дам в мехах и чопорных джентльменов в темных камзолах, только более строгого и узкого покроя — нечто современных смокингов. В колясках восседал народ попроще, чем в каретах, но также одетый построже и побогаче, нежели люд, шатающийся по вечерним улицам. Безусловно, это была местная знать, аристократия, придворные вельможи — назовите, как хотите. Одним словом — высшая элита империи.

Совсем ближе к ночи, а также в ночную пору и до самого утра эпизодически слышался приглушенный и мерный лошадиный топот. Наступал час стражи. А приглушен он был, так как копыта

лошадей обматывали чем-то мягким. На мой взгляд, это преследовало две разумные цели. Во-первых, не мешать мирному сну столичных граждан. Во-вторых, чтобы не спугнуть раньше времени ночных татей, коими славится любой столичный город.

Вот такое смешение земных времен и понятий в столичном граде чужого государства. Все эти сведения я почерпнул, наблюдая за уличным коловоротом из узкого оконца своего скромного номера, расположенного на третьем этаже второразрядного местного отеля, прикинувшись средним командировочным коммивояжером, ежели обозвать мою фальшивую ипостась чисто по-нашему. Не брался я уже с тех пор, как прибыл на эту планету, поэтому бородка и усы, соответствующие обличью местных торговцев, у меня имелись.

К счастью, никаких там паспортов, удостоверений личности и прочих командировочных и проездных документов в империи не существовало. Деньги, манеры и прикид — вот три основных составляющих здешнего представительства. Это облегчало задачу моей легализации, хотя любые ксины я мог изготоить запросто и почти молниеносно. Малыш снабдил меня на всякий случай и этими небесполезными знаниями.

Деньги у меня были. И даже по столичным меркам очень много. Оставалось приобрести подходящую под легенду одежду и подобрать соответствующую манеру поведения в местном обществе.

Изучением этих вопросов я и занимался все три затворнических дня. Телевидения, наиболее быстрого информативного источника, здесь не существовало. И, тем более, не было привычного и всезнающего Интернета. Однако книгопечатание существовало. Правда, большей частью в виде различной религиозной и справочной литературы. Художественную литературу представляли сказания о подвигах далеких предков нынешней придворной камарильи. А также высокие любовные поэмы. Скукотища.

Но я для чего сюда прибыл? Читать песни местных небелунгов в подлиннике? Или лучших представителей местной классической поэзии в переводе на русский?

Моя гостиница была небольшой, но в три этажа. Я выбрал одноместный номер на третьем этаже, так мне казалось безопасней. Два громадных кофра должны были выдавать мои торговые цели. Правда, забиты они были нужными мне книга-

ми, которые я покупал в разных магазинах, дабы не вызывать излишнего интереса к своей персоне.

Наблюдая городскую суету с высоты третьего этажа, я понял, как зародилась знаменитая фламандская живопись. Художники этой школы славились тем, что использовали как бы взгляд сверху, с высоты птичьего полета, отчего изображаемое пространство выглядело бескрайним. И при этом красочно выписывали все детали и подробности с точнейшим соблюдением пропорций.

Итак, Фландрья. Первая половина пятнадцатого века. Убогая гостиница. Комнатушка на третьем этаже. И заросший бородой художник, посматривающий вниз на улицу через подслеповатое окошко и наносящий кистью уверенные мазки краской на прислоненной к оконцу доске. Это Ван Эйк (не путать с Ван Дейком и, тем более, с Ван Даммом) — родоначальник фламандской живописи. Он еще беден и совсем не знаменит, но обладает главным — упорством в достижении поставленной цели. И это приносит ему успех.

Таким образом, по ассоциации с великим фламандцем, я должен, прежде всего, вооружиться упорством и обозреть жизнь чужого города «*a vol d'oiseau*»¹.

Три дня и большую часть ночного времени я непрерывно впитывал в себя различную информацию, которая помогла бы мне адаптироваться в здешнем обществе.

Географические знания были весьма скучны и касались, как я понял, прошлого планеты, когда еще не было ярусов. Административно-территориальное деление разделяло империю на двадцать семь провинций, во главе которых находились губернаторы, назначаемые императором, и герцогство Арденьянское. С этим герцогством было что-то неладно, то ли оно было колонией, то ли, напротив, обладало очень большой автономией, то ли вообще существовало отдельно. Во всяком случае, официальные источники просто фиксировали факт его наличия, не раскрывая отношений с метрополией.

Никаких карт не было и в помине, поэтому получить представление о географическом положении страны, рельефе, природных образованиях, водоемах и водостоках было почти невозможно.

¹ С птичьего полета (франц.)

Равно, как не публиковалось и статистических данных о площади империи, ее населении и прочих необходимых атрибутах государства. Я решил, что эти данные по какой-то причине засекречены.

Со здешней астрономией я был уже знаком наглядно. Помимо двух дневных и трех ночных светил, в планетарную систему входили еще четыре планеты — ни одно из небесных тел собственных имен не имело, а только номера. Естественно, планета, на которой находилась империя, имела первый порядковый номер. Остальные планеты были, похоже, необитаемыми. Вот собственно и все по этой части.

Религия существовала чисто формально и никакой власти, ни светской, ни духовной, не имела. Как английская королева, существует, но не правит. Два соперничающих бога: Бог Добра и Бог Зла. Первому молятся и славословят, чтобы принес удачу. Второму тоже молятся и просят, чтобы не входил в дом. Храмы им не возводились, а их изображения существовали в виде многочисленных статуэток и бюстов, зачастую ничем не похожих друг на друга по своим типажам. Впрочем, земные художники тоже изображали Бога по-разному, в том числе и на иконах.

Естественные науки имели потенциал сравнимый с земным уровня первой половины девятнадцатого века. Хотя, может быть, их достижения также были государственными секретами и не выставлялись на всеобщее обозрение. С другой стороны, империя была на планете единственным государством и никаких конкурентов не имела. От кого скрываться?

Крайняя скудость полученных знаний меня здорово раздосадовала. Чертова планета не только не желала раскрывать мне не то, что свои тайны, но и давать элементарные сведения о своей физической, политической и экономической структуре.

Мало того, что здешняя жизнь не баловала своим разнообразием, она была покрыта пологом непонятной секретности. Представьте себе — вас занесло в наше раннее Средневековье. Нет привычных Интернета, мобильной связи, телевидения, кино, радио. Отсутствует электричество и вся бытовая техника на его основе. Из всех развлечений, как показал дальнейший ход событий, только общение с себе подобными в многочисленных питейных заведениях, участие в весьма прозаических танцевальных балах, а из поэзии, и то, если повезет, короткие любовные интрижки.

Даже домашних животных здесь не было. Никто не помашет тебе весело хвостом, чтобы снять стресс. Не излить душу свою равной, но умной кошке. И не пожаловаться на жизнь хотя бы молчаливой аквариумной рыбке.

Что соловушка не весел, что головушку повесил? Хотя нет, речь идет в этом слогане не о соловушке, а о ком-то другом. С чего это непобедимому Соловью-разбойнику вешать голову? По-моему, это из «Конька-горбунка» Ершова. Надо идти в народ. Нужно изучать ситуацию изнутри. Возможна и разведка боем.

Зато информации о сословном составе здешнего общества, об императорах и императорском дворе, об этикете и прочих придворных цирлихах-манирилихах было более чем достаточно. Например, до самого мельчайшего движения расписывалось, как должна проходить аудиенция у императора.

Основным благородным сословием было дворянство, принадлежность к которому удостоверялась буквой т' перед родовым именем. Так, мое имя, будь я здешним дворянином, звучало бы т' Егор. Обращением к дворянину служило слово «тье», а к особе женского пола дворянского происхождения — «тьеи».

Дворянские роды, кои здесь насчитывались многими тысячами, имели свои гербы. Каждый из них представлял собой изображение какого-нибудь животного. Бесчисленное множество видов зверей, многие из которых отличались друг от друга лишь мордами, меня поразило. Как и то, что туловища некоторых из них были почти одинаковыми. Где же водится здесь все это зверье? Или они являются вымышенными, созданными лишь воображением живописца?

Родовой герб вышивался цветными нитями на левом рукаве верхней одежды (камзоле, куртке, плаще) и обрамлялся круглым серебряным позументом. Были подробно указаны его точное расположение и размеры. Непременным атрибутом дворянина был меч. То, что я принял первоначально за шпаги, оказалось более грозным оружием. Меч был обоюдоострым, им можно было наносить как колющие, так и рубящие удары.

Существовало еще и высшее дворянство, типа русских бояр, представители которого занимали различные высшие должности при дворе. Перечислять их утомительно в связи со сложным функциональным звучанием. В переводе на русский язык они звучали бы так: печатник, ловчий, постельничий, виночерпий, конюший,

оружничий, стремянный, смотритель и так далее. Были и должности, переводимые на иностранный манер: церемониймейстер, гофмейстер, шталмейстер, гофмаршал, егермейстер и другие. В столь запутанной иерархии разобраться было довольно сложно, хотя сами названия высших придворных постов указывали, чем должен был ведать данный чиновник в придворном хозяйстве. Вся эта дворовая камарилья соответствовала Кабинету министров и возглавлялась Первым министром Двора. Отличительным их знаком была приставка *tt'* к родовому имени.

Одна из книг содержала указы, эдикты и письменные распоряжения императора, а также некоторые законодательные акты. Это были весьма полезные знания. Отдельно я тщательно проштудировал Дуэльный кодекс. Дуэли в империи были официально разрешены эдиктом императора, и это могло мне здорово пригодиться. Зачем? А вы вспомните, как незабвенный Д'Артаньян приобретал себе друзей и завоевывал авторитет. А ведь он тоже прибыл в Париж из заштатной провинции.

Пересмотрев массу нужных и ненужных сведений и намотав их на ус, я откинулся на спинку стула совершенно удовлетворенный.

*Alea jasta est!*¹ Эти слова, сказанные Юлием Цезарем при переходе реки Рубикон, завершили мою поисково-информационную эпопею. Теперь я знал, кем быть.

Дворянином, прибывшим в столицу из отдаленной провинции, затерявшийся на задворках империи. Первоначальный капитал — усы — у меня уже наличествовал. Я посмотрелся в зеркало. Конечно, до Буденного, с его роскошными метлами, мне далеко. Но еще с недельку и я смогу их даже залихватски подкручивать кверху, что считалось модным шиком у здешних обладателей дворянских гербов.

Наточив, как бритву, имеющийся у меня дорожный ножик, я сбрил свою бородку. С непривычки допустил несколько порезов, и один из них, на виске, приличный, грозивший стать шрамом. Ну, да ничего шрамы мужчину только украшают. Усы слегка подстриг ножницами, чтобы они имели ухоженный вид.

Дело за малым — приобрести подходящую одежду, нашить на нее герб и повесить на бок меч. При наличии имеющихся у меня капиталов это было лишь вопросом времени.

¹ Жребий брошен! (лат.)

Пару приличных, но не слишком шикарных камзолов (из провинции же) я приобрел в ближайшей лавке, торговавшей готовым платьем. Для конспирации дюжину пар чулок и несколько пар башмаков я купил в другом магазинчике. В следующей лавке мной был приобретен плащ и три пары коротких штанов, похожих на пажеские. Шляпу я выбрал с широкими полями, чтобы при необходимости прикрывать черты своего лица.

С гербом пришлось помучиться. Не оттого, что художник из меня был никудышный, нет, Малыш не забыл забить в меня и зачатки неплохого живописца. Просто копировать местных зверей было нельзя — родовой герб должен быть уникальным. А с фантазией у меня что-то сегодня не получалось. Поупражнявшись в изображении всяких псевдотварей, я махнул на все рукой и нарисовал свою домашнюю кошку, которую звали Нэська. Имя это было производным от легендарного лох-нессского подводного чудовища Нэсси. Но это и все, что было свирепого в моей кошке. Несмотря на свое сиамское происхождение, она была на удивление ласковой и не очень своеенравной.

Я изобразил ее в любимой позе «столбиком» — задние лапы поджаты, передние стоят прямо, и те и другие обвиты длинным хвостом, сложившимся в колечко. Уши торчком, голубые глазища распахнуты — ни дать, ни взять, страж на охране границ. Правда, для придания ей устрашающего облика я изобразил тело маленьkim, а голову громадной, с разинутой пастью и торчащими клыками. Черные зрачки расширил и добавил в них золотистые огоньки лютости. Зверюга получился на загляденье.

Камзолы и плащ я занес вместе со своим эскизом герба в дорогую портняжную мастерскую. И поскольку приплатил для скорости, через два дня у меня на всех трех левых рукавах, с соблюдением всех стандартов, красовался роскошный, вышитый лучшей нитью, родовой герб.

Лишь переодевшись в дворянское облачение, я пошел покупать меч. Не имея понятия, требуется ли здесь какое-то разрешение на приобретение грозного холодного оружия, я просто терялся возле стены, увешанной мечами и ножами к ним, делая вид, что разглядываю ассортимент. Конечно, фактически, я дожидался какого-нибудь покупателя, чтобы засечь соответствующую процедуру продажи, однако, как назло, жела-

ющих приобрести клинки не находилось. Выручил меня хозяин оружейной лавки. Видя мою нерешительность, он счел, что вывешенный товар привередливого тье не устраивает. Торгаш мигом скрылся за складской дверью и через минуту бережно, на вытянутых руках, протянул мне простой с виду клинок с изящным резным эфесом. В холодном оружии я разбирался. Приняв позу знатока, я первым делом проверил его на гибкость. Затем опробовал заточку, срезав, как бритвой, несколько волосинок с запястья своей руки. После еще некоторых загадочных манипуляций я утвердительно кивнул головой.

Цена, которую заломил торговец, меня ошеломила. В шесть даргов мне обошлась моя недешевая предыдущая экипировка. За этот меч просили целых пять даргов. Но я не колебался — деньги у меня были, а клинок того стоил. Ножны и перевязь мне были вручены бесплатно. Подумав, я приобрел себе еще и парадный меч, для выходов в свет. Выглядел он роскошно, эфес был украшен разноцветными камушками, а обошелся мне всего лишь в восемь ларгов, то есть почти в шесть раз дешевле.

Оставалось контролировать барскую неторопливость походки и сохранять некоторую надменность лица с некоторым оттенком растерянности от непривычных столичных масштабов. Все — провинциальный дворянин слеплен и, уверяю вас, получился неплохо.

Пора было выходить в общество и привыкать к своему новому образу.

Глава одиннадцатая

РЕКОГНОСЦИРОВКА

Где можно завязать знакомство, прежде всего? По земным понятиям — в питейном заведении.

Крутнувшись перед зеркалом, я сделал вывод, что выгляжу в тему, на что сам себе подмигнул. Красавец. К любой дамочке можно подкатиться и завязать соответствующие шашни. Тут я немного взгрустнул. Будучи долгое время лишенным общения с прекрасным полом, я испытывал определенное

томление. Однако хозяин гостиницы только глаза вылупил на мой вопрос о приличном борделе. Из недолгого обмена мнениями по этому поводу выходило, что продажной любви, как таковой, здесь не существовало — в здешнем обществе царила высокая мораль.

Зато питейных заведений хватало вполне и на все вкусы. Поколебавшись, я начал с не очень респектабельного. Все же нужно демонстрировать дворянские манеры, а есть ли они у меня, я пока не знал. Нужен был повод для знакомства. И я мучительно размышлял, как его найти. Не подкатишься же к первому попавшемуся тье и не скажешь: давай-ка подружимся — мол, вкусы у нас схожие и вообще выпить с тобой хочется. Могут посчитать за голубого, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Время было предвечернее, и желающих выпить в зале было немного. Мое внимание привлек человек, сидевший одиноко в далеком темном углу. Перед ним стояла бутылка вина, по внешнему виду которой не скажешь, что напиток был дорогим. Она была почти опустошена, причем закуска на столе отсутствовала. Значит, человек был или горьким пьяницей или сильно стеснен в средствах. Судя по одежде и выражению лица, возможно, было верным и то и другое.

Вместе с тем он еще не опустился до употребления дрянного бочкового вина или дешевого светлого эля.

Одет незнакомец был в видавший виды камзол с изрядно потертой родовой эмблемой на рукаве. Зверь на гербе выглядел не очень устрашающе, что-то вроде взъерошенного койота с лисьей мордой, приподнявшегося на задних лапах. Я уже знал из книг, что наиболее древние и знатные роды империи имели на гербах изображения драконов и тварей, похожих на земных звероящеров, проживавших в глубокой древности.

Лицо его, прикрытое полями шляпы, хранило оттенок благородства, но уже подернулось преждевременными морщинами, свидетельствовавшими о приверженности к каждодневному пьянству. Торчащие когда-то лихо вверх усы заметно пообвисли. Словом, было видно, что его обладатель знал и лучшие времена.

Кроме того, даже незначительные жесты незнакомца свидетельствовали о военной выправке. Для начала объект был вполне подходящим, и я прямиком двинулся к его столику.

— Вы позволите составить вам компанию? — по-моему, училище сказаться было невозможно.

— Столиков в зале хватает, — буркнул человек, смерив меня взглядом, далеким от дружелюбности.

— Просто мне показалось знакомым ваше лицо, — сказал я, не реагируя на грубость.

— Впервые вас вижу, — тон не изменился, а мутноватый взор скользнул по моему рукаву с гербом и уткнулся в бутылку.

— Мы служили вместе в одном гарнизоне, — настаивал я, — и мне хотелось угостить старого товарища и вспомнить добрые былые времена.

При слове «угостить» в его глазах зажегся огонек некоторого интереса. Он внимательно всмотрелся в мое лицо и отрицательно покачал головой.

— Не помню, — в его голосе прозвучало раздражение.

— Может, это был ваш брат?

— Мой брат недавно погиб.

— О, извините. Примите мои соболезнования. Наверное, это был он, очень похожее лицо.

— А где вы служили?

— В Тальенском гарнизоне.

— Где это?

— Провинция Навакрия, — уверенно произнес я, поскольку по моей легенде я прибыл в столицу именно из этой окраинной области.

— Нет, мы с братом служили вместе в столичном гарнизоне, а потом попали в экспедиционный корпус. Он погиб при штурме Вургама...

Я понятия не имел ни о каком экспедиционном корпусе и Вургаме, однако кивнул головой и сделал скорбный вид.

— Мы могли бы почтить его память. Позвольте, я закажу еще вина.

— Валяйте, — он махнул рукой, — помянуть и в самом деле следовало бы...

Брякнув ножами об пол, я привлек внимание хозяина ресторочка и заказал две бутылки вина.

— Только самого лучшего! — бросил я ему вслед и лишь после этого присел за столик.

Вино оказалось действительно неплохим и, главное, развязало язык моего собеседника.

- Т'Амье́рг, — представился он, слегка приподнимая шляпу.
— Т'Е́гор, — я решил оставаться под своим именем.

Пора начинать выуживать необходимую информацию. Как я позже убедился, дворяне говорили, в основном, только правду. Это считалось отличительной чертой сословия и почиталось за хороший тон. Можно было умалчивать о каких-то обстоятельствах, не грех было прихвастинуть по чисто бытовым вопросам, но ложь в чем-то большом или принципиальном не допускалась. А уж честное слово, данное тье, вообще считалось незыблемой клятвой и исполнялось в любом случае, даже ценой своей жизни.

Итак, джентльмену верят на слово. Пусть это прозвучит цинично, но тем проще мне будет вписаться в окружающую действительность. Ведь, в отличие от других, я не был связан обетом честности.

Я и начал с того, что прибыл из дальней провинции, куда слухи доходят нечасто и, большей частью, недостоверные или сильно искаженные. Что документы и приказы о боевых действиях являются секретными, в этом я был уверен на все сто — любая армия хранит свои секреты, поэтому до нас не доходят. И, что мы там, конечно, наслышаны о подвигах наших боевых офицеров, но хотелось бы узнать об этом из первых уст и более подробно.

— Судя по вашему лицу, — льстиво произнес я, — вы многое повидали и могли бы порассказать об этом.

Этим я полностью расположил к себе своего нового знакомого. Т'Амье́рг бережно извлек из своего кармана завернутую в тряпицу серебряную медаль и показал ее мне.

«Командиру манипулы т'Амье́ргу — за личное мужество и героизм» — было выбито на одной ее стороне витиеватым полукругом, обрамляющим родовой герб т'Амье́ргов. А на другой — герб империи.

— Именной знак отличия, — с гордостью сказал он, — не многие в армии могут похвастать именными знаками. А я не имею права его даже носить...

— Почему?

— Армейские знаки носят только на мундирах, а я из армии уволен.

— За что?

— Да, ни за что! — с досадой воскликнул т'Амьерг, — а в связи с тем, что я остался единственным наследником в нашем роду. Брата моего убили, а нас в семье было только двое. Ну, ты же знаешь этот дурацкий закон, по которому единственный наследник в роду не может служить в армии. Его тоже могут убить, и тогда род прервется. Будто он не может погибнуть вне армии. Скажем, на дуэли. Да, любой кирпич на голову упадет и...

Я слышал об этом впервые, но сочувственно покачал головой.

— Поэтому меня и вышвырнули со службы, а это был единственный источник моего существования. И чем мне теперь заниматься? Поместья у меня нет, капиталов не нажил. Пансиона только и хватает на комнату в гостинице, да на дешевое пойло. Вот воевать я умел и любил, а платили неплохо. Армия — моя профессия, а война — мое ремесло. Поверь, это было золотое времечко, когда лучшие вина лились рекой, а пылкие женщины сразу раскрывали мне свои страстные объятия.

— Но пансион-то хоть пожизненный?

— Да. Это заслуга Первого министра Двора, который и сам, в молодости, немало повоевал и даже дважды командовал экспедиционными корпусами. Именно он подготовил соответствующий императорский эдикт о выплате пенсии отставным военным, уволенным со службы не по причинам отрицательного свойства, и лично уговорил императора сразу же его подписать. Иные проекты эдиктов пылятся долгими периодами.

— Говорят, он, как никто, достоин своей должности, — бросил я пробный камень.

— О, да! Если бы не он — не знаю, что творилось бы в империи, все бы перемешалось, наступил бы хаос. Потому что императорский двор полон проходимцев и никчемных людей, ухвативших свои теплые местечки по наследству. Император умен и мудр, однако у него совершенно нет времени на государственные дела. Всякие придворные мероприятия отнимают все его время. И даже в военных делах, где он числится верховным главнокомандующим, фактически верховодит Первый министр.

— А ты где воевал? — неосторожно задал я вопрос.

— Как где? — удивлению собеседника не было предела, — где и все. В экспедиционном корпусе против герцога Ардонье. Будто ты не знаешь!

Вот оно что. Оказывается, империя вела войну с герцогством Ардоньерским. То-то я не понял из справочников статус этого герцогства.

— Я имею в виду, где конкретно, — попытался я исправить свою оплошность, — на каком участке фронта?

Здесь хозяин принес нам еще две бутылки вина, заказанные мной дополнительно, и накал страсти был залит солидными порциями хмельного напитка.

— Нет там никаких участков, — т'Амьеरг пренебрежительно взмахнул рукой, — захватим два-три города, потом поднакопит герцог сил и берет эти города в осаду. Припасы заканчиваются и драпаем назад к транспорталу.

— К транспорталу?

— Ну да. Ждем там смены, закопавшись в землю и отстреливаясь из арбалетов. Каждый раз теряем пару сотен хорошо обученных солдат и офицеров.

Выходит Ардоньерское герцогство находится на другом ярусе? Как это выведать осторожненько, ведь такие вещи должен знать даже провинциальный тье, вроде меня. Начнем издалека.

— И долго уже длится эта война?

— Все время, — не удивившись вопросу, ответил т'Амьеरг, — и отец мой воевал, и дед, и прадед.

— Герцог имеет такую сильную армию?

— Да, какая у него там армия... Сплошные ополченцы. Вот мы их и бьем поначалу. Но что с пятью сотнями солдат сделаешь?

Пять когорт по сотне солдат в каждой, вспомнил я куцые сведения о структуре армии, полученные из справочников. Каждая когорта состоит из десяти манипул по десять арбалетчиков в каждой манипуле. Артиллерию здесь не знали. Конницы тоже почему-то нет. Странно...

Но странности, связанные с боевыми действиями против герцогских войск, развеял сам т'Амьеරг.

— Я не понимаю, — запальчиво произнес он, — и никто в армии не понимает, почему транспортал можно использовать всего лишь раз в период. Вот и влезит туда всего пять когорт, а с такими силами нечего и думать завоевать все герцогство. Так всю жизнь и будем воевать, только людей теряем. И брат мой там погиб, тоже манипулой арбалетчиков командовал.

— А что же император? Ему не докладывают о существующих трудностях?

— Да знает он об этом. Только от него здесь ничего не зависит. Транспортными ведают фиолетовые.

Так я впервые услышал о фиолетовых и очень удивился.

— Какие еще фиолетовые?

Т'Амьерг глянул на меня с недоумением:

— Да вы что там в своей глухомани совсем ничего не знаете?

— Я же говорю, слухи до нас доходят, но в каком виде. Все перевернуто с ног на голову. К тому же все засекречено. Не знаешь, чему и верить. Про фиолетовых я слышал, конечно, но считал, что это выдумки, просто страшилки.

Я говорил наобум, полагая, что уж раз император тут беспылен, то фиолетовые — это какая-то особая каста, вроде всесильных жрецов в Древнем Египте.

— Честно говоря, — т'Амьерг потупился, — я сам о них толком ничего не знаю. Говорят из них состоит Тайный Совет при императоре, он и решает главные вопросы империи.

— А кто они такие, высшая придворная знать что ли?

— Ко двору императора фиолетовые не имеют никакого отношения. Никто не знает, кто они такие и откуда взялись. Якобы, когда-то давно они образовали монашеский орден, для того чтобы спасти планету. И спасли ценой своей гибели. А оставшиеся в живых образовали Тайный Совет и правят государством вместе с императором.

Он неожиданно огляделся по сторонам, нагнулся к моему уху и прошептал:

— А вообще я слышал, что фактически империей управляют они. И иногда пожирают людей со всеми потрохами...

Ну, это уж чересчур! Что он такое несет? Бред какой-то. Перепил, наверное, мой новый приятель...

Но он глянул на меня неожиданно прозревшими глазами и быстро произнес:

— Клянусь тебе, это правда. Люди, от которых я это слышал, вратить не станут.

— Они что — действительно фиолетового цвета? — машинально спросил я оглушенный всей этой неожиданной информацией.

— Никто их не видел. Они носят закрытые полностью плащи фиолетового цвета с капюшонами, в которых нет даже прорезей для глаз.

— Как же они видят?
— Никто этого не знает.

Детство какое-то. Никто не видел, никто не знает, едят людей и ставят себя выше самого императора. Точно алкогольный бред. Допился дружок до белой горячки. На сегодня нужно заканчивать. Я брякнул ножами меча об пол, призывая хозяина.

— Сколько с нас?

Он пошевелил губами, озирая наш, уставленный бутылками стол, и потребовал восемь ларгов.

«Что-то многовато», — подумал я, но спорить не стал, хотелось поскорее покончить на сегодня с обществом т`Амьеरга. К тому же вино оказалось действительно хорошим.

Когда мы прощались с ним, хлопая друг друга по плечам, он добавил еще хорошенькую порцию бредятины:

— Фиолетовые дьяволы бессмертны. Их нельзя убить. И живут они отдельно в высокой черной башне без окон и без дверей.

Да, наклюкался бедолага до синих петухов. И все же я был благодарен ему за полученные сведения о войне, о службе в армии и прочие. А фиолетовые дьяволы? Что ж, кому что чудится в пьяном бреду. Я читал и о случаях похлеще.

— Встретимся послезавтра здесь же, — шепнул он на прощание, — я принесу тебе одну занятную книгу, доставшуюся мне как трофей в баталиях при последней моей экспедиции в мятежное герцогство. Планета была такой не всегда...

А вот это меня заинтересовало, и я согласно пожал руку своего нового знакомого.

Глава двенадцатая

ЧЕРНАЯ БАШНЯ

Везет же мне на знакомства в питейных заведениях.

Весь день я занимался тем, что менял деньги. Однажды я попытался расплатиться даргом за съеденный обед и получил в ответ целый спектакль. Золотую горошину мяли пальцами, тыкали в нее ножом, пробовали на зуб и рассматривали при свете двух соединенных вместе газовых ламп. Затем владелец харчевни куда-то надолго исчез и появился с увесистым бу-

мажным кульком, наполненным медными осклизлыми фаргами. Вероятно, он выудил их из какого-то потайного места, где скапливал деньги то ли на черный день, то ли на покупку второй убогой забегаловки. Мой роскошный обед стоил четыре фарга, следовательно, в кульке их должно быть девяносто шесть. Не пересчитывая, я сунул кулек прямо в карман, куда он едва влез, и больше таких ошибок не совершил.

Самыми практическими монетами в столице были серебряные ларги, которых я и собирался набрать изрядное количество, получая сдачу с золотых даргов.

Золото было в ходу только в дорогих магазинах, которых я посетил более десятка. Чтобы не носиться из магазинов домой и обратно, я нанял мальчишку с двухколесной коляской, куда намеревался складывать купленные товары.

Первым делом я купил себе красивый кожаный кошелек, украшенный орнаментом. Он прикреплялся к поясу двумя кожаными ремешками и вешался на животе или сбоку, на манер футляра для мобильного телефона. В него я складывал сдачу в виде ларгов и фаргов. Затем я приобрел шикарный столовый прибор на шесть персон, толком не соображая, зачем он мне нужен, ведь дома я не питался и гостей не принимал. Следующей покупкой стали большие бюсты богов Добра и Зла, отделанные полудрагоценными камнями. Тоже не шибко нужные предметы, потому что я полагался только на себя и поклоняться чужим божествам не собирался.

Ранее я уже присмотрел подходящее постоянное жилище в виде трехкомнатной квартиры с кухней, расположенной на втором этаже двухэтажного доходного дома. Но в собственность ее пока не приобрел, а сначала хотел пожить в ней, чтобы оценить возможность некоторой ее перепланировки. Зачем, увидите позже. О чём мы и ударили по рукам с хозяином дома.

Ведь, как состоятельный тью, я должен иметь свои собственные апартаменты, а их необходимо было чем-то обставить и украсить. Дальнейшая жизнь в гостинице не представлялась возможной, хотя бы потому, что приходилось все время таскать на себе тяжеленный пояс с почти девятью сотнями золотых горошин. Заимев собственное жилье, можно было поставить в нем массивный несгораемый сейф и положить туда все мои финансы, а также бронник, который я не хотел надевать на себя каждый день.

Забегая вперед, скажу, что стальное несгораемое хранилище найти не удалось. Сейфы здесь почему-то были не в ходу. Максимум, что мне предлагали торговцы, это металлические шкатулки с навесными замочками, которые можно было сковырнуть ногтем.

Словом, я накупил целую кучу потребных для дома, а большей частью не нужных мне предметов быта и роскоши. Парнишке с тележкой пришлось сделать два рейса, чтобы доставить мои покупки к месту. Я свалил их в угол самой дальней комнаты и отправился поискать трактир поблизости от дома, который стал бы моим постоянным пристанищем для ежедневного приема пищи.

Кстати, я не видел никакой разницы, кроме названий, во всех этих питейно-закусочных заведениях столицы. Трактир, корчма, ресторан, харчевня, кабак, таверна — ассортимент в них был приблизительно одинаковый, равно, как и качество предлагаемых закусок. Единственно, мне показалось, что вина все-таки получше в общепитовских заведениях, именуемых трактирами.

Таковой нашелся всего в четырех кварталах от моего нового жилища. Внешне выглядел он вполне прилично, и я шагнул внутрь.

В помещении стоял громкий гомон. Хозяин трактира, шарообразный толстяк с круглыми, плутоватыми глазами и два его подручных, вооруженных длинными вертелами, прижали к стене высокого худощавого дворянина в темном камзоле.

— Вы не уйдете отсюда, пока не заплатите! — урчащим голосом хищника, сцепившего вожделенную добычу, кричал толстяк, брызгая во все стороны слюной.

— Как же я заплачу, если у меня украли деньги? — худощавый нервно озирался вокруг, ища поддержки, но не находил ее.

Все присутствующие молча наблюдали за разворачивающейся сценой и никак ее не комментировали. Я сделал несколько шагов вперед и оказался неподалеку от эпицентра событий.

— Мне плевать на это! Платите и тогда можете идти куда пожелаете, хоть домой, хоть на бал, хоть в свое родовое гнездо.

Юморист из него был никакой, тоже мне *«bel esprit»*¹ нашелся, однако его здоровенные поварята угодливо захихикали и угрожающе приподняли свои вертела.

¹ Остряк (франц.)

— Вот, смотрите, — дворянин протягивал обрывки ремешков от кошеля, выставляя их на всеобщее обозрение, — у меня были деньги, но кто-то срезал мой кошелек...

— Не хотите ли вы сказать, что это моих рук дело? — хозяин трактира откровенно глумился над своей жертвой.

— Нет. Но здесь был вор и...

— Где же он? Что-то я его не вижу, — и трактирщик сделал вид, что заглядывает под столик, — а вот то, что досточтимый тье набил свое брюхо и собирается уйти, не заплатив — это видят все. Я сейчас сдам вас страже.

— Я зайду завтра отобедать и заплачу, заодно, и за сегодняшний обед, — предложил дворянин.

— Нет, благородный тье, завтра вас заберут в армию, а послезавтра убьют солдаты герцога, и плакали мои денежки.

— Я схожу домой сейчас и принесу денег.

— Он сходит домой и будет таков! — громогласно объявил толстяк и воздел руки к потолку, — а я останусь в убытке.

— Я готов вам дать слово тье!

— Он даст мне слово.., — трактирщик криво ухмыльнулся, от чего его расплывшаяся рожа приобрела еще более глумливый вид, — и куда я его засуну — в карман положу?

Это было уже чересчур. Честное слово дворянина было здесь более чем клятвой и исполнялось неукоснительно и любой ценой. Рука худощавого рванулась к мечу.

Что за дела? Какой-то хам, обычная трактирная крыса, издевается над представителем дворянского сословия! Пора вмешаться.

— А ну, оставьте его в покое! — я шагнул вперед и оказался почти между противоборствующими сторонами.

Физическая мощь включилась на полную катушку, и я готов был ее использовать, негодяя на хамское поведения трактирного торгаша.

— Вам-то что до этого, — хозяин лениво покосился на меня, как на надоедливого комара, — ищете себе неприятности,уважаемый тье?

— Неприятности ищешь ты! Смотри, как бы я не отрезал твои уши! — и я выразительно покосился на свой меч.

— Да это дебош в общественном месте и угроза физическим воздействием.., — просипел тот фальцетом, немного отступая назад.

Интересно, откуда трактирной крысе знать такие юридические заковырки? И я сделал еще один шаг вперед, оттирая его от незадачливого неплательщика за обед.

Трактирщик мотнул головой в мою сторону своим подручным:

— Придержите-ка этого горлопана, пока я пошлю за стражей.

Дюжие поварята дружно положили свои вертела на столик и бросились на меня, намереваясь вцепиться в мои руки. Как бы не так! Изящным обходным движением я оставил их за своей спиной, а затем развернулся и вцепился пальцами в их заплывшие жиром загривки. Их головы резко изменили свое поступательное движение вперед и легли на встречные курсы. Мгновение и глухой бильярдный стук засвидетельствовал их скорую встречу. Я прислонил их спинами друг к другу и аккуратно опустил на пол.

— Вы за это ответите! — и без того круглые глаза трактирщика стремились вылезти за свои орбиты, — имперский суд и тюрьма вам уже обеспечены, и я лично...

Он — лично? Да кто он такой! Я сцепил хозяина за ворот и одной рукой взметнул эту жирную тушу к потолку.

— Как ты смеешь угрожать благородному тье? — взревел я.

Посетители трактира стали испуганно жаться к стенам. Дворянин, за которого я вступился тоже стоял ни жив, ни мертв, что-то шепча побелевшими губами.

— Я сейчас за стражей пошлю, — задушенно пискнул толстяк, суматошно болтая в воздухе толстыми короткими ножками, — неуплата и дебош, причинение увечий...

— Вот я тебя самого им и сдам! — загремел я и опустил его на пол.

По-моему, он все-таки притих и смотрел на меня уже испуганными выпученными глазами. Похоже, он не знал, что предпринять. Раз задиристый пришелец орет и буйнит, значит, имеет право — читалось на его ошеломленном лице по поводу моей персоны.

— А меня за что? Я всего лишь требовал причитающиеся мне деньги и...

— За то, что допускаешь всяких воришек в свое заведение, и они крадут кошельки у благородных тье.

И пока он переваривал эту мою инициативу, я грозно добавил:

— Еще и обэпников на тебя напущу — пусть-ка пошарят, как следует, в твоих погребах!

Конечно, он и слышать о такой службе, как ОБЭП, нигде не мог, но перспектива, что какие-то контролеры начнут копаться в его запасах, его явно напугала. Неизвестное всегда страшит больше. А может, у них в империи что-то и было вроде санстанции, а уж эти молодцы найдут живых тараканов даже в морозильниках, при температуре минус семьдесят градусов. Любой торгаш знает, что за ним водятся всякие грешки, стоит их только хорошенько поискать.

— Я просто хотел, чтобы мне заплатили, — повторил трактирщик, явно идя на попятную.

— Не волнуйся, я тебе за все заплачу, — заверил его я, — а теперь притащи нам сюда пару бутылок приличного вина и по куску хорошего жареного мяса.

Обещание оплатить все причиненные убытки, да еще и последовавший дорогой заказ окончательно умиротворили трактирщика, и он удалился в свои закрома.

— А это вам, — купите себе по пластинке льда, чтобы не вскочили шишки на лбу, — я великодушно швырнул серебряный ларг очумелым от столкновения подручным хозяина.

Один из них ловко ухватил его на лету лопатообразной ладонью и захлопнул ее, как ловушку, а второй двумя руками вцепился в его сжатый кулак. Таким манером, они и пропутешествовали в свою подсобку, намереваясь, видимо, сразу же поделить полученные деньги.

Инцидент был исчерпан. Как благовоспитанные тье, мы с худощавым представились друг другу, приподняв шляпы и слегка раскланявшись.

— Может, нам все-таки лучше уйти?

— Я заглянул сюда промочить горло, — мой тон был нарочито груб и небрежен, — намерен это сделать, несмотря ни на что, и буду счастлив, если вы составите мне компанию.

Пострадавшего от вора дворянина звали т`Альт, и он был примерно моего возраста. Его руки немного подрагивали от пережитого волнения, а лицо долго не могло приобрести нормальный оттенок. Мы еще посидели за столом, но немного.

Вино было выпито, а вот дорогая закуска отчего-то не лезла в горло. И разговор не клеился.

В воздухе что-то витало. Несмотря на мирное завершение скандала, в трактире висела напряженная тишина. Присутствующие кидали в нашу сторону настороженные взгляды, а хозяин куда-то надолго исчез. Его подручных тоже не было видно.

— Лучше пойдем отсюда, — не выдержал, наконец, т'Альт, и я не стал этому противиться.

Пропавший было трактирщик, однако, появился сразу же после требовательного стука о пол ножнами моего меча. Лицо его не выражало больше никаких эмоций, но шельмоватые круглые глаза ожили при виде нескольких серебряных ларгов, положенных мной в его протянутую руку.

— Этого достаточно?

— Да, досточтимый тье, — все же хорошие манеры к нему возвращались.

— Вы слишком много ему дали, — с некоторым сожалением произнес мой спутник, когда мы вышли за пределы этого вертепа, — но я готов расплатиться с вами немедленно. Мне лишь нужно заглянуть к себе домой. Проводите меня?

— Я думаю это не к спеху, — небрежно заметил я, — позвольте пригласить вас посидеть в хорошей ресторации за бутылочкой-другой вина по случаю нашего знакомства.

— Нет, нет, нет, — т'Альт замахал на меня руками, — это я вас приглашаю, с меня причитается — вы спасли меня от долговой ямы. Мой отец очень суров и, если он узнает, что я попал в долговую тюрьму, то лишит меня содержания. А гвардейским офицерам, в отличие от армейских, как известно денег за службу не платят.

На мой удивленный взгляд он обернулся и махнул в сторону трактира:

— Это ведь императорский трактир, разве вы не заметили? Вон, смотрите два маленьких императорских герба по углам надписи «Трактир».

Мое удивление касалось, прежде всего, причастности т'Альта к гвардии, он был одет в обычное облачение дворянина. Тем не менее, я пошел по протоптанному пути.

— Он принадлежит самому императору? — я пригляделся и увидел эти эмблемы.

— Не совсем. Я смотрю вы в столице недавно?

— Да, — и я заученно процитировал своему собеседнику легенду о прибытии из глухой провинции, куда не доходит почти никакой информации о делах, творящихся в центре империи.

Это было моей спасительной лазейкой. Свое незнание многих вещей и событий, в которых свободно ориентировался любой столичный житель, я мог объяснить своим провинциальным происхождением.

— Из далекой Навакрии, — скорбно закончил я жалобную песнь о забытой даже богом глухомани, при этом машинально чуть не добавив: «где в лесах живет очень много диких обезьян», на манер известной бразильской тетушки.

— Трактир непосредственно императору не принадлежит, но все доходы от продажи спиртного идут в государственную казну на содержание императорского двора, — обстоятельно пояснил т'Альт, — а подаваемые в них вина поступают из погребов императорского дворца.

Сейчас я мог изучить его внешность пообстоятельней. Вблизи он казался совсем юным, на лице проступала печать мальчишества, и лишь лихие стрелки черных усов придавали ему мужественности. Левый рукав камзола украшал герб с изображением неведомого мне зверя с головой, из-за густой гривы и плоского широкого носа, похожей на львиную, но с коровьими рогами над ушами. Не разновидность дракона, но род достаточно древний.

— Я вначале тоже не заметил этих гербов, — продолжал мой спутник, — они знают, что порядочные тье избегают императорских трактиров, поэтому специально делают эти эмблемы почти незаметными.

— Почему избегают?

— Именно потому, что обслуга в них наглая, а цены выше, чем в обычных трактирах. И запросто можно угодить под имперский трибунат, нарушив что-то по мелочам. Скажем, не расплатившись вовремя по счету.

— Под трибунат?

— Это ускоренный суд по мелким очевидным преступлениям против государственных установлений. И один мой приятель недавно получил четырнадцать дней долговой ямы.

— У него не нашлось денег заплатить по ресторанныму счету?

— На тот момент нет. Он забыл свой кошелек дома, и его схватила стражи. Деньги были внесены еще до захода дневного светила, однако имперский трибунар уже успел вынести свой приговор.

— И он отсидел весь срок?

— Да, несмотря на то, что его родственники просили заменить вынесенное наказание на штраф. Он там чуть не умер и с тех пор обходит императорские трактиры стороной. А тех, у кого нет денег, чтобы расплатиться по долгам, сажают в общую долговую яму до тех пор, пока деньги не будут внесены. Говорят, должники поедают там друг друга, так как их совсем не кормят.

— Какой ужас! — я был искренне потрясен такой жестокостью.

— Законы в империи строги, — вздохнул т'Альт, — но еще хуже приходится тем, кого заподозрят в неблагонадежности к императору.

— Их тоже судят?

— Не всегда. Могут просто...

Здесь он споткнулся на фразе, не окончив ее, и вытаращил глаза на противоположную сторону улицы.

— Кажется, я пропал, — прошептали его губы, а в глазах появилась тоска обреченного.

— Что случилось? — встревожился я.

— Видите тех трех тье, которые на нас смотрят?

Но я уже и сам заметил, что трое молодцов в дворянском облачении вдруг прекратили свою неспешную прогулку и поспешили к нам.

— Кто они? — спросил я.

— Это братья т'Монфорты. Мой род состоит с их родом в кровной вражде и сейчас мне придется с ними драться.

— На дуэли?

— Дуэлью это не назовешь. Скорее, смертельная схватка, но отчасти по дуэльным правилам. Однако их трое, я не смогу долго противостоять трем мечам, и меня ждет смерть.

— Вы должны сразиться сразу с тремя?

— Да. Это и есть отступление от правил, допустимое при родовой вражде. Здесь действуют законы кровной мести. Братья т'Монфорты специально и ходят втроем, чтобы убить врага наверняка.

— Я вам помогу — нас будет уже двое! — предложил я, задетый коварством братьев.

— Поможете? — т'Альт воззрился на меня в страшном удивлении, — но тогда ваш род будет в состоянии кровной вражды с их родом.

— Родом больше, родом меньше, — как можно небрежнее пробормотал я, будто имел уже сотню кровных врагов.

Удивление т'Альта смешалось с восхищением и признательностью. Видно здесь не было принято ввязываться в чужие разборки, рискуя собственной шкурой, да еще и вступая на вечную тропу войны с чужим родом.

Тем временем братья были уже рядом. Змеиные улыбочки просто приклеились к их лицам, а глаза сверкали мрачным торжеством. Волосы у них выбивались из-под шляп длинными рыжими прядями. Руки их лежали на рукоятях мечей, и я тоже рванул свой меч из ножен.

— Не здесь! — т'Альт в ужасе схватился за мою руку.

Братья посмотрели на меня не то чтобы недоуменно, но как на фокусника, показавшего необыкновенный трюк.

— Что вам угодно, тье? — спросил один из них, с длинным носом, под которым топорчились жидкие рыжеватые усики, меряя меня весьма недружелюбным взглядом.

— Мне угодно составить компанию моему другу т'Альту в предстоящем противостоянии вам, — ответ прозвучал учтиво и, на мой взгляд, внушительно, — мне кажется подлым нападать втроем на одного.

— Идите прочь! — презрительно изрек длинноносый, — иначе, как минимум, вы потеряете свои уши.

— В свою очередь должен вас предупредить о моем намерении укоротить ваш нос.

— Наш род не связан с вашим родом кровной враждой, — заметил другой из братьев, рассматривая мой герб и не вступая в словесную перепалку.

— Теперь будет связан, — лаконично ответил я, вкладывая свой меч в ножны.

Братья дружно пожали плечами, мол, хозяин — барин, и третий из них отчетливо пробормотал:

— Что ж — будет два трупа...

— Итак, в сад? — полуутвердительно изрек несколько приободрившийся т'Альт.

— В сад! — дружно рявкнули братья и двинулись по улице.
— Какой еще сад? — тихо поинтересовался я у своего нового знакомого, оказавшегося сегодня во второй серьезной переделке.

— Манкольмский сад, — пояснил тот, — это официальное место, где могут происходить дуэли и прочие разрешенные законом поединки.

Я лишь дернул плечами: пусть будет так.

— Это недалеко, — утешил меня т'Альт, будто я пожаловался на усталость ног.

Манкольмский сад действительно находился в конце улицы и представлял собой ухоженный парковый комплекс с клумбами, подстриженным декоративным кустарником и аллеями могучих старых деревьев. Утоптанная площадка у входа на одну из аллей свидетельствовала о довольно частых междуусобных баталиях.

Судя по всему, братья вообще не считали меня за противника — какой-то приблудный провинциал, не знающий даже места дуэльных схваток в столице.

Задиристый длинноносый встал в позу опытного фехтовальщика передо мной, а двое других немедля накинулись на т'Альта, тесня его в глубину аллеи.

Видя отчаянное положение последнего, я не стал долго церемониться со своим противником. Град ложных рубяще-колючих движений обрушился на него со всех сторон, враз отбил у него охоту изображать из себя бывалого дуэльщика. Он отступал, панически махая перед собой мечом, и мне не составило особых трудов закончить этот поединок одним точным ударом. Меч воткнулся в его левую ногу чуть выше колена и заставил его завалиться на пятую точку и выронить свое оружие.

Он стал мне сразу же неинтересен. Дело было сделано, противник обездвижен, чтобы не смог убежать, когда т'Альт задумает его прикончить. Это его кровные враги, а я здесь сбоку припека. К тому же мне было запрещено убивать живых существ на этой планете.

Т'Альту приходилось очень туго, оба его противника насыли на него так, что бедняга едва уворачивался от их ударов, не помышляя ни о каких контратаках. Он отступал, теряя последние силы. В два прыжка я оказался рядом с ними и сзади постучал по плечу мечом плашмя одному из братьев. Тот обернулся, на

его лице промелькнуло удивление от вида сидящего на земле братца и ринулся на меня. Выражение удивления провисело на его лице очень недолго, и через пару мгновений оно исказилось от боли. Таким же манером я проткнул его правую ногу, и он рухнул на колени.

— Скажи мне свое имя! — зарычал он.

Я представился, поглядывая на несколько приободрившегося т'Альта, рубившегося со своим противником.

— Теперь ты враг рода т'Монфортов! — надрывался раненый.

— Весьма польщен и всегда к вашим услугам, — мои слова вызвали новые злобные восклицания, которые дуэтом вывождили уже оба раненых.

Я уже собирался приступить к обезвреживанию и третьего братца, когда т'Альт стал посыпать мне умоляющие взгляды.

— Я сам! — закричал он, — не надо его трогать, я сам с ним разберусь.

Далось ему это нелегко, но скоро и последний из братьев, выронив меч, схватился за бок обеими руками.

— Ну же — добивай его! — послал я т'Альту мысленный сигнал, — не медли, еще двое дожидаются своей очереди.

Но он повел себя в высшей степени странно. Отвернувшись от поверженного врага, достал из кармана большой платок и стал вытираять им свой меч. Далее платок был выброшен, меч вернулся в свои ножны, и т'Альт направился ко мне, полностью игнорируя свои жертвы.

— Спасибо тебе, — он протянул для пожатия свою руку, — если бы не твоя помощь — быть мне сегодня покойником.

— Но..., — начал я, имея, должно быть, весьма обескураженный вид, — разве нельзя...

— Жаль, что сегодня никого не удалось убить, — к счастью он предвосхитил мою реплику, — придется нам теперь быть еще осторожнее, они скоро оправятся от своих ран и начнут искать новой встречи с нами. Теперь и ты их кровный враг.

Братья, стена, начали оказывать друг другу помощь с перевязкой ран и посыпая тихие проклятия преимущественно в мой адрес. Я повторил действия т'Альта в части платка и меча, и мы не спеша отправились прочь. Я уже понял, что, видимо, какие-то правила запрещают убивать поверженного врага.

— Отчего бы и не прикончить их, не отходя от кассы, — тихо проворчал я.

Насчет неведомой ему кассы мой партнер, должно быть, не расслышал, но сожаление о невыполненной до конца миссии уловил.

— Можно, конечно, осуждать внесенные в Дуэльный кодекс поправки, — произнес он, — но выполнять их приходится.

Вот оно что... А я уже клял себя, как это мог пропустить столь важный аспект, ведь означенный кодекс был изучен мной от корки до корки.

— Кстати, чем они были вызваны, — мой беспечный тон мог ввести в заблуждение и более искушенного, чем т'Альт, человека, — мы в провинции все гадали, кто это их придумал?

— Придумал их Первый министр, который озабочился тем, что большинство тье гибнет не на поле брани, а на дуэльных площадках. А император всего лишь закрепил поправки специальным указом. В столице было много споров по их редакции: одни предлагали заканчивать поединок с первым ранением, другие — до тяжелого ранения, препятствующего продолжению дуэли, третьи — до того момента, когда один из противников попросит пощады. Но Первый министр настоял на своем — типа, до первой крови. Забыл точную формулировку, может, ты помнишь?

— Как-то не припоминается, — соврал я, — давно уже не заглядывал в кодекс.

— В принципе, это правильно, — задумчиво промолвил т'Альт, — нечестно убивать ослабевшего врага...

— А разве честно нападать на одного втроем? — чуть не взорвался я.

— Ну, закон этого прямо не запрещает, а что не запрещено законом — то разрешено.

Странные все-таки у них порядки. Вроде бы все тье блюдут закон, дорожат своей честью и, в то же время, используют всякие нечистоплотные лазейки.

— Не выпить ли нам по бутылочке доброго вина по случаю благополучного завершения баталии, — предложил я.

— Не возражаю, это было бы кстати.

— Посмотрите, вон справа уютная с виду харчевня — заглянем?

— Согласен, — и с этими словами мы спустились в небольшой подвальчик с десятком разбросанных у стен столиков, скрывавшихся в полумраке, ибо свет давала единственная газовая люстра, висящая посередине.

— Только угощение за мой счет, — т'Альт был скрупулезен, — вы заплатите, а дома я вам отдам все, что задолжал.

— *Point d'honneur*¹, — буркнул я, не видя смысла это оспаривать.

После этого мы были уже на ты. Т'Альт мне понравился сразу. Было в его облике и характере что-то от наших средневековых рыцарей из баллад эпохи короля Артура. В нем текла гремучая смесь крови поэтов-романтиков и народовольцев, швыряющих бомбы в царей и верящих, что именно этим можно переломить существующий несправедливый строй.

Оказывается, он был гвардейским офицером, но сегодня мундира не надевал, поскольку собирался пойти на конфиденциальную встречу. Я узнал также, что т'Альт записывался добровольцем в экспедиционный корпус для войны с армией герцога Ардонье, имел красную нашивку за полученное ранение и медаль за взятие крепости Ласконь.

— Зачем тебе это? — поинтересовался я, не совсем понимая, ради чего столичный гвардеец должен сидеть в окопах и рисковать своей жизнью.

— А где иначе получить награды? — ответил он вопросом на вопрос, — армейские офицеры вон все в регалиях, смотрятся официально. И дамы на это клюют.

Он вздохнул и приложился к своей кружке.

— Почему ты тогда избрал службу в гвардии, а не в армейских частях? — я изобразил на своем лице недоумение.

— Это возможность впоследствии получить при дворе какую-то должность, — ответил мой новый друг, но посмотрел на меня с некоторым подозрением, как это я не знаю таких простых вещей.

Я прикусил язык и мгновенно накинул на свою физиономию маску зачуханного провинциала.

— А ты разве не служишь в армии? — спросил он неожиданно, сделав пару небольших глотков.

¹ Дело чести (франц.)

Но здесь, пообщавшись с т'Амьергом, я был уже подкован. Я знал, что все тье империи обязаны служить в армии в качестве офицеров. Дворяне со связями попадали в гвардию, но большинство протекций не имели и служили в армии. И вариант, отчего я не являюсь служивым, у меня тоже уже имелся.

— В моей семье мужчин, кроме меня, не осталось, — скорбно промолвил я, — а ты же знаешь этот идиотский закон, по которому единственный наследник в роду не может служить в армии. Его в любой момент могут убить, и тогда род прервется... Мой батюшка был весьма богат, и после его смерти мне досталось весьма приличное наследство и обширное поместье. В нем сейчас проживают две мои сестры.

Т'Альт посмотрел на меня с сочувствием, смешанным с уважением. Его сострадание относилось к первой части моей легенды, а почтение вызвала фраза о доставшемся наследстве. В империи уважали богатых людей все, начиная от самого императора и заканчивая последним трактирным слугой.

— Очень свирепый зверь? — покосившись на изображение моего родового герба, поинтересовался собеседник.

— Ого! Еще какой! — соврал я, хотя добрею моей кошки в обширном семействе кошачьих трудно было найти.

Моя Нэська вряд ли съела бы даже мышку, которых, впрочем, не ловила, а охотилась лишь за случайно залетавшими в окно мухами.

— Я надеюсь, ты покажешь мне его целиком, не будешь спешить сдирать с него шкуру, после того как закончится сезон охоты. Я хотел бы насладиться видом этого страшилища в натуральную величину.

«Что еще за сезон охоты? — подумал я, но расспрашивать не стал, чтобы не попасть опять впросак, — и где я его добуду, если он существует только на выполненнном мной рисунке...»

Фраза о существовании неблагонадежных к императору людей меня заинтересовала, и я попросил рассказать об этом подробнее. Пережитая опасность и выпитое вино развязали язык т'Альта, и он, по-совиному мигнув, склонился к моему уху.

— Только между нами.

— Слово тье! — высокопарно произнес я.

— Наш мир захватили какие-то мерзкие твари, — прошептал он.

Вот те раз! И этот офицер уже маленько перебрал.
— В народе их называют фиолетовыми..., — т'Альт осторожно огляделся.

Опять фиолетовые? Такого совпадения быть не могло. Чтобы двое дворян совершенно одинаково бредили... Это вряд ли. И я навострил уши.

— Но никто толком не знает, кто они на самом деле и откуда взялись, — продолжил мой новый знакомый, — поговаривают, что их предки были монахами, спасшими планету от какого-то ужасного стихийного бедствия. И за это правивший тогда император возвел их в ранг членов Тайного Совета.

— Тайного Совета?

— Этот орган был создан, якобы, для поддержки правления императора. Он существует и сейчас и состоит из самого императора, его Первого министра, Государственного казначея и двенадцати других членов — потомков тех монахов.

— Мы в провинции, — пробормотал я, — и не слышали о существовании Тайного Совета. Про фиолетовых кто-то рассказывал, но все полагали, что это обычные мифы.

— Они есть! — жарко зашептал мой собеседник, — и, фактически, это они управляют империей!

Я посмотрел на него недоверчиво. Ничто из полученной мной из различных источников информации не свидетельствовало о том, что государством правит кто-то иной, кроме императора. Напротив, император был облечен неограниченной властью и являл собой пример абсолютного монарха.

— Да, да, — т'Альт заметил мой скептицизм, — именно фиолетовые заправляют всеми важнейшими делами, а император полностью находится под их влиянием.

— Но если во главе Тайного Совета стоит император, то кто может...

— Тайный Совет — фикция! — перебил меня т'Альт, — никто не слышал, чтобы он собирался, проводил свои заседания и, главное, принимал решения. Но фиолетовые участвуют во всех официальных, а иногда и неофициальных мероприятиях при дворе. Они присутствуют на заседаниях Кабинета министров, а также на торжественных обедах и балах и прочих церемониях, которые случаются при дворе.

— Почему их называют фиолетовыми?

— Это цвет их странного одеяния, которое представляет собой полностью закрытый плащ с капюшоном. На плаще нет ни пуговиц, ни застежек, а капюшон, полностью смыкающийся с плащом, не имеет отверстий для глаз. Материал, из которого они изготовлены, не производится на ткацких предприятиях империи.

— Как же они передвигаются, если не могут ничего видеть?

— В том-то и дело, что видят они все прекрасно, но каким образом — неизвестно. Более того, они могут убить взглядом...

— Ну, это уже чьи-то выдумки, — запротестовал я, — только в сказках и фэнтези...

И тут я прикусил язык: ведь подобных жанров в здешней литературе не существовало. Но т'Альт на мою оплошность не обратил никакого внимания — он был захвачен своим повествованием.

— Я сам это видел, — вдруг заявил он.

— Когда? — моему удивлению не было предела.

— Только..., — и т'Альт поднес палец к своим губам, изображая знак молчания.

— Слово тье!

— Далеко не все в империи равнодушно относятся к их деятельности. И я один из них. Мы основали тайное братство, которое поставило своей целью уничтожить фиолетовых гадов или изгнать их с нашей планеты.

— Кто мы?

— Передовая часть гвардейского офицерства. Мы создали две боевые группы и напали на одного из фиолетовых, когда он возвращался из императорского дворца на своей карете.

И т'Альт рассказал мне удивительную историю. Каждая боевая группа состояла из пяти вооруженных мечами гвардейских офицеров. И когда карета фиолетового покинула дворец и понеслась по улице, одна из групп выступила ей навстречу и перекрыла улицу поперек другой каретой. Группа, в которой состоял т'Альт, выдвинулась из своего укрытия и перекрыла карете фиолетового обратный ход, на случай, если он развернется и попытается вернуться во дворец.

Однако фиолетовый и не подумал спасаться бегством. Он спокойно вышел из своей кареты и двинулся навстречу заговорщикам. Все пятеро офицеров разом рванулись к нему и

окружили, подняв свои мечи. По сигналу одного из гвардейцев мечи разом опустились на фиолетового, рубя его тело и голову в капусту. Так было договорено заранее. Но что это? Мечи не причинили ему никакого вреда. Офицеры, казалось, рубили воздух. Так продолжалось несколько мгновений.

А затем фиолетовый сделал какое-то движение. Т'Альту показалось, что он приподнял свой капюшон, кто-то другой уверял, что фиолетовый начертал рукой колдовское заклинание, третий утверждал об индивидуальном проклятии, посланном каждому из гвардейцев. Короче говоря, все офицеры, почти разом, упали на мостовую, как подкошенные, и остались лежать неподвижно.

— Он убил их своим взглядом! — глаза т'Альта горели, а его лицо исказила гримаса ненависти, — а потом он наклонился к каждому и высосал его плоть!

Я смотрел на своего нового друга с недоверием. Да, первая часть рассказа была, наверное, реальной. Возможно также, что загадочный фиолетовый был одет в броню. Скорее всего, плащ с капюшоном и были бронезащитой. Мой собственный броник исполнял те же функции. Но убить взглядом или пусть даже заклинанием — это же фэнтезийная чушь. Еще большей нелепицей казалось поедание фиолетовым своих врагов.

— Ты мне не веришь..., — т'Альт заметил мою реакцию, — но я там был не один, нас было пятеро, и все это видели...

Все видели, а рассказывают по-разному. Вероятно, это была какая-то массовая галлюцинация. Каждый из свидетелей прошедшего поэтому и рассказывал по-своему, в зависимости от степени эмоционального воздействия.

— А потом их мог видеть любой житель столицы, так как по приказу императора их тела были повешены на общей виселице и висели так три дня. Я сам подходил близко и видел, что от них остались только кожа и кости. Точнее, скелет внутри кожи. Он выжрал всю их плоть. Эта тварь питается человечиной, не зря никто не видел, как они едят. И люди в столице часто пропадают бесследно. Это их рук дело. Они уничтожили планету, а теперь уничтожают империю. И никто не в силах им помешать. Император и...

— Погоди, погоди, могу я задать тебе пару вопросов?

Т'Альт оборвал свою гневную обличительную речь и молча кивнул головой.

— Почему вы там на улице не пришли на помощь своим товарищам?

— Все словно оцепенели от увиденного...

Что ж, это довод в пользу возможного сеанса гипноза, проведенного шустрым фиолетовым.

— ... И потом, все случилось так быстро, что мы просто не успели и глазом моргнуть, как он сел в свою карету и укатил.

— Убитых были какие-нибудь телесные повреждения?

— В том-то и дело, что на трупах не было ни царапины, мы специально присматривались, — т'Альт тяжело вздохнул, эти воспоминания давались ему нелегко.

— А когда их повесили? Перед этим трупы увозили в морг?

— Нет, это произошло сразу же.

Да, если это правда, а не верить т'Альту нет никаких оснований, это действительно загадка.

— Но почему император отдал приказ их повесить?

— Закон требует, чтобы так поступали с особо опасными государственными преступниками. А поскольку фиолетовые числятся членами Тайного Совета и, стало быть, высшими должностными лицами империи, получается, что все мы совершили тяжкое государственное преступление. Это, конечно, была инициатива самих фиолетовых. Но император не мог ничего поделать, чтобы самому не нарушить закон. Хотя все сочувствовали нашим офицерам и, более того, считали их героями. Их потом тайно похоронили со всеми воинскими почестями. По приказу Первого министра. И по его же распоряжению семьям погибших гвардейских офицеров назначили пожизненное содержание. Лишь он в государстве почти открыто выступает против фиолетовых. Но и глава Кабинета министров должен соблюдать закон.

Ну и формалисты же здесь живут, в который раз подивился я. Офицеры выступили на защиту государственного строя, а их возводят в ранг особо опасных государственных преступников. *Dura lex, sed lex?*¹

Так, кажется, утверждали древние римляне.

— Император знает об истинной сути фиолетовых?

— Конечно, знает.

— ??????? — в ответ я нарисовал целую кучу вопросов на своей физиономии.

¹ Закон суров, но это закон?

— Фиолетовые в любой момент могут сместить императора, — горько усмехнулся т'Альт, — а также распустить Кабинет министров и разогнать всех придворных. И даже умертвить кого угодно.

Кажется, уже вся моя фигура превратилась в один большой вопросительный знак от этих откровений.

— И никто им не может помешать. Они творят на планете все, что хотят. Говорят, именно они раздергали ее на эти дурацкие, никому не нужные ярусы.

— Каким образом?

— Никто этого не знает. И никто не представляет, как работают эти дьявольские транспорталы. И что они добывают на одном изочных светил. И где...

— Подожди! — я ухватил его за рукав, который мотался в такт его рубящей руке, — фиолетовые что-то добывают на очном светиле?

— Так говорят. Точнее, там, якобы, работают сосланные навечно особо опасные преступники. Но тайно добывают то ли драгоценные камни, то ли еще какие-то другие ценности для фиолетовых.

— Что ты еще об этом знаешь?

— Да больше ничего, только по слухам. А тебе-то зачем?

— Просто интересно, что же они могут там добывать, — вывернулся я, объясняя свой жгучий интерес к этой теме, — это же прямое разграбление ресурсов империи.

— Ну, формально светила империи не принадлежат..., — протянул т'Альт.

Опять формально. А кому же они еще принадлежат, если других государств на планете нет. Герцогству Ардоньеरскому, что ли?

— А как они попадают на очное светило?

— Не знаю. Наверное, через такие же транспорталы. Их только в столице несколько десятков.

Ффу-у-у. Надо глотнуть для просветления мозгов. Что-то мой новый друг совсем их запутал. Какой-то ворох самых невероятных и к тому же противоречивых сведений. Как их распутать? Кто такие на самом деле эти загадочные фиолетовые? Что за добыча ведется ими на одном из спутников планеты? Может, как раз то, что я здесь и ишу? Скорее, скорее надо пробивать-

ся к императорскому двору. Только там можно получить всю необходимую информацию. Но как это сделать?

— Хотя, скорее всего, этот транспортал находится в Черной башне, — продолжил т'Альт, последовав моему примеру в части глотнуть.

— В Черной башне?

Похоже, сегодня день откровений и сюрпризов. Еще и башня какая-то объявилась.

— Все ее так называют. Это место, где постоянно обитают фиолетовые.

— Разве они живут не во дворце императора?

— Нет. Если бы эти твари там жили, Первый министр нашел бы способ до них добраться, — здесь т'Альт впервые за вечер рассмеялся.

— Она высокая?

— Не то слово. Высоченная. Выше ее сооружений на планете нет.

— А как же закон, по которому ни одно строение в империи не может быть выше дворца императора?

— Фиолетовым закон не писан, — мрачно произнес т'Альт.

— Покажешь мне ее?

— Не сегодня. Уже поздно. Давай увидимся здесь завтра, и я тебя провожу туда. На сегодня приключений хватит.

Я согласился, поскольку уже действительно наступали вечерние сумерки. Мы еще выпили «на посошок», и т'Альт попытался заманить меня к себе домой, чтобы рассчитаться с долгом. Но я возразил, мол, завтра все равно увидимся — вот и отдашь. Чего зря мотаться туда-сюда.

На том и порешили.

Глава тринадцатая

ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ

Этой ночью мне приснился настолько яркий сон, что его эпизоды оставались в моей памяти еще долгие дни. Как будто я с Иришкой и Малышом, который еще не стал тем продви-

нутым Малышом, а был обыкновенным Димоном, гуляли по парку. Сокращенно он именовался ПКиО, название, издевательски перекрещенное некоторыми сатириками в Парк имени культуры и отдыха, то есть ПиКО. Данный парк, впрочем, соответствовал своему первому варианту. Здесь присутствовали все те мелкие радости, которые мог позволить себе обычный человек, особенно если ему нет еще и десяти лет.

Мы катались на всевозможных каруселях, пожирали килограммы мороженого, разбавляя его литрами колы, веселились, шутили, смеялись. Иришка бросала на меня влюбленные взгляды, а Димон просил подарить ему мой телескоп, на что я отвечал согласием. Весь день мы отдали этому чудесному времяпрепровождению, делали всякие маленькие человеческие глупости. Это был волшебный мир прикосновений и взглядов. Я был безмерно счастлив.

И вдруг открываю глаза, а надо мной какой-то чужой потолок. Не веря, бегу к окну — выглядываю, а там чужой город. Долго сидел молча, потрясенный и опечаленный. Как же я люблю свою землю и всех, кто на ней живет, как мне дороги Иришка и Малыш... Весь день ходил под впечатлением этого сказочного сна. И еще острее ощущал, как я одинок на этой проклятой планете с ее чуждыми установками и непонятными ярусами.

Попереживав немного, я отправился за обещанной мне книгой. Как мы и условились с т'Амьергом, я пришел в ту же убогую забегаловку, где мы с ним познакомились. Он передал мне увесистый том, завернутый в плотную бумагу. Я решил посмотреть ее дома. Мы немного поболтали, выпили вина, но к теме фиолетовых больше не возвращались.

Дома я развернул полученный от т'Амьерга сверток. Это была Большая энциклопедия империи, издания бог знает какого года, но очень старинная. Собственно говоря, ничего крамольного в ней не было. Она описывала планету такой, какой она была много-много лет назад, в доярусном состоянии. Я с интересом просмотрел этот фолиант и узнал, что планета была действительно совершенно иной.

Она представляла собой один очень обширный материк, избогченный мощными горными системами и изрезанный глубокими руслами могучих рек. Океанов и морей на планете не было. По всей его поверхности были разбросаны лишь многочисленные

пятна озер. Вместе с тем, иные из них были настолько велики, что их можно было считать внутренними морями.

Исходя из расположения населенных пунктов, большая часть планеты была необитаемой. Северную часть материка занимали пустыни колоссальных размеров. Южная часть заросла сплошными лесными массивами. Интересно, куда же делись все эти леса? Запад выделялся громадной горной системой, размерами превышающей наши Гималаи в несколько раз. Наиболее густо были заселены центр и восточная часть империи.

Герцогство Ардоньерское находилось почти в центре империи, не очень далеко от столицы и, судя по карте и необходимым пояснениям к ней, было тогда неотъемлемой частью империи.

Никаких упоминаний о войнах, грозящих планете, катаклизмах и монашеских орденах я не нашел. История империи развивалась последовательно, без скачков и кризисов. И вдруг разом все переменилось. Что же могло произойти, дав толчок этим разрушительным переменам?

Перелопатив всю эту информацию, я пришел к выводу, что с планетой справились самым варварским образом. Кто?

Обедать я пошел в харчевню, где мы условились встретиться с т'Альтом. Предстоял поход к загадочной Черной башне — обители фиолетовых. Мой друг поджидал меня за тем же столиком, и на нем уже красовалась бутылка вина.

«Сопьюсь я здесь, — тоскливо подумал я, — каждый день приходится квасить, а ведь на Земле я почти не пил спиртного».

Первым делом т'Альт церемонно поблагодарил меня за столь деятельное участие в его судьбе и отдал долг.

— Не стоит благодарности, — как и подобает благородному тье, небрежно сказал я, — что новенького при императорском дворе? Ты ведь вращаешься в гвардейских кругах, а там все придворные сплетни мгновенно обсуждаются. Расскажешь?

— Охотно, — похвала подействовала на него, как на маленького ребенка или на прилежного ученика.

Я узнал, что император ввел новую должность, которую называли тамбурмейстер, для поощрения какого-то вельможи, но оказалось, что точно такие же права и обязанности уже существуют у другого сановника, пост которого именовался циппельмейстер. Произошел большой скандал, и теперь не знают, как об этом доложить императору. Разъяренный Первый министр,

уже и сам запутавшийся в своих многочисленных управленцах, пообещал сократить обе эти должности за ненадобностью, чем только подлил масла в огонь. В результате пошли обоюдные интриги, в которые вскоре включился весь двор.

Первый министр вообще собирается затеять реформу своего кабинета и придворной табели о рангах, потому что развелось много параллельных должностей. В результате чиновники и придворные получают большие деньги, но фактически ничего не делают, а лишь мешают друг другу заниматься делом. Но такая реформа уже затевалась четыре периода назад, отчего количество столоначальников только возросло. Император слишком хорошо относится к своим вельможам, и у него много любимчиков.

В то же время император недоволен своим наследником, который ведет беспутный образ жизни, и даже грозится отправить его с экспедиционным корпусом на войну с герцогом Ардоньерским. Но это вряд ли. Наследник только один и никто не будет рисковать его жизнью.

Барристер вызвал на дуэль шталмейстера. У них произошел спор, чей род древнее. Однако император запретил им драться, поскольку они оба дороги его сердцу. И теперь неизвестно, как эту ситуацию разрулить, так как объявленная, но несостоявшаяся дуэль ложится порочащим пятном на оба рода. Впрочем, умница Первый министр предложил издать специальный письменный императорский эдикт по этому поводу, который и послужит в дальнейшем потомкам оправдательным документом. Ибо воля императора превыше всего.

Все эти имена, события и должности, большей частью, мне ни о чем не говорили, но все сказанное моим другом я впитывал, как губка, и запоминал. Любые сведения, касающиеся придворной жизни и высшего света, могли мне в дальнейшем пригодиться, ибо я собирался проникнуть в эти сферы.

Бутылку мы прикончили довольно быстро, и т'Альт хотел заказать вторую, однако я воспротивился и перешел к главной цели сегодняшнего дня.

Черная башня серьезно меня заинтересовала. По дороге в харчевню я думал о ней и пришел к неожиданному выводу, что она может являться хранилищем даркспнита. Никакой логикой я при этом не руководствовался, это была чисто интуитив-

ная мысль. Если на планете есть даркснит, где же еще ему храниться? Может эти фиолетовые просто конкурирующая фирма, имеющая те же цели, что и земляне. Не одни же мы самые умные во Вселенной.

— Черная башня была всегда? — я начал сбор предварительной информации.

— Думаю, нет, — т'Альт ответил неуверенно, — во всяком случае известные исторические источники о ней не упоминают, хотя такое грандиозное сооружение не могло не войти в анналы истории.

— Кто ее мог построить?

— Считается, что это дело рук фиолетовых, но достоверно утверждать никто не берется. Дело в том, что такого материала, из которого сделана башня, на нашей планете не существует.

— Но отчего возникли такие пробелы в истории?

— И это неизвестно. За определенные периоды все книги, рукописи и документы куда-то пропали. Даже не все указы императоров сохранились, а их берегут пуще всего. Такое впечатление, что вся информация умышленно кем-то уничтожена.

— Странно, — произнес я, — неужели никто в империи не пытался с этим разобраться?

— Это не мой уровень, — извинительно сказал т'Альт, — возможно императору и его окружению известно больше. Ну, что — поедем к месту?

— Поедем? — удивился я.

— Да. Она находится далеко за городской чертой. Фиолетовые не любят чужих глаз. Пешком туда не добраться.

На нанятой коляске мы добрались туда довольно быстро. Башня стала видна уже по выезду из города и быстро вырастала в размерах по мере приближения к ней. Сооружение поражало своими колоссальными размерами и казалось чужеродным элементом на фоне всей планетной архитектуры. Башня имела форму правильного, очень вытянутого, конуса с какой-то площадкой наверху.

Вскоре возница остановился, хотя до башни оставалось еще метров триста.

— Дальше ехать нельзя, — объявил т'Альт.

— Почему?

— Давай сойдем, сам увидишь.

Мы спрыгнули с коляски. Дорога обрывалась крутым рвом, метра четыре шириной. На противоположной стороне торчал вверх настилом небольшой подъемный мостик, судя по тусклому блеску, сделанный из металла. Далее дорога возобновлялась и вела прямиком к подножию башни. На этой стороне рва стоял еще столбик с большим плакатом, похожим на рекламный щит. Надпись на нем гласила: «Стоп. Запретная зона». Я огляделся. Ров плавной дугой терялся вдали и, судя по всему, огибал полностью всю башню.

Я подошел к нему поближе. Внизу, метрах в полутора от поверхности, плескалась вода. Грамотно. Если его переплыть, все равно до края рва не дотянемся. К тому же, похоже, жители этой планеты плавать не умели. Флота и прочих плавсредств у них точно не было. Я машинально бросил в воду камешек, надеясь определить глубину.

— Э-эй! — закричал сзади т'Альт, — кончай свои эксперименты, тебе, что — жить надоело?

— Не надоело. Просто интересно, пробовал ли кто перебраться на ту сторону.

— Если и были такие храбрецы, они уже об этом никому не расскажут.

— Почему?

— А ты присмотрись, вон впереди — неужели не видишь мертвцевов? Фиолетовые их всех поубивали взглядом.

И точно. На том берегу в отдалении валялось несколько скелетов, на которые я вначале не обратил внимания, интересуясь сугубо башней.

Однако что-то в их расположении было нарочитое. Я присмотрелся повнимательней. Так и есть, обычная страшилка... Останки людей были расположены картинно, с раскинутыми руками и ногами, точнее их костями. Так не падают, застигнутые внезапной смертью. Я, правда, не бывал на полях кровопролитных сражений, но в мой мозг были заложены солидные анатомические и физиологические знания, а также навыки неплохого художника. Сомнений быть не могло — расположение скелетов и их позы имели рукотворный характер.

— И я умру, умру, раскинув руки..., — замурлыкал я себе под нос.

— Что? — не расслышал т'Альт, — надеюсь, ты не думаешь последовать их примеру и пробраться к башне?

Примеру скелетов я следовать не собирался. Вот проникнуть на ту сторону и поближе познакомиться с загадочной башней... Отчего бы и нет. Она интересовала меня все больше и больше. Только ночью и без свидетелей.

— Нет, конечно, — бодро откликнулся я на тревожный зов моего друга.

Я еще побродил по кромке рва, изучая башню и окрестности и включив при этом бинокулярное зрение — ночью ведь можно и не заметить каких-то важных деталей. Но никаких особенностей рельефа типа замаскированных дотов не обнаружил и предостережений на манер «Achtung — minen!»¹ тоже не заметил.

В основании башни был правильный круг, диаметром метров двадцать, а в высоту она была метров за сто. Я включил мысленный высотомер, ага, аж сто шестнадцать метров с какими-то там сантиметрами. Вершину башни венчала небольшая круглая площадка около пяти метров в диаметре. И, главное, никакого входа. Хотя была возможность, что он расположен с невидимой стороны, я уже чувствовал — входа нет. Во всяком случае, видимого, вроде дверей. Как не наблюдалось и иных отверстий в ее корпусе — ни окон, ни бойниц, ни даже смотровых щелей для наружного наблюдения.

Лишь метрах в семидесяти правее находилась небольшая приземистая постройка.

Монументальное сооружение совершенно непонятного назначения. Дома покопаюсь в файлах, содержащих архитектурные и фортификационные сведения, может, найдутся какие аналоги.

— Поехали, — т'Альт нервничал, — ты не думаешь, что обитатели этой ненормальной бутылки могут заинтересоваться двумя слишком любопытными тьё?

Тут он был прав дважды. Башня своей формой действительно походила на местные бутылки. Да и мозолить глаза дальше не стоило. Подходы к башне я изучил. Мы запрыгнули в коляску и отправились вовсюсяи.

Дорога назад проходила в молчании, каждый думал о своем. И лишь когда мы стали прощаться, т'Альт как-то странно посмотрел на меня и задал интересный вопрос.

¹ Внимание — мины! (нем.)

- Скажи, отчего тебя так заинтересовала Черная башня?
 - Просто провинциалу все в столице интересно, — не нашел я лучшего ответа.
 - Не скажи. Я ведь видел, какими глазами ты на нее смотрел.
 - Какими?
 - Глазами разведчика, — спокойно сообщил т'Альт, — ты ничего не хочешь мне рассказать?
 - Тебе почудилось, — произнес я, хотя и чувствовал, что мой ответ звучит совсем неубедительно.
- Он одарил меня все тем же странным взором и протянул на прощание руку.

Да, случился маленький прокол. Я совсем забыл, что т'Альт был все-таки офицером и, конечно, был знаком с основами военного дела, в том числе и рекогносцировкой местности. Надо быть с ним поосторожней.

Вечером я вновь встретился с т'Амьергом, рассчитывая возвратить ему книгу. Однако он отказался ее брать, предложив мне оставить ее себе, раз я так интересуюсь историей. Под эту тему я начал расспрашивать его о самых разнообразных вещах, связанных с бытом дворянства вообще и офицерства, в частности. Меня особенно интересовали нити, связывающие представителей многочисленных родов с высшим светом империи.

Он был уже здорово навеселе и удовлетворял мое любопытство с предельной откровенностью.

Глава четырнадцатая

СЛОВО — ТЕНЬ ДЕЛА

— Покажешь как-нибудь шкуру родового зверя? — я кивнул головой на герб т'Амьерга, изображающий взъерошенного койота с лисьей мордой, приподнявшегося на задних лапах.

Задавая этот вопрос, я подбирался к интересовавшей меня теме сезона охоты, о котором как-то упомянул т'Альт, собиравшийся полюбоваться тушей моей убиенной кошки Нэсъки.

Если он заговорит на эту тему второй раз, мне не отмолчаться и придется вступить в обсуждение.

— Не сохранилась, — т'Амьерг ничуть не удивился этому вопросу, — давно это было, то воевал, то..., а здесь у меня вообще нет своего жилья, перебиваюсь съемными комнатушками.

Слово за словом я выпытал у него, что сезон охоты бывает раз в семь периодов, а последний был четыре периода назад. Это принесло мне облегчение — вряд ли я задержусь столько на этой планете, чтобы поучаствовать в этом действе. Само же действие заключалось в отыскании и умерщвлении любым способом родового животного.

Водились родовые звери на так называемом Диком ярусе, сплошь заросшим первобытными лесами, в отдельных местах совершенно непроходимыми. Огромные лесные пространства были разбиты на сектора, каждый из которых служил пристанищем группе зверей определенного рода. Ухаживали за ними и следили, чтобы звери не перемешивались между собой, специальные егеря, которые подчинялись Главному лесничему. Лишь у него была полная карта секторов, и он продавал лицензии на отстрел зверя и давал напрокат любое оружие.

История этой традиции, по словам т'Амьерга, уходила в далекое прошлое, когда на планете водились всякие драконы и потомки доисторических животных, которые охотились на предков нынешних обитателей планеты. Убивший такого хищника удостаивался дворянского звания, то есть становился тье и получал право на родовой герб, на котором и красовался отошедший в иной мир зверь.

Но через определенное время все звери были распределены, а желающих получить дворянский титул не убавлялось. Тогда егеря стали скрещивать различных животных и получать новые породы. Так проблема нехватки зверей была разрешена. И хотя самые опасные хищники были истреблены давным-давно, традиция охоты на них осталась.

Раньше, раз в семь периодов, тье должны были подтверждать полученное звание, убивая своего родового зверя. Но к настоящему времени многих животных в природе уже не осталось, и сезон охоты стал чем-то вроде ритуального ристалища, куда удалые тье отправлялись позабавиться, попить на природе хорошего винца, да порассказывать друг другу страшные охотничьи

истории. А для редких новых соискателей дворянского звания егеря по специальной заявке выводили новую породу зверя, которого торжественно и убивал кандидат в тье. Славился Дикий ярус еще тем, что с него иногда попадали на совершенно другой ярус. Как это происходило, оставалось загадкой.

Теперь я понял, почему Мальен принял меня за заблудившегося охотника. Вероятно, и чужак, попавший в становище растенщиков, за которым прибывала из империи специальная воинская команда, был охотником и знатным тье, случайно очутившемся на Аграрном ярусе.

Выудив у подвыпившего т'Амьерга массу других полезнейших для меня сведений, я возвращался домой в самом благодушном настроении. Даже потихоньку настыривал примитивнейший мотивчик на манер чижика-пыхика. Не то чтобы я не знал более сложных мелодий. Знал и мог настыривать даже «Хабанеру» из оперы Жоржа Бизе «Кармен». Однако настоящей мелодичной музыки здесь еще не научились сочинять, а лезть в самодеятельные композиторы я не собирался, дабы не привлечь этим излишнего внимания и не сорвать ненужных аплодисментов.

Наступила уже ночь. Переулок был пуст и полутемен, поскольку парочка газовых фонарей на некотором отрезке пути отчего-то не давала освещения. Клясть местных фонарщиков я не собирался, да и выяснилось вскоре, что они вовсе здесь не при чем.

Три темные фигуры выскользнули из черного зева подворотни близлежащего дома и молча встали напротив, с явным намерением ограничить свободу моего передвижения вперед. Я оглянулся. Нет, не для того, чтобы искать поспешные пути отхода — благородному тье не пристало спасаться бегством от ночных татей. Благородный тье в такой ситуации спокойно отдаст свой кошелек и величаво прошествует дальше, ничуть не смущившись столь пустяшным инцидентом. Многие тутошние нравы и обычаи я уже усвоил.

Просто сзади послышался шорох, а я не люблю тайных телодвижений за своей спиной. Тем более, что броника на мне не было, я одевал его не каждый день. Ага, еще одна троица, на всякий случай, перекрывает стезю возможного отступления. Автоматически, демонстрируя выщучку ближнего боя, я встал

боком и к тем и к другим, чтобы держать в поле зрения всех. Лица налетчиков были замотаны тряпьем.

— Конный патруль только что проехал, — ласково сообщил мне один из стоящих впереди, — а следующий будет еще не скоро.

Как и требовалось по законам грабительского жанра, голос у него был хриплым и таил в себе угрозу. Казалось бы, что может дать одинокому путнику подобная краткая информация о дислокации и передвижении конных имперских стражников? Совсем немногое, но и этого достаточно — помохи ждать неоткуда.

Все нападающие были вооружены: кто громадным мясницким ножом, кто короткой дубинкой и лишь говоривший никакого оружия не имел. Сутул, широк, приземист, с очень длинными обезьяньими руками. Лицо плоское, почти безносое, правую щеку пересекает кривой уродливый шрам, под верхней губой слева торчит здоровенный желтоватый клык. Примерно такие приметы я мог бы сообщить в здешний околоток, описывая вожака грабителей. Не без оснований он полагал, что его внушительная стать и мерзкая рожа служат своеобразным оружием и действуют на потенциальную жертву гипнотически.

— Снимите плащ, почтеннейший тье, — косая улыбка обнаружила второй клык, уходивший куда-то под щеку.

Я безмолвно повиновался, опустив плащ рядом с собой на мостовую.

— Теперь меч, — и вся пятерка на всякий случай приподняла свои бандитские причиндалы, а главарь предусмотрительно сделал шаг назад и расставил руки слегка в стороны.

Я послушно отстегнул свой меч вместе с ножнами и уронил его на плащ.

— Ну и, конечно, кошелек, — голос обрел спокойные безмятежные нотки — дело было сделано.

С чего бы это пришло в голову сопротивляться одинокому тье, если есть отличная возможность распрощаться со своими деньгами и сохранить свою драгоценную жизнь. Лозунг налетчиков: кошелек или жизнь, несмотря на всю свою краткость, имеет очень глубокий смысл. Только последний скряга предпочтет отдать жизнь вместо кошелька. И что же? В результате он потеряет и то и другое. То есть сопротивление в любом случае бессмысленно. Грабители, видя мою покорность, уверовали в то, что этот лозунг сработал в очередной раз и расслабились.

«Что ж, блажен, кто верует. Сейчас я им покажу маленький кусочек хорошей одесской драки», — я сделал вид, что лезу за пазуху за кошельком.

Почему одесской? Сам не знаю, случайно пришло на ум. Наверное, это фраза из какого-то фильма или анекдота. На деле же я собирался попотчевать незадачливых разбойников набором спецприемов из арсенала мастеров быстротечных схваток в условиях ограниченного пространства. Требование снять плащ и меч лишь облегчило мою задачу — эти предметы только помешали бы быстроте моих движений.

Главарь банды сделал два шага вперед и протянул руку за кошельком. Двое налетчиков, из задних, склонились над брошенными мной плащом и мечом. Как там в песне поется: раззудись плечо, размахнись рука? Начали.

Встречный удар кулаком в солнечное сплетение заставил утратившего осторожность вожака схватиться за живот. И в тот момент, когда, хватая воздух ртом, он начал сгибаться верхней частью туловища вниз, я ему в этом помог, значительно убыстрив этот ход. Мои руки обхватили его затылок, помогая попутному движению вниз, а колено правой ноги резко взметнулось вверх навстречу плоской клыкастой морде. Раздался тошнотворный хруст, и бандитский предводитель, издав невнятное мычание, рухнул на мостовую ничком. Нос бедолаги и без того не являлся выдающейся частью лица, теперь его и вовсе нельзя было обнаружить.

Мои руки, между тем, продолжили свое движение вниз и разворачиваясь боком, я устремил их уже вверх и за свою спину, сжав при этом ладони в кулаки. Расчет оказался точным. Не знаю, куда я попал согнувшимся над моими вещами молодчикам, но боковое зрение зафиксировало их мотнувшиеся назад головы и последовавшее падение навзничь.

Двое оставшихся впереди даже не смогли понять, что случилось с их сообщниками, как я уже вновь расправился и в прыжке послал свои ноги вперед. Мощные удары в область груди отшвырнули их назад, и они покатились по мостовой, подобно гонимым ветром снопам.

Бросившемуся наутек последнему налетчику я метнул вслед свой выхваченный из ножен меч. Клинок успел сделать пол оборота и рукоятью влепился бедняге между лопаток, начисто вышибив из него дух.

Схватка продолжалась не более полуминуты. Шесть тел валялось на мостовой, не подавая признаков жизни, но я знал, что мои удары всего лишь травмировали нападавших. Конечно, щедрее всех я оказался по отношению к главарю, но на то он и главарь. Впредь будут знать, как приставать ночью к благородному тье с неприличными предложениями по поводу принадлежащему ему имущества.

И все же аплодисменты я сорвал. Нашелся-таки благодарный зритель, а точнее, зрительница.

— Браво! — раздался откуда-то сверху негромкий женский голос бархатистого оттенка.

Я поднял голову и увидел, что одно из окон близлежащего дома было распахнуто настежь, и в нем смутно виднелась прелестная головка какой-то дамы.

— Я почему-то подумала, что вы сами разберетесь с этим сбродом, — проворковала она, и это было сказано с улыбкой, хотя самой улыбки я разглядеть не смог из-за царившей вокруг полутьмы, — и не стала будить своих слуг, чтобы прислать вам помочь. Хотя начало было несколько странноватым. Вы что — играли с ними?

— Да нет, — пробормотал я, поднимая с мостовой свой меч, — скорее, это они играли со мной.

— И доигрались! — весело подхватила незнакомка. — Правда, вы справились с ними каким-то неестественным манером — я никогда в жизни такого не видела.

Я лишь пожал плечами. Не на публику же играл, как получилось, так и получилось.

— Может быть, вы заглянете ко мне на чашечку горячего глинтвейна?

Признаться, это предложение застигло меня врасплох, и я начал молча надевать свой плащ, раздумывая, не отказаться ли мне от этого сомнительного угощения в столь поздний час.

— Я сейчас спущусь вниз и открою вам дверь, — прелестная незнакомка решила этот вопрос сама.

— С удовольствием, прекрасная тьеи, — я постарался насытить свой голос максимальной галантностью и сделал шаг к парандому.

Надо сказать, что предложение заглянуть ночью на чашечку глинтвейна к незнакомой даме было очень необычным. Нра-

вы в империи царили строгие, женщин легкого поведения не существовало ни де-юре, ни де-факто, а преступления против нравственности карались очень строго, наряду с посягательствами на чужую жизнь. Более сурово наказывались лишь государственные преступления.

Но дом был двухэтажным, выглядел солидно, да и сама незнакомка не выглядела легкомысленной кокеткой. Чем я рисковал? В любой момент благодаря своим паранормальным способностям я мог покинуть его с боем или без боя.

Открывшая дверь женщина выглядела в полумраке ослепительно красивой. И при свете ярких ламп она продолжала оставаться красавицей. Однако даже холеное ухоженное лицо не могло скрыть ее возраста. Разница между нами была лет в пятнадцать, не меньше. Но что такое для женщины даже сорок лет? Полный расцвет. Истосковавшись по женской ласке, я был бы счастлив и гораздо худшему варианту. Как известно, на безрыбье и рак — рыба.

— Я как раз хотела познакомиться с таким молодым и решительным человеком, — она будто угадала мои мысли, указывая рукой, где мне повесить плащ.

«Ну, вот и нарвался на любовное приключение», — подумал я, присаживаясь к изящному туалетному столику и лихо подкручивая уже достаточно оформленные усы.

Я пока не подозревал о поджидавшем меня разочаровании, поскольку, в конечном итоге, дело оказалось совсем в другом. Дама вышла, должно быть за обещанным глинтвейном, и я огляделся вокруг. Впервые я оказался в будуаре богатой женщины, но мой особый интерес вызывало наличие путей возможного отступления. Два окна и две двери послужили вполне достойным успокоением, и я переключился на кровать. Какое роскошество! Здесь было где развернуться на случай любовных баталий.

— Мне почему-то кажется, что вы столь же ловко управляетесь и с мечом, — незнакомка поставила на столик два небольших подносика с дымящимися на них чашечками горячего напитка.

— О, можете в этом не сомневаться, — и я выразительно погладил резной эфес своего клинка.

— Тогда отчего вы дрались, как простолюдин, руками и ногами? Кстати они все мертвы?

— Не думаю, — я начал с ответа на второй вопрос, — во всяком случае, цели лишить их жизни у меня не было. А меч снял, потому что не захотел осквернять его их поганой кровью.

Похоже, мой ответ ее вполне удовлетворил. Но неожиданно потребовались и доказательства моей ловкости. Лишь только я успел отхлебнуть глоточек глинтвейна, оказавшегося чудесным пахучим напитком, как она вскочила на ноги и подбросила вверх какой-то кусочек ткани, собранной в маленький комочек. Комок распрямился и оказался тончайшим газовым платочком, коим местные особы женского пола прикрывают свои шейки. Он медленно опускался вниз.

— Сможете его разрубить?

Мог ли я? Да это было любимым упражнением всех лихих дуэлянтов. Располовинить тонкую, но очень прочную и легкую ткань считалось в дворянском обществе высшим пилотажем.

Но то, что проделал я на глазах замершей от изумления дамы, было просто фантастикой. Мгновенно включив свои повышенные физические возможности, я рванул меч из ножен. Поскольку платок уже приближался к полу и существовала возможность зацепить острием клинка за паркет, меч прямо из ножен взвился вверх и оттянутым режущим ударом подбросил платок вновь вверх. Вся хитрость была в правильно выбранном угле наклона лезвия, и это мне удалось. Два примерно равных куска платка, как два крыла, стали плавно опускаться вниз. Незнакомка восторженно ахнула.

Но это был еще далеко не весь фокус. Нанесенный сверху удар на этот раз был рубящим и увеличил количество частей платочка ровно вдвое. А затем я короткими точными уколами нанизал все четыре куска на лезвие своего меча. Получилось нечто, похожее на нанизанный на шампур шашлык, который я с поклоном и протянул восхищенной даме.

Мы сели за столик и продолжили пить благородный бодрящий напиток. Я пока молчал. Прямо сказать, любовного опыта у меня было кот наплакал, и я уже мучился мыслями, с чего начать соответствующие игрища.

— Вы терзаетесь догадками, зачем я вас пригласила? — она сама брала быка за рога.

Я неопределенно пожал плечами, не зная, что говорить в таких случаях. Определенно, амплуа ловеласа давалось мне с огромным трудом.

— Я хочу, чтобы вы вызвали на дуэль одного человека и...
Вот те клюква! Любовь-компот! Этого мне только не хватало, и моя рука протестующе взметнулась вверх.

— Я не собираюсь никого убивать, даже ради ваших прекрасных глаз, — получилось пошловато, но зато от души.

— Нет, нет, нет... Я напротив буду настаивать, чтобы ваш противник остался жив. У меня нет никаких причин желать его гибели. Он должен быть только ранен. Но достаточно серьезно, чтобы на несколько месяцев оказаться в постели. Сможете?

— Суметь-то я сумею, — озабоченно произнес я, — но...

— Я вам очень хорошо заплачу!

— Благодарю, но мне не нужны деньги, я достаточно обеспеченный человек.

— По вашей сегодняшней разборке с этой разбойничьей шайкой, — ох и остра дамочка на язычок, — я бы этого не сказала. Деньги вы им так и не отдали.

— Первое впечатление обманчиво, — пробормотал я, имея в виду и себя тоже, — но и мне от вас кое-что нужно.

— Тогда чего же вы хотите взамен? — и, раскусив мой откровенно плотоядный взгляд, она аж подпрыгнула от негодования.

Я скромно потупился, предпочтя, чтобы она сама подыскала приемлемый ответ.

— Да, как вы смеете! — догадка нарисовалась ей, наверное, в полной красе, — мужу я изменять не собираюсь, мы с ним прекрасная пара... Это, наконец, чудовищно...

Столь надменное выражение лица я видел только на бюстах древнеримских императоров.

— Мой муж, коронет т'Авиньи, никогда бы мне этого не простил, даже...

И тут она прикусила свой язычок.

Ого, коронет! Куда же это меня занесло. Это был имперский титул, означающий причастность к императорской семье. Ну, может, не буквально к семье, но в жилах коронетов присутствовала частица крови императоров, пусть и унаследованная от очень далеких предков. Следовательно, сейчас я являлся гостем коронессы. Наряду с пережитым только что опасным приключением всевышний прислал мне в дар лазейку в высшие сферы двора. Это в корне меняло мои первоначальные намерения.

- Т'Егор, — привстав, чопорно представился я.
Конечно, мое имя было для нее пустым звуком.
- Ваш муж занимает при дворе какой-то важный пост?
Она немного подумала:
- Нет. Скажем так, он является высокопоставленным гвардейским офицером и служит в корпусе императорской охраны.
- Значит, и вы бываете при дворе и знаете очень влиятельных лиц империи?
- И отдельных из них — даже очень хорошо, — с неприкрытым сарказмом поморщилась коронесса.
- Я бы хотел, чтобы вы свели меня с некоторыми значительными людьми. Просто познакомили.
- Для чего?
- Я же не спрашиваю у вас, для чего я должен вызвать на дуэль и причинить ранение совершенно незнакомому мне человеку.
- Здесь вы правы, — задумчиво сказала она, — хотя должна отметить, что вы очень нахальный молодой человек и прямо ели меня своим взглядом.
- И в мыслях не держал, — парировал я и добавил, чтобы досадить ей хоть чем-то: — к тому же вы гораздо старше меня.
- Вы хотите сказать, что я..., — вспыхнула коронесса, но тут же прервала себя на полуслове, — ладно, хватит нам пиктироваться. Будем считать, что наша сделка заключена?
- Не хватает самой малости.
- Чего же, — она подозрительно прищурилась.
- Имени человека, которого я должен вызвать на дуэль.
- Ах, да, — спохватилась коронесса, — его зовут т'Виньер.
- И она пристально уставилась на меня, ожидая, очевидно, какой-то реакции. Но мне это имя абсолютно ничего не говорило, и я сохранил непроницаемое выражение лица.
- Хорошо, — сказал я, — вы скоро убедитесь, что я не бросаю слов на ветер.
- Охотно вам верю.
- На этот раз она дернула за висевший над кроватью шнурок, и на зов вышел одетый в ливрею слуга, проводивший меня до выхода.
- Думаю, мы расстались с коронессой вполне довольные друг другом. Я должен был получить гораздо больше, чем мог толь-

ко пожелать, — быстрый доступ в придворные круги. Через коронета и коронессу, при моих-то капиталах, я скоро стану там своим человеком и смогу получить ответ на свой самый главный вопрос. Положительно, судьба ко мне была милосердна, я быстро приобретал очень полезные знакомства. Все складывалось на редкость удачно.

И я выразил это трескучей итalo-испанской фразой:
— *Si, senore¹, i que noche bruta!²*

Глава пятнадцатая

ТАЙНИК

Я оценил возможности перепланировки квартиры и счел, что она подходяща для моего «Беренхалле»³. Кто не знает — так называлась одна из подземных ставок Гитлера, оборудованная в Красном бору, что под Смоленском.

Два дня я потратил на переоборудование своего жилища. Любое норное животное стремится полностью обезопасить себя, обустраив тайный запасной выход. Мои комнаты были расположены анфиладой и последняя из них выходила на глухую стену соседнего дома, расположенного на расстоянии около полутора метров от моего. В ней были два окна, одно из которых выходило на улицу, а второе упиралось в эту самую глухую стену.

Собственно, это было не окно, а большая форточка для проветривания помещений. Дело в том, что в здешних окнах форточек не было вообще, ими служили отдельные оконца, расположенные в стенах, выходящих во двор или примыкающих к стенам других домов.

Я отгородил часть этой комнаты большим платяным шкафом, на манер современных шкафов-купе, только без непременных зеркал. К этому времени у меня накопился уже приличный гардероб, и его надо было где-то компактно разместить.

¹ Да, синьор (итал.)

² Ночка выдалась удалая! (исп.)

³ Медвежий зал (нем.)

Но за шкафом я оставил крохотное потайное помещение — менее метра в ширину, но по всей трехметровой длине комнаты. Вход в него не был чрезмерно хитроумным, просто одна из вертикальных панелей, составляющих заднюю стенку шкафа, сдвигалась в сторону. При этом открывался лаз в мою «секретку», в который свободно мог пролезть даже экипированный рыцарь.

В потайной комнате я хранил охотничий арбалет (армейские в магазинах не продавались) и шестиметровую веревочную лестницу, которую сплел собственноручно, дабы быть полностью уверенным, что она выдержит мой вес. Один конец лестницы заканчивался большим металлическим крюком, который можно было забросить даже на крышу соседнего здания и таким образом быстро уйти от вероятной погони. Можно было с ее помощью и спуститься просто вниз.

Подумав, я оставил здесь и книгу, которую презентовал мне т'Амьерг. Ничего есбо крамольного я в ней не видел, но кто-то же и с какой-то целью изъял из обращения все книги и справочники, раскрывавшие прошлое планеты. Поэтому лучше было ее припрятать, дабы не быть заподозренным в инакомыслии, со всеми вытекающими последствиями.

В этой же потайной комнатушке хранился неприкосновенный запас пищи, воды и вина, который должен был периодически обновляться, чтобы не истек срок годности. Кроме того, в углу стояло ведерко — ну, сами знаете для каких надобностей.

Таким образом, при необходимости я мог отсидеться в своем тайном логове несколько дней. Обнаружить его было не так легко. Простукивание стенок платяного шкафа ничего не давало, нужная панель стопорилась специальным устройством и надо было знать, как его спустить. Даже если заподозрить изменение размера комнаты, какому идиоту придет в голову лазить со штангенциркулем по внешней стене дома и сличать ее размеры с внутренними покоями. А с улицы был виден лишь контур форточного окошка.

В этой же комнате, определив ее, как спальню, я поставил свою кровать, а на туалетном столике разместил бюст бога Добра, доверив ему охранять мой сон.

В качестве эксперта, когда уже все было готово, был приглашен хозяин дома, у которого я купил квартиру. Собственное жилье обошлось мне в шестьдесят даргов, и я не считал эту цену

чрезмерной. Предлогом для приглашения хозяина в мои покои явилось мое предложение обмыть заключенную сделку. Судя по возникшему на его лице удивлению, такая форма здесь не практиковалась, однако отказа не последовало. Отчего бы и не выпить на дармовщинку со щедрым тье? Халява — она везде халява.

Войдя в переоборудованные апартаменты, хозяин дома выразил свои восторги по поводу моих приобретений. Особое восхищение вызвал платяной шкаф с его содержимым. Никаких подозрений по поводу перепланировки не возникло, и я мог быть относительно спокоен за возможность обнаружения посторонними тайного убежища. Раз уж сам бывший хозяин не обнаружил изменений, то волноваться, что это сделает чужак, не стоило.

Мы выпили три бутылки превосходного вина, и я выслушал массу интересных, но ненужных мне сведений по состоянию рынка недвижимости в столице.

И все же сооруженное потайное убежище не было надежным стопроцентно. Я не мог ему доверить самое ценное, чем владел, — мой броник и пояс с более чем семьюстами золотыми даргами. Рисковать их потерей я не мог ни в коем случае. Следовало соорудить более компактный и надежный тайник.

Выбор мой пал на большой камин, находящийся в зале. Разжигать его все равно не имело смысла, низких температур здесь не бывало. Свод камина был закопченным, что указывало на его использование, но, скорее, в качестве красивого декоративного приложения к убранству зала. Это было идеальное место для тайника. Кому могло прийти в голову искать спрятанные вещи или ценности в очаге для разжигания всепожирающего огня? Хотя могло... Доки встречаются всякие.

Поэтому я приложил все усилия, чтобы сделать тайник необнаруживаемым. Прежде всего, я купил вместительный черный кошелек и прочнейшую нить, которую окрасил в черный цвет сажей. Внутри дымовой трубы, которая была настолько обширной, что в нее мог прятнуться человек, был сооружен хитроумный блок. Сама труба на высоте около двух метров изгибалась коленом под углом девяносто градусов, вероятно, для лучшей тяги. В этом колене я и укрепил свой блок, сделав его невидимым для случайного постороннего наблюдателя.

Нитка была пропущена через два колесика блока и спущена вниз в жерло камина обоими концами. К одному концу я

привязал свой кошель, набив его для веса медными фаргами, которых у меня скопилось предостаточно. За второй конец я потянул, и мое передвижное хранилище стало подниматься вверх. Достигнув колена, оно скрылось за его горизонтальным поворотом, и я отпустил нить. Все, кошель лег на горизонтальную поверхность колена и снизу был невидим.

Я вновь потянул за нить вниз, и кошелек показался в вертикальном колене камина. Тогда я стал отпускать нить, и он под действием своей тяжести стал опускаться вниз. Проделав эти манипуляции еще пару раз, я довольно ухмыльнулся — испытания прошли успешно. Осталось забить крохотный гвоздик в стенку трубы и привязать к нему нить, а ненужный ее конец отрезать. Тайник был готов к использованию, и, даже посветив в трубу газовым светильником, черную нить на ее стенке рассмотреть было невозможно.

Выгрузив из кошеля медь, я положил в него свой пояс с золотыми монетами, а в один из его освободившихся кармашков — свернутый в комочек броник. Кошель благополучно проделал свой путь наверх и скрылся в тайнике.

Устройство оказалось простым и достаточно надежным. Теперь можно было сколько угодно исследовать камин и простиживать его стены — тайник был недоступен для посторонних. Чуть позже я приобрел несколько поленьев и сложил их горкой в чреве камина, создав видимость его использования.

Закончив работу, я обнаружил, что мое платье стало напоминать одеяние трубочиста. Испачканное несмыываемой сажей, оно уже не могло служить по своему назначению и было выброшено на мусорную свалку. Оставлять дома его было нельзя, поскольку загрязненная одежда могла навести на след.

На сегодня встреч запланировано не было, и я остался дома, решив отметить выполненную задачу кружечкой хорошего вина и поразмышлять в уединении над полученными сведениями.

Ночью мне предстояла экспедиция к Черной башне. Сказать, что я совершенно не испытывал страха, было бы неправильно, хотя эта страшилка со скелетами меня скорее лишь развеселила. И все же изрядное волнение было. Меня насторожил тот факт, что доступ к башне был закрыт лишь рвом с водой. Препятствие не самое серьезное. Проще и гораздо эффе-

тивнее было построить высоченный забор, по верху которого пустить колючку. И не видно, что тебя за ним поджидает, что внесет дополнительные трудности и определенный мандрож возможному нарушителю границы.

Нет, ров им понадобился. Под «им», конечно, подразумевались фиолетовые. Их жилище, им и полосы препятствий соружать. Причем выкопали и куда-то подевали вынутый грунт, его поблизости видно не было. Вывезли? Куда? И зачем? Да еще воды в ров налили, уровень которой постоянно придется поддерживать. Хотя поблизости могла быть какая-то река.

Глянем-ка по карте. Я открыл подаренную мне т'Амьергом энциклопедию и стал изучать имеющиеся там карты. Через столицу протекала большая река, странно, как это я на нее еще не наткнулся. В нее впадал приток, но совершенно не в той стороне, где располагалась Черная башня. Может, за прошедшее время их русла поменяли свое местоположение? Более современных карт у меня не было и сличить не с чем.

Нет, все-таки неправильно была выстроена граница, ограничивающая доступ к башне фиолетовых. Забор был бы эффективнее. Специально оставили открытое пространство? Чтобы скрытно нельзя было подвести, скажем, войска? Несерьезно. С верхушки башни все видно кругом, как на ладони. Интересно, есть ли у этих фиолетовых дьяволов какое-нибудь оружие, поражающее на большом расстоянии? А что — вполне может быть. Сооружение транспорталов, принцип действия которых я так и не понял, и самой громадины-башни свидетельствует об очень высоком техническом уровне. А если еще и ярусы их работа — пиши пропало, они способны створить все, что угодно. Что-то типа мощного лазера, установленного на верхней площадке (для чего-то ведь она создана), способного простреливать все окружающее пространство.

«Что-нибудь в этом духе и следует ожидать, — решил я про себя и стал продумывать способы скрытного подхода к цели...»

Все, уже глухая полночь, пора идти. Я надел на себя броник и захватил с собой веревочную лестницу. Еще днем я полностью подзарядился, но использовал энергию экономно, двигаясь к цели быстрым размашистым шагом. Миновав черту города, я включил инфракрасное зрение. Вот она громада Черной башни. Ночью она казалась еще мрачнее и загадочнее.

Вскоре в поле обзора появилась и черная кривая линия рва. Я осмотрел лежащую впереди местность — вроде никаких изменений по сравнению с моим первым визитом сюда не произошло. Ну, что — вперед?

Я глубоко вздохнул, перекрестился и с небольшого разбега легко перескочил через темный провал рва. И сразу же замер. Сердце в тишине стучало паровым молотом. Ничего не произошло, хотя и можно было ожидать срабатывания какого-нибудь фотоэлемента, фиксировавшего пересечение рва. Впрочем, может он и сработал, а моя фигура уже маячит в перекрестье чужого прицела, только я об этом еще не знаю. Какой-либо пакости следовало ожидать в любое мгновение.

Я включил режим невидимости и, не спеша, двинулся вперед, по направлению к башне. Заодно включил и встроенный в меня металлодетектор на предмет обнаружения лежащих в земле мин.

Ну, не нравилось мне, что ничего пока не происходило! Ей-богу, если бы тишина взорвалась воем сирен, а темнота озарилась светом мощных прожекторов, мне было бы легче. Безмолвие и неизвестность страшили более всего. Хоть какие-то капканы и замаскированные ямы-ловушки должны преграждать путь незваным гостям...

Но вот и сама башня. Я потрогал ее гладкую, словно полированную поверхность. Затем поцарапал ее ногтем. Не металл. Не кирпич. И не камень. Судя по звуку, похоже на металлокерамику. Приложил к поверхности ухо. Тоже тишина, только слышится очень легкий гул, как в зале, где работает куча компьютеров и прочей оргтехники.

Я обошел башню вокруг, разыскивая вход, но ничего похожего не обнаружил. Лишь впереди, куда упиралась протоптанная тропа, перед башней возвышалось нечто вроде округлого крылечка, состоящего из единственной ступеньки. Вход должен быть здесь. Я еще раз осмотрел стену, рискнув включить тончайший лучик фонарика, и с помощью обычного зрения. Никаких впадин, линий, выступов и прочих признаков какого-нибудь люка на стене не было. Странно, если вход открывается кодовым замком, хоть что-то выступающее над поверхностью должно быть. Может, замок открывается отпечатком пальца или сётчаткой глаза? Так куда их прикладывать? Стена была абсолютно гладкой.

Покрутившись вокруг этого непонятного сооружения еще минут пятнадцать, я признал свое поражение. Проклятая башня не желала раскрывать тайну проникновения в ее загадочное нутро. И с помощью прихваченной мной, на всякий случай, веревочной лестницы залезть было тоже некуда.

— Ни окон, ни дверей — полна горница людей, — мрачно пробурчал я себе под нос.

Стоп. А как же приземистое сооружение непонятного назначения, находившееся неподалеку. Может, оттуда и ведет какой-нибудь подземный ход в саму башню?

Это оказалась небольшая конюшня. Инфракрасным зрением я засек одну лошадь, которая при моем приближении тихонько заржала, и стоявшую рядом пустую повозку. Тщательный осмотр помещения ничего не дал — никаких люков и потайных дверей.

Я возвратился к башне и ножиком попытался отколупнуть кусочек стенки — тоже неудача, только лезвие едва не сломал. Придется уходить, как говорится, несолено хлебавши. Что я и сделал, пройдя назад, из предосторожности, по своим же следам.

Ну, что ж, отрицательный результат — тоже результат. Хотя, почему отрицательный? До башни я добрался целым и невредимым. И возвращаюсь домой таким же. Не смог в нее проникнуть? Зато этот факт объясняет отсутствие различных опасных мер предосторожности, которые я ожидал встретить.

Чего, спрашивается, фиолетовым беспокоиться, что кто-то непрошеный к ним может залезть, если проникнуть в эту треклятую башню обыкновенному (и даже не очень обыкновенному, а такому, как я) человеку совершенно невозможно. Потому и нет минных полей, полосы пропущенного электрического тока, пролегающей под землей непосредственно перед башней, смертоносных невидимых лучей, пересекающих окружающее башню пространство, и прочих технических премудростей, способных остановить и умертвить любого ушлого ловкача.

Перед сном я вновь обработал и попытался проанализировать полученную информацию.

Фиолетовые... Кем они могли быть?

Глухие плащи и капюшоны, возможно, использовались ими для сокрытия своей внешности. Бывшим монахам, якобы об-

разовавшим Тайный орден и спасшим планету, эта маскировка ни к чему. Значит, они были иными, отличными от других жителей этого мира? Пришельцы?

Не факт. По рассказу т'Альта они были неуязвимы для мечей. Тогда, возможно, их одежда пошита из специальной ткани кольчужного типа? Здесь нет такой технологии. Хотя монахи могли ее изобрести. На Земле в Средневековье именно монахи двигали прогресс. Занимаясь алхимией и пытаясь сотворить чудодейственный философский камень, они совершили массу других открытий, опередивших свое время. Так что полностью отбросить такую возможность нельзя.

А зачем им так оберегаться, если они герои, избавившие мир от космической катастрофы, и плюс к тому являются членами Тайного Совета, который правит империей? Способ охраны? Высшие должностные лица государства таким образом оберегают свою жизнь? Т'Альт утверждал, что их все ненавидят. А, собственно, за что? Вразумительного ответа на это нет.

Но зато есть состоявшийся заговор и неудавшийся факт покушения на фиолетовых. Судя по всему, их осталось немного. А случаи попыток лишить их жизни могли предприниматься и раньше и, может быть, удачные. Следовательно, они должны принимать все меры для обеспечения своей безопасности. Поэтому и носят бессменно эти странные одеяния, защищающие тело от клинов недоброжелателей. Что ж, версия, имеющая право на свое существование.

Император по каким-то причинам вынужден делиться с ними властью. Тоже объяснимо, если учесть спасение ими планеты от полной гибели.

Но есть и совершенно необъяснимые факты.

Транспорталы. Это раз. Как созданы и как работают эти непонятные с технической точки зрения устройства? Абсолютно неясен их принцип действия. Телепортация? Телекинез? И, главное, кем они сотворены? Их создание на века опережает существующие здесь технологии. По сути, по земным меркам, империя находится на уровне развития раннего Средневековья. И вдруг устройства, способные почти мгновенно переместить массу людей и предметов в другие точки планеты. Не вяжется.

Второй непоняткой является Черная башня, якобы, обиталище фиолетовых. Соорудить более чем стометровую, пра-

вильной конусообразной формы, машину здешней цивилизации тоже не под силу. Хотя... Строили же древние египтяне свои колоссальные пирамиды. Легенда о Вавилонской башне тоже из этой оперы. Ну ладно, допустим, построили. Но из чего? Это не металл, не камень, не глина. Материал похож на земную металлокерамику и то чисто внешне. Отколупнуть и затем исследовать кусочек загадочного вещества не удалось. Опять же совершенно иные технологии. Как попадают внутрь башни? Сколько я вокруг нее ни крутился, ни дверей, ни иных входных отверстий не обнаружил. Зачем на самом верху башни сооружена какая-то площадка? Может там и находится вход? Но как туда добраться? Стены башни совершенно гладкие. Сбрасывают сверху какую-нибудь веревочную лестницу? Чушь! Поднимаются на воздушном шаре? Еще большая чушь.

— Pendejo!¹ — сказал я сам себе, — так ты договоришься до карлсонов с пропеллерами на спинах. Разумных объяснений пока нет. Значит, жди, когда появятся новые факты, могущие пролить свет.

Третье. И главное. Разделение всей планеты на ярусы. Кто мог такое сотворить? Уж, не монахи — это точно. И вообще — что это такое? Как они существуют? Многоэтажка в чреве планеты? Слоеный пирог из ярусов? Но всюду есть небо и светила. Амфитеатр? Иные измерения? Параллельные миры? И, наконец, кому и зачем это нужно?

Вот бы посмотреть на планету со стороны, из космического пространства. Может быть, взгляд из космоса и прояснил бы сущность загадочных ярусов.

Сплошные вопросы, на которые, не то, что нет ответов, не имеется даже разумных предположений.

Не следует сбрасывать со счетов и произошедшее со мной на Аграрном ярусе, когда какая-то невидимая сила тащила меня в черную мглу. Тоже необъясненное явление.

Плюс ко всему совершенно невразумительная и никому не нужная война с герцогством Ардоньеरским. Ради чего империя вела свою бесконечную войну с противником, расположенным на другом ярусе? Направляемый туда экспедиционный корпус был изначально мал для решения стратегических задач. Ес-

¹ Болван! (исп.)

ли даже допустить, что в каком-то решающем сражении он разгромит армию герцога наголову, все равно его солдат не хватит для оккупации всех городов. В городах должны стоять гарнизоны, а где их взять? Не проще ли дать герцогу Ардонье соответствующий статус определенной автономии и решить вопрос миром? Или подкупить его приближенных, с тем чтобы захватить мятежного вассала, а то и пустить в ход кинжалы, как это было на Земле еще со времен Древнего Рима?

Понаставив себе целую кучу безответных вопросов, я почувствовал, что моя голова буквально разваливается от страшной боли. Мой усовершенствованный мозг все-таки не смог переварить бездну всей этой противоречивой информации и выдать на-гора хоть чуточку приемлемую версию происходящего на планете.

Последним вариантом, родившимся в моем сознании, было, если изложить очень коротко, предположение об инопланетном разуме. Здесь побывали пришельцы из иных миров, все технические прибамбасы — дело их рук. А фиолетовые просто действительно здешние продвинутые монахи, которым и поручено управлять всем этим хозяйством. Кризисные управляющие. Посадники, так их растак!

И вообще, какое мне дело до того, что творится на этой планете. Моя задача отыскать даркснит и протелеграфировать об этом на старушку Землю.

С этой мыслью я и отправился почивать, предварительно изгнав головную боль мысленным напряжением.

Глава шестнадцатая

ДУЭЛЬ

Судьба явно ко мне благоволила, раз за разом выказывая свое расположение. Нет, не зря Малыш остановил свой выбор на мне... Помимо сверхъестественных технических способностей у него было феноменальное чутье.

Мы с т'Альтом сидели в уютном ресторанчике, попивали отменное винцо, и я слушал его рассказ о знакомстве с некоей прекрасной незнакомкой. Встретились они на балу у одного

из приятелей т'Альта (надо, кстати, напроситься у него на один из балов — пора входить в общество), и она подарила ему три из восьми своих танцев. Это был многообещающий успех, и т'Альт уже строил планы на новые встречи и последующее обольщение прелестной тьи. Мне тоже следовало позаботиться об обзаведении постоянной пассией, и поэтому я внимал другу с особым старанием, запоминая приемы политеса с противоположным полом. Как я уже понял, здешние дамы отличались капризным нравом, и для завоевания их расположения приходится тратить немало усилий и денег.

Разговор плавно перешел на чопорность представительниц высшего света, которые своим поведением в вопросах отношений с посторонними мужчинами, якобы, являли собой образец благонравия и благочестия. Я невольно вспомнил слова коронессы т'Авины о ее безграничной любви к собственному мужу и о невозможности измены.

«Да, надо же принять меры к отысканию загадочного т'Виньера, которого я должен ранить на дуэли, — подумал я, — сейчас порасспрошу о нем у т'Альта, наверняка он что-то знает о нем».

Именно в этот момент обычный ресторанный шум как-то вдруг затих, и по залу пронесся шелест тихих возгласов.

— Т'Виньер..., смотрите, т'Виньер..., сам т'Виньер с друзьями..., — имя это называлось с явным интересом, переплетавшимся с почтением.

Я присмотрелся к вошедшему. Бессспорно, элегантен и одет по последней моде. Широкоплеч. Волевой подбородок. Узкие упрямые губы. Черные стрелки усов. Небольшой шрам над левым глазом. Но главное — глаза. Тронутые временем глаза повидавшего много человека. И взгляд. Непростой такой взгляд. Серьезный. Бесстрастный. Оценивающий.

Т'Виньера сопровождали пять-шесть друзей. Шумная такая компания, заглянувшая в ресторан не ради утоления голода или жажды, но большей частью развлекаться и повеселиться.

Ну, что ж, добыча сама заглянула к охотнику на огонек. И я повернулся к своему приятелю, чтобы узнать об этой, явно популярной, личности поподробнее.

— Не могли бы любезные тье пересесть за какой-либо другой столик? — голос был звучным, привычным отдавать военные

команды, — нам с приятелями требуются два столика рядом, а возле вас как раз свободный столик...

Я поднял голову и наткнулся на равнодушный, с оттенком куртуазности взгляд. Т'Виньеर стоял возле нашего столика, а приятели толпились за его спиной. Тон его был учтивым, но одновременно и снисходительным, как будто это он оказывал нам услугу, а не просил о ней.

Вообще-то, дело житейское, и в ином случае я с удовольствием оказал бы незнакомцу любезность и воспользовался шансом получить возможность нового знакомства с явно влиятельным человеком. Не будь его имя т'Виньеर...

В этом же случае его предложение поискать нам другое место было отличной зацепкой, чтобы мне не выглядеть ненужным забиякой и получить вызов на дуэль именно от него самого.

Т'Альт с готовностью кивнул головой и стал приподниматься из-за стола. Но я решительно придержал его рукой.

— Не будете ли вы столь любезны, — галантно обратился я к т'Виньеру, — отойти пока в сторонку и не мешать нашей беседе с благородным тье.

Т'Альт позеленел и рухнул на место. Взгляд т'Виньера мгновенно утратил равнодушную снисходительность и стал наполняться яростью.

— Я вас позову, когда возникнет необходимость в третьем собеседнике, — я чеканил слова раздельно и громко, чтобы слышал весь зал.

Это было прямое, ничем не прикрытое оскорбление. Обычный шум в зале стих, и мои слова были слышны всем. В ресторане повисла гробовая тишина. На месте т'Виньера я залепил бы такому наглецу оплеуху. Надо отдать должное его выдержке, для окружающих выражение его лица ничуть не изменилось. Некоторая надменность черт сменилась на легкое удивление. Т'Виньеर и виду не подал, что разъярен моим поступком. Лишь я рассмотрел в его сузившихся глазах смертельный блеск стального клинка.

— Жду вас в Манкольмском саду, — спокойно произнес он, и зловещая усмешка скользнула по его тонким губам.

Т'Виньеर резко развернулся и ровным шагом двинулся к выходу, увлекая за собой свою разом смолкшую компанию.

— Ты соображаешь, что наделал? — лицо т'Альта уже утратило зеленоватый оттенок, теперь оно было просто бледным.

— Мы у себя в Навакрии, — начал я сварливо, — не привыкли, чтобы всякие проходимцы сгоняли нас с места и указывали, куда сесть...

— В Навакрии, в Навакрии!!! — отчаянно вскричал мой верный друг, — ты же сейчас не в Навакрии! Всякие проходимцы... Ты знаешь, кому ты сейчас надерзил?

— Пойдем, по-моему, нас куда-то пригласили, — мой голос был по-прежнему беспечен, — негоже заставлять ждать благородного тье.

Я встал из-за стола и, постучав по нему серебряным ларгом, оставил монету в блюдце для расчетов. Ловя на себе взоры посетителей, выражавшие разные гаммы эмоций, я строевой походкой последовал на выход. Несчастный т'Альт поплелся за мной с самым похоронным видом.

— Ну, вот, — тихо ворчал он, — только нашел друга, как сразу же его потерял...

— Ты это обо мне?

— О ком же еще?

— Рано меня хоронишь.

— Если бы... Через несколько минут ты будешь покойником — т'Виньер таких оскорблений не прощает и будет беспощаден. Это один из лучших фехтовальщиков империи, если не самый лучший...

— Вот и проверим его мастерство, — задиристо бросил я.

— Вряд ли у тебя будет время на проверку, т'Виньер решает исход поединка в считанные мгновения. Вообще он обычно не стремится к смерти своего противника, но когда его сильно разозлят...

Пока мы добрали до Манкольмского сада, я успел многое узнать о своем будущем противнике. Т'Виньер был храбрым и блестящим гвардейским офицером, уже дважды участвовавшим в боевых действиях и награжденным за проявленное мужество. В армейских кругах пользуется заслуженным авторитетом. Он был принят и в придворном окружении и, говорят, имел в имперских верхах могущественного покровителя. При этом заносчивым его не назовешь, характером дружелюбен и покладист, в силу чего имеет множество друзей и приятелей. Справедлив, всегда готов прийти на помощь, не завистлив, не жаден... И т. д. и т. п. В советские времена у нас так писали, когда давали рекомендацию для вступления в партию.

В общем, по всему выходило, что я совершенно напрасно и незаслуженно обидел вполне приличного тью, за что и буду по справедливости наказан. То есть убит.

Правда, сам я считал по-другому. Не в смысле перечисленных добродетелей т'Виньера, тут я, похоже, действительно дал маху, публично схамив. Надо было вначале навести справки, а потом бросаться нехорошими словами. Но я не мог считать себя без пяти минут покойником по причине своего несравненного владения фехтовальной техникой. Конечно, меня могли убить, но только не в честном поединке.

Разумеется, я уже сожалел о случившемся. Т'Альт врать не станет и было жаль обижать столь заслуженного и благонравного дворянина. Но, с другой стороны, убивать т'Виньера я не собирался, а его ранение могло послужить мне пропуском в высшие сферы имперского двора, как и обещала коронесса т'Авины.

Но вот и Манкольмский сад. Т'Виньер со товарищи не стали далеко углубляться и ждали почти у самого входа. Причем мой соперник никак не выражал своего гнева. Лицо его было по-прежнему бесстрастным и не изменилось даже, когда я назвал свое неизвестное никому имя. Таков дуэльный обычай. Дворянин должен знать, что он дерется с равным по положению в обществе, а не с каким-то простолюдином. Обменявшиеся приличествующими любезностями по поводу готовности к поединку, мы обнажили свои мечи.

Т'Виньер действительно оказался отменным мастером боя на мечах. Его нетерпение покарать наглеца выразилось лишь в нескольких молниеносных движениях клинком, последнее из которых должно было поразить мое сердце. Т'Альт уже и отвернулся, дабы не видеть моего падающего, пронзенного насеквоздь, тела. Но задуманная трехходовая комбинация, к разочарованию приятелей т'Виньера, не удалась. Сам он такого разочарования ничем не выразил, но, почувствовав во мне ловкого противника, стал осторожнее. Град ударов, обрушившихся на меня, не давал мне никакой передышки. Отвлекающий удар справа, я подставил свой меч, вызвав этим столкновением пучок искр. Широкий замах слева, я легко среагировал... Но, черт возьми, это был ложный замах — на полпути рука противника внезапно изменила свое направление, и острие клинка устремилось к моей груди. Мгновенно

поворнувшись боком, я с трудом увернулся от разящего удара, однако мой камзол был безнадежно испорчен. Сверкающее лезвие вспороло его от плеча до плеча.

И все же я был немного задет таким явным намерением лишить меня жизни. Мог бы и пожалеть своего более молодого визави...

Тем не менее, зла на противника я не держал, прекрасно понимая, что задета его честь. И задета публично нахальным и зеленым юнцом, по сути дела, совершенно беспрчинно. Наказанием могла быть только смерть. Щадя чувства т'Виньера, я не стал следовать его примеру и заканчивать поединок несколькими ударами, а махался мечом до последнего. Судя по увлеченным восклицаниям окружающих, мы представляли собой неплохую пару. Даже т'Альт приободрился, и выражение неотвратной скорби покинуло его юное лицо.

И лишь когда противник несколько подустал и сбавил темп, я провел свою последнюю серию. Колющий удар в грудь — т'Виньер уходит от него, слегка разворачиваясь боком. Колющий удар в подставляемое при этом левое плечо — противник отступает в сторону, перенося тяжесть тела на правую ногу. Ложный замах слева в область шеи — т'Виньер отшатывается, опираясь уже на левую ногу, теряя равновесие и высоко поднимая правую ногу, пытаясь его удержать. Это мне и нужно. Мой меч пробивает насквозь правую бедренную мышцу противника и выскользывает назад. Это происходит как бы случайно. Все, бой закончен. Рана не смертельна, более того, не опасна, но очень болезненна и надолго прикует т'Виньера к постели. Дело сделано чисто. Что и требовалось по условиям нашего контракта с коронессой.

Т'Виньер опускается на правое колено и смотрит на меня взглядом, полным недоумения и ненависти. Примерно те же эмоции отражаются на обескураженных лицах его друзей. Нельзя сказать, что т'Альт цветет (он все равно осуждает мой поступок), но на его глазах слезы радости.

— Что ты натворил, щенок? — голос т'Виньера полон нескрываемой боли, — ты даже не представляешь, что ты натворил!

А вот этого не следует говорить в приличном обществе. Благородные тье не опускаются до подобных эпитетов и стараются не показывать страданий от болевых ощущений. Его друзья

смущенно отворачиваются. Но я чувствую, что не физическая боль является причиной неожиданного душевного срыва т'Виньера, а нечто другое. И будущее сулит мне эту разгадку.

— Примите мои извинения, тье, за неподобающие слова, — он все-таки опомнился, — но я удручен вовсе не этой раной. И не исходом нашего поединка...

И я его простил.

Т'Альт некоторое время все же дулся на меня. Я его понимал, безрассудство друга всегда причиняет глубокие душевые раны, которые зарубцовываются, но оставляют шрамы. Кроме того, он уверял, что т'Виньер, несмотря на благородство его души, никогда не забудет своего фиаско и будет искать новой встречи. Так же, как и его многочисленные друзья. Так что одним махом я приобрел целую кучу врагов, не приобретя взамен ничего, кроме сомнительной репутации задиры.

— Он тебе отомстит наверняка, поскольку слух о его неудаче мгновенно расползется по столице, — т'Альт был неутешен.

— Пускай-ка сперва он встанет на ноги, — насмешливо парировал я, — пойдем допивать свое вино и забудем об этом мелком инциденте.

Я ничуть не раскаивался в содеянном и казался себе всемогущим баловнем судьбы. И это было моей ошибкой. Как я мог забыть, что судьба переменчива и в одночасье ее мимолетная улыбка может обернуться лютым оскалом злого рока. Как оказалось впоследствии, эта дуэль сослужила мне очень плохую службу.

После схватки с т'Виньером моя звезда вовсю засияла на столичном небосклоне. Следует отметить, что я взял себе на вооружение личину этакого бесшабашного дуэлянта. Хватаясь за меч по любому поводу, объяснял это тем, что в нашей провинции не принято сносить даже косые взгляды, не говоря уже о неосторожных словесах. Потому, мол, и ловок в обращении с мечом, что сделал фехтование почти повседневным занятием. Одни тье опасались меня задирать, но большинство делало это с удовольствием. Я становился популярной личностью в среде отчаянных бретеров.

Больше поединков — больше знакомств и больше скандальной известности. Ни один из моих поединков не закончился смертью противника. А поскольку наносимые мной ранения не

представляли большой опасности для здоровья противников, я постепенно приобретал славу человека, с которым скрестить клинки престижно и почетно. Дуэли были особенно в ходу у молодежи — этакий спорт мужественных и ловких. Если, конечно, нанесенное оскорбление не было смертельным — тогда уже пытались убить по-настоящему. А просто поупражняться в боевом фехтовальном искусстве, под видом поединка, желали многие. По специальному эдикту императора в Дуэльный кодекс было внесено положение о продолжении схватки до первой крови. Это была инициатива Первого министра, который вовремя подметил, что при существующем положении вещей количество тье в империи скоро может уполовиниться.

Я натаскал по этой части и т'Альта, показав ему десяток хитроумных комбинаций, и теперь мы часто оттачивали свое мастерство дуэтом, введя в моду поединки в формате два на два. Власти смотрели на эти шалости снисходительно, полагая не без оснований, такие схватки хорошей школой коллективного наступательного боя, столь необходимого при штурме крепостей мятежного герцога.

Кроме того, в империи вовсю шла подготовка к проведению очередного турнира «Большой Меч», финал которого являлся самым массовым здешним зрелищем. Он проходил при дворе императора на специальном подиуме и собирал многие тысячи азартных зрителей, включая самого императора и его ближайших придворных. Этакое подобие средневековых рыцарских турниров — довольно массовых явлений на старушке Земле. Победитель, а я нацеливался им стать, получал награду из рук Первого министра и становился знаменитой личностью.

Таким образом, я собирался использовать любые пути, чтобы пробиться к знакомствам в высших сановных кругах империи. Дорога к славе и известности вела через обширное сеть региональных турниров, организованных на всей территории государства. В каждой губернии создавалось два-три региональных округа, а в столице их было восемь.

Вначале мы с т'Альтом записались в один и тот же региональный округ для участия в поединках на мечах. Но потом я заметил, что было бы правильней, если бы мы с ним сражались в разных округах, поскольку в конечном итоге судьба сведет нас вместе, а в финальную часть выходил лишь один

сильнейший представитель округа. И кому-то из нас двоих придется остаться за бортом.

— Конечно, я зарегистрируюсь для участия в турнире в другом округе, — сразу же согласился мой друг, — потому что ты меня наверняка победишь, а хотелось бы поучаствовать в финале.

Он говорил о моем преимуществе, как о бесспорном факте, без всякой обиды. Мы так и сделали и, забегая вперед, сообщу — оба пробились в финал турнира «Большой Меч».

Глава семнадцатая

«ДВА ШАГИ НАЛЕВО, ДВА ШАГИ НАПРАВО...»

Сегодня т'Альт впервые возьмет меня с собой на бал. Ужасно волнуюсь, потому что не знаю ни порядка их проведения, ни принятых здесь танцев. Но еще больше тревожусь, думая о предстоящем знакомстве с дамой. Ведь на бал мы идем именно с этой целью. Сказал своему верному приятелю, что в провинции не устраивают балов, и поэтому танцевать я совершенно не умею. Скрепя сердце поведал ему, что и опыт общения с противоположным полом у меня минимальный, а ухаживать за женщинами я и вовсе не приучен.

Впрочем, т'Альт меня успокоил, заверив, что танцы весьма просты и им несложно обучиться, всего лишь посмотрев на это пару раз. Что до знакомства с дамой, то он берет это полностью на себя.

Бал давал один из столичных сановников. Эти развлекательные акции организовывались постоянно то одним, то другим вельможей, и т'Альт разжился где-то двумя пригласительными билетами. Понятно, что без приглашения на эти танцевальные мероприятия попасть было невозможно, и я был благодарен другу, взявшему на себя эти заботы.

Естественно, одет я был с иголочки, во все самое лучшее и наверное, со стороны, смахивал на манекен с витрины магазина. Т'Альт щеголял в своем обычном гвардейском мундире.

Вообще мужская часть не блестала различиями, делясь примерно в равной пропорции на штатских и военных, женщины же были одеты очень нарядно и разнообразно.

Бал начался со своеобразных посиделок. Присутствующие разбились на группки и о чем-то оживленно беседовали. Некоторые, как и я, находились в гордом одиночестве.

— Смотри вон моя пассия, — и приятель указал глазами на миниатюрную брюнетку, одетую в пышное светло-синее платье с множеством рюшечек и оборок.

Половину ее лица скрывала шляпка, но по остальной его части можно было сделать вывод о привлекательности и миловидности обладательницы вычурной шляпки. Я втайне завидовал другу — его выбор впечатлял.

— А рядом с ней, слева, ее подруга, с которой я и хочу тебя познакомить.

Вторая дама также была брюнеткой, с задорно вскинутым, слегка курносым носиком и живыми веселыми глазами. Шляпка у нее была поменьше и лихо сбита на затылок, открывая высокий красивый лоб. Тоже, в общем, ничего — далеко не уродина. Темное платье плотно облегало ее стройную фигуру, а весьма открытое декольте и не пыталось скрыть совершенство и роскошь бюста.

— Ты ее давно знаешь? — спросил я.

— Я ее вижу в первый раз, — пояснил приятель, — просто попросил свою, чтобы она привела с собой подругу.

— Как же ты меня будешь знакомить, если и сам ей еще не представлен?

— Ничего страшного, подойду — представлюсь и заведу разговор, — с этими словами т'Альт направился к означенным дамам.

— Флаг тебе в руку, — пожелал я без всякой иронии, но, по-моему, он не понял смысла этой популярной земной присказки.

Как у него все это просто, понятно — столичная штучка, гвардейский офицер. Мне этому еще учиться и учиться. Тем более, как я уже успел убедиться, многие местные обычай и традиции заставляли поломать голову.

Не знаю, что говорил моей будущей избраннице мой друг, однако она то и дело хохотала, что-то шептала подружке и стреляла глазами в мою сторону.

— Сделай значительное лицо, — сказал я себе, — не иначе, *de te fabula narratur*¹.

Я напыжился, возвел глаза к потолку и постарался казаться выше ростом.

А т'Альт заходил то с одной стороны, то с другой и отчаянно жестикулировал, то есть по определению, не помню уж какого классика, вился мелким бесом.

Откуда-то из боковой двери вышел полный мужчина в черном камзоле с белым жабо и громко объявил:

— Бал начинается!

Все мужчины отошли к противоположной стене, там, где стоял и я, а женщины остались на месте у другой стены.

В это время зазвучала негромкая музыка. Оркестр сидел вдоль стены на небольшом подиуме и представлял собой двух скрипачей (хотя по земным меркам, ввиду их громадности, это скорее были какие-нибудь альты), одного свирелиста и барабанщика. Мелодия была нехитрая, я бы даже не назвал ее мелодией, но ритмичная. Эдакий напев, наподобие напевов чукчей под бубен.

Мужчины мелкими шажками засеменили к своим избранницам. Каждый из них, приблизившись, протягивал к женщине правую руку и склонялся в поклоне. Женщина подавала левую руку и становилась по правый бок пригласившего. Далее они оба делали по два быстрых шага в ритм музыке и затем разом слегка подпрыгивали. Немного смахивало на «танец маленьких утят». И так пара за парой через весь зал, где разворачивались и скакали обратно. Вот и весь бальный танец. Я понял, что справлюсь с этим нехитрым делом.

Т'Альт пригласил свою даму, а мою будущую симпатию пригласил какой-то другой офицер в гвардейской форме.

Танец закончился, и мой приятель почти бегом возвратился ко мне.

— Давай, приглашай ее на следующий танец, — зашептал он, — а то опять перехватят.

— Удобно ли? — усомнился я, — ты же еще не успел меня ей представить.

— А что же я, по-твоему, там делал? Цветочки поливал?

Тоже своеобразный юмор. Про здешние цветы и связанные с ними традиции еще будет отдельный рассказ.

¹ О тебе речь (лат.)

Как только хлипкий оркестрик загундосил свой новый опус, я помчался к своей избраннице на всех парах, немало удивив давешнего гвардейца, которому она подарила первый танец. Он крутнул ус и пренебрежительно глянул мне вслед, мол, какой-то шпак собирается с ним посоревноваться по части покорения дамских сердец.

Танец у меня получался, от партнерши пахло духами и женщиной, и у меня от этого закружилась голова. К счастью, разговаривать во время танца было не принято, иначе от волнения я вряд ли смог бы поддержать светскую беседу. Да и о чем здесь говорят с женщинами? Уж, во всяком случае, не о погоде на дворе и видах на будущий урожай.

— Скоро она будет моей..., — эта мысль засела в моей голове, повторяясь вновь и вновь сообразно ритму танца.

Как оказалось в дальнейшем, любовные дела делались в этом обществе не так быстро и запросто...

Следующий танец у меня снова украл гвардейский офицер, воспользовавшись моей некоторой медлительностью, возникшей в результате нахлынувших сладких мечтаний. Он победно топорщил свои усы, высоко взбрыкивая ногами.

Ничего, больше ему этого не удастся — что-что, а в скорости я мог превозмочь любого соперника. Мой конкурент пристроился рядом со мной. Ожидая четвертую мелодию, я прямо гарцевал на месте, собираясь рвануть при первых же звуках и чуть не совершил ошибки на посмешище всего зала.

Т'Альт, однако, сумел разгадать мои намерения и вовремя удержал меня за локоть.

— Стой! — зашипел он в ответ на мой недоуменный взгляд, — сейчас два танца подряд приглашают дамы.

Оказывается, в танцевальном ритуале предусматривалась определенная очередность: три танца приглашают мужчины, два — дамы, вновь три — мужчины, затем два — дамы, ну и так далее. Для чего это было придумано, я понял сам из дальнейших событий.

Наши красотки плыли к нам, обворожительно улыбаясь и завлекательно распахнув глазки. Гвардеец, ничуть не сомневаясь в своем превосходстве, уже ступил шаг вперед, но был посрамлен. Моя курносая брюнетка протянула руку мне, и мы пошли выделять эти два притопа-три прихлопа, как

окрестил я про себя незамысловатые па. Т'Альт следовал за нами в паре со своей миниатюрной любительницей рюшечек, оборок и громадных шляп.

Второй дамский танец также был подарен мне, и мой незадачливый соперник, ворча проклятия, принял свое поражение и удалился прочь, оставив поле боя за мной. В этом и состоял смысл чередования мужского и женского выбора. Выбор оставался за дамами, и, если женщина отдавала кому-то свое предпочтение — обжалованию это не подлежало.

Моя пассия явно ко мне благоволила. Во время большого перерыва мы были представлены друг дружке. Ее звали т'Иллари, а имя миниатюрной брюнетки было т'Къясти. В интервале между танцами мы уже вчетвером мило болтали. Собственно говоря, пальма первенства здесь была за т'Альтом, который шутил, каламбурил и рассказывал последние дворцовые сплетни. И где он только насобачился этим светским штучкам. Я молча ел свою брюнетку глазами, а она отвечала мне ласковыми многообещающими взглядами.

Словом танцевальный вечер прошел как надо. Первый шаг в процессе обольщения женщины был сделан успешно. И лишь когда мы с т'Альтом возвращались домой, мне в голову пришла крамольная мысль.

— Отчего это очаровательная т'Иллари предпочла меня блестящему гвардейскому офицеру? — подумал я.

Положа руку на сердце, он выглядел представительнее, да и мужской красоты в нем было побольше. Я с подозрением глянул на оживленное лицо т'Альта. Что он мог наговорить про меня такого привлекательного для дамы полусвета?

— Ну-ка, колись, что ты ей про меня наплел? — мой вопрос застал т'Альта врасплох.

— Ничего особенного..., — его лицо покрылось малиновыми пятнами.

— И все же?

— Ну, я сказал им, что ты сын губернатора отдаленной провинции и что твой папаша страшно богат, а ты единственный наследник, — нехотя признался он.

— Но это же сплошная ложь!

— А кто будет проверять. Кроме того, чтобы ты имел в виду — у тебя тут дядюшка при дворе императора занимает не последнюю должность.

— Какой еще дядюшка? — я пришел в ужас, — а если она спросит, кто именно?

— Сделаешь значительный вид, — т'Альт надул щеки и закатил глаза, — и просто промолчишь. Женщины обожают тайны. К тому же тут не принято делиться секретами придворных интриг, все завидуют друг другу.

Все-то знал о женщинах мой любезный друг. Вот только мог бы предупредить заранее о своей рекламной акции.

— Я же не просил тебя об этом, — с упреком бросил я, — теперь вот думай, чтобы не ляпнуть т'Иллари что-то вразрез с твоей версией моего происхождения.

— Она сама приходится племянницей императорскому виночерпию, — заметил т'Альт, — а это очень важная шишка при дворе. Ты думаешь, что женщину можно прельстить только разговорчиками и танцевальными выкрутасами? Как бы не так. Все они особы меркантильные, и подкатиться к ним сложно без звона монет в кошельке.

«А ведь он прав, — подумал я, — и на моей родной планете те же самые трудности в общении с женским полом. Без денег и должности ты никому не нужен».

Тем временем, приободренный моим молчанием, т'Альт принялся развивать тему ухаживания за дамами. Оказывается, существовал целый цикл действий, без которых нельзя завоевать сердце женщины. Во-первых, два-три танцевальных бала надо выиграть подле избранной красотки, демонстрируя ей свое полное восхищение ее внешностью. Затем, когда она начинает дарить тебе дамские танцы, — это является сигналом, что твои ухаживания приняты. Здесь уже надо думать о дорогом подарке, который будет отнесен ей посыльным от моего имени в ее дом.

— Вместе с цветами? — поинтересовался я.

— Ты что? — Т'Альт в ужасе округлил глаза. — Цветы дарят только мертвому врагу на могилу. Срезанные цветы — мертвые цветы. Худшего оскорбления нельзя и придумать.

— Мертвое — мертвым. И это правильно.

— Если дама подарок не отвергает, значит, дело на мази, — получал мой верный друг, — следует посыпать второй подарок.

— А какие подарки? — простодушно поинтересовался я.

— Только ювелирные украшения... Дорогие ювелирные украшения, — поправился мой учитель. — Не вздумай дарить

предметы одежды, косметики или быта — не примут, только деньги зря потратишь. После второго подарка жди записочки о времени и месте, куда следует прислать экипаж за дамой.

— И куда ее потом везти?

— К себе домой. Там должны быть игристые напитки и легкие закуски в виде конфет и прочих сладостей.

— А дальше?

— И все — она твоя.

— А, если она еще девочка, я должен буду на ней жениться?

— Т’Иллари давно уже не девочка, — успокоил меня мой друг, — к тому же это не имеет никакого значения. Все женщины в таком возрасте уже замужем, или помолвлены, или обручены и у них есть потенциальный жених.

— И как он посмотрит на похождения своей суженой?

— Все женихи, как правило, служат в армии в отдаленных гарнизонах. А срок обязательной службы у нас, как тебе известно, восемь лет. Они и сами там в монахах не сидят.

Мне это известно не было, но я утвердительно кивнул головой.

— И, что же, по-твоему, девочка должна все эти восемь лет сидеть взаперти? — вопрос т’Альта прозвучал, скорее, утверждением.

— У т’Иллари есть жених?

— Понятия не имею, и пусть тебя это не заботит — это ее вопросы.

— И долго продлится наша связь?

— Пока ей не надоест или не отыщется еще более щедрый поклонник.

Ничего себе нравы! А внешне все выглядит так благопристойно... Но упускать племянницу виночерпия в любом случае нельзя — лишний шанс быть представленным в высшем свете.

Вечер прошел небесполезно, но едва не закончился для меня трагично.

Распрощавшись с т’Альтом и поблагодарив его за все, я возвращался домой по пустынным ночных улицам. В черном стороннем небе гонялись друг за дружкой чужие луны. И ни тучки. Так захотелось родного земного неба с кривоватым месяцем, ныряющим в густые черные тучи. Пусть он будет бледно-желтым и тощим, как с перепою, пусть тучи мочатся

противным мелким дождиком, пусть порывы злющего северного ветрюги проникают во все поры тела, пусть... Размечтался. Погоди, будет тебе и дудка, будет и свисток.

Но в целом настроение было мажорное. Впереди была перспектива любовной встречи с очаровательной женщиной, что скрасило бы мою, прямо скажем, убогую и полную опасностей жизнь. Представляя себе антураж упоительного свидания с красоткой т'Иллари, я принялся мурлыкать под нос подходящую настроению мелодию.

— In there anybody going..., — начал я в высокой тональности, подражая одновременно сразу всем четырем голосам Beatles из их бессмертной песенки «Girl».

Эта битловская нетленка чуть меня и не погубила. Я не услышал крадущихся за мной шагов и был застигнут врасплох. Чья-то мощная рука обхватила сзади мое горло, придерживая на месте, а в правый бок резко ткнулось нечто твердое и острое. Удар был классическим для профессионального убийцы — прямо в печень. Однако неожиданно для нападавшего он пришелся в броник.

Я развернулся, выворачивая одновременно воротником плаща чужой локоть на своем горле, и перехватил руку, упершуюся в мой бок. В ней был зажат тонкий и длинный стилет. Тычок пальцем в лучезапястный нервный центр, и пальцы неведомого врага разжались, выронив клинок, который был мною подхвачен. Пригнувшись, я высокользнул из своего плаща, который повис на чужой руке, продолжая сковывать ее действия, и резкой подсечкой сбил противника с ног.

Все мои члены работали автоматически, выполняя заученные приемы рукопашного боя — мысль о том, что я подвергся нападению, пришла позже, когда неудавшийся убийца лежал уже на земле. Он был высокого роста и одет в обтягивающий тело черный камзол. Узкое хищное лицо было мне незнакомым. Широко раскрытые глаза выражали изумление.

Еще бы! Он ведь считал меня уже покойником...

Придавив его коленом, я схватил киллера за волосы и упер ему стилет чуть ниже подъязычной кости.

— Говори, кто послал тебя, наемная тварь!

Убийца молчал, не пытаясь вырваться из моих рук. Я вдавил стилет в кожу.

— Говори, иначе тебе конец!

Неожиданно глаза его закатились, а тело, вздрогнув в конвульсии, обмякло.

— Что за спектакль? — поразился я, — неужели этот профессиональный душегуб хочет усыпить мою бдительность этим дешевым лицедейством?

Но киллер не подал признаков жизни, даже когда я надавил ему на болевую точку за ухом. Неужели он мертв? Я помахал стилетом прямо перед его глазами. Зрачки не среагировали и остались неподвижными.

Ё-кэ-лэ-мэ-нэ! — точно покойник.

Неужели ночной тать помер от испуга? От разрыва сердца, что ли? Увидел, что его удар не достиг цели, и кондрашка хватила? Нет, киллеров со слабыми нервами не бывает. Нервы у них стальные, а этот мужичок — настоящий профи, по ухваткам видно. Может, я ему нечаянно глотку проткнул?

Я присмотрелся и увидел капельку крови, выступившую на месте соприкосновения конца лезвия с кожей.

Яд! — страшная догадка заставила меня инстинктивно выпустить из руки нож.

Я осторожно осмотрел лезвие стилета. Так и есть — узкие канавки, предназначенные для стока крови жертвы, были покрыты зеленоватым налетом. Убийца не собирался давать ни шанса на спасение. Сам по себе удар в печень таким кинжалом был стопроцентно смертелен. Плюс яд — ни миллионной возможности выжить после такого удара не существовало. Я швырнул страшный клинок в придорожную канаву и пошел прочь от этого места.

В этот раз бронекольчуга спасла мою жизнь. Не будь ее, я бы мгновенно умер от сильнейшего яда. Я начал почти постоянно носить свой броник после нападения на меня шайки грабителей и, как оказалось, не напрасно.

Кому же понадобилась моя жизнь... Неужели т'Винье мог опуститься до такой подлости? Нет, вряд ли. Не в его характере наносить удары исподтишка. Кто-либо из его дружков? Тоже маловероятно — у местного дворянства был свой кодекс чести, который все тье, как правило, соблюдали. Вероятно, я просто стал жертвой ошибки. Охотились на кого-то другого, похожего на меня одеждой и походкой. Ведь нападение было совершено сзади. И никто не знал, что я буду возвращаться с бала в столь поздний час...

В эту ночь я долго не мог заснуть, мучаясь в догадках, но так и не пришел ни к какому определенному выводу о корнях случившегося происшествия.

Глава восемнадцатая

ВСЕ ТОТ ЖЕ НЕХОРОШИЙ ВЗГЛЯД

И утро следующего дня началось для меня с очень неприятного инцидента.

Хотя, нет. Само утро выглядело вполне обычным. Встав с кровати, я проделал свою ежедневную утреннюю гимнастику, включающую комплекс упражнений шаолиньских единоборств. Проще говоря, я принимал двенадцать различных ударных поз, носящих название зверей и птиц: дракона, орла, тигра, змеи, обезьяны и так далее.

Одна нога поджата, голова откинута назад. Руки раскинуты в стороны, кулаки сжаты. Затем внезапный круг, описываемый правой рукой и стремительный удар кулаком в голову невидимого противника. Полный разворот, перемена ног, круг левой рукой, заканчивающийся коротким резким ударом в цель, и почти одновременный удар туда же ребром левой руки. Это «ласточка», позволяющая вывести из строя врага, юркого и очень цепкого. А вот с помощью «дракона» можно сбить с ног противника, многократно превышающего тебя по массе. Здесь уже присутствуют приседания, высокий прыжок и мощный удар в голову или корпус распрямляющейся толчковой ногой.

После этих упражнений все тело обретало необычную легкость в движениях, а реакция становилась просто изумительной, что, возможно, и спасло мне жизнь несколько позже.

Неприятности настигли меня потом. Я шел в ювелирную мастерскую выбирать подарок для т`Иллари, когда внезапно почувствовал все тот же нехороший взгляд, которым был награжден, возвращаясь от Жюста, еще будучи на Аграрном ярусе.

Идентификация дала полное совпадение. Так, наверное, смотрел динозавр на крохотного лягушонка, попавшегося на его пути. Идет себе и ему абсолютно безразлично, попадет его лапа на мелкое земноводное или нет. В пищу не годится, слишком мелок, вреда тоже никакого — так себе, частица ландшафта, даже глазом трудно уловить.

Зазевавшись, я едва успел выскочить из-под копыт двойки лошадей, запряженных в карету черного цвета. Лишь мгновенная реакция и прыжок в сторону уберегли меня от участия оказаться под конскими копытами и каретными колесами. Карета мчалась по улице, как спущенная с цепи бешеная собака. Впрочем, явление это здесь обыденное, днем надо всегда держать ухо востро, иначе могут затоптать и даже не заметить. Улицы — для карет. Заглядишься, сам виноват. И пожаловаться, если станешь калекой, некому. В каретах разъезжают большие шишки. А если насмерть задавят, то и подавно не пожалуешься.

Но самое интересное было то, что сила взгляда ослабевала пропорционально скорости удаляющейся кареты. Выходит обладатель нехорошего взгляда был ее пассажиром? Кто же это мог быть? Поди, найди теперь. Герба на карете я не заметил, а номерных знаков здешние экипажи, естественно, не имели.

Но главное, в ледяной глыбе равнодушного интереса к моей персоне я засек крохотную песчинку обеспокоенности. Или показалось? Нет, не показалось. Я прокрутил в уме еще раз все свои ощущения — есть. Искорка тревоги проскочила мимо и погасла, но она была. Кто-то неизвестный проявил ко мне явный интерес, как к источнику возможных неприятностей.

Кто? И случайной ли была попытка наезда? Или здесь существовала какая-то *cingulum diaboli*.¹

Ювелирная мастерская являлась одновременно магазином с очень богатым выбором женских украшений. В этих вопросах я был неискушенным новичком, и увиденное поразило меня. Здесь было, казалось, все: от простых бус и колечек до сложнейших диадем и пекторалей, украшенных мириадами неведомых мне драгоценных камней. В отличие от оружейника, хозяин ювелирной мастерской не бросился помогать мне определиться с выбором покупки. Он издали наблюдал за моей реакцией на великолепие витрин и, казалось, получал от этого наслаждение. И все же, боясь попасть впросак, я позвал его на помощь.

¹ Дьявольская связь (лат.)

— Ты определился с покупкой? — учтиво поинтересовался он.

- Что обычно покупают в подарок знакомым дамам?
- Возраст дамы?
- Около тридцати лет.
- Цвет ее волос?
- Брюнетка.
- Какого цвета глаза?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я точно помнил, что глаза т`Иллари были очень подвижными и веселыми. А вот цвет? Не голубой и не зеленый — точно. По-моему, какой-то темный.

- Черный — сказал я наугад.
- Какую часть тела вы хотите украсить своей даме?
- Пожалуй, шею.
- И последний вопрос: сколько приблизительно вы планируете на это потратить?

Сколько потратить? Ценники в витринах отсутствовали. Но не стоят же эти многочисленные побрякушки астрономическую сумму? Иначе, кто их будет покупать. В конце концов, я должен поразить избранницу своим выбором.

— Не имеет значения, — небрежно произнес я, — лишь бы вещь смотрелась красиво.

Хозяин просто расцвел и открыл одну из витрин.

— Вот смотрите, — он указал на великолепное колье, ук-рашенное черными сверкающими камнями, чередующимися с ярко-красными, похожими на рубины, — мне кажется, как раз для вашей брюнетки с черными глазами.

Украшение смотрелось потрясающе, и я кивнул головой. Покупка обошлась мне в девять даргов. Поскольку сравнивать было не с чем, я так и не определил, насколько оно дорого. Еще за два дарга я приобрел изящную шкатулку на манер древнегреческой пиксиды и положил в нее подарок. Шкатулка была отделана небольшими темно-синими камушками сродни турмалинам, и сама по себе смотрелась изумительно. Подарки были хороши, и, без сомнения, должны были понравиться моей пассии.

Хозяин положил шкатулку в фирменный мешочек, с поклоном вручил его мне. И мы расстались, получив от нашего общения обоюдное удовлетворение. Не заходя домой, я отправился со следующим визитом.

Моей целью была коронесса т'Авиньи. Я не сомневался, что она уже знала о результате моей дуэли с т'Виньером. Свою задачу я выполнил — дело было за исполнением ее части нашего договора. Следовало спешить. Не то чтобы меня поджимало время, просто почти ежедневные опасные инциденты могли для меня когда-нибудь плохо закончиться.

Коронесса была дома, и давешний слуга провел меня к ней без лишних расспросов. Женщина сидела за столиком и пила из чашечки свой излюбленный глинтвейн. Но ее реакция на мое появление была поразительной. Едва меня завидев, она вскочила из-за столика и попятилась к своей кровати. Чашечка вывалилась из ее рук, и ее осколки брызнули во все стороны, орошая пол каплями пахучего напитка. Ее лицо стало белее кроватной подушки, а глаза, расширившись, с паническим ужасом следили за моими шагами. Так должно быть смотрят на подкрадывающегося вампира, уже изготавлившего свои клыки для известных вампирских дел.

В чем дело? Она меня не узнала? Или не в порядке моя одежда? Я мимоходом глянул на себя в висевшее на стене зеркало — да нет — все нормалек.

— Это я, — произнес я с некоторым замешательством, — т'Егор.

— Я вижу.., — ее голос был прерывистым и слегка сиплым, будто у нее перехватило дыхание.

— Мне кажется, нам пора рассчитаться? — спросил я безмятежно, имея в виду исполнение ей своей части нашего контракта.

— Разве вы не... пришли..., — слова давались ей с трудом, и она уже упиралась спиной в стену, — мстить?

Мстить? Вот те клюква! Мадам перепила своего глинтвейна? Но тренированный мозг сработал на эти слова мгновенно, автоматически сопоставив вчерашнее нападение на меня профессионального убийцы и этот неожиданный испуг, вызванный моим появлением. Так вот откуда ноги растут... Эта дамочка по каким-то причинам заказала мою смерть, была полностью уверена в моей гибели от отправленного стилета, и вдруг мертвец предстает перед ней, да еще заговоривает о предстоящем расчете. Есть от чего ужаснуться.

— Я пришел разобраться, — я добавил голосу скрытой угрозы и изобразил на своем лице маску хладнокровного и уверен-

ного в себе убийцы, каковых насмотрелся в многочисленных голливудских боевиках.

Она только пискнула в ответ что-то невразумительное. А когда мой меч был извлечен из ножен и просвистел над ее головой, глаза коронессы закатились, и она рухнула на кровать ничком в глубоком обмороке. Но мой удар всего лишь перерубил висевший сигнальный шнурок, чтобы дама не позвала на помощь своих слуг.

Я запер изнутри дверь и присел за столик, чтобы дождаться ее возвращения в этот мир и привести в порядок свои мысли. Вот уж никогда бы не подумал, что расплатой за исполнение пожелания коронессы может послужить моя смерть. Никакой логики. Я ведь не требовал какой-то непомерной платы за мою услугу. У женщины не было никакой видимой причины для расправы с добросовестным исполнителем ее желания. Разумного объяснения столь странного расчета со мной не было. Оставалось довольствоваться расхожей присказкой: женщина есть женщина и никакой логике ее поступки не подвластны. Ладно, подождем, пока она очнется, и послушаем, что скажет в защиту своего злодейского замысла.

Коронесса очухалась минут через двадцать. Ее глаза при виде моей персоны вновь наполнились страхом. Первым делом она ощупала свое горло, проверяя, не отрубил ли я ей голову. Затем взгляд ее заметался по комнате, казалось, она ищет выход, куда сбежать. Я молча наблюдал за ней, сохраняя личину сурогатного мстителя.

— Вы пришли убить меня? — ее голос был слаб и едва слышен.

— Зачем вы желали моей смерти, — парировал я ее вопрос своим вопросом.

— Я..., — растерялась она, — это не я... Вы только выслушайте меня, я вам все сейчас расскажу. Будьте же милостивы.

— Я вас слушаю, — ей-богу, в моем голосе звучала сталь.

— Мой муж... Я ему все рассказала про наш с вами уговор. Он рассвирепел так, что чуть не убил меня на месте...

— Может, вы начнете с того, зачем вам понадобилось укладывать на больничную койку т`Виньера?

— Да, да. Конечно. Дело в том, что был сформирован и подготовлен к отправке новый экспедиционный корпус для

войны с герцогом Ардонье. На место его командующего были два претендента: блестящий гвардейский офицер т'Виньер и мой муж коронет т'Авины. Я хотела убрать с пути соперника моего мужа.

— Но зачем? Ведь военная вылазка в герцогство Ардоньерское весьма опасное предприятие. Вашего мужа могли там убить.

— За всю историю не погиб ни один из командующих экспедиционным корпусом. Убивают в основном солдат. Ну, еще офицеров иногда.

— Вашему мужу не хватало воинской славы и наград?

— Дело не в этом, — коронесса нервно ломала свои тонкие пальцы, — он должен был убыть туда не для почестей и нагрудных побрякушек. С его положением их можно получить и при дворе.

— А в чем же? — эта загадка меня заинтриговала.

— Командующему экспедиционным корпусом присваивают звание генерала. А их в империи не так уж и много. Генеральское звание — это потолок в карьере офицера и достигают его очень немногие. Кроме всего прочего, за это положены определенные льготы и выплаты из имперской казны. Но главное, действующие генералы, а их сейчас только четверо, считаются заместителями главнокомандующего вооруженными силами империи, то есть самого императора. Эта должность при дворе очень почетна и открывает многие двери.

«Вон, оно что! — подумал я. — Эта дамочка весьма изобретательна, предпримчива и опасна. Она способна идти по трупам, а по своему коварству не уступает миледи из романа А. Дюма “Три мушкетера”. Там тоже делались попытки обделать всякие темные делишки руками простодушного Д'Артаньяна».

— Понятно, — коротко произнес я, — но непонятно, зачем же желать моей смерти, ведь я выполнил свои обязательства честно?

— Муж испугался, что вся эта история вылезет наружу. И тогда конец будет не только всей его карьере. Т'Виньер является каким-то дальним родственником самому Магистру Тайной стражи и был его ставленником на пост командующего имперским экспедиционным корпусом. Говорят, что он заинтересовался этой дуэлью, ранение на которой фактически

лишило возможности его протеже занять генеральский пост. Вас, кстати, никуда не вызывали?

— Нет, — сказал я, — а что это за Тайная стража?

— Я не знаю, — коронесса зябко передернула плечами, — кажется, эта служба отслеживает и ловит самых опасных государственных преступников. Во всяком случае, время от времени, исчезают некоторые люди, иногда весьма влиятельные. Это приписывают Тайной страже, которая подчиняется только самому императору. Никто не знает, где расположено это засекреченное учреждение и кто там служит.

Теперь мне стало понятно, отчего так был раздосадован своим ранением т'Винье и его словесная несдержанность. Еще бы, потерять такую возможность из-за какого-то ресторанных забияки. Другого шанса получить звание имперского генерала может и не представиться. Однако мне не понравилось упоминание о том, что моей персоной может заинтересоваться тайная служба имперской безопасности. Такой интерес был бы совсем некстати в моем положении. Хотя опасаться наказания за ранение противника не следовало — дуэль была честной и происходила в присутствии многих лиц. К тому же ее инициатором был сам т'Винье.

— Значит, ваш муж приказал вам организовать мое убийство?

— Не совсем так. Он сказал: делай, что хочешь, но чтобы этот человек исчез навсегда. А я очень люблю своего мужа...

«Ну, да, — подумал я, — мы это уже слышали в прошлый раз. Двое голубков милуются, а на всех остальных начихать».

— Где вы нашли наемного убийцу?

— Это было непростое дело, и я потратила кучу денег. Но мне сказали, что он лучший в своем деле. Как же вы смогли спастись?

— А propos, madame¹, я тоже лучший в своем деле.

— Он... мертв?

— Увы.

В глазах коронессы вновь заметался страх.

— Но вы же могли сами расправиться с т'Виньеом, — заметил я раздраженно, — тем же путем, послав наемного убийцу. Зачем было впутывать меня?

¹ Кстати, мадам (франц.)

— Такая смерть выглядела бы крайне подозрительно, и началось бы официальное расследование. А так, будучи завзятым дуэлянтом, т' Виньер ранен на одной из дуэлей — никаких ненужных вопросов не возникает.

— О, изощренное женское коварство! — воскликнул я.

— Я горько кляла себя, что пошла на это, — в голосе коронессы послышались рыдания, — но было уже поздно. А предупредить вас не было возможности, я не знала, где вы живете и где проводите свое время. Пощадите же меня!

— Я не убиваю женщин, — мои слова, наверное, прозвучали пафосно, но я сказал их от души.

— Вы хотите убить моего мужа? — коронесса заломила руки. — Умоляю вас — не делайте этого, он здесь не при чем.

— Я не трону вашего мужа, — процедил я презрительно, — пускай себе едет на свою баталию зарабатывать эполеты. Но поклянитесь, что не предпримете больше попыток отправить меня на тот свет.

— Клянусь! — коронесса казалась искренней, — я готова заплатить вам любые отступные за причиненное зло!

— Я не нуждаюсь в ваших деньгах, — сухо произнес я, — но свою часть договора вы все же должны выполнить.

— Конечно! Я это сделаю. Можете располагать мной полностью. Только не мстите нам.

— Договорились. Я вас еще навещу.

С этими словами я покинул покой коронессы и удалился в весьма расстроенных чувствах. Вот она женская непредсказуемость. Общение с противоположным полом всегда может обернуться самым удивительным образом. Схватишь неприятность там, где ее совершенно не ждешь.

Нет, положительно, это был день сплошных разочарований. И лишь предстоящее свидание с т' Иллари грело мою душу. Накануне я закупил для дамы несколько бутылок дорогого выдержанного вина, а также фруктов и сладостей. Чем-чем, а сладостями империя славилась. В столице изготавливались столько различных сладостей как по виду, так и по вкусу, что ассортимент самой крутой земной кондитерской показался бы местному сладкоежке убогим и непрятательным.

Глава девятнадцатая

ШАГ ВЛЕВО, ШАГ ВПРАВО

— Стойте, досточтимый тье! — голос был звучным, привычным отдавать команды, и звучал из-за моей спины — вы арестованы!

Вот те раз! Это мне, что ли? Я резко развернулся, готовясь дать отпор, и взглянул на обладателя командного голоса. Это был высокий офицер в сером, незнакомом мне мундире с черными отворотами воротника и черными же обшлагами рукавов. На груди его висела серебряная бляха в форме щита, с изображением перекрещенных алебарды и арбалета. Правая рука офицера лежала на рукояти меча и просто обозначала готовность к действию, не вынимая его пока из ножен. Он был один.

Так. Противник не страшен, я могу сделать с ним что угодно и спокойно уйти. Проулок был безлюден. Но следовало сначала узнать, кто он и в чем, собственно, дело. Что за шуточки насчет моего ареста, я не совершил ничего противоправного. Я сделал шаг вперед, готовясь к скоротечному боевому контакту.

Офицер лишь усмехнулся, не переменив позы. За моей спиной дружно лязгнули предохранительные скобы арбалетов. Я медленно повернул голову. Четыре нацеленных в меня арбалета объяснили усмешку офицера и его вольную позу. Двое арбалетчиков стояли сзади, а еще двое зашли с боков. Все в такой же серой с черным форме, только без блях на груди.

Откуда же взялась эта дружная пятерка, ведь проулок был совершенно пустынным... Да еще как грамотно взяли в кольцо. Солдаты держатся метрах в четырех от меня, не очень-то их достанешь. Допустим, одного или даже двух я смог бы успеть вырубить. Но две арбалетные стрелы в незащищенный корпус — это верная смерть. Готовясь к любовному свиданию я не надел своего бронекомбеза — еще не хватало, чтобы дама увидела непонятное нижнее белье. Плюс офицер с мечом, который, судя по его лениво-небрежному поведению, был вполне уверен в своих бойцовских качествах. Надо вступать в переговоры, а там посмотрим. Куда-то меня, наверное, поведут и не всегда же будут держать на таком расстоянии под прицелом.

— В чем дело? — я сделал удивленно-рассерженный вид, — на каком основании и по какому праву...

— Ваш меч, досточтимый тье! — левая рука офицера протянулась ко мне ладонью вверх, — вопросы потом.

Боковым зрением я заметил, как напряглись фигуры арбалетчиков и не стал провоцировать моих внезапных и проворных противников. Успеется... Но кто же они? Обычные патрули состоят из трех верховых солдат с мечами и пиками. Арбалеты — это армейское вооружение.

Я медленно отстегнул ножны с мечом от пояса и вложил их в ладонь офицера.

— Кто вы?

— Офицер Тайной стражи его императорского величества. Мое имя т'Ортег, — на этот раз мой вопрос не остался без ответа.

Тайная стража? Я пока нигде не читал и ничего не слышал о такой структуре императорского двора.

— Меня зовут т'Егор, — представился я, — за что вы хотите меня задержать.

— Я знаю, — это был ответ на мое представление, — а вот, в чем вы подозреваетесь, я не имею понятия. У меня есть всего лишь приказ о вашем аресте.

— За что? — я был искренне возмущен, — я тье в семнадцати поколениях и буду жаловаться!

— Вы будете иметь эту возможность очень скоро, — в голосе офицера прозвучала незлая ирония, — буквально...

Остальные его слова заглушил грохот подлетевшей к нам кареты. Один из арбалетчиков отпрыгнул в сторону, и длинный закрытый экипаж темно-серого цвета застыл прямо передо мной с распахнувшейся сразу же дверцей. Возница в таком же сером облачении сидел впереди, управляя двумя лошадьми.

— Прошу вас! — рука офицера указала на образовавшийся темный зев.

Мне ничего не оставалось, как принять приглашение, и я влез внутрь кареты. Краем глаза я отметил, что арбалетчики запрыгнули на заднюю площадку, располагавшуюся за моим временным узилищем, что-то типа запяточка. Дверь захлопнулась за мной с противным металлическим лязгом. Судя по шуму впереди, офицер сел рядом с возницей. Карета дернулась и понесла меня в неизвестном направлении.

Такого коварства я не ожидал. Находясь внутри этой черной мышеловки, я фактически был обездвижен и лишен всех своих преимуществ. Осторожно поскреб стены и потолок — кругом металл. Дверца, конечно же, изнутри не имела никакой ручки. Безусловно, вышибить ее для меня ничего не стоило, но снаружи вооруженные стрелки, для которых я буду очень легкой и беззащитной мишенью.

Чем же вызвано мое столь тщательно подготовленное задержание? Уж не засекли ли имперские астрономы мое прибытие на планету? Малыш, правда, утверждал, что это сделать невозможно, но кто знает, каков уровень их закрытой науки. Это по земным меркам является невыполнимым, а у них, возможно, имеются принципиально отличные от наших способы и методы обнаружения посторонних космических объектов в зоне их звездной системы. И другие технические устройства, отслеживающие ближайшее космическое пространство.

Минут через двадцать карета остановилась, послышался скрип массивных ворот, и мы въехали во двор.

Неожиданно в передней стенке распахнулось крошечное оконце, и рука офицера протянула мне черный мешок.

— Наденьте его на голову, — голос офицера выражал даже заботливость, — и не вздумайте снимать без разрешения. И, вообще — шаг влево, шаг вправо... — сами понимаете...

— Понимаю, — пробормотал я и натянул мешок на голову.

Ну, и секретность! Будто узника королевской крови доставили в какую-нибудь Бастилию.

Один из солдат поддерживал меня за руку, помогая мне преодолевать ступеньки, бесконечной чередой, с поворотами, идущие куда-то далеко вниз.

Через некоторое время меня втолкнули в какую-то дверь и захлопнули ее за мной.

— Можете снять мешок! — разрешил жесткий голос официально-казенного оттенка.

Именно таким тоном ведут допросы настырные следователи. Следом за этой мыслью я снянул мешок с головы и огляделся.

Человек за массивным столом был лысоват, приземист и одет в строгий серый камзол без каких-либо знаков различия. Стол был абсолютно пуст, и лишь на краю стояло нечто вроде

настольной лампы, с верхушкой которой свисал длинный шнурок. Комната была довольно большой, но совершенно без окон и с единственной дверью. Естественно, зачем окна в глубоком подземелье, отметил я, помышляя прежде всего о возможных вариантах побега. Их по-прежнему не находилось. Конечно, человек за столом не был для меня противником, но за единственной дверью ждали, как минимум, пятеро вооруженных людей. Настоящих мастеров арестных дел, как показала вся предыдущая демонстрация их поведения.

Ладно, еще не вечер... Сие справедливое утверждение насчет времени суток напомнило мне о потерянном вечернем любовном свидании, и я посмотрел на лысого с откровенной неприязнью.

Серый следак, без сомнения, отметил мои чувства, но лицо его осталось непроницаемым и бесстрастным. Он молча рассматривал меня, как какой-то неодушевленный предмет, и лишь в глубине желтоватых зрачков проскаивало нечто зловещее и неумолимое.

— Кто вы? — мне надоела эта молчанка и, вообще, пора уже было прояснить сложившуюся ситуацию.

— Я так и думал, что вы меня не знаете, — ответ был неожиданным и звучал весьма издевательски.

Действительно, откуда я могу знать какую-то императорскую ишайку? Тоже мне телевизора нашлась... Многовато о себе воображаешь, лысая канцелярская крыса! Из-за тебя и тебе подобных такой вечер сегодня накрылся медным тазиком... Конечно, т' Иллари не простит мне подобной бес tactности. Здешние дворянские дамы настолько щепетильны в вопросах этикета и политеса...

Вся эта гамма чувств, отразившаяся на моей физиономии, вызвала у лысого лишь легкую усмешку одним уголком рта.

— Действительно, — почти дословно повторил он мою мысленную фразу, — откуда вам меня знать? Скромного императорского канцеляриста.

Я воззрился на него в немом удивлении — может, этот лысый прохиндей умеет читать чужие мысли?

— А, между тем, — продолжил он все тем же безжизненным тоном, — меня знает каждый офицер империи, будь то гвардия, армия или иные военизированные формирования императора. И знаете, почему?

Естественно, я не мог ответить на этот вопрос и продолжал молча таращиться на своего неожиданного прорицателя.

— Не знаете. И не можете знать. По той простой причине, что мы с вами никогда не встречались.

Тоже мне открытие сделал. Косит под простачка? Ну-ну...

— А, между тем, — видимо эти частые повторы являлись неизбежными издержками профессии моего собеседника, — я присутствую на всех комиссиях при сдаче экзаменов на офицерские патенты. И лично даю заключения о благонадежности каждого кандидата на офицерские должности нашему императору и нашему государственному устройству. И знаете, почему?

— Почему? — молчать дальше было уже глупо.

— Потому что мое имя тт`Фергаль!

Все же я ошибался насчет серости моего собеседника. Он вел со мной какую-то игру, и я никак не мог понять какую же. Я чувствовал, что с каждой его фразой я увязал в чем-то нехорошем все глубже и глубже. Говорить на это мне было нечего, и я лишь развел руками.

— Ладно, — тон был уже снисходительно-сожалеющий, — не буду дальше сыпать тезисами, которые, судя по вашей реакции, являются для вас загадками. Я являюсь Магистром Тайной стражи императора.

Это был поистине гром с ясного неба. Вот так клюква! Я попал в лапы самому главе тайного сыскного ведомства империи. Что-то вроде нашего ФСБ. Шансы на благополучный исход сегодняшнего инцидента начали таять на глазах.

— Ну, а теперь попрошу представиться вас!

Иного пути у меня все равно не было, и я скороговоркой изложил ему мою, готовящуюся рухнуть, легенду. Мол, потомок старинного обедневшего рода т`Егоров из провинции Навакрия. Офицер, но уволен из армии ввиду того, что остался единственным потомком древнего рода (ё-моё, да этот тип ведь лично знает всех офицеров!), проживаю сейчас в столице, родственников не имею (это, чтобы не могли устроить очной ставки), готовлюсь к финальной части Большого турнира мечников... Ну, вот и все вроде. Да, коротковатая у меня биография.

Он выслушал все это, не моргнув глазом. Сидел и пялился на меня, с виду бесстрастно, но в глазах у него явно зрело нечто для меня неожиданное и, естественно, ничего из разряда приятного.

— Все?

Я закивал головой, как школьник, хорошо подготовивший урок и выслушавший похвалу учителя. Следовало не просто держать ухо востро, но и изобразить из себя некоторого недалекого придурка.

— Добавлю от себя, — он, наконец, улыбнулся, но тонко — кончиками губ, — большой любитель дружеских попоек, хорошего вина, отчаянный бретер и начинающий ловелас...

Я усиленно закивал, поскольку в этих эпитетах не было ничего предосудительного и позорного для обедневшего однокого дворянина.

— А также географии, истории, астрономии, обычаев и традиций империи, — перечень моих увлечений непринужденно собеседником был продолжен.

Это было уже опасно. Зачем дворянскому повесе изучать всякие там науки? Похоже, в моих апартаментах был учинен обыск. Но пытка словом только начиналась.

— Значит, старинный род т' Егоров..., — задумчиво пробормотал глава тайного сыска, — а вот в Имперском родовом реестре такой род почему-то не значится. Семнадцать поколений, а нету его там. Почему?

Отвечать было бессмысленно, и я просто неопределенно пожал плечами.

— Далее, — он кивнул в сторону моего левого плеча, — и такой герб не числится в Имперском геральдическом собрании. Отчего бы это?

— Может, неразбериха какая вышла, писцы недобросовестные..., — пробормотал я, — *entre nous*¹, канцелярские крысы всюду одинаковые.

— Более того, — слова падали размеренно и неторопливо, — животного, изображенного на этом гербе, вообще не существует в природе. Такого зверя нет ни в империи, и ни на одной из планет, даже на Дикой планете.

Вот здесь главный сыщик империи был не совсем прав. Зверь такой в природе существовал на моей далекой родной Земле, но не вступать же здесь в споры по этому поводу.

— Хотите дать какие-нибудь пояснения по этим пунктам?

¹ Между нами (франц.)

Какие там пояснения! Меня вычислили, как котенка, нагадившего в тапок своему хозяину. Вот же олух царя небесного! Завалил-таки операцию. Предлагал же директор ФСБ направить своего, подготовленного по всем статьям, кадра. И правильно! Надо же знать хотя бы азы нелегальной конспиративной работы. А я не справился даже с созданием собственной лжебиографии. Шпион недоделанный! Не подумал даже, что в империи есть собственная тайная полиция. Да, в любом государстве этот необходимый приданок непременно присутствует. Для того чтобы отслеживать недовольных существующим строем внутри и желающих зла государству извне. Без этого ни одно правительство долго у власти не удержится. А желающих ухватить власть со всеми ее сладкими атрибутами во все века было предостаточно... Ух, какой у него тяжелый пронизывающий взгляд!

- Кто вы такой?
- Ты т' Егор.
- Ну, хватит валять дурочку...

Очень знакомая фраза. По-моему, так сказал шеф гестапо Мюллер (в исполнении Леонида Броневого) в фильме «Семнадцать мгновений весны». Кстати, этот на него похож — такой же основательный, полноватый и лысый. И допрос проводит грамотно, подстать ушлым гестаповским следакам времен расцвета Третьего рейха.

Попал я в паутину, как глупая осенняя муха... Нет, мух глупых не бывает, у них ведь нет разума, есть только природные инстинкты. А у тебя есть и то, и другое, так что давай — выпутывайся.

— Я ведь и без вас знаю, — неожиданно произнес глава тайного ведомства империи.

Ну-ну — дерзай искатель истины.

— Вы — герцогский шпион!

Вот уж чего не ожидал, того не ожидал. Хотя это, видимо, еще более прямой и короткий путь на виселицу.. Или, как тут у них с ВМН (высшая мера наказания, кто не знает), ты даже и этот вопрос не удосужился изучить. Понятно, электрического стула тут нет. Но ясно одно: лазутчика государства, с которым идет война, ждет только один конец — стенка.

— Шпион? — в моем возгласе было больше укоризны, нежели удивления.

— Да. Шпион.

— Что ж, *wie sie befchlen, mein hegt*¹, — пробормотал я, сообщая хорошо или плохо оказаться вражеским лазутчиком.

— Что?

— Нет, ничего. С чего вы взяли, что я герцогский шпион? — я выделил слово герцогский.

— Вам недостаточно тех аргументов, что я перечислил? Почему герцогский? А чей же еще... У империи существует только один враг — строптивый герцог Ардонье. Война с ним ведется, ни шатко, ни валко, уже многие поколения. Империя не может победить окончательно, ввиду некоторых технических трудностей, касающихся переброски войск. Герцог победить не может вообще в связи с крайней ограниченностью ресурсов. Однако ему непонятно, отчего мы посылаем в его владения лишь ограниченный воинский контингент. К тому же он хотел бы выяснить дальнейшие планы имперской армии. Шпионаж — искусство очень древнее и тонкое и не всякий...

— Не люблю толстых книжек, — прервав его рассуждения, нагло усмехнулся я.

Он запнулся на середине фразы, недоуменно обратил свой взор на меня и внезапно расхохотался.

— Хочешь покороче? Пожалуйста. Шпион — пытка — виселица. Это весь твой предстоящий путь. Куда уж более коротко...

— Я не шпион. Я честный добродорядочный тье. Можете связаться с губернатором Навакрии и удостоверить мою личность.

Пока они пошлют туда гонца, пока губернаторские ишечки будут шарить по всем поместьям в поисках моего мнимого рода, много воды утечет. Мне нужно было выиграть время.

— Спасибо за совет, но у нас есть более короткие пути выяснения личности.

«Да, он и впрямь читает мои мысли», — в некоторой панике подумал я и решил думать, прежде чем говорить.

— Что ж — ваше право, — произнес я нейтральным голосом.

Он дернулся за шнурок, и в комнату тотчас вошел командовавший моим задержанием офицер.

¹ Как прикажете (нем.)

— Пошлите за Гурдом, — коротко скомандовал магистр, — пусть придет сюда.

Офицер склонил голову в знак повиновения, крутнулся на каблуках и вышел.

— Гурд — это специалист высочайшего класса по части развязывания языков, — произнес та'Фергаль, будто я нуждался в его пояснениях, — придется перейти к другой методике допросов.

Тоже мне Америку открыл, без тебя знаю. Естественно, на моем месте не стоило ждать сейчас гарсона с прохладительными напитками, а следовало подозревать, что следующим этапом допроса будет встреча с заплечных дел мастером. Вопросы задаются всюду, приблизительно одинаковые, а вот методы получения ответов разные. Все эти Central Intelligence Agency (ЦРУ), британская Intelligence service, французская DGSE (Генеральная дирекция внешней безопасности), японское ИИБ (Информационно-исследовательское бюро) и даже польская defensywa имели соответствующие средства и спецов, способных заставить заговорить даже глухонемых от рождения и, как не удивительно, покойников. Я уже не говорю о секретнейших подразделениях в недрах НКВД, а также его предшественников и преемников. Причем сказано это не ради шутки и без преувеличения. Скажем, добры молодцы последнего ведомства за сорок секунд заставляли имярека признаться о службе его деда вахмистром у самураев и выдаче им всех тайн континентального щельфа коварным японцам.

Будут изощренные пытки. И это не есть хорошо. Как-то дома, на далекой теперь родине мне попалась на глаза толстущая старая книжка с интригующим названием «Двор китайских пыток».

Мамма mia!¹ Чего я там только не насмотрелся — неделю не спал после этого. Китайцы большие мастера в этом деле. И, похоже, они изобрели не только порох, компас, бумагу и прочие полезные в хозяйстве вещи, но и пытки в истинном их значении. Изощреннейшие средневековые инквизиторы из мрачных испанских подземелий просто приготовишки по сравнению с древними китайскими мучителями. Я даже вспоминать боюсь эти черно-белые книжные картинки. Прорастаниеbam-

¹ Мамочка! (итал.)

бука через тело человека, привязанного к стулу, и запускание голодной крысы в его чрево — самые невинные забавы, из всех приведенных в том старинном фолианте. Сколько бы я ни был силен духом и закален телом, пыток мне не выдержать. Придется с боем прорываться из этой конторы.

Дверь отворилась, и в нее протиснулась туша моего потенциального истязателя. Ну и комод! Ну и страхолюдина!

Грушевидная голова с тройным подбородком заросла со всех сторон рыжей кабаньей щетиной, которая пробивалась даже на мясистом носу и под глазными впадинами. Маленькие барсучьи глазки светились злобными огоньками, почти полностью скрываясь в складках жира. Зато пасть, ощерившаяся крепкими желтоватыми клыками, смотрелась во всей красе, угрожая, если не проглотить жертву целиком, то, во всяком случае, оттяпать приличный ее кусок. Жирная грудь переваливалась за борт черного кожаного передника, а необъятное пузо вздымало его нижнюю часть округлым покатым холмом. Черные кожаные сапоги с металлическими набойками на носах и засунутые за широкий пояс коричневые кожаные рукавицы с ржавыми потеками дополняли палаческий наряд и вместе составляли довольно устрашающий ансамбль.

Тт'Фергаль им просто залюбовался, жестом предлагая и мне разделить его чувства. Я мудро оставил это на потом.

— Этот тье, — сказал глава тайного ведомства, обращаясь к палачу, — пытается утаить свое истинное лицо. Он мнит себя верным подданным нашего славного императора. Даю тебе три дня, чтобы устраниТЬ это явное заблуждение. Сделаешь это быстрее, сразу дашь мне знать — я должен потолковать с ним по горячим следам. Можешь его слегка покалечить, но, в принципе, он нужен мне пока живым.

Громила поклонился с явным трудом, колыхнув своим неожиданным брюхом, которое тотчас забулькало. Брошенный им на меня взгляд напоминал радостный взор киношного вурдалака, собирающегося полакомиться свежайшей кровушкой.

— Можешь его забирать, — одобрительно произнес тт'Фергаль, — охрана нужна?

— Нет, господин, — с этими словами этот с виду неповоротливый бурдюк подскочил ко мне и неожиданно ловко заломил мои руки назад, опутывая их невесть откуда взявшейся веревкой.

Затем он приподнял вверх оставшийся кусок веревки, и мне пришлось согнуться и принять позу задержанного на месте преступления уголовного элемента. Это было неожиданно и очень унизительно. Но я не стал включать свою физическую мощь и изображать из себя Лаокоона с сыновьями или корчить иного былинного героя, сбрасывающего путы одним движением плеча. Пусть потешится, еще посмотрим, чья возьмет. Так мы и прошествовали к выходу.

За дверью Гурд ослабил хватку и указал пальцем на ведущую вниз лестницу. Мы стали спускаться и миновали еще десятка три ступенек, прежде чем остановились перед входом, ведущим непосредственно в пыточную или как ее здесь еще именуют.

Мрачный зал с высокими потолками не удивил меня обилием и разнообразием пыточной аппаратуры. В глаза сразу бросился лежак с захватами для ног и рук, канаты от которых вели к круглому веретену, управлявшемуся большим деревянным колесом. Я определил его, как дыбу. На нем сидели два длинноруких подмастерья, вскочивших при появлении своего шефа. Стул с длинными деревянными колодками смотрелся, как инквизиторские «испанские сапоги». Крюк на цепи, подвешенный к потолку и опускаемый при помощи блока, тоже знакомая штучка — на таком жертву подвешивают за ребро. Вот назначение здоровенной приземистой бочки, стоящей в углу, было мне пока непонятным. Со всех сторон ее крутые бока были утыканы длинными металлическими штырями. Вероятно, подпыточного сажали внутрь бочки и нашпиговывали его тело со всех сторон этими острыми железяками.

Я покопался в файлах своей памяти по части информации обо всех пыточных орудиях, однако ничего не нашел — заботливый Малыш не обеспечил меня сведениями такого рода, полагая, что они мне не понадобятся. И зря. Жизнь раз за разом свидетельствует, что в ней, такой поворотливой и изменчивой, все может пригодиться.

Был еще большой стол, совсем не похожий на хирургический, на котором грудами валялись всякие инструменты. Причем, все эти спицы, щипчики, клещи, ланцеты и просто причудливой формы ножики и пилочки вовсе не сверкали полированным металлическим блеском. Напротив, они имели ржавый и довольно заброшенный вид. Это меня возмутило —

что же эти сволочи ничуть не заботятся о стерильности инструментов, ведь у пациента может начаться заражение крови, и он попросту не доживет до того светлого дня, когда захочет дать признательные покаянные показания.

Гурд моргнул своим помощникам, и те поволокли меня первым делом на дыбу. Руки были развязаны и вставлены в специальные металлические захваты, канаты от которых наматывались на веретено. Те же действия были проделаны и с ногами, которые предварительно освободили от сапог. Все готово. Гурд поплевал на руки, потер их и встал к колесу.

Честно говоря, положение было не из разряда приятных. Не пробовали полежать под дыбой? И правильно сделали, немногое потеряли. Полнейшее чувство беспомощности, и ощущение, будто две вороны ухватились клювами за концы одного червяка и тянут его, каждая в свою сторону. Чем закончит свою жизнь несчастный червяк?

Включить всю свою физическую мощь, разметать палачей и бежать из этой жуткой конторы? Куча информации о расположении коммуникаций этого здания и системе охраны предостерегала от этого опрометчивого шага. Что я знал? Единственное, что нахожусь глубоко под землей. Обратного пути я не знал. И, главное, наверняка это здание было нашпиговано постами арбалетчиков и мечников. В условиях здешних узких лестниц и коридоров становишься просто легкой мишенью. А без бронника на такую авантюру нечего и надеяться.

И все же свою физическую мощь я включил. Пассивная защита это тоже вид обороны. Я подождал, пока застыну в почти подвешенном состоянии, а затем напряг свои мышцы. Медленно вращавшееся веретено сразу застыло, а колесо противно скрипнуло и остановилось. Озадаченный Гурд покрутился вокруг меня, осмотрел и ощупал канаты и, не найдя неисправностей, вновь налег на колесо. Но оно поворачиваться упорно не желало, несмотря на то, что этот жирный комод повисал на нем всем телом.

Гурд щелкнул пальцами, и его подручные отцепили меня от пыточного устройства, привязав мои руки к двум кольцам, вделанным в стену.

— Позови сюда Лориса, — приказал он одному из них.

Наладчик пыточной техники обитал, вероятно, неподалеку в этом же здании, потому что явился через пару минут. Его

комплекция была под стать Гурду, а живот — еще больших размеров и горой выпирал из-под куртки, которую по этой причине невозможно было застегнуть. Он что-то дожевывал на ходу и, подойдя, вытер масляные губы рукавом куртки.

- Ломоворот сломался, — коротко бросил ему палач.
- Да не может быть, я его недавно смазывал.
- Я тебе говорю — не работает, — повысил голос Гурд.
- Сейчас посмотрим.

Лорис крутанул колесо туда-сюда и пожал плечами:

- Все в порядке.
- А я тебе говорю — не работает, заело что-то! — настаивал палач, — давай, ремонтируй, а колесо крутить я и без тебя умею!

— Ну, хорошо, хорошо..., — с этими словами наладчик до-стал из объемистого кармана своей куртки какой-то флакон с черной маслянистой жидкостью и старательно смазал сначала веретена, а затем и штурвала.

- Готово, — произнес он.
- Тебя пригласили для ремонта, — строптиво сказал Гурд, — так давай чини, а смазку оставь для своего болтливого языка.
- Не болтливей, чем у тебя, — беззлобно отрызнулся Лорис.

Было видно, что они старые добрые друзья и спорят просто так, радуясь встрече. Однако Гурд все же перегибал палку, он по-прежнему требовал ремонта. Они долго так препирались, пока Гурд, наконец, не предложил:

- Ложись, давай попробуем, как он работает!
- Еще чего! Сам и ложись! Твоя техника — ты и пробуй. Мое дело поддерживать ее в исправном состоянии.

Палач кряхтя влез на дыбу и дал знак своим подмастерьям. По-моему он разговаривал с ними только языком жестов, но они прекрасно его понимали. Огромные конечности Гурда были, хоть и с трудом, но закреплены, и Лорис встал к штурвалу.

- Вращай! — скомандовал палач.

Лорис быстро завращал колесо, которое после дополнительной смазки, поддавалось легко и бесшумно. Но, вероятно, ретивый наладчик перестарался, так как буквально через несколько мгновений мастер пыточных дел заорал благим матом и выпучил донельзя свои барсучьи глазки. Лорис немедленно остановил колесо и подал его назад, а помощники палача бросились отвязывать своего орущего шефа.

Встав на ноги, Гурд тотчас же с маxу залепил Лорису кулаком в лоб. Тот кувыркнулся, отлетел к стенке, смешно задрав ноги и сел там, опираясь о стену спиной.

— За что? — плаксивым голосом воскликнул пострадавший.

— Ты же чуть не вырвал мне руки с корнем! — заревел палач, потрясая своими громадными кулачищами.

Лицо его было искажено от боли, а рот перекошен. Подмастерья от греха подальше перебрались в угол, поближе к непонятной бочке. Я же задыхался от беззвучного смеха.

— Сам сказал — крути, — оправдывался Лорис, трогая свой лоб, наливающийся в месте удара красноватой синевой, — откуда мне знать, сколько надо сделать оборотов... И я оказался прав — ломоворот работает.

— Прав он..., — проворчал Гурд, потирая вывернутые суставы.

— А ты после этого — мне не друг! — заявил Лорис, — нашел, против кого руки распускать... Больше ты ни за что не заманишь меня в свою берлогу. Отныне ремонтируй свои орудия сам!

— Ну, погоди, — опешил палач, — чего ты так взъелся... Давай помиримся.

— Не буду я с тобой мириться!

— Я готов как-то компенсировать..., — начал Гурд.

— Ты ставишь мне пиво, — подхватил эту мысль невинно пострадавший.

— Пиво? Ладно, — палач утвердительно качнул своей грушевидной головой, от чего мясистые щетинистые щеки колыхнулись вниз, образуя дополнительный четвертый подбородок.

— От пузы! — добавил находчивый Лорис.

— От пузы? Ну, уж нет! — запротестовал явно струхнувший Гурд, — ты же способен вылакать целую бочку... А на дармовщину и все две...

— От пузы! — упрямо стоял на своем Лорис, — плюс закуска. Иначе ты мне не друг.

Они еще пообвиняли друг друга в непомерной жадности, после чего палач все же сдался, выторговав, однако, проставление угощения без закуски.

— Вон отсюда! — рявкнул палач своим хихикающим подручным, — на сегодня вы свободны!

Затем друзья пожали друг другу руки в знак примирения и отправились пить пиво. Меня даже не удостоили взглядом.

Говорят, что жадность — одно из самых сильных человеческих чувств. Иногда из-за нее даже предпочитают расстаться с жизнью. Но в данном случае она была легко побеждена перспективой потерять друга. Видно, не столь уж много было друзей у человека этой нехорошой профессии.

Я немного обождал, а затем без труда порвал веревку на правой руке, а потом распутал ей левую, веревка еще должна была пригодиться для имитации моего смиренного поведения. После этого я сделал легкую гимнастику, размяв члены, и на всякий случай подзарядился.

Ужин, равно как и обед, мне так и не принесли. Возможно, я еще не был поставлен на тюремное довольствие, а может быть, кормежка заключенных здесь была и вовсе не предусмотрена. Дверь была заперта на замок, но ломать я ее не стал. Вместо необдуманных активных действий я прилег на лежак, именуемый ломоворотом, и стал планировать свое дальнейшее поведение.

Пока моей жизни реально ничто не угрожало. Здоровье, которое может пострадать от пыток, я также постараюсь уберечь использованием своих чудесных физических кондиций. Хуже всего было то, что я фактически рассекречен. Да, можно найти путь к побегу из этой подземной каталажки. И что? Все начинать сначала? Это требовало большого времени и массы новых усилий. А ведь все шло так хорошо...

Совершив побег, я вынужден буду скрываться. Империя бросит все силы на поиск герцогского шпиона. Как же тогда по новой прорываться в высший свет? Только сменив личину, а точнее, лицо. А где здесь можно сделать пластическую операцию? На этой планете про это и не слыхивали. Самому попытаться изменить свою внешность? Каким образом, понапихивать ваты в рот, что ли. По части конспирации я был подкован слабо.

Ладно, введем в мозговой поисковик слова «Изменение внешности». Оказалось, что Малыш подкинул на эту тему информации довольно много. Я начал с файла «пластическая хирургия» и внимательнейшим образом изучил его содержимое. Денег у меня хватало, а хирурги в империи имелись, придется подкупить, если понадобится. Однако один из разделов предусматривал совершение такой операции даже на самом себе,

в полевых, так сказать, условиях. Подробно расписывались все ее этапы, вплоть до заживления оставшихся ран народными средствами, и давался исчерпывающий перечень необходимых инструментов и медикаментов. На всякий случай я сделал необходимую закладку.

Но вновь начинать с чистого листа все же не хотелось. И тогда мне на ум пришло красивое и кардинальное решение. Я слышал много хорошего о Первом министре императорского двора. И государственник он, и хозяйственный, и о людях радеет, и фиолетовых ненавидит — очень хороший набор для знакомства с моей истинной целью. Выложу ему, кто я на самом деле и какова моя задача. Только вот как с ним встретиться? Кто я такой, чтобы он уделил мне хотя бы толику своего внимания? Обыкновенный тье, которых в империи, наверное, сотни тысяч.

Эврика! Меня же считают опасным герцогским шпионом! Вот и пokaюсь Магистру Тайной стражи в этом амплуа. Попрошу встречи с Первым министром, чтобы лично довести до него злые и коварные козни, замышляемые герцогом Ардонье против империи. Ставим вопрос на голосование. Внутренний голос молчит. Значит, принято.

При этом я ничего не терял, и своим шансом на побег мог воспользоваться на любом этапе общения с моими пленителями.

Вскоре по моим представлениям наступила ночь, и я заснул быстрым сном праведника, нашедшего свой путь.

Глава двадцатая

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Утром я уже стоял привязанным к стенным кольцам и встретил приход Гурда с его подмастерьями бодрой улыбкой.

Палач хмуро покосился на меня и пошел переодеваться в свои профессиональные доспехи штатного истязателя. Лицо у него было весьма потрепанным и рыхлым. Видно, вчера они славно повеселились у пивной бочки со своим закадычным дружком Лорисом. Я решил не дожидаться применения ко мне насилиственных средств и попросить свидания с главой Тайной стражи.

Каково же было мое удивление, когда в этот же миг дверь отворилась и в пыточную зашел собственной персоной тот, кому я собирался покаяться в своих шпионских грехах.

Палач со своими подручными встали навытяжку и ели высокое начальство глазами. Магистр же сначала обратил свой взор на меня и долго присматривался, вероятно, отыскивая на мне следы причиненных телесных повреждений.

— Признался? — этот вопрос был адресован Гурду.

— Нет, господин, — на того было жалко смотреть, настолько он перетрусил.

— В чем дело? Утратил свою квалификацию?

Палач потерянно молчал, и мне даже стало его жалко.

— Дыба сломалась, — я решил помочь бедолаге оправдаться перед боссом.

— Какая дыба? — магистр повернул лицо в мою сторону.

— Ломоворот..., — едва ворочая языком, прошепелявил Гурд.

— Я вижу, какой ломоворот! — взорвался внезапно тт'Фергаль, — на морде твоей все написано!

— Вон отсюда! — это уже подручным палача, и те мгновенно испарились за дверью.

— В рудокопы захотел? — ласково улыбаясь, поинтересовался магистр у обомлевшего вконец Гурда.

— Н-н-нет, г-г-господин, — заикаясь от страха, открещивался палач.

— Я же вижу ты вчера весь день пропьянировал, — все так же ласково промолвил тт'Фергаль, — а тебе, что было поручено?

— Н-н-н-нет, г-г-господин, — ноги у Гурда подкосились, и он сел на пол с потерянным выражением лица.

— Ладно, — неожиданно сказал магистр, — иди пока проветрись, а я побеседую с твоим подопечным.

Я никогда не думал, что на четвереньках можно развивать такую скорость — тучного мастера пыточных дел как ветром сдуло.

— Будут ли жалобы на плохое обращение?

Во, изувер-то — не зря поговаривают, что в тайные службы набирают людей только с садистскими наклонностями. Давеча сам ведь поручал палачу умучить меня чуть не до смерти.

— Будут, — сказал я, — не кормят у вас тут.

С минуту он смотрел на меня с немым изумлением, а потом захохотал.

— Люблю арестантов, которых не покидает чувство юмора, — произнес он, отсмеявшись.

— Да я серьезно.

— Ну, тогда и я буду серьезен. Продолжим наш интересный разговор.

Он поиском глазами на что бы сесть и, не найдя стульев, присел на краешек ломоворота. Тт'Фергаль имел довольноный и одновременно озадаченный вид.

— Поведайте откровенно — зачем вам охотничий арбалет и веревочная лестница? — спросил магистр, лучезарно улыбаясь. — Хотели влезть через окно во дворец и устроить покушение на императора?

Ага, значит, они сделали дополнительный обыск и обнаружили мою потайную комнатушку. Однако куда гнет, подлец, терроризм хочет пришить.

— Для сезона охоты на Диком ярусе подготовил, — безмятежно ответил я, с холодеющей душой ожидая вестей о бронике и деньгах, — арбалет — сами понимаете..., а веревочная лестница, потому что моя Нэська обитает только на верхушках деревьев — поди, достань ее без всякой прилады.

— Нэська? — удивился сыщик.

— Ну, да. Так называется мой родовой зверь, — и я ткнул в герб на левом плече.

— Впервые слышу такое название...

— Я тоже впервые попадаю в камеру для пыток, — невпопад произнес я, мучительно гадая, нашли или не нашли мои настоящие сокровища.

— Что ж, за неимением лучшего, ваше объяснение принимается. Итак, будете по-прежнему упорствовать?

Все. Значит, тайник остался в неприкосновенности. Следуем намеченным курсом.

— Не буду, — этот короткий ответ вызвал непроизвольную гримасу удивления на обычно непроницаемом лице главного сыщика империи.

— Слушаю вас, — он даже несколько подался вперед.

— Я действительно посланник герцога Ардонье и прошу личной встречи с Первым министром.

Такого мой собеседник явно не ожидал, хотя сразу же взял себя в руки и принял обычный невозмутимый вид. Лишь искорка неожиданного удовлетворения промелькнула в его глазах.

«Радуется, что так быстро расколол», — подумал я и ошибся.

Я не мог знать, что Магистр Тайной стражи провел довольно бессонную ночь. Вчера вечером к нему прибыло доверенное лицо императора и передало поручение, касающееся персоны задержанного герцогского шпиона.

— Император приказал доложить ему о судьбе задержанного т'Егора лично вам — завтра, непосредственно перед ужином, — офицер для особых поручений склонил голову, дожидаясь ответа.

— Будет исполнено, — магистр кивком головы отпустил посланца.

И крепко задумался. Такое в его практике встретилось впервые. С чего это лично император заинтересовался судьбой какого-то худородного тье. Да, он мог проявить интерес к пойманному герцогскому шпиону, как к таковому, ибо такого события раньше не случалось. Но ведь никто в империи, кроме самого главы тайной службы, еще не располагал сведениями о том, что задержанный дворянин фактически является лазутчиком герцога Ардонье.

Изощренный ум главного сыщика империи начал быстро строить различные версии.

Это могли быть происки недоброжелателей, которых, увы, хватало. Другие придворные теплых чувств, мягко говоря, к руководителю тайной службы не испытывали, зная, что он собирает на них компромат, который готов предъявить по первому требованию императора. А компромат был на всех, за исключением, конечно, самого императора, который по определению был безгрешен.

И даже на Первого министра, у которого Магистр Тайной стражи был в оперативном подчинении и с которым в основном и общался по текущим вопросам. Правда, в делах государственных тот был безупречен, и компромат этот касался лишь явной нелюбви главы Кабинета министров к фиолетовым и связанных с этим действий. По большому счету магистр был сам патриотом и полностью оправдывал эти действия. Но материалы копил по извечной привычке руководителей тайных служб любого государства — мало ли что...

Сам Первый министр относился к тайному сыскному ведомству, как и положено, то есть как к печальной необходимости. Терпел и полагал ее нужной государственной структурой и, соответственно, к ее главе — ровно и даже несколько доброжелательно.

В чем конкретно заключались эти происки, приходилось только гадать. Возможно, задержанный тью был всего лишь фальшивой подставой, а никаким не шпионом, и Тайную стражу, а, следовательно, и ее главу, хотели выставить в смешном свете. Мол, вот до чего додумались тайные сыщики — ловят несуществующих шпионов, то есть втирают глаза самому императору о своей необходимости.

Глаза императору и так приходилось втирать по той же причине доказывания своей полезности, но так, в основном, по мелочи. То обычного уличного татя представить обществу, как опасного террориста и покусителя на государственные устои. То обвинить зазевавшегося ученого в разглашении секретных разработок на том основании, что он завернул пирожок в черновик своего засекреченного научного труда. То пустить слух об изобретении в герцогстве Ардоньерском нового супероружия — скорострельных арбалетов и последующем уничтожении его разработчиков силами Тайной стражи.

Вторая версия роднилась с первой по части фальшивости шпиона, но отличалась отсутствием коварной задумки. Просто золотая молодежь выкобенивается, иными словами, отпрыски высших государственных чиновников дурачатся. Чем они только не развлекаются... К тт`Фергалю стекались все сведения о времяпрепровождении сыновей титулованных имперских особ. Самые невинные из их забав: гонки на каретах по пустыне и фехтование на рапирах с завязанными глазами.

Недавно кто-то намазал перед балом паркет какой-то скользкой гадостью. Прямо в императорском дворце. Пары стали выходить на танцы и — о ужас! — одна за другой скользили и валились на пол. Кроме испачканной одежды, ушибов и синяков, полученных многими присутствующими, жена конюшего сломала ногу. Скандал был такой, что о нем прослышал сам император, он и велел магистру провести тщательное расследование и наказать виновных по всей строгости.

При проверке оказалось, что пакость сотворила кучка этих самых оболтусов во главе с непутевым сыном императора.

Сидели на затемненном балконе и ржали над задирающими вверх ноги чопорными дамами. Конечно, т'Фергаль не доложил о результатах расследования императору. И все крикуны сразу заткнулись, когда узнали, кто настоящий зачинщик этой забавы. Ведь сын императора обречен стать императором. И тогда многим прилипало может не поздоровиться, в том числе и в прямом смысле этого слова.

При дворе существовало такое множество различных придворных должностей, что даже искушенный т'Фергаль, по роду своей службы обязанный разбираться во всей этой иерархии, иногда путался. Помимо традиционно существовавших старинных постов, типа конюшего или виночерпия, каждый год вводились все новые и новые. Главная закавыка была в том, что все эти должности передавались по наследству, и даже император не мог их отобрать, за исключением случаев совершения высокопоставленным придворным тяжкого преступления против государства или его главы. И если император желал отличить кого-то с пожалованием высокого ранга, ему приходилось вводить новую должность.

Таким образом, с каждым периодом число министерских портфелей и министров без портфеля все возрастало. Их функции параллелились, переплетались самым причудливым образом, и при Дворе уже никто толком не понимал, кто за что отвечает и к кому надо обращаться за разрешением соответствующей проблемы. Как управлял Первый министр всей этой оравой, можно было только догадываться. Но, главное, они объединялись в кланы по интересам и вели постоянную борьбу за влияние на императора. Подковерная борьба шла постоянно, а интриги рождались и умирали ежедневно. Соответственно, во всю ревились и их отпрыски, подражая своим родителям.

Вполне возможно, что и здесь предпринят какой-то розыгрыш, и на самом деле шпионом прикидывается один из этих расшалившихся щенков. А когда дело дошло до пыток — сразу кто-то из родителей вышел на императора, и тот дал команду доложить. Да и сам арестант требует встречи не с кем-нибудь, а с самим Первым министром. Будто у того время есть для общения со всякой мелкой сошкой. Однако магистр знал в лицо всех этих детишек и не припоминал такого, как задержанный, называвший себя вымышленным именем т'Егор. Хотя дети подрастают быстро...

Если это действительно отпрыск какого-то высокопоставленного вельможи, тогда дело плохо. Ведомство т'Фергала обвинят в некомпетентности и шпиономании. Еще хуже, если задержанный допрошен палачом с применением обычного зверского набора пыток. Вдруг Гурд причинил необратимый ущерб здоровью арестанта, тем более он и сам приказал ему не церемониться с задержанным?

Поэтому поутру и заспешил магистр в помещение пыточной. И оттого был доволен состоянием арестованного. Ну, а что на Гурда накричал, так это скорее, чтобы пар спустить, да и подмечал магистр злоупотребления палача пивными попойками. Окоротить надо было.

Ни о чем подобном я и не догадывался. Откуда мне было знать, что сам император вдруг проявил интерес к моей скромной особе.

В свою очередь и магистр не мог знать, с чего раскрутилась эта удивительная интрига. Я узнал об этом гораздо позже. Своей последующей свободой, а может и жизнью, я был обязан своей так и несостоявшейся любовнице т'Иллари и ее подружке т'Кьясти. Именно последняя из окна своего дома случайно увидела сцену моего ареста и сразу же сообщила об этом прискорбном факте т'Иллари. Моя очаровательная брюнеточка запаниковала. Оказывается, она заимела на меня уже определенные виды. Подарки, которые я ей дарил, по незнанию, оказались ненормально дорогими и свидетельствовали о моих серьезнейших намерениях.

Молодой безумно богатый тье, сын губернатора провинции, да еще и имеющий в столице высокого покровителя. О такой партии можно было только мечтать. Т'Иллари была помолвлена с офицером, которому оставалось служить в далеком провинциальном гарнизоне еще шесть долгих лет. Помолвка — еще не значит вступление в брак. В конечном счете и здесь все решали деньги... Заплати хорошие отступные, и ты свободна. Этот путь и избрала хорошенъкая прелестница.

И вдруг такое сообщение: ее потенциального супруга хватают на улице вооруженные люди и увозят куда-то на темно-серой карете. Т'Иллари бросилась за защитой к своему могущественному дядюшке. Надо сказать, что императорский виночерпий т'Росней не имел собственных детей, а потому обожал свою

ветреную племянницу и готов был исполнить любое ее желание. А уж когда она явилась в слезах, он готов был разбиться в лепешку, но осушить ее прелестные глазки.

Должность виночерпия была очень влиятельной в государстве. Судите сами, т'Росней сидел на торжественных трапезах по левую руку императора и лично наполнял его кубок вином. Важнее здесь был только Первый министр, на всех раутах сидевший по правую руку самодержавного властителя. Император полностью доверял своему виночерпию (еще бы, не доверять человеку, который может в любую минуту сыпнуть в вино яду) и считал его своим любимцем. Просьба т'Роснея разобраться с арестом некоего безызвестного тье вызвала самый благожелательный отклик и породила соответствующее поручение Магистру Тайной стражи.

И вот сейчас глава тайного сыска посматривал на меня как-то странно. На его лице определенно читалось затруднение, но к чему оно относилось, определить я не мог.

- Позвольте только один вопрос, — обратился я к нему.
- Задавайте, — великодушно разрешил т'Фергаль.
- Как вы на меня вышли?

— Должен признаться — совершенно случайно. Я навещал раненого на дуэли т'Виньера, который приходится мне племянником. И он рассказал мне о вас удивительные вещи.

- Какие же? — с недоумением спросил я.

Что мог знать обо мне этот блестящий гвардейский офицер, если мы виделись всего лишь раз в жизни?

— Он сказал, что впервые столкнулся с фехтовальщиком на мечах такого уровня. А т'Виньер знает в этом толк. По моим сведениям, он сегодня является первым мечом империи, а в прошлом периоде выиграл финал турнира «Большой Меч».

- Гм-м-м, — только и смог промычать я.
- Кроме того, он заявил, что, несмотря на кажущуюся случайность своей раны, она была нанесена умышленно.
- Естественно, мы ведь дрались на дуэли, а не прогуливались по улицам.

— Вы меня не поняли. Рана была нанесена умышленно именно в то самое место, куда вы и стремились ее нанести. Вы хотели ранить своего противника именно в бедро. И знаете — почему?

— Почему?

— Вы пытались сорвать отправку экспедиционного корпуса в герцогство Ардоньеरское.

Вот те раз! И в мыслях этого не держал.

— Т'Виньера должны были назначить командующим экспедиционным корпусом, и поэтому вы вывели его из строя, воспользовавшись состоявшимся поединком. Вы полагали, что с потерей командующего армейские части не будут направлены против войск герцога и таким образом выигрывался целый период, который использовался бы для укрепления положения армии Ардонье.

Ну и выводы! Хотя какая-то логика в этом есть.

— Проще было его убить, — пробормотал я.

— Нет. Убийство т'Виньера непременно повлекло бы официальное расследование, и вы об этом прекрасно знали. Но вы — чужак и не знали, что обычно на пост командующего экспедиционным корпусом готовятся две-три кандидатуры. У нас были запасные варианты, и наши войска, в конце концов, благополучно отбыли на фронт. Таким образом, ваше посягательство на боевую мощь империи, что карается, кстати говоря, смертной казнью, провалилось.

Посягательство на боевую мощь империи... Действительно формулировка весьма угрожающая и звучит похоронным колоколом. У любого судьи рука не дрогнет подписать смертный приговор за такие штучки. Что он там плел в прошлый раз про подготовку покушения на императора? Я тогда пропустил мимо ушей, а ведь это серьезно. Ага, этот ушлый сыщик утверждал, что они измерили длину моей веревочной лестницы, и ее как раз хватило до окна императорской опочивальни, расположенной на третьем этаже дворца... Покушение на самого императора... Тут и вообще — кранты. За это четвертовать, и то мало. Так, две расстрельных статьи у меня уже есть. Ловко он мне их подвесил, однако. Чувствуется квалификация.

— Вкупе с подготовкой покушения на императора, — угадал т'Фергаль мои мысли, — вы уже покойник.

М-да, а ведь он еще не знает о фальшивомонетничестве — это еще одна статья, тянувшая на вышку. На Земле во все времена этот вид преступления был тягчайшим. И некоторые государи ввели в практику вливание в глотку фальшивомонетчика рас-

плавленного олова. Ну, остальные-то мои грешки будут послабей, как то: нелегальное прибытие в империю; выведение военных секретов у т'Амьерга и т'Альта; самовольное присвоение мной чужого звания и хранение подрывной литературы. С таким роскошным букетом тяжких преступлений долго не проживешь.

— Теперь вернемся к вашей просьбе. Зачем вам встреча с Первым министром?

— Герцог Ардонье поручил мне вступить в переговоры с высокочтимым тт'Аффнааром по предварительным условиям возможности возвращения герцогства в лоно империи, — высокопарно заявил я.

— Отчего же это не делается на официальном уровне? — недоверчиво хмыкнул тт'Фергаль, — посланник с миссией мира самого герцога и вдруг тайно прибывает в столицу империи и скрывается на какой-то подозрительной квартире. Как-то не вяжется все это... Кстати, как вы проникли в империю?

«Да, такого волчару на кривой козе не объедешь», — подумал я.

Но вслух сказал совсем иное, обходя опасный вопрос о способе прибытия в столицу:

— В герцогстве существует влиятельная армейская верхушка, которой выгодно постоянно воевать с империей, и герцог боится, чтобы эти люди не попытались его свергнуть, узнав раньше времени о таких переговорах.

Объяснение было, что называется, шито белыми нитками, но, как ни странно, глава тайной стражи не стал копать дальше. У него созрело иное решение. Факт первый — задержанный признал свое шпионское происхождение. Факт второй — он требует встречи с высшим должностным лицом империи, как посланец герцога Ардонье. Так почему бы не замкнуть все это дурно пахнущее дело на Первого министра. Тогда, чем бы оно ни закончилось и кем бы ни оказался задержанный прохиндей, проблему будет решать сам тт'Аффнаар. А его слово для императора значит все. И придворные шавки, если они подстроили эту каверзу, и вякнуть ничего не посмеют.

С этой спасительной мыслью приободрившийся тт'Фергаль внезапно прервал общение с загадочным пленником и отбыл на доклад к Первому министру. Но перед этим заглянул к Гурду, пребывавшему в своей служебной каморке в полной прострации.

Появившийся в пыточной палач вел себятише воды, ниже травы. Он, правда, проверил прочность моих пут, но на этом наш контакт и ограничился. Никаких разговоров также не затевалось, однако шестое чувство мне подсказывало, что т'Фергаль по какой-то необъяснимой причине сразу внял моей просьбе и отправился с визитом к главе Кабинета министров. Гурд решил пока присесть и двинулся было к ломовороту, однако вспомнил недавнее жуткое общение с ним и сменил курс в сторону стула с «испанскими сапогами». Там он и замер в позе роденовского мыслителя, обратившись ко мне своим печальным грушевидным профилем.

Я стал лихорадочно размышлять о тех козырях, которыми предстояло убедить всесильного вельможу в моем инопланетном происхождении и моих благих намерениях. Конечно, я по самую маковку был нашпигован передовыми знаниями земной науки, особенно в области математики, астрономии и биологии. Но чем я мог поразить второе лицо государства, с тем чтобы он проникся ко мне доверием?

Мгновенно рассчитать параллакс всех дневных иочных светил этой планеты относительно нашего местоположения? Сложнейшее, надобно сказать, дело без помощи пары десятков современнейших компьютеров и телескопов. Но вряд ли эта мудрость его заинтересует. Попроще надо, но подать поэффектней. Рассказать о процессе клонирования и первых достижениях в этом деле, типа овечки Долли? Тоже не то. У них вон лесничие без всяких клонов наловчились выводить гибриды животных, которые и в самом страшном сне присниться не могут.

Продемонстрировать свою неимоверную физическую мощь? Могут испугаться такого монстра и на всякий случай нашпиговать арбалетными стрелами, как ежика с его иголками. Доказать свою способность к свободному полету? Закуют в такую клетку, из которой уже не выбраться. Режим невидимости, конечно, будет очень эффектным зрелищем, но вот докажет ли он мое инопланетное происхождение? Все эти варианты не казались мне убедительными. Только выдам все свои секретные способности и, скорее всего, без толку.

Перебрав десятки вариантов, я понял, что удивить высокого гостя мне будет в общем-то нечем. Придется ориентироваться по ходу действий.

Глава двадцать первая

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТ ПРОТИВНОГО

Первый министр прибыл вскоре с целой свитой. Помимо тт'Фергалия, его сопровождал охранный эскорт, состоящий из уже знакомой мне четверки арбалетчиков во главе с элегантным т'Ортегом, а сбоку семенил тощий человечек с лицом голодной церковной крысы и блокнотом в руках.

Тт'Аффнарр был одет в походный коричневый ансамбль, имел рост несколько выше среднего, подтянутое спортивное телосложение и решительное лицо интеллигента в двунадесятом поколении. Внимательные серые глаза и одновременно твердый взгляд человека, привыкшего принимать и неуклонно проводить в жизнь нелегкие решения. Словом впечатление самое благоприятное — настоящий государственный муж.

Завидев столь представительную делегацию, Гурд позеленел лицом и попытался вжаться в стену, что при его внушительной комплекции было проблематично. С него и начал Первый министр.

— Ба! — воскликнул он, — да ведь это никак Гурд!

При звуке своего имени несчастный палач, как хамелеон, сменил цвет своего лица с зеленого на восковой.

— Знавал я твоего батюшку! — не обращая внимания на такую реакцию, продолжал высокопоставленный посетитель, — знатный палач был, знаток своего дела и мастер человеческих душ замечательный.

«Странное, однако, определение для палача, — удивился я про себя. — Надо надеяться, что это не воспоминания жертвы, хотя поведение Гурда навевало именно на такие мысли».

— Как он пошел по стопам отца? — это уже вопрос к тт'Фергалию,

— Свое дело знает, — веско произнес глава тайного сыска, — кое-чему я обучил его лично.

«Свои кадры следовало хвалить, на то они и свои, — подумал я, — хотя часом раньше он и грозился сослать его в рудокопы».

— Из самых диких жеребят выходят лучшие лошади, если их правильно воспитать, — нравоучительно произнес Первый министр.

Тт'Фергалль учитывая кивком подтвердил справедливость похвалы в свой адрес, а Гурд сполз по стене и бессмысленно таращил свои барсучьи глазки уже куда-то в потолок.

После своей сентенции тт'Аффнарр, наконец, обратил внимание и на меня.

— Этот? — вопрос адресовался тт'Фергалю.

Тот по-военному сделал короткий кивок головой.

— Что-то больно молод..., — сомнение, вероятно, адресовалось самому себе.

Еще один цепкий оценивающий взгляд. Я пока молчал, не положено проявлять инициативу без соответствующего дозволения.

— Итак, я вас слушаю. Что вы хотите мне сообщить?

Тон я бы назвал благожелательным и уж, во всяком случае, заинтересованным.

— Хотелось бы сделать это без свидетелей, — и, сделав паузу, я добавил: — То, что я вам скажу, является чрезвычайно важным и конфиденциальным.

Другой бы начал выпендриваться, мол, какие могут быть секреты..., а этот просто повел бровью и пыточная мгновенно опустела. Знал бы Первый министр мои истинные возможности, и чем он рискует. Может, взять его в заложники и таким путем попытаться выйти из создавшегося затруднительного положения? Нет, не годится — институт заложничества здесь наверняка неизвестен. Самый вероятный результат — неминуемый штурм, и спецназ арбалетчиков спешно выпустит в мою незащищенную шкуру весь свой боезапас.

— Говорите!

— Я начну с того, что не являюсь посланником мира герцога Ардонье, — начал я.

— Я это знаю. Неужели вы думаете, что империя не в курсе замыслов и деяний мятежного герцога? Но я также знаю, что тт'Фергалль не станет отнимать мое время никчемными вопросами. Поэтому давайте без предисловий — время дорого.

— Я посланник другой цивилизации...

— Что? — видимо, этот посыл показался Первому министру бредом сивой кобылы, и он сделал шаг по направлению к двери.

— Вы сначала выслушайте меня, — взмолился я, — клянусь, это правда! Я вам докажу!

— Ну, хорошо, — он был предельно краток, — но вначале — доказательства, а потом, возможно, я послушаю ваши повествования.

Да, начальный этап я не подготовил и проиграл, он мне явно не верит. Как же изменить ситуацию?

— Доказательства находятся на моей квартире, где я жил до своего ареста.

— То есть мы должны туда подъехать?

— Да.

— Молодой человек, если вы лелеете надежду на побег..., — тут он запнулся и на мгновение задумался.

Это мгновение показалось мне вечностью. Я уже видел, что этот человек не склонен менять своих выводов и решений на основе мимолетного проблеска иных идей, но надеялся на чудо.

— Мы едем, — просто сказал тт'Аффнэрр.

Разумеется, я был доставлен домой той же темно-серой каретой и с тем же сопровождением, а элегантный т'Ортег раскланивался со мной, как уже со старым знакомым. Первый министр со своим секретарем и тт'Фергаль ждали нас там. Дверцы одежного шкафа были распахнуты, и в его нутре чернел вход в мою потайную комнату. В комнатах был порядок, что меня немало удивило, при обысках у арестованных с их имуществом обычно не церемонились.

— Сами сделали? — Первый министр крутил в руках моток моей веревочной лестницы.

— Сам, — скрывать не имело смысла.

— Я надеюсь не это ваше главное доказательство? — в глазах вельможи сверкнула искорка юмора.

Но мне было не до шуток. Если я не сумею убедить его сейчас, других попыток больше не будет. Я уже просек твердость характера второго лица государства.

— Пусть мне развязнут руки.

И здесь никаких сомнений, лишь легкий кивок головы, и мои руки свободны. Правда, т'Ортег с командой свое дело знали и мгновенно расположились так, чтобы я был на прицеле у всех четырех арбалетчиков, а тт'Аффнэрр оказался вне зоны случайного попадания. Сам командир группы захвата этак ненавязчиво заслонил его своим телом, положив руку на рукоять меча.

Я залез в камин и, поманипулировав невидимым блоком, быстро извлек свой броник. Пояс с монетами мне был пока ни к чему, и я оставил его там, впрочем, уже не надеясь на сохранность своего тайного клада.

Я полностью развернул прозрачную невесомую бронекольчужку и протянул ее Первому министру.

— Что это? — восклицание было произнесено без всякого страха, но с недоумением.

— Сомните и соберите это в кулак.

Охрана насторожилась и заскрипела пружинами арбалетов, но глава правительства безбоязненно исполнил требуемое. В его руке остался крохотный комочек невесомой материи.

— И что? — в голосе Первого министра послышалась явная заинтересованность.

— Такие вещи производят на вашей планете? — спросил я.

— Не готов ответить, — и он повернулся к своему секретарю.

Но тот тоже пожал плечами, однако что-то черкнул в своем блокноте.

— Это и есть ваше доказательство? — в голосе тт'Аффнарра пропустила нотка разочарования.

— Почти. Позвольте, я надену это на себя, а ваш арбалетчик попробует пробить мне грудь стрелой.

И тут впервые в разговор вступил тт'Фергал.

— Я бы рекомендовал этого не делать. Если эта вещь действительно может защитить его от стрелы, то все наши меры безопасности неэффективны. Он попытается сбежать.

— Свяжите мне ноги, — предложил я.

Но все смотрели только на большого босса и ждали его решения.

— Столько людей не смогут справиться с одним? Пусть одевает.

При всей своей мудрости Первый министр не мог знать насколько я опасен. Надев свой броник, я становился неуязвимым для страшных арбалетов, и справиться с этой восьмеркой для меня не составляло никаких проблем. В том случае, если мне не поверят, я намерен был совершить побег, поскольку иных вариантов у меня уже не оставалось.

Я надел свою бронекольчужку поверх своей одежды, и всех поразило, что она мгновенно плотно прижалась к моему телу, принимая его формы.

— Стреляй! — крикнул я ближайшему арбалетчику, и ткнул себя пальцем в место, где находилась мое сердце.

Тот не двигаясь смотрел на тт'Аффнарра.

— Это боевой армейский арбалет, — вполголоса произнес т'Ортег, — и металлическая стрела пробьет ему грудь насеквоздь. Она свободно пробивает даже кирасы, не говоря уже о легких кольчугах. А с нескольких метров...

Он явно мне симпатизировал, не желая моей смерти.

— Вы хотели доказательств..., — с укоризной бросил я Первому министру, — так давайте же — дело за вами.

Тот пожал плечами, подошел ко мне, и ткнул пальцем в мое правое плечо.

— Сюда!

Сухой лязг арбалетной пружины, и наконечник стрелы впился в мое плечо. Удар был такой силы, что меня развернуло вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов. Стрела же отскочила от кольчужки и упала на пол, продолжая вибрировать нерастряченной энергией. Да, фокус, как говорится, удался. На лицах всех присутствующих застыло неприкрытое удивление. Т'Ортег поднял стрелу и потрогал пальцем ее сплюснувшийся от удара наконечник.

— Поразительно..., — только и прошептал он.

— Снимайте! — произнес Первый министр, — и дайте вашу накидку мне.

Вот здесь я заколебался. Отдать броник означало лишиться надежной защиты и почти похоронить идею о побеге. По-моему, это поняли все, и в комнате наступило тревожное молчание. Взгляд тт'Аффнарра, кажется, не выражал сомнения в выполнении его команды. Тт'Фергаль смотрел исподлобья и настороженно. Жест т'Ортега призвал арбалетчиков изготавливаться к стрельбе. Прошло некоторое время, прежде чем я стал стягивать с себя бронекольчужку. Через пару мгновений она уже исчезла в кармане Первого министра.

Не знаю почему, но я ему полностью доверял. Вся ранее полученная мной информация, недолгое личное общение, наконец, просто его располагающая внешность свидетельствовали о его недюжинном уме, служении государственным интересам и человеческой порядочности. Кроме того, последнее время я находился в страшном нервном и физическом напряжении, и мне просто хотелось веры в скорое вступление на твердую почву.

— Я бы все-таки хотел поговорить с вами наедине, — устало промолвил я.

— Думаю, это возможно. Поехали! — последняя команда адресовалась всем присутствующим.

Водружение все в ту же тюремную карету и наличие арбалетчиков во главе с т'Ортегом не придали мне мажорного настроения. Впрочем, не могли же меня посадить вместе со вторым лицом империи — и ранг не тот, и меры предосторожности должны были соблюдаться. Этим я и утешился. Вместе с тем мой внутренний навигатор показывал резкое изменение прежнего маршрута — следовательно, мы не возвращались в мрачное училище Тайной стражи.

Глава двадцать вторая

ВЕЛИКИЙ ЖРЕЦ-ПРОРИЦАТЕЛЬ

Карета остановилась во внутреннем дворе императорского дворца, который я прежде видел только издали. Размерами, формой и внешней роскошью он уступал многим дворцам земных владык, но в империи подобной монументальной и пышной постройки я не видел. Не буду пока останавливаться на его описании, тем более, что вопреки моим ожиданиям, мы направились к совсем другому сооружению. Напоминало оно приземистую русскую церковь с куполом наверху.

«Должно быть, религиозное сооружение, — подумал я и почти не ошибся, — вероятно, предстоит пройти нечто сродни очищению от греховных помыслов по отношению к императору, с которым, как я полагал, предстояла следующая аудиенция».

— Это обиталище Великого жреца-прорицателя, — тихо произнес Первый министр, знаком предложивший всем остальным оставаться у входа.

— Зачем мы к нему идем?

— Вам предстоит пройти последнюю проверку.

«Ну, вот, — уныло подумал я, — без шамана таки не обошлось. А мало ли с какой ноги он встал сегодня — скажет, что мне веры нет и крышка. Что ему докажешь?»

Мы вошли внутрь и остановились возле деревянной резной двери с изображениями каких-то каббалистических знаков.

— Как его имя? — тихо спросил я.

— Никак. Он единственный и не нуждается в имени, так же, как император.

Как я и ожидал, жрец оказался довольно древним стариканом, с седой окладистой бородой. На нем было одеяние в виде простой длиннополой рубахи белого цвета, а голова была непокрыта. На изборожденным морщинами неподвижном лице выделялись живые рыси глаза с золотистым блеском зрачков, в которых проскакивала какая-то сумасшедшинка. Сидел он за обычным столом, на котором, кроме древнего раскрытоого фолианта, ничего не было. Я быстро оглядел его келью: ни икон, ни статуэток существующих в империи божеств, ни зажженных свечей, ни запахов, похожих на ладан. Не священник, а типичный шаман.

«Наверняка этот напыщенный авгур что-то типа наших лжепророков, — решил я про себя, — сейчас ударит в какой-нибудь бубен, попричитает заклинаниями и в заключение наговорит с три короба ворожбы Первому министру о моей черной душе и нечистой совести. И все достигнутое рухнет. Ну и, конечно, напоследок посоветует сotворить со мной гекатомбу, то есть принести торжественно в жертву, как это делали в Древней Греции».

— Насчет бубна и заклинаний — идея неплохая! — неожиданно сказал старец и озорно улыбнулся одними глазами, — об остальном порешаем после нашего общения.

Я вздрогнул и вытаращил глаза, оказывается, этот муфтий не так прост и умеет читать чужие мысли.

— О чём идет речь? — не понял всполошившийся тт'Аффнаар.

— Так, небольшой блиц-обмен мнениями, — успокаивающе махнул рукой верховный жрец, — что привело тебя ко мне?

— Прощупай тайные помыслы этого тье, — жест в мою сторону, — и открой его истинное лицо.

— Подойди ко мне и стой спокойно.

Я выполнил указание жреца и остановился перед ним, неожиданно ощущая чужое копошение в моем мозгу. Я сконцентрировал волю и попытался выбросить наглого пришельца. Не получалось, чьи-то деловитые пальцы как бы вытаскивали кирпичики нейронов, считывали с них информацию и клади кирпичи на место. Я включил дополнительные возможности и попробовал полностью заблокировать свой мозг.

— Не надо этого делать, — спокойно произнес жрец, — постарайся ни о чем не думать, а то твой мозг ненароком может разрушиться от столкновения двух противоположных сил.

— Ни о чем не думать? — я был близок к панике и поспешно убрал свое противостояние.

— Ни о чем. Даже о моих способностях и возможностях, — тонко усмехнулся жрец, — например, считай про себя.

— Кого считать?

— Ну, своих баранов, к примеру, правда, не знаю, что это за твари.

Боже, он уже до баранов добрался. Действительно, когда я не мог долго уснуть я начинал бубнить про себя эту бездумную считалку: один мой баран, два моих барана, три моих барана..., ну и так далее. Пока не засыпал. Но делать нечего, и я начал подсчет своего огромного стада.

Я не представляю, сколько длилось мое мысленное общение с Великим жрецом-прорицателем. Впрочем, общением трудно назвать несанкционированное проникновение в чужой внутренний мир, скорее это было хакерским взломом и кражей нужной информации.

Наконец, он оставил в покое мою заблудшую душу и тяжело откинулся назад.

— Нам следует уединиться? — осторожно спросил Первый министр.

— Нет. Пусть слушает и делает свои выводы.

— Ты выяснил требуемое?

— Этот тье многое от тебя утаил, — медленно начал жрец, — у него огромный умственный потенциал и в мозгу заложено громадное количество информации, большей частью для меня непонятной. Но то, что он тебе сказал, является чистой правдой.

Я облегченно вздохнул, мое первое впечатление по части шаманских изысков жреца оказалось в корне ошибочным.

— Кто он? — Первого министра, прежде всего, волновал этот вопрос.

— Не знаю. Этот человек издалека. Он совсем из иного мира. Я не могу вызнать, откуда он прибыл. Но его мир гораздо совершеннее нашего по своим техническим возможностям. Многие их диковинки неподвластны моему разуму. У них все совершенно другое. Я пытался постигнуть, но не смог...

Лицо жреца после состоявшегося сеанса связи с чужим внутренним миром было бледным и осунувшимся. Он тяжело дышал, а по щеке на бороду сползали крупные капли пота.

— Он прибыл с дурными намерениями?

— Он не желает империи зла. Его интересует вешество, добываемое на нашем ночном светиле. В связи с этим у него имеются враждебные намерения к какой-то части окружающего мира. Но не нашего мира. Его враждебность вызывает нечто громадное и могущественное, я не в силах постигнуть сути его врага — у меня не хватает иных знаний и понятий.

Вот это полиграф! Нам бы на Земле такой детектор лжи — ни один политик не врал бы, и ни одно преступление не осталось бы нераскрытым. Ну, молодчага, этот верховный жрец! Все расставил по своим полочкам и, хотя из-за недостатка знаний не все смог объяснить, суть схватил точно. Какая своевременная и мощная поддержка для меня! Теперь я получу полное доверие Первого министра. Я был готов расцеловать этого степенного седобородого старца.

— Спасибо за комплимент, — жрец, обессилев, почти лежал в своем кресле, — теперь ты видишь, что нельзя судить по первому впечатлению.

God damned!¹¹ — помянул я про себя земную нечистую силу, совсем забыв о его способности проникать в чужие мысли.

— Как этот человек, — тт'Аффнэрр уже не называл меня тье, — относится лично ко мне? Не следует ли усилить мою охрану?

— Твоя охрана для него ничего не значит, — спокойно ответил жрец, — он в силах уничтожить любую охрану. Или просто проигнорировать ее.

Несмотря на всю свою выдержанку, Первый министр побледнел. До него сразу дошло, какой опасности он подвергался, общаясь со мной.

¹¹ Черт меня побери! (англ.)

— Теперь мне необходимо отдохнуть и выпить лекарство, — слабым голосом сказал Великий жрец-прорицатель, полностью оправдывавший свое высокое звание.

— Да, мы уже уходим. Не нуждаешься ли ты в какой-нибудь помощи Двора?

— Нет, спасибо. И еще — я ощущаю, что всех нас ждут великие перемены.

Мы оба поклонились всеведущему старцу и вышли наружу.

— Все свободны, — бросил т'Аффнарр на ходу, — со мной останутся только т'Ортег, как офицер связи и особых поручений и..., — здесь он замешкался, не зная, как меня назвать, и уже решительнее закончил, — ...и т'Егор.

Таким образом этот чрезвычайно умный человек постарался сохранить максимальную секретность.

— А как же..., — начал т'Фергаль, который хотел выяснить еще массу вопросов, в том числе по поводу дальнейшего статуса своего арестанта и по части боевого охранения.

— Этим все сказано! — коротко подытожил Первый министр.

Мы отправились во дворец императора, на втором этаже которого располагались и служебные апартаменты второго человека в империи. Т'Ортег был оставлен у дверей приемной с наказом никого, без особого распоряжения, не впускать. Он имел довольноный вид. Кроме удачного окончания дела с бывшим арестантом, которому он симпатизировал, его явно ждало серьезное повышение.

Глава двадцать третья

И СНОВА ФИОЛЕТОВЫЕ

Едва за нами закрылась дверь служебного кабинета, т'Аффнарр, сообразно своей деловой натуре, сразу приступил к делу.

— Сначала я задам вопросы, — отрывисто произнес он, — постарайтесь ответить на них кратко, но обстоятельно и, главное, без утайки. Затем наступит ваша очередь. А потом мы вместе подумаем над итогом наших переговоров.

Вот как — переговоров! Глава правительства видел во мне уже не задержанного безродного тье, а полноправного партнера. Своей манерой решения сложнейших вопросов он мне нравился все больше и больше. Я кивнул головой, заражаясь его кипучей энергией, помноженной на удивительную компактность.

— Кто вы?

И хотя этот вопрос за последнее время набил мне оскомину, я попытался отвечать честно, основательно и старался быть понятым по всем аспектам.

— Если вы не возражаете, — начал я, — было бы правильнее начать с того, откуда меня прислали в ваш мир, и раскрыть причины такого визита.

Получив согласие, я коротко обрисовал собеседнику опасность, грозящую всему живому и исходящую от одного из компонентов Вселенной. Понимая скучность познаний высшего сановника в вопросах астрономии, физики и высшей математике, я оперировал терминами и понятиями, имеющими хождение на этой планете. Он без видимого удивления принял мое сообщение, что в необъятном космосе существует еще множество обитаемых миров, а другие разумные существа могут иметь личину, совершенно отличную от нас.

Способ нейтрализации общего врага всех существующих цивилизаций его чрезвычайно заинтересовал. Но здесь я не мог полностью удовлетворить его любопытство, поскольку и сам слабо разбирался во взаимодействии всех этих бесчисленных частиц атомов с труднопроизносимыми названиями. Не долго думая, я привел в пример воду, которая может находиться, кроме своего естественного жидкого состояния, в газообразном и твердом. Наше устройство заморозит врага, лишив его возможности к бесконечному размножению — в таком виде я подал идею нейтрализации общего неприятеля. Холодильники на здешней планете существовали, хотя и работали по иному принципу, нежели у нас, поэтому идея была воспринята.

Для того чтобы заработало наше устройство, необходим катализатор, который был обнаружен земными астрономами в здешней звездной системе, вероятно, в виде рудного месторождения. Моя задача найти это вещество и увезти его определенное количество в нашу звездную систему. Я не стал говорить о том, что всего лишь подам сигнал, по которому сюда

прибудет целый земной флот. Неизвестно, как глава имперского правительства воспримет перспективу вторжения в свою звездную систему чужих могущественных вооруженных сил. Я думаю, к такой возможности он бы отнесся отрицательно, во всяком случае, на этом этапе наших отношений.

— Я разведчик и курьер, — теперь можно было ответить на вопрос Первого министра, кто же я такой.

— Как вы прибыли на нашу планету?

— Честное слово механизм моего перемещения мне неизвестен, — как можно искреннее произнес я, — это технические моменты, которыми занимались специальные люди. Никакого летательного аппарата у меня не было. Поначалу я попал на Аграрный ярус, а потом переместился сюда.

— Вашей целью была встреча со мной?

— Нет, я хотел найти надежный источник информации о конкретном местонахождении искомого вещества, который мог быть только среди придворных, ведающих этими вопросами. Встреча с вами — замкнувшаяся цепь случайных факторов, связанных с моим задержанием. Но это настоящая удача для меня.

— Вы успели причинить какой-либо вред государству?

Вот те раз! Я ведь обещал быть честным. Как же быть с фальшивомонетничеством, ведь это тягчайшее преступление против любого государства.

— Столь незначительный, — небрежно сказал я, — что об этом не стоит и говорить. Но даже эту малость я обязуюсь полностью возместить. Подданным империи я вреда не причинил.

— Не считая ваших многочисленных дуэлей?

— Это было средство получить известность и пробиться в придворную среду, — и это был полностью искренний ответ.

— Что вы знаете о фиолетовых? — неожиданно мой собеседник резко сменил тему.

— Почти ничего. На уровне бытовых сплетен. Сам я с ними не контактировал.

— Я ведь заподозрил в вас их агента. Поэтому и повез на рандеву к Великому жрецу-прорицателю.

— Почему? — моему удивлению не было предела.

— Ваша защитная накидка. Ведь плащи фиолетовых, как утверждают некоторые свидетели, также обладают аналогичными защитными функциями.

— Я думаю это совершенно иная технология.

— У меня будет к вам еще много вопросов, — заметил тт'Аффнапр, — но все это в процессе дальнейшего общения. Главное я уже выяснил. Теперь очередь за вами. Попытаюсь быть столь же откровенным.

— Каким образом были созданы ярусы на вашей планете?

И здесь он впервые дал волю своим эмоциям.

— Эти ярусы создали фиолетовые твари! — в ярости вскричал он, — и все плохое и непонятное, что есть в нашем мире, создали тоже они. Я их ненавижу!

Да, трудный денек выдался и у главы имперского правительства, раз он неожиданно проявил такую несвойственную для него несдержанность. Но, надо отдать ему должное, лицо вновь стало непроницаемым, а голос мгновенно обрел прежнюю спокойную твердость.

— Они называют себя потомками бастоньеров — в древности был такой монашеский орден, проповедовавший аскетизм и бескорыстное служение только Богу Добра. Официально считается, что бастоньеры спасли планету от распада.

— От распада?

— Планету, якобы, разрывали на части два наших дневных светила. Наши астрономы утверждают, что такое возможно. Вот тогда и были созданы ярусы.

— Полуграмотными монахами?

— Древние источники утверждали, что бастоньеры владели магией, дарованной им Богом Добра за их честное и бескорыстное служение. Большинство из них, якобы, погибло при катализме, сопровождающем планетарное преобразование. За этот подвиг правящий тогда император возвел оставшихся в высшее дворянское сословие и включил всех в созданный Тайный Совет империи.

— Тайный Совет не при императоре, а именно империи?

— уточнил я немаловажную подробность.

— Аккурат так. Их было двенадцать, а в весь высший орган империи входило пятнадцать его членов. Сам император, Первый министр и Государственный казначей составляли в этом совете меньшинство.

— Очень уж это подозрительно, — не удержался я, — что император сам добровольно пошел на такое ограничение своей власти.

— Вы правы. Я думаю, что здесь кроется какая-то интрига. Тайный Совет был создан, вероятно, с целью легализации фиолетовых, с тем, чтобы они также считались подданными империи и находились под официальной защитой императора. То есть имели свой определенный государственный и юридический статус. Причем очень высокий статус.

— Н-да-а..., — протянул я, — похоже на то. Теперь формально они являются своими и более того — высшими государственными сановниками. Это способ своей защиты. Против чужаков можно воевать, против поработителей — поднимать восстания, а здесь они, как бы, свои...

— А далее произошли очень странные события. Император неожиданно для всех издал эдикт об уничтожении в империи всех книг. Их начали повсеместно сжигать.

То-то я не смог найти никаких древних источников по истории, географии и прочим наукам этой планеты и не смог составить о ней полной картины.

— Следующим указом распускалась армия, и в народе пошли слухи, что император сошел с ума. Часть высших офицеров империи заподозрили неладное и осуществили военный переворот, в ходе которого произошла схватка между охраной и заговорщиками. Император был убит при невыясненных обстоятельствах, хотя в планы заговорщиков это не входило.

— Будто заметали следы! — воскликнул я.

— Похоже на то, — вздохнул Первый министр, — следует заметить, что Тайный Совет при мне ни разу не заседал. Фактически это мертвый государственный орган.

— Так они ничем не занимаются?

— Почему же, фиолетовые ведают взаимодействием ярусов при помощи транспорталов. Кроме того, они добывают какую-то руду на одном из нашихочных светил.

— И куда они девают свою добычу? — заинтересовался я

— Складируют в своей Черной башне, а затем вывозят с помощью небольшого летательного аппарата за пределы нашей звездной системы. Это несколько раз наблюдали наши астрономы.

— Куда именно?

— Место доставки нам неизвестно.

— Вы не пытались узнать, что это за руда? Может, она необходима самой империи?

— Формально ночные светила империи не принадлежат. Поэтому мы не вмешиваемся в их дела. Правда, в последнее время и они не лезут в дела империи. Сделали свое черное дело и затихли.

— Какое черное дело.

— Мы же с этого начали — ярусы.

— Зачем, по-вашему, они это сделали.

— Это я знаю определенно, — в голосе вновь прорвалась злость, — так им было легче управлять нашим миром.

— Почему? Ведь разбивка планеты на ярусы усложняет проблемы контроля за ними.

— Дело в другом. Фиолетовые, по каким-то причинам, не хотят, чтобы мы знали историю своей планеты, ее настоящие ресурсы, и поэтому создана система ярусов. Наука у нас находится на одном ярусе, промышленное производство на другом, сельское хозяйство на третьем, энергетика на четвертом, на пятом — природные ресурсы и так далее. Их оторванность друг от друга не дает двигать прогресс. Наука, оторванная от практики и общества, тлеет и почти мертва. Этого-то и добиваются фиолетовые. Они не дают планете и империи жить полной жизнью, а лишь поддерживают их существование. Нам позволяют жить, но не дают развиваться. Наша разобщенная экономика не может объединиться и заработать в полную силу, выявить истинный потенциал планеты. В результате мы не можем достичь высокого уровня развития, стать более могущественными и сбросить ярмо фиолетовых.

Вот оно что... Логика Первого министра была железной. Действительно ярусы — это тормоз прогресса.

— Им выгодна наша бесконечная война с герцогством Ардоньерским, поскольку она отбирает наши и без того слабые военные силы. Мы неоднократно ставили вопрос о большей пропускной способности транспортала на ярус герцогства. И всегда получали ответ, что это технически невозможно. Хотя я уверен в обратном. Я ненавижу этих ловких тварей, которые удушают мой народ.

— Я слышал, что вы не боитесь говорить это публично. Вас не страшит возможная расправа с их стороны?

— У них нет чувств, как таковых — ни озлобления, ни мести, ни ожесточения. Только голый рационализм. Фиолетовые

прекрасно знают мое отношение к ним. Но не трогают меня, потому что это им невыгодно.

— Вот как?

— Им нечего меня опасаться — к сожалению, я бессилен причинить им зло. При мне страна вполне управляема, и им нечего бояться, к примеру, всеобщего народного восстания. Я же не пойду на такой открытый бунт, так как они легко расправятся с нами — судя по всему, у них громадные технические возможности. Я не сомневаюсь, что у них достанет сил, чтобы перекалечить и перебить весь мой народ, и я не желаю своему народу еще больших бед. Допустим, они уберут меня. Тогда к власти может прийти какой-нибудь экстремист, которых у нас хватает. И планета окажется в хаосе всеобщего мятежа. У них достанет сил и средств, чтобы укротить любую планету. Но, тем самым, может быть сорвана добыча этой руды, ради которой, как я думаю, все эти злодеяния и совершены. Их главная цель — добыча руды.

— Отчего вы так считаете?

— Так думаю не только я. Более того, мы собрали всю накопившуюся доступную информацию о фиолетовых: их образ жизни, перемещения, поступки, привычки — в общем все, что смогли добыть и легально, и тайно. На основе тщательного анализа всех этих данных Великий жрец-прорицатель сделал несколько важных выводов.

— Каких же?

— Во-первых, они однополы. Во-вторых, практически бессмертны. И, главное, они собираются сами покинуть нашу планету после завершения своей задачи. И, по мнению нашего жреца, этот этап уже близок. Поэтому нам лучше потерпеть и не делать резких движений.

— Куда же могут отправиться потомки могущественных бастоньеров, владеющие магией?

— Я полагаю, что к монашескому ордену фиолетовые не имеют никакого отношения. Это просто вывеска. Скорее всего, кстати, так считает и Великий жрец-прорицатель, они, как и вы, являются пришельцами из других миров. Судя по их технологии, очень развитых миров. И, если мы попытаемся ликвидировать фиолетовых, на нас может обрушиться вся мощь этих миров.

— Я слышал, что такие попытки были.

— Да, — очень нехотя ответил та Аффнарр, — была жалкая кучка глупых гвардейских офицеров, возомнивших, что фиолетовых можно истребить мечами. Почти все они погибли при нападении на одного из них. В живых остались лишь находившиеся в засаде, непосредственно не участвовавшие в нападении.

— Он, якобы, убил их взглядом, а затем высосал плоть убитых офицеров?

— Это обычные страшилки. Действительно, на месте нападения остались лишь высушенная кожа и кости погибших. Но наши медики, по моему указанию, тайно исследовали их тела — у каждого из них было едва заметное ранение в виде трех крохотных отверстий, расположенных правильным треугольником. Исследования показали, что все офицеры были убиты каким-то трезубцем, но при этом впрыскивался страшный яд, который почти мгновенно уничтожал всю человеческую плоть. Происходила сложная химическая реакция, в результате которой все органы, содержащие в достаточном количестве воду, просто испарялись в атмосферу. Ведь более чем на восемьдесят процентов наши тела состоят из воды. Некоторые эксперты утверждали, что это шипы растений, споры которых взрываются при уколе и прорастают в теле, мгновенно поглощая его. А затем испаряются. Но я больше склонен придерживаться первой версии.

— На различных мероприятиях во дворце в качестве наблюдателей присутствуют одни и те же фиолетовые?

— Неизвестно. Их не различить, они все одинаковые, как набор новых столовых ложек. Формально, по положению о Тайном Совете, за каждым из них закреплено по одному ярусу, а всех ярусов — двенадцать.

— А вы уверены, что их двенадцать?

— Нет. Вполне вероятно, есть еще тайные ярусы, которые обитателям нашей планеты недоступны. Возможно, на одном из них и расположена их основная база, а здесь лишь их официальное представительство.

— А может, фиолетовых стало больше? Или, напротив, число их уменьшилось, в связи с тем, что некоторые из них уже покинули вашу планету?

— Не уверен ни в том, ни в другом. Никто, даже мажордом, не знает, сколько их на самом деле.

— Мажордом? Кто это?

— Они отбирают из среды простолюдинов человека, который ведет их домашнее хозяйство. Он закупает для них продукты, убирает мусор, выполняет прочие мелкие бытовые работы.

— Фиолетовые не боятся, что их могут отравить?

— У них есть какой-то детектор, определяющий доброкачественность пищи. При малейшем подозрении продукты выбрасываются. Кстати, употребляют они только овощи. И совершенно не пользуются нашими промышленными изделиями и текстилем.

— А если фиолетовые все же не собираются покидать вашу планету? По-моему, им здесь неплохо живется.

— Мы думали над этим вопросом. Великий жрец-прорицатель пытался проникнуть в их мысли. Мы оборудовали специальную комнатушку позади того кресла, в котором обычно сидит представитель фиолетовых. Однако жрец не смог прочесть его намерения. Вообще, не удалось залезть к нему в мозг.

— Вот как? Со мной у него это получилось легко, хотя я и пытался сопротивляться.

— Либо у них стоит специальный защитный экран, либо..., — Первый министр наморщил лоб.

— Либо что?

— Либо они не люди, в прямом смысле этого слова.

— Не люди? Тогда кто же?

— Какие-то другие существа. Великий жрец-прорицатель полагает, что их тела могут быть искусственного происхождения, а разум человеческий. Произведенные кем-то подобия живых существ.

Вот так штука Роботы, что ли? Точнее, биороботы. Кем же они могли быть созданы, если принять во внимание эту версию? Однополы, бессмертны, не отличимы друг от друга, эмоции отсутствуют, не имеют глаз, мечи отскакивают от их защитных оболочек... Весьма похоже. Можно создать очень точную копию человекоподобного существа и даже вложить в него определенный интеллект... Однако, с другой стороны, они потребляют овощи. Или закупка овощей — только для отвода глаз... Вопросы, вопросы, вопросы. Эх, сюда бы суперинтеллект Малыша — он бы мигом разобрался с этой загадочной псевдо-человеческой братией. Надо попробовать напроситься еще на одну аудиенцию к жрецу, послушать его чисто человеческие впечатления.

— Один из наших серьезных ученых, готовивший обобщенную информацию Великому жрецу-прорицателю, — неожиданно добавил т'Аффнапр, — считает, что это оборотни, владеющие магическими искусствами. Якобы о таких сверхъестественных существах упоминается в некоторых уцелевших от уничтожения древних книгах.

Оборотни. Ну, это вряд ли... Хотя я сужу земными понятиями, а бесконечная Вселенная может породить любых монстров. Да и на Земле очень многие верят в существование оборотней.

С Первым министром было легко и приятно взаимодействовать. Он все схватывал на лету. А в вопросах логики и анализа имеющейся информации был выше меня на голову. Сопоставив полученные от меня сведения с имеющимися у него, Первый министр сделал неожиданный вывод о том, что фиолетовые занимаются добычей именно того элемента, за которым я охотился.

— Я думаю, — раздумчиво произнес он, — они добывают как раз то, что вы ищете.

— Отчего вы так решили?

— Уж очень много совпадений по многим позициям. Чем еще может заинтересовать наша бедная планета представителей могущественных цивилизаций? И, возможно, фиолетовые добывают эту руду с той же целью, что имеется и у вас. Может вам стоит объединить усилия?

Глава двадцать четвертая

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

И вот тут-то мы вплотную занялись анализом деятельности на планете этих загадочных существ. По всему выходило, что иной задачи, кроме добычи вещества, названного земными учеными даркснитом, у фиолетовых не было. В самом деле, в дела империи они уже не вмешивались, ограничивая свои действия лишь обеспечением некоторой взаимосвязи между ярусами. В то же время, их деятельность по извлечению из

недр ночного светила таинственной рудной породы была строго засекречена. Никто из представителей местного населения не участвовал в разработке полезных ископаемых. Не считая обреченных рудокопов, ни один из которых на планету не возвратился и не мог рассказать о сути своих занятий.

С другой стороны, я считал, что фиолетовые не могут иметь общей с землянами цели.

— Почему? — заинтересовался Первый министр.

— Уж больно варварскими методами они действуют. Цивилизованная раса, имеющая благородную цель, не станет уничтожать ради ее достижения чужую планету, а это фактически сделано. И не будет тормозить развитие другой цивилизации, а, напротив, поможет ей. И совершенно точно — не будет столь пренебрежительно относиться к жизни и культуре обитателей иного мира.

В доказательство я привел пример, что перед вторжением в чужое мироздание я дал подпись о недопустимости причинения вреда иным живым существам и свято следовал этим обязательствам.

— Все высокоразвитые цивилизации придерживаются принципов гуманизма и стараются сотрудничать с иными мирами в рамках обмена опытом и взаимопомощи. Моя планета также готова к такой форме взаимодействия с вашей империей. Вы, лично, получите огромные выгоды от того, что первым в империи сделаете такой шаг.

Конечно, никто меня не уполномочивал делать такие предложения представителям чужого мира, но я надеялся на помощь Первого министра в деле обнаружения даркснита. Никто ведь не будет помогать просто так, тем более для империи было опасно соваться в деятельность могущественных пришельцев. Надо что-то предложить взамен.

— Боюсь, что мы еще не созрели для такого сотрудничества, — усмехнулся тт'Аффнапр.

Затем лицо его посерезнело, и он, как государственный деятель высшего эшелона власти, изложил мне свою точку зрения на этот вопрос.

— Нам не нужна пока ничья помощь. То, что вы предлагаете, для нас невозможно. Ваша цивилизация гораздо более развита и равноправного партнерства не получится. Это будет новая оккупация моей планеты — надо смотреть правде в глаза.

«В одну коляску впрячь не можно коня и трепетную лань?» — хотел я сыронизировать словами великого поэта, но вовремя опомнился.

А ведь он прав. Тт'Аффнарр мыслит масштабами настоящего государственника, куда мне до него в этих вопросах. Как истинный патриот, Первый министр желал своему народу главного — свободы и независимости. Какие-то туманные перспективы его ничуть не прельщали, а за личной выгодой, как я уже имел возможность убедиться, этот умнейший человек не гонялся.

— Мы подождем, пока фиолетовые уберутся восвояси, ведь они заканчивают свою миссию, и будем строить свое счастье сами, без чьей-либо посторонней помощи. Единственное, о чем я готов униженно просить фиолетовых, — убрать ярусы и вернуть планете ее первоначальный облик.

— А если у них нет «восвояси»? — не сдавался я. — И они останутся здесь навсегда? Тогда вы сможете принять нашу помощь?

— Нет. — Первый министр даже не задумался над ответом. — К фиолетовым мы уже притерпелись, а что ожидать от ваших согламенников — неизвестно.

И хотя такое высказывание было для меня обидным, я его прекрасно понял и оставил дальнейшие попытки в этом направлении.

— Но вы хотя бы поможете мне в поисках руды и позволите покинуть вашу планету с ее образцами?

— На первую часть вашего вопроса я отвечу — нет. Фиолетовые наверняка узнают о наших попытках — они скрупулезно отслеживают ситуацию в империи. Единственная помощь будет заключаться в том, что мы вернем вам свободу и не станем препятствовать вашей дальнейшей деятельности. По второй части — да. Если вам все же повезет, в чем я сомневаюсь — не обижайтесь на прямоту, можете убираться в свой мир подобру-поздорову.

Такая позиция огорчила меня донельзя, я очень рассчитывал на помощь Первого министра, и без этого моя задача безмерно усложнялась. Но со своим уставом в чужой монастырь не ходят, приходилось смириться. Хотя бы спецслужбы империи оставят меня в покое, и то хорошо. Продолжу свои поиски в гордом одиночестве, мне не привыкать.

— А вы не думаете, что, уходя с вашей планеты, фиолетовые, вместо возвращения ей первоначального облика, полностью

уничтожат ее? — обида во мне все-таки играла, и я решил напоследок послать собеседнику горькую пилюлю.

— Зачем им это? Вы действительно так считаете? — *тт'Аффнапр* был неожиданно очень обеспокоен таким предположением.

— Уходя с места преступления, — мстительно сказал я, — преступники всегда стремятся замести свои следы. Это общепринятая практика. Вы ведь не станете отрицать, что фиолетовые совершили чудовищное преступление по отношению к вашей планете и вашему народу?

— Дело в том, — пробормотал Первый министр, не отвечая на мою реплику, — что и Верховный жрец-прорицатель как-то высказал мне подобную мысль.

— Давайте еще раз с ним пообщаемся и вместе обсудим возможную ситуацию такого варианта их прошания с вашим гостеприимством, — ухватился я за последнюю спасительную соломинку.

— Да, это нужно немедленно сделать! — воистину этот великий человек умел принимать нужные решения.

К счастью утраченные во время сеанса со мной силы уже возвратились к Великому жрецу-прорицателю. Он встретил нас нормальным цветом лица и затаившейся иронией в глубоких глазах.

— Он начал вам лгать? — рыси глаза сверкнули в мою сторону золотистым блеском. — Хотите, чтобы я вывел пришельца на чистую воду?

— Нет, — очень серьезно ответил *тт'Аффнапр*. — Напротив, он говорил только правду, но часть этой правды начинает меня пугать.

— Я готов выслушать и оценить эту часть, — жрец пригладил рукой свою пышную седую бороду.

— Он полагает, что фиолетовые могут совсем уничтожить планету, покидая ее, — Первый министр не любил длинных предисловий.

— Уходя, громко хлопнуть дверью, — пробормотал я и с французским прононсом добавил: — Эти выродки будут действовать по принципу *après nous le déluge*¹!

¹ После нас хоть потоп (франц.)

— У меня тоже эта мысль сидит в голове, — признался жрец, — и, помнится, я тебе ее уже высказывал.

— Да. Но на чем она основывается? Есть ли у тебя какие-нибудь данные в подтверждение настоящей гипотезы?

— Таких данных у меня нет, — признал Великий жрец, — это интуиция, если хотите.

— Твоя интуиция тебя еще никогда не обманывала, — вздохнул *tt'Аффнарр*, — значит, следует отнестись к подобному возможному исходу со всей серьезностью.

— Кроме предположения, у вас есть предложения по этому поводу? — этот вопрос был адресован уже мне.

— Я могу уничтожить фиолетовых, — неожиданно произнес я.

Эта мысль пришла ко мне только что и совершенно внезапно для самого себя. Возможно, жрец включил какой-нибудь свою хитрую магию и заставил меня подспудно искать пути решения проблемы.

— Фиолетовые оборотни..., — пронеслось в моей голове, — необходима серебряная пуля.

И тотчас из необъятных глубин мозга выстрелил вариант стопроцентного уничтожения этих загадочных тварей — следует изготовить на основе серебра атомную мини-бомбу. Запасливый Малыш снабдил меня и этой инструкцией. Ядерную бомбу можно изготовить почти любой мощности и из любого химического элемента. А раз пришельцы, возможно, являются оборотнями — так, для гарантии, прихлопнуть их серебром.

— Что-о-о? — обычно сдержанный *tt'Аффнарр* не смог скрыть своего изумления.

Но тотчас обрел привычное деловое состояние и взялся за исследование аргументации сказанного.

— Проверь — чиста ли его душа, когда он это говорил — это жрецу, а мне без перерыва, — надеюсь, вы не будете возражать, кажется, у нас все-таки начинают появляться общие интересы?

— Согласен.

Куй железо, пока горячо, и я тотчас очутился перед столом жреца, начав свой монотонный счет: один баран, два барана...

Седобородый старец напрягся и начал свое удивительное тестирование.

— Он говорит правду, — торжественно изрек, наконец, Великий жрец-прорицатель, вновь перелопатив мои мозги, — такая возможность у него имеется. И он жаждет соединить усилия для решения этой нелегкой задачи.

— Спасибо тебе громадное, — уходя, мысленно бросил я хозяину обители, — ты настоящий маг и прорицатель — живи тысячу лет.

Неизвестно, понял ли он земной отсчет в привычных мне годах, но легкий кивок и неприметная улыбка в рысых глазах были мне на прощание пожалованы. Первый министр, верный своей натуре мгновенно приступать к решению задач, уже тащил меня в свой кабинет, где на часах по-прежнему стоял верный т'Ортег.

— Что требуется тебе, и сможем ли мы оказать необходимую помошь для достижения поставленной цели? Для конспирации больше не будем упоминать о фиолетовых, а назовем их, скажем...

— *Lupus*¹! — встярал я, — назовем их *lupus*.

— Что это означает? — насторожился т'Аффнапр.

— На нашей планете есть коварные хищные звери с таким названием.

Вряд ли фиолетовые пришельцы знают латынь, — подумал я.

— Согласен. Тогда и всю операцию назовем «Лупус», — решение, как всегда, последовало быстро.

— По соображениям конфиденциальности я не буду говорить вслух, что мне понадобится, а набросаю список на бумаге, а вы его прочтете и выскажете свое резюме.

— Ты прав. Иногда даже стены имеют уши.

Он уже дважды называл меня на «ты». Это было хорошим признаком — переход на «ты» означал здесь завязывание дружеских отношений. Я сосредоточился на перечне компонентов, которые потребуются для создания атомной бомбы. Извлекаемые из глубин мозга файлы быстро обрабатывались, сопоставлялись, и вскоре мой список был готов. Во-первых, мне требовалось тридцать семь килограммов серебра, а во-вторых, некоторое промышленное оборудование.

¹ Волк (лат.)

— Двенадцать тысяч пятьсот ларгов? — удивленно протянул Первый министр, — уж не хочешь ли ты создать на эти деньги наемную армию? Это совершенно излишне — никакая армия нам не поможет.

Если быть точным, для мини-бомбы мне требовалось двенадцать тысяч двести тридцать три и три десятых ларга, что и составляло искомых тридцать семь килограммов серебра. Но монеты наверняка поизношены и потеряли в весе, поэтому я брал с некоторым запасом.

— Нет. Серебро потребуется для производства специального устройства для..., — как это несведущему человеку объяснить, что такое взрыв вообще и атомный взрыв, в частности.

Я несколько помедлил и продолжил:

— Мне трудно объяснить сущность процесса, который я задумал, а в определенных деталях я и сам плаваю из-за недостатка специальных знаний и следую чужим инструкциям. Поэтому, давай договоримся так: для быстроты и простоты нашего сотрудничества не следует задавать лишних вопросов. Обсуждению подлежат лишь какие-то принципиальные позиции. По-моему, ты уже убедился в искренности моих намерений и отсутствии всяких мозговых вывихов.

— Просто это очень большая сумма, — ничуть не обиделся на категоричность моего тона тт'Аффнапр, — как мне объяснить императору, что операция «Лупус» потребует затрат, равных почти четверти нашего бюджета.

— Император ничего пока не должен знать о готовящейся операции, иначе нам не сохранить ее в полном секрете. Только вы и я — более никто.

Первый министр озадаченно почесал за ухом.

— Понимаю и разделяю твою мысль, — произнес он, — но без визы императора получить такую сумму у Государственного казначея... Впрочем, что-нибудь придумаю, скажем, во исполнение плана окончательного решения проблемы мятежного герцогства.

— Необходимо еще некоторое оборудование.

— Не готов пока ответить и по оборудованию. Вся техника и инструменты сосредоточены на промышленном ярусе. Тебе ведь нужно и соответствующее помещение, скрытое от людских глаз, а также помощники?

— Безусловно, такое помещение требуется — подтвердил я, — что же до помощников, то обойдусь одним. Есть у меня один надежный приятель, его зовут т'Альт и он...

— Т'Альт? Уж не из числа ли заговорщиков, которые..., — у Первого министра была прекрасная память, но он сам прервал себя, соблюдая осторожность, — хорошо, я знаю этого тье — он добропорядочный подданный, хотя и не без...

И он подмигнул мне в знак того, что знает о некоторых особенностях характера моего друга. Затем он дернул за шнурок звонка, и в проеме двери появилась светящаяся собачьей преданностью физиономия т'Ортега.

— Приведите мне мэтра т'Ламбера — вот, как его найти, — и он черкнул что-то на листке бумаги, который вручил офицеру Тайной стражи. — И помните, с этого дня все, что вы видели и слышали, является строжайшей государственной тайной.

Т'Ортег щелкнул каблуками и понесся выполнять поручение.

— Есть у меня одна, скажем так, секретная лаборатория, которая занимается разработкой..., — т'Аффнарр помедлил, не желая делиться всеми секретами, — ну, не важно, чем она занимается — главное, там есть некоторое очень современное оборудование и не исключено, что там смогут изготовить перечисленные тобой предметы и вещества.

— Прекрасно! — искренне обрадовался я, — тогда нужно приступать к делу как можно скорее. Наше дело правое — мы победим.

— Только весь процесс будет проходить под моим контролем.

— Безусловно, я буду даже настаивать на этом, — уж я-то знал по земной практике, как иногда бывает трудно получить на складе даже самую необходимую мелочь без визы высокого начальства.

Т'Ламбер являл собой типичный пример свихнутого на науке физико-химика или химико-физика. В черном халате с прошвенными химикалиями дырами, всклокоченными волосами и слегка обезумевшим от необычных идей взглядом он напоминал киношного изобретателя-маньяка, то ли собирающегося осчастливить человечество своим открытием, то ли вчистую пригнобить весь род людской тем же самым открытием.

Он пробежал мой список глазами, кое-где по ходу кивая головой или, напротив, качая ей, а где-то и ожесточенно скреб свой и без того взлохмаченный затылок.

— Н-ну-у..., — протянул секретный завлаб, — это нужно прикинуть и...

— Без «ну», — резко прервал его Первый министр, — вы поступаете в полное распоряжение этого тье (жест в мою сторону) и все, что понадобится, должны изготовить в самые кратчайшие сроки. Иначе...

Вот это по-сталински. Задача поставлена, ее следует выполнить, или тебе крышка. Наверное, и лаборатория эта была организована по типу сталинских «шарашек», которым любая задача была по плечу.

— Все, — подытожил т`Аффнапр, — ты отправляйся с мэтром т`Ламбером в его преисподнюю, а я пошел хлопотать о деньгах. Т`Ортег разыщет твоего дружка т`Альта и будет в дальнейшем на связи. Лишних людей нам не нужно.

— Да, — спохватился он, когда мы были уже у выхода, — вот твоя накидка — она еще может тебе пригодиться.

И он протянул мне свернутый в комочек бронник.

— Она будет твоей, — быстро произнес я, — я подарю ее тебе на прощание.

Он лишь улыбнулся своей доброй и понимающей улыбкой. Положительно мне нравился такой стиль работы, как и человек, его задающий.

Секретная лаборатория не зря была поименована преисподней. Она находилась в жутко глубоком дворцовом подвале, а запахи и чад, царившие в ней, напоминали один из кругов ада. Кроме т`Ламбера, там работали такие же два чудика с полубезумными взорами и в драной одежде.

Не буду описывать весь нелегкий процесс создания ядерной мини-бомбы, все эти технические подробности могут смутить даже фаната от науки. Скажу лишь, что законы Мерфи, относящиеся к производственным процессам, оказались полностью верны.

Хотите знать, какие? Пожалуйста.

«Все, что может сломаться — обязательно ломается» (теорема неизбежности Бахмана);

«Число людей в рабочей группе имеет тенденцию возрастать, независимо от объема работы, которую надо выполнить» (четвертый закон Паркинсона);

«Кто может — делает. Кто не может — учит» (закон Х. Л. Менкена);

«Кто не может учить — управляет» (дополнение Мартина);

«В любой организации работа всегда тяготеет к самому низкому уровню иерархии» (аксиома Вейля).

Ну, и так далее. И все же работа была выполнена, и я стал обладателем супероружия, от которого, при всей их защите и изворотливости, фиолетовым не спастись. Т'Альт был поражен новым родом моей, а теперь и его, деятельности, однако со своей затворнической участью смирился. Дружба к тому обязывала, а слово Первого министра, которого он буквально боготворил, было для него непреложным законом.

Теперь дело было за малым — проникнуть в Черную башню. Я уже пробовал найти туда вход, но неудачно, и вряд ли повторная попытка может привести к желаемому результату. Следовало прибегнуть к помощи Первого министра.

Однако и ему было неизвестно, как можно войти в жилище фиолетовых. Сам он там никогда не бывал и, за исключением мажордома, никто из жителей империи не мог этим похвастаться.

— Их слабое место — мажордом, — сказал я. — Можешь ли ты приказать ему впустить меня в обиталище фиолетовых?

— Нет. Он меня не послушает.

— Тогда может подкупить его?

— Ты не понял. Фиолетовые каким-то образом зомбируют мажордома, и он подчиняется только их воле.

— Тогда пусть ваши люди мне его покажут, и я сяду ему на хвост. С его вольной или невольной помощью, тут уж как получится, я попытаюсь проникнуть в Черную башню.

— Тебя неминуемо обнаружат на ее подступах.

— Это мои трудности, которые я постараюсь преодолеть. Ты, главное, наведи меня на мажордома.

— Придется подождать, пока он выедет за провизией.

Серебряная ядерная мини-бомба была готова и лежала в большой плетеной корзине, накрытая для маскировки тряпьем. Сама корзина находилась на облучке пароконной двухместной

коляски, запертой в одном из потайных помещений императорской конюшни.

Дальнейший план был следующим. Как только я сажусь на хвост мажордому и следую за ним, т'Альт садится в запряженную двумя очень резвыми лошадьми коляску с мини-бомбой и доезжает до перекидного моста. Там он останавливается и ждет моего сигнала. Сигналом будет служить бросок подожженного клубка промасленных нитей, дающего черный дымный след. Завидев дымный сигнал, т'Альт дает по газам, переезжает через мостик, который я оставил перекинутым через ров, и останавливается у подножия башни. Ждет там меня, сколько понадобится. Если на него нападут фиолетовые, отбивается мечом, но держится подальше и в близкий контакт не вступает. Если придется совсем худо, уколет мечом лошадей, чтобы они понеслись назад в столицу — главное, спаси бомбу, и ради этого можно отдать свою жизнь. Здесь коляску должен ждать т'Ортег, который и загонит ее на место. А дальше, как сложится.

Первый министр план одобрил. В случае неудачи этот насок будет выглядеть новой попыткой нападения на фиолетовых кучки заговорщиков. Власть будет не при чем. На случай своей гибели я оставлял Первому министру запечатанный конверт с подробной инструкцией по приведению бомбы в действие. Может быть, следующий план будет удачнее...

Глава двадцать пятая

И ВОТ НАСТУПИЛ ДЕНЬ Х

Время пробежало быстро. У нас было все готово. Оставалось слабое звено.

И вот наступил день Х. Мажордом появился в городе, закупая на рынке очередную партию овощей. Меня на закрытой карете довезли до окраины. Дальше я побежал пешком, быстро одолев расстояние почти до мостика через ров с водой. Метров за триста до рва, я включил режим невидимости и, присмотрев небольшую ложбинку неподалеку, углубил ее солдатской саперной лопаткой, прихваченной с собой. Полностью в ней

скрывшись, я отключил режим невидимости и принялся втягивать в себя энергию, которая мне еще понадобится.

Цокот копыт раздался через пару часов. Я осторожно выглянул из своего временного убежища и навел бинокулярное зрение на мостик. Мне нужно было заметить, как мажордом опускает и поднимает мост. Оказалось, с помощью пульта. Это было плохо...

— Карамба! — выругался я, вновь включил невидимость и сиганул через ров.

Наверное, сторонний наблюдатель был бы весьма поражен открывшимся зрелищем. Перекидной мостик внезапно встал на дыбы, затем был выдран из своего основания и лег через ров. Приходилось рисковать, что из башни заметят это странное явление, но выбора у меня не было — коляска с т'Альтом летать не могла.

Затем я в несколько прыжков настиг повозку с мажордомом и пристроился за ней. Повозка остановилась у подножия Черной башни, и мажордом зачем-то стал складывать корзины с овощами наподобие широкого крыльца с одной ступенькой. Затем стал на нее сам и вытащил из кармана все тот же пульт. Щелк и псевдокрыльце, оказавшееся на деле лифтом, плавно и бесшумно скрылось внизу, а потом, через некоторое время вновь заняло свое место.

Вот те раз! На мое счастье, в повозке оставалось еще несколько корзин, и мажордом должен был повторить свою ходку. Ждать пришлось недолго. На этот раз, выждав загрузку корзин, я тихо примостился на одной из них, пока прислужник фиолетовых не закончил свои дела и не пустил в ход свой пульт.

Внизу оказалось небольшое помещение с еще двумя лифтами. Мажордом сгрузил все корзины на пол, отправил назад псевдокрыльце и, ухватив в руки пару корзин, двинулся к одному из лифтов. Но я уже приметил сбоку небольшую винтовую лестницу, ведущую наверх, и следом за слугой в лифт не полез. Мало ли, куда он меня привезет, а здесь было поле для маневра, и я не зависел от бездушной техники.

И тут я вдруг почувствовал ощутимое жжение под мышкой. Это был сигнал прибора, свидетельствующий о нахождении в башне даркснита. Это же настоящая удача. Я был рядом со своей целью. Режим невидимости был немедленно отключен, следовало

экономить энергию. Лестница была очень узкой, на ней с трудом разошлись бы двое встречных. Не хватало мне столкнуться с кем-то из фиолетовых. Я потер ступеньку и увидел на ней след в приличном слое пыли. Конечно же! Это обычная запасная (или пожарная) лестница. Зачем по ней ходить фиолетовым, если есть лифты. И я не спеша начал подниматься вверх.

Второй этаж представлял собой кольцо довольно широкого коридора с расходящимися радиально в стороны прямоугольными металлическими дверями. Освещение было тусклым, светились лампы типа ночников. Стены были из того же материала, что и снаружи. На дверях не было ни ручек, ни отверстий для ключей. Я осторожно толкнул одну из них — заперто. Нет, судя по расположению, они должны открываться на себя. Я засунул кончик меча в щель и попробовал отжать дверь — тоже бесполезно. По-видимому, все они открываются с помощью специального пульта. Не проникнув ни в одно из многочисленных помещений второго этажа, я поднялся на третий.

Тот же коридор кольцом, но дверей лишь три. Одна из них была слегка приоткрыта, о чем свидетельствовала полоска света, выбивающаяся изнутри. Я включил режим невидимости, подкрался к двери и осторожно приоткрыл ее. Она оказалась металлической, на удивление, очень толстой и массивной, как на подводной лодке. В помещении никого не было, наверное, кто-то из фиолетовых забыл закрыть ее за собой. Прокрользнув внутрь, я прикрыл за собой дверь и вдруг услышал щелчок замка. Дверь автоматически захлопнулась. Вот так штука — я попал в ловушку. Что ж будем ждать, когда ее откроют снаружи, и я отключил режим невидимки.

Помещение, в котором я очутился, было просторным залом с двумя округлыми и двумя прямыми стенами. Два ряда кресел и громадный экран почти в треть стены, выходящей наружу, наводили на мысль о кинотеатре. Под экраном находился стол с кнопочно-клавищным пультом, наподобие компьютерной клавиатуры, только раза в три больше. Все стены занимали сплошные стеллажи, похожие на пчелиные соты, с бесчисленным количеством круглых ячеек. Большинство ячеек было занято. Фильмотека? Я подошел к ним и вытащил из первой попавшейся ячейки круглый пенал. Он был правильной цилиндрической формы, размером с бутылку, а на конце

находился ряд блестящих металлических полосок. Контакты? Похоже на то.

Я подошел к пульту и поискал подходящее отверстие. Ага, вот оно, я вставил в него этот цилиндр, который скрылся внутри с чмокающим звуком. По аналогии с земными видиками, я ждал появления на экране какого-нибудь изображения. Но больше ничего не произошло. Значит, нужно найти кнопку запуска. Значки, изображенные внизу клавиш, мне ни о чем не говорили, они были мне незнакомы. Придется действовать методом тыка, и я принялся нажимать сначала все клавиши.

П-с-с-с-т! Экран на стене внезапно вспыхнул и дал изображение неизвестной мне звездной карты. Какое-то незнакомое скопление галактик. Пошло приближение, будто снимающая камера давала увеличение, и вот на экране уже стремительно разворачивается спираль звездной галактики. Сбоку на нее наползalo мутное чернильное пятно, закрывающее кусок космического пространства с мерцающими звездами. Камера будто стремительно мчалась вперед — по бокам мелькали чужие разноцветные солнца. Впереди вырастала звездная система — большое желтовато-оранжевое солнце и несколько вращающихся вокруг нее планет. Мимо быстро проскачивали астероиды и куски ледяных глыб. Полное впечатление нахождения внутри чужого космического корабля.

Неожиданно камера замерла на месте. Со стороны планеты приближались небольшие ромбовидные объекты. Похоже, звездолеты. Вот они тоже застыли на месте, подавая какие-то световые сигналы. Камера вновь плавно пошла вперед, наезжая на них. Звездолеты рассыпались веером, с их стороны к наблюдателю с камерой потянулись светящиеся трассы. Итак, они предупредили пришельца о недопустимости вторжения в свою планетную систему, а затем открыли огонь, когда тот все же ослушался. Кино, что ли? Звездные войны?

Внезапно звездолеты, не прекращая огня, стали поочередно вспыхивать, как спички, оставляя после себя легкий комочек дыма. Будто на раскаленные угольки кострища вылили ведерко воды. Камера приближалась к планете. Неровные пятна зелено-серых континентов и громадные светлые кляксы океанов стали стремительно вырастать в своих размерах. Горы, реки... и города. Планета была обитаемой. Все города были идеально

круглой формы. Вот один из них попал в объектив камеры и стал увеличиваться, занимая весь экран. Город имел странную круглую планировку и был застроен зданиями башенного типа. В центре возвышалось самое высокое здание, по земным меркам полукилометровой высоты. Его окружало кольцо башен пониже. Далее еще кольцо более низких зданий. И так далее — штук сорок таких колец.

Вдруг верх самой высокой башни будто окутал мутный сгусток тумана, и он стал расплываться и таять в нем. Постепенно мутное покрывало опускалось все ниже, растворяя в себе кольца остальных зданий. Внезапно камера рванулась вниз, поймав внизу на улице города в свой объектив несколько странных живых существ. Высокие тощие, похожие на стебли кукурузы, с длинными конечностями в виде стебельков-побегов. Их круглые плоские головы, наподобие головок подсолнуха, были обращены лицами вверх. А вот глаза были человеческие и расширились от нескрываемой жути. Круглый, будто нарисованный рот раздался на пол-лица, исторгая беззвучный вопль ужаса. Волна муты достигла существ, и они, корчась, как в огне костра, таяли на глазах.

А ведь это не художественный фильм — дошло до меня. Это документальная съемка, зафиксировавшая гибель цивилизации. Камера переместилась на область океана, выхватив плывущее морское судно необычной овальной формы. На обеих его палубах толпились такие же существа, с тревогой глядящие вверх. Со стороны неба, заполняя горизонт, словно грозовая туча, надвигалась мутноватая волна серого марева.

Неожиданно сзади раздался резкий щелчок, и дверь распахнулась, впуская в зал фиолетового. Воочию я видел представителя этой нечисти впервые. Собственно говоря, разглядывать было нечего. Узкую, треугольного склада фигуру, на которую был надет плащ насыщенного фиолетового цвета, венчал сверху островерхий колпак капюшона. Жутковато было смотреть на сплошную непроницаемую ткань, полностью закрывавшую лицо.

Фиолетовый на мгновение застыл возле двери, так и не закрыв ее. Поза была вполне человеческой и выражала удивление. Должно быть, обитатель Черной башни лишь ненадолго отлучался из этого зала и, вернувшись, вдруг обнаружил в нем непрошеного гостя. Но промедление длилось всего лишь

какую-то секунду, и фиолетовый рванулся ко мне. Памятуя о его страшном вооружении, напичканном ужасным ядом, растворяющим человеческую плоть, я включил всю свою физическую мощь и рванул меч из ножен. Клинок мой описал сплошной сверкающий круг перед фиолетовым, не давая ему приблизиться ко мне. Это его не смущило, он оказался чрезвычайно ловким и неуловимыми движениями максимально сократил дистанцию, заставив меня отступить. Мой меч то увязал в вытянутых руках противника, прятавшихся в рукавах плаща, не причиняя им вреда, то встречал пустоту.

И тогда я произвел каскад разящих ударов по его корпусу и голове. Однако меч не брал это исчадие дьявола, он увязал в нем, как в мешке, набитом песком, не оставляя следов даже на его одежде. Я удвоил силу и скорость ударов, которые сыпались на него теперь со всех направлений, пошатывая его треугольную фигуру. Он явно не ожидал такой прыти от какого-то жалкого тье и отступил на пару шагов назад. Ухватив меч обеими руками, я использовал предоставленную заминку для страшного косого удара, которым постарался снести голову с плеч фиолетового дьявола. Удар такой силы, наверное, перебил бы и столетний дуб, но здесь он лишь отбросил врага в сторону, даже не сбив его с ног. Я начал уставать — фиолетовый вновь меня теснил.

Наконец, он выбрал удобный момент и прыгнул вперед. Из рукава плаща сверкнуло блестящее жало и впилось мне в грудь. Фиолетовый сделал шаг назад и опустил руки — дело было сделано. Однако яд впитался в ткань моего камзола, не достигнув тела — на пути треугольного жала была непробиваемая стена броника. Фиолетовый был в недоумении, мне даже показалось, что я поймал его удивленный взгляд, хотя этого быть не могло, так как эта тварь глаз не имела. Металлическая острога вновь показалась из его рукава, он намеревался повторить удар. А если он сообразит, в чем дело и попадет мне в лицо? Я устал и, чтобы немного перевести дух, включил режим невидимости и отпрыгнул к стене. И, о — ужас! Враг прыгнул вслед за мной. Я уклонился и сделал еще один прыжок в сторону. Бесполезно. Я был не виден даже для современнейших радаров, а эта тварь, судя по всему, меня прекрасно видела. Она меня преследовала.

— Shit!¹ — прорычал я, делая обманный маневр, который, однако, не смог обмануть фиолетового дьявола.

И тогда я, собрав все силы, оттолкнулся от стены и, распрымившись, как пружина, врезал двумя ногами сразу прямо в грудь неутомимого врага. Этот удар вышиб бы любую дверь и снес бы любое препятствие. Ура, фиолетовый был впервые сбит с ног! Но тут же вскочил подобно игрушечному ваньке-встаньке. И все же удар изрядно потряс его удивительный организм. Он стоял, поматывая головой в капюшоне, как бы частично утратив ориентацию в пространстве. Я использовал замешательство противника и, проскочив мимо него в коридор, спрятался за дверью. Так и есть — фиолетовый очухался, и послышались его быстрые шаги, приближающиеся к выходу. Я выждал момент и, толкая дверь всем телом, со всего маху нанес ему мощнейший встречный удар. Дверь содрогнулась, встретив на своем пути препятствие, отбросила его назад в зал и защелкнулась. Я прислушался: и за дверью, и вокруг было тихо.

Я отключил своего «невидимку», оказавшегося бесполезным, и помчался по периметру, дергая оставшиеся двери, но они были заперты. Куда бежать? Ну, не вниз же... И я понесся вверх. Следующий этаж по конфигурации был таким же, но размерами поменьше. Все двери были заперты. Четвертый этаж — то же самое. Однако жжение под мышкой анализатора даркснита существенно нарастало, значит, он был где-то вверху.

Я мог уже просто нажать на крохотную подушечку, имплантированную под мышкой, и послать сигнал на Землю об обнаружении даркснита. Но меня обуял азарт настоящей гончей — цель была близко и достижима. К тому же, пока земной флот доберется сюда, фиолетовые могут сделать с даркснитом все, что угодно. Потом ищи-свиши его. Нет, он должен стать моей законной добычей! Подав на Землю сигнал об обнаружении даркснита, я остался бы просто удачливым разведчиком, а завладев им, я стану победителем по всем параметрам. Согласитесь, разница большая. И я просто помчался наверх, ориентируясь по нарастанию температуры анализатора. Жжение все нарастало. Сколько же здесь этажей?

¹ Вот дермо! (англ.)

Лифтами я пользоваться не хотел, они в любую минуту могли превратиться в ловушки. К счастью, никаких межэтажных запоров в башне не существовало, ее обитатели и без того, не без основания, считали себя недосягаемыми. Где-то после десятого этажа в башне послышался шум движения, и лифты ожили. Черт! Видимо, сбитый дверью фиолетовый очухался и позвал на помошь своих сородичей. С дюжиной этих мерзких уродов мне никогда не справиться. Решение пришло на ходу. Пробегая мимо очередных дверей лифта, я заметил на стене черную прямоугольную коробку и рванул на себя ее незапертую крышку. Внутри находилась еще одна круглая коробочка меньших размеров, в которую со всех сторон втягивались разноцветные провода различного диаметра. Ага, что-то вроде распределительного щитка. Долго не рассуждая на эту тему, я изо всех сил шарахнулся по ней рукояткой своего меча. Яркая вспышка, оглушительный треск и сноп искр, от которого я едва увернулся, показали правоту моих действий. Свет пару раз мигнул, и все здание, похоже, погрузилось в темноту. Шум лифтов также затих.

Отлично! Кое-кто из фиолетовых стал их пленниками и для меня уже опасности не представлял. Выбраться из них будет непросто. Я включил инфракрасное зрение и вновь устремился наверх. Башня все сужалась и сужалась. С нижних этажей доносился неясный шум: то ли это была погоня, то ли здешние обитатели пытались исправить причиненный мной вред. И вот я уже очутился в небольшой круглой комнатке с закрытым люком на потолке. К нему вела обычная железная лесенка. Похоже, это был вход на площадку расположенную на самом верху башни. Я взобрался по лесенке и подергал люк — он был заперт. Последнее препятствие. Как же его преодолеть? Под мышкой жгло почти нестерпимо, будто туда засунули раскаленный уголок.

Я выдral лесенку из креплений и с силой ударил ей в люк. После третьего удара люк распахнулся. И вот я на самом верху Черной башни. Круглая площадка была почти пуста. Лишь в центре стояла тренога, а на ней лежало нечто, похожее на детскую юлу, диаметром около полутора метров. Звездолет, догадался я, хотя привычных земных ракетных дюз на этой двусторонней тарелке видно не было. Сбоку стояла закрытая рубка, и я направился к ней, надеясь отыскать там даркснит.

В это время в рубке зажегся свет, и внизу в круглой комнате тоже включилось освещение, причем не ночное, а очень яркое. Вновь заработали лифты. По всей видимости, у фиолетовых существовали запасные источники питания, и они вновь будут пытаться добраться до наглого пришельца, вызвавшего невиданный переполох в их уединенном обители.

— Ах, так твою...! — тут было не до изящных выражений на изысканных европейских языках.

Матюк на матюке так и посыпались в адрес фиолетовых, у которых уши завяли бы, переведи они такие сочные и крепкие выражения. Шум доносился теперь отовсюду. Разворошил же я этот муравейник. Так, первым делом надо закрыть люк. Я захлопнул его крышку, а поскольку запоры были сорваны, попытался прижать его железной лесенкой. Не то. Тогда я бросился к громадной юле космолета. Звездолет оказался страшно тяжелым, и, даже включив всю свою физическую мощь, я едва смог его приподнять. Зато люк оказался заблокирован им намертво. Под мышкой тела раскаленная головня. Где же он, этот даркснит? Может, находится в звездолете? Каких-то лючков на нем, на первый взгляд, не наблюдалось. Ладно, посмотрим, что там в рубке. На столе лежали навигационная карта и круглая закрытая капсула оранжевого цвета, размером с баночку из-под косметического крема. Нет, не зря Малыш вбухал в меня столько разнообразных знаний, в том числе по астрономии и космонавтике. Одного взгляда на карту было достаточно, чтобы истина развернулась в моей голове стройной логически обоснованной картиной.

Вот они маршруты звездолетов фиолетовых: ночное светило — планета, планета — область сверхмассивной черной дыры, расположенной по соседству. Я схватил капсулу, хотя «схватил» это сильно сказано. Она была тяжела, как парочка двухпудовых гирь. Свинтив верхнюю крышку капсулы, я увидел там крохотный шарик, величиной даже меньше здешних горошинок, служивших в империи деньгами. Он был ярко-оранжевого цвета и переливался, словно ртуть. Попытка взять его ни к чему не привела — попробуйте подцепить ногтями и поднять тремя пальцами вес, равный примерно пятидесяти-шестидесяти килограммам. Зато под мышкой бушевало уже пламя автогена, причиняя острую боль.

Снизу послышался шум открывающихся дверей лифта и в люк сразу же забарабанили. Затем прибыл и второй лифт. Они таки до меня добрались. Удары по люку сыпались не-прерывно.

А вот вам — дудки! Здесь нужен здоровенный домкрат, который вряд ли находился у фиолетовых под рукой. Рядом с рубкой внезапно брызнули фонтаны черных брызг. Это были осколки вещества, из которого была сделана Черная башня. Как я и предполагал, у фиолетовых имелось в наличие и оружие, почище их треугольных трезубцев. Судя по разрушениям, они обладали ужасающей пробивной силой, ведь материал, из которого строилась башня, был прочнее любого земного металла пластика.

Картина постепенно прояснялась. Со спутника планеты фиолетовые завозили сюда руду, а здесь ее преобразовывали, удаляя примеси, в чистое вещество, которое земляне и нарекли даркснитом. Вероятно, масса руды была огромной и дешевле ее было перерабатывать на месте, нежели строить для ее перевозки огромные космические корабли. Затем крохотные звездолеты брали курс на сверхмассивную черную дыру, размером с целую галактику, быстро попадали в зону ее чудовищной гравитации и исчезали со своим грузом навечно в жадном и ненасытном чреве космического монстра. Возможно, даркснит, в силу своих уникальных свойств, и не превратится в нечто иное, однако извлечь его оттуда уже будет невозможно.

Я быстро завинтил капсулу и с трудом засунул ее под броник, который тотчас плотно ее обхватил, не давая упасть. Теперь очередь за сигналом т`Альту. Отцепив от пояса клубок нитей, поджег его зажигалкой и швырнул вниз с башни. Верный т`Альт должен увидеть его густой черный дым. Затем я сунул руку под мышку, нашупал крохотную подушечку сигнализатора и сильно сжал ее пальцами. Ощущение нестерпимого жара сразу исчезло. Это означало, что сигнал об обнаружении даркснита мини-передатчиком отправлен на Землю. По его получении в рейс к этой планете отправится космический земной флот с боевой поддержкой союзников из других миров.

Все — дела завершены. Пора делать ручкой хозяевам этого негостеприимного приюта.

Adieu¹, kameraden²! — как всегда, в волнении путая языки, но вложив в них тайный смысл, проорал я во всю глотку, не надеясь, впрочем, быть услышанным.

Будто в ответ на мой прощальный спич, какой-то чудовищной силой люк с лежащим на нем звездолетом отбросило в сторону. Но я уже включил режим полета и устремился вниз.

Увы! Слишком много я отдал энергии предыдущим активным действиям, и через несколько секунд мой полет превратился в свободное падение. До земли оставалось метров пятнадцать и, с учетом меньшей силы тяжести, по сравнению с земной, — все бы ничего, но даркснит утяжелил мое тело почти в два раза, поэтому все равно удар получился будь-будь. Конечно, я постарался приземлиться, как парашютист, сгруппировался, слегка согнул ноги в коленях и, коснувшись земли, постарался завалиться набок. Все же ускорение с такой высоты дало о себе знать, подняв облако пыли, я дважды кувыркнулся и врезался в стену башни. И хотя броник привычно принял удар на себя, моя голова мотнулась и прошлась юзом по черной гладкой обшивке.

Пару мгновений я лежал на земле ошеломленный и не соображал ничего. Все тело ныло, ноги страшно болели, а голова гудела церковным колоколом.

— Вставай, а то простудишься, — со злой иронией произнес внутренний голос, и я, пошатываясь, встал на ноги.

Верный т'Альт сидел, нахолившись, на облучке коляски и имел вид изумленного пингвина, впервые увидевшего человека. Мое падение из ниоткуда поразило его настолько, что он застыл согнутым изваянием, даже забыв порадоваться становлению старого друга на ноги.

В два прыжка я очутился рядом с коляской и схватил корзину с бомбой. Очнувшись, наконец, т'Альт засуетился, пытаясь мне помочь с тяжелой поклажей, но я отстранил его рукой и жестом предложил оставаться на месте. Смертоносный груз я положил у подножия башни со стороны, противоположной входу, чтобы высочившие наружу фиолетовые не сразу его нашли.

Специальный детонатор должен был запустить процесс активации стартовых ядер серебра нейтронным потоком, начнется цепная реакция и бомба рванет. Любопытствующие более

¹ Прощайте (франц.)

² Товарищи (нем.)

подробно могут изучать это явление в любом современном учебнике физики. Детонатор был снабжен бикфордовым шнуром, изготовленным в секретной лаборатории мэтра т'Ламбера по моему рецепту, и рассчитан ровно на двадцать три секунды горения. Большего времени фиолетовым я дать не мог, иначе они могли найти и обезвредить бомбу. За это время мы должны были добраться на коляске до рва и скрыться в нем, оберегаясь от последствий ядерного взрыва.

Щелк! Зажигалка выбросила снопик искр, но пламени не дала. Щелк-щелк-щелк — тот же результат. Очевидно, в ней закончился газ. Я зачем-то потряс ее и взмолился:

— Ну, зажгись! Ну, пожалуйста! Ну, давай же.

О чудо — молитва помогла. Крохотный язычок пламени воспламенил сердцевину шнура.

— Погоняй! — я запрыгнул в коляску и огласил окрестности оглушительным свистом в четыре пальца, от которого бедный т'Альт чуть сам не свалился с облучка.

Лошади, однако, вполне уловили этот ямщицкий призыв и рванули во всю мочь. Секундомера у меня не было, и я начал считать вслух:

— Раз и, два и, три и,...

Бедняга т'Альт уже перестал адекватно воспринимать мои лихие деяния. Да, в плане психологической нагрузки, у него был сегодня тяжелый день — врагу не пожелаешь. То ли еще будет... При счете девятнадцать мы уже были на перекидном мосту через ров, и я плечом выпихнул ошеломленного партнера в темневшую внизу воду, а сам перевалился на другую сторону. Лошади продолжали нестись прочь. Т'Альт моментально, даже не пикнув, пошел камнем на дно, и я нырнул за ним, опасаясь, что он наглотается воды и утонет.

Взрыв застал нас уже на поверхности, но мы были надежно защищены стенкой рва и недостижимы для смертоносного лучевого излучения. Сначала ярчайшая вспышка окрасила все вокруг в какой-то нереальный бледно-золотистый цвет, полностью скрыв контуры окружающей местности. Затем рвануло так, что чуть не лопнули барабанные перепонки, и наступила ватная тишина. Последовавшей далее взрывной волной нас выплеснуло вместе с водой на берег и отнесло на пару десятков метров. Мы с т'Альтом валялись на земле мокрые, в позах оглушенных рыб, и чувствовали себя стопроцентными покойниками.

Скажете, жестоко было не рассказать единственному другу, над чем мы фактически работали и какие нехорошие ощущения нас будут ждать впереди. А теперь вспомните незабвенного шефа гестапо Мюллера из известного фильма с его знаменитым изречением «что знают трое, знает и свинья». По нашему уговору с Первым министром об операции «Лупус», кроме нас двоих, никто не должен был знать. Даже сам император. Полный успех могла обеспечить только полная секретность.

Очнувшись, я первым делом оглянулся назад. На месте Черной башни стоял высоченный черно-серый косматый гриб. Он кипел, клубился и поднимался все выше и выше. Красивое зрелище, доложу я вам, если знаешь, что этот зонтик навечно укрыл ваших смертельных врагов. Заворочался и т'Альт, я помог ему приподняться. Совершенно безумными глазами он смотрел то на диковинный гриб, то на меня.

— Это сделал ты? — его запекшиеся губы едва шевелились.

— Это сделали мы, — ответил я значительно, делая ударение на «мы» и тем самым деля победу со старым верным другом.

Он сразу же приободрился и стал приставать с расспросами.

— Потом, — устало произнес я, — потом я тебе все расскажу, а сейчас встаем и пошли прочь, оставаться здесь не безопасно.

Он воинственно таращил глаза и хватался за меч, не зная, что главным врагом являются уже не фиолетовые, а последовавшее за взрывом невидимое и пока неощутимое радиоактивное заражение местности. Наши лошадки далеко убежать не смогли и лежали на земле запутавшись в упряжи. Коляска также валялась на боку, одно колесо ее продолжало вращаться. Впрочем, животные оказались целы и встретили нас жалобным ржанием. Мы с т'Альтом обрезали их постремки, они поднялись на ноги, и наш потрепанный караван медленно пополз к городу..

— Куда сейчас? — спросил мой верный спутник, когда мы оказались в пределах городской черты, — может, найдем коляску, переоденемся дома и хорошенько посидим в каком-нибудь уютном трактирчике?

Бедолага еще не осознал полностью, что произошло, и находился в полушоковом состоянии.

— Берем коляску, — согласился я, — но едем во дворец.

— Зачем?

— Нас ждет император.

- Император? — не поверил т'Альт, — нас ждет император?
— Ну, да. Он нас примет.
— Ну, это вряд ли, — сразу успокоился мой друг, — кто мы такие, чтобы получить аудиенцию у самого императора.

Наполовину оказался прав я, наполовину он. Император принял, но только меня. Т'Альт остался в приемной в обществе переместившегося сюда с Первым министром вездесущего т'Ортега.

— Это человек, о котором я вам говорил, — коротко представил меня Первый министр.

Император обратил на меня свой величественный взгляд. Ничего особенно, в плане своей внешности, он не представлял — невысок, полноват, грузен. Вместе с тем, осанка, взор, каждый, даже самый незначительный жест выдавали в нем человека, привыкшего повелевать. Поправлюсь, не привыкшего, а рожденного повелевать. Встреть такого хоть в обычном подземном переходе, хоть в булочной — сразу определишь, что птица не твоего полета.

Я же, вероятно, смотрелся жалкой мокрой крысой. Но император был выше традиций встречать по одежке.

— Империя не забудет того, что вы для нее сделали! — звучным, хорошо поставленным голосом произнес он и протянул свою руку.

Не для ритуального лобызанья, а для дружеского пожатия, что я сделал с большим удовольствием. Затем я встал навытяжку и открыл рот, чтобы доложить об исполнении своей миссии.

— Не надо, — император приподнял свою руку ладонью вперед, — мы все видели с обзорной башни — прекрасная работа. Это было ни с чем не сравнимое, поразительное зрелище. Я хотел бы подъехать на место и посмотреть, что там осталось.

— Сейчас прикажу заложить карету, — Первый министр направился к двери, чтобы дать соответствующую команду т'Ортегу.

— Погодите! — воскликнул я.

Первый министр остановился и посмотрел на меня с явным неудовольствием — воля императора считалась непреложным законом.

— Э-э-э..., — я не знал как обращаться к императору и, наконец, выдавил, — ваше величество, находиться сейчас в том районе крайне небезопасно.

— Отчего же? Разве после такого катаклизма кто-то из фиолетовых мог уцелеть?

— Нет. Фиолетовые мертвы, точнее, полностью испарились. От Черной башни осталась лишь глубокая яма. Но...

Как же объяснить этим людям страшное воздействие радиации? Что та местность уже заражена радиацией и там господствует иной, невидимый, но неумолимый хозяин...

— Воздух, почва и все, что там есть вокруг, пропитаны крайне ядовитыми веществами. Думаю, что еще на целый период это место надо оцепить. Любой человек, попавший в зону заражения даже ненадолго, неминуемо умрет.

— Он знает, что говорит, — умнейший т'Аффнарр с ходу просек ситуацию и поддержал меня.

Надо отдать должное и императору. Он ничем не выразил своего августейшего недовольства, хотя и был, наверное, раздосадован неисполнением своей воли и неудовлетворением естественного в таких случаях любопытства.

— Что ж, — сказал он ровным голосом, — пусть отважный т'ье переоденется и отправляется отдохнуть, что ему необходимо.

И отвернулся к окну, давая понять, что аудиенция закончена.

В приемной т'Ортег и т'Альт уже вели оживленную полемику о преимуществах заточки мечей специальным шлифовальным кругом.

— На сегодня все свободны, — объявил Первый министр, — завтра с утра прибыть в парадной форме в Синий зал дворца.

— Мне тоже? — поинтересовался я.

— Тебе — в первую очередь, — загадочно ответил т'Аффнарр.

— Но у меня нет формы.

— Форму придется пошить после завтрашней церемонии, — ответ был еще более загадочным.

Мы раскланялись и удалились, а Первый министр отправился в свой дворцовый кабинет.

— Что такое Синий зал? — спросил я своих спутников, когда мы вышли из дворца.

— Это зал торжественных награждений, — хором сообщили они.

— Тебя тоже произведут в гвардейские офицеры, — добавил т'Альт, — недаром Первый министр упомянул о твоей форме.

Глава двадцать шестая

ИТОГ. НО ИТОГ ЛИ?

Утро следующего дня я встретил в Синем зале императорского дворца. Стены зала были полностью драпированы нарядной ярко-синей тканью, наподобие бархата. Ярко горели светильники. Множество придворных, разодетых кто в парадные мундиры, кто в строгие темные камзолы, толпились вдоль стен. Наша троица примостилась близ стены у самого входа. Т'Альт и т'Ортег сверкали позолотой аксельбантов и прочих армейских украшений, а я был одет в свой самый красивый камзол. У дальней стены стоял роскошный императорский трон, отделанный золотом и драгоценными камнями. С правой его стороны имелось небольшое продолговатое возвышение, нечто вроде подиума, с небольшим столиком на краю.

Вошел император, и стоявший в зале гомон сразу затих. Следом за ним проследовал Первый министр, а за ним семенил давешний секретарь, только вместо блокнота в одной руке он нес свиток плотной бумаги, а другой прижимал к груди несколько разноцветных сафьяновых коробочек. Волна поклонов проводила императора до трона, на котором он и водрузился. Первый министр встал по его правую руку, а секретарь шустро взбежал на подиум и, положив коробочки на столик, стал разворачивать свиток.

— По левую руку императора раньше всегда стоял фиолетовый, — тихим шепотом сообщил т'Ортег.

Действительно, многие присутствующие с недоумением поглядывали на пустующее место и тихо перешептывались. Секретарь расправил часть свитка и громко прокашлялся. В зале наступила торжественная тишина.

— Оглашается Указ императора о награждении ряда подданных империи за выдающиеся заслуги перед империей, — несмотря на довольно невзрачную внешность, секретарь имел хорошо поставленный насыщенный бас.

Первый министр легко взошел на подиум и взял в руку одну из коробочек.

— За выдающийся вклад в дело обретения империей подлинной свободы и независимости..., — начал чтец, — награждается Орденом Большой имперской звезды тье т' Егор.

— Иди же! — возбужденно шепнул т'Ортег, — и не забудь приложитьсь к императорской руке.

Я быстрым шагом двинулся к трону императора. Зал возбужденно зашумел. Разумеется, никто из присутствующих не мог знать очень молодого щеголеватого тье, награждаемого самой высшей наградой империи. Не распространялась полностью еще и весть об уничтожении фиолетовых, хотя ко вчерашнему вечеру уже вся столица взбудоражилась внезапным исчезновением Черной башни, которая была видна из окон доброй половины столичных жителей. Я приложился губами к милостию протянутой руке императора и, придерживая меч рукой, легко вспрыгнул на возвышение. Сам Первый министр торжественно приколол награду к левой стороне моей груди. Орден представлял собой большую двенадцатилучевую звезду, на окончании каждого лучика сверкало по какому-то, неизвестному мне, драгоценному камню.

В зале стоял лишь взволнованный гомон. По-видимому, аплодисменты, фанфары и торжественные марши здешним протоколом предусмотрены не были.

— Служу императору! — мой голос чуть не сорвался от волнения.

Посчитав ритуал законченным, я на всякий случай, поклонился императору и хотел спрыгнуть с подиума, но Первый министр придержал меня за руку.

— Этим же Указом императора, — продолжал торжественно секретарь, — кавалер Большой имперской звезды, тье т'Егор, за большой личный вклад в осуществлении операции «Лупус», проявленное при этом мужество и несомненные качества государственного деятеля назначается Генеральным Имперским консулом!

Окончание предложения чтец указа выделил высоким восклицательным тоном. Судя по разом побледневшим физиономиям почти всех присутствующих и мгновенно установившейся тишине, это было крутеевшее назначение в империи. Всякие там сокольничие, постельничие, конющие и разнообразные майстеры не шли здесь ни в какое сравнение. Первый министр пожал мою руку и вложил в нее какую-то продолговатую коробочку. Он просто сиял. Я никогда не видел столько положительных эмоций на его обычно бесстрастном лице.

— Служу императору и империи, — тихо шепнул он мне на ухо.

— Служу императору и империи! — рявкнул я и неверными шагами двинулся на свое место.

Следующим такой же наградой, как и я, был пожалован сам Первый министр. Высший орден империи прикрепил к его груди лично император, покинувший ради этого даже свой трон.

Далее, как ни странно, последовала очередь т'Фергаля, награжденного Орденом Малой имперской звезды. Судя по его несколько ошеломленному виду, он и сам не очень понял степени своего участия в неизвестной ему секретной операции, но награду принял с достоинством и изяществом бывалого придворного сановника.

Мой верный т'Альт был также награжден Орденом Малой имперской звезды и одновременно назначен командиром когорты почетного караула императора. Он был безмерно счастлив и, возвратившись на место, поблагодарил и меня крепким рукопожатием.

Т'Ортегу был пожалован Орден Большого дневного светила, с назначением его начальником охраны императорского дворца. Что ж, его доброе ко мне отношение также сыграло определенную роль, а Первому министру он сразу приглянулся, как образцовый исполнитель. Его ликованию не было предела.

На том торжественная часть закончилась и все награжденные, а также некоторые высшие чиновники империи были приглашены на званный обед императора по случаю вручения наград и присвоения чинов.

По пути в Желтый зал, где проходили праздничные и торжественные трапезы, я впервые ощутил магию высшего должностного положения. Некоторые важные вельможи подходили и представлялись мне, другие бросали заискивающие взгляды, в глазах третьих читалась откровенная зависть, смешанная с подобострастием...

— Уж, не остаться ли мне навсегда на этой благосклонной ко мне планете, — думал я, возвращаясь домой после всех этих торжеств, — власть, слава, деньги — что еще требуется для полного счастья?

Но тут же устыдился своих меркантильных мыслей. На Земле меня ждали мои добрые друзья Малыш и Николай Фомич, которые верили в меня и не ошиблись в этом. Награды и своя толика славы меня, без сомнения, ожидали и на родине. Бы-

ло и самое главное, что меня неудержанно тянуло домой. Вы, конечно, догадались. Да, моя Иришка. Ее благорасположение, ее любовь ко мне были бы главной наградой.

И другие мысли одолевали меня. Исчезновение фиолетовых не могло пройти незамеченным их сородичами. Какая-то связь между ними существовала, и ее внезапное прекращение вызовет желание выяснить, что произошло. С другой стороны, земной флот уже движется к этой планете. Вопрос в том, кто будет здесь первым. Возможен любой вариант развития событий. Не хотелось думать, что первыми прибудут соплеменники фиолетовых. Эта планета и ее несчастный народ и так уже достаточно настрадались... А мы можем ей помочь. Малыш со своими суперинтеллектом и сверхъестественными способностями, возможно, сможет вернуть планете ее первоначальный вид. А уж своим прогрессом мы с ее обитателями поделимся. Это я знал точно.

Поздним вечером я никак не мог заснуть. Впереди была качественно новая жизнь. Казалось бы, все завершилось успешно. Но... При всем том будущее не сулило полной безоблачности.

Фиолетовые... Мои мысли вновь и вновь обращались к событиям, связанным с этими странными загадочными существами. Я так и не мог объяснить себе многих вопросов их деятельности, их поведения и даже их отношения ко мне.

Фиолетовые все же каким-то образом засекли мое прибытие на планету. Вероятно, в связи с исключительной важностью выполняемой ими задачи и соблюдением режима секретности у них была соответствующая техническая аппаратура для контроля за всей этой звездной системой. Они отслеживали все мои передвижения, но не могли понять цели прибытия чужака. Возможно, они полагали, что меня занесло в этот мир случайно, и я пытался в нем полностью адаптироваться, с тем чтобы остаться на постоянное проживание. Так они и оценивали мои, иногда нелогичные, мятущиеся действия.

Эпизод с каретой был явно искусственным. Если бы они захотели меня уничтожить, то разобрались бы и без примитивной кареты. Сил и средств у этих безликих дьяволов хватило на то, чтобы полностью преобразовать планету и создать в пространстве загадочные ярусы, порядок образования, расположения и взаимодействия которых так и остался не выясненным. И уж прихлопнуть какого-то жалкого муравьишку для них труда не составляло.

Имитация покушения с помощью кареты была предназначена для того, чтобы я, при наличии враждебных целей, начал суетиться и торопиться. И тем самым выдал бы свои истинные намерения.

Фиолетовое отродье играло со мной, как кошка с мышкой. Только вот мышка оказалась чересчур прыткой и даже зубастой. Они прозевали мой мгновенный укус и в результате полностью проиграли.

Однако где-то в просторах Вселенной существовала их родина. Судя по колоссальным деяниям фиолетовых в этой звездной системе, их цивилизация находится на высочайшем уровне развития. Не исключено, что они поддерживали с ней постоянную связь. И когда связь прервалась, на родине захотят выяснить причину этого. Скорее всего, следует ждать разведчиков, которые попытаются высадиться на планете и проследить судьбу своих собратьев.

Сопоставив все имеющиеся факты, я пришел к выводу, что фиолетовые это посланцы Темного вещества. Отчасти это подтверждал и отрывок видеофильма, который мне удалось увидеть в Черной башне. Заснятое фиолетовыми уничтожение чужой планеты было не чем иным, как очередным завоеванием Темного вещества.

Не исключено также, что эти твари были всего лишь искусственными человекоподобными существами, созданными Темным веществом для узких целей, связанных с обнаружением и уничтожением даркснита. Какова в таком случае будет реакция космического монстра, до которого дойдет информация об уничтожении своих детей? Нами первый шаг сделан и разящий удар нанесен. Чем ответит на этот вызов Темное вещество?

Было бы глупо рассчитывать, что упоенное своим безраздельным могуществом оно оставит без внимания вызов жалких обитателей какой-то безвестной планеты, затерявшейся на задворках Вселенной. А в дальнейшем уничтожению подлежали не только все формы разумной жизни во Вселенной, но и источники ее возникновения — звезды, планеты и их спутники, астероиды, межзвездная пыль. Приговор был вынесен всей материи, но пока исполнен не был. Вопрос вопросов оставался открытым: кто — кого?

Содержание

Книга первая. Монстр просыпается	5
Пролог	7
Глава первая. Метаморфоза	8
Глава вторая. Алголь, созвездие Персея	13
Глава третья. Нонсенс	17
Глава четвертая. Темное Вещество	27
Глава пятая. Абсолютное оружие	34
Глава шестая. Создатель	45
Глава седьмая. Суперхакер	49
Глава восьмая. Пожиратели космоса	57
Глава девятая. Вариант «контро»	68
Глава десятая. Попытка столкновения	74
Глава одиннадцатая. Обратный процесс	79
Глава двенадцатая. Допрос	86
Глава тринадцатая. Взять без шума и пыли	90
Глава четырнадцатая. Глюки	94
Глава пятнадцатая. Объект Эйбелл-400	107
Глава шестнадцатая. Катализм	112

Книга вторая. Чужой мир	117
Вместо пролога	118
Глава первая. Неведомый мир	118
Глава вторая. Евангелие от Егора	125
Глава третья. Старейшина	140
Глава четвертая. Кое-что о ярусах	152
Глава пятая. Оппозиция	162
Глава шестая. На краю пропасти	174
Глава седьмая. <i>In vino veritas</i>	192
Глава восьмая. Рудокопы	200
Глава девятая. Обозники	208
Глава десятая. Кем быть	223
Глава одиннадцатая. Рекогносцировка	231
Глава двенадцатая. Черная башня	238
Глава тринадцатая. История империи	258
Глава четырнадцатая. Слово — тень дела	265
Глава пятнадцатая. Тайник	275
Глава шестнадцатая. Дуэль	284
Глава семнадцатая. «Два шаги налево, два шаги направо...»	292
Глава восемнадцатая. Все тот же нехороший взгляд	301
Глава девятнадцатая. Шаг влево, шаг вправо	309
Глава двадцатая. Неожиданный поворот	324
Глава двадцать первая. Доказательство от противного	335
Глава двадцать вторая. Великий Жрец-прорицатель	340
Глава двадцать третья. И снова фиолетовые	345
Глава двадцать четвертая. Наше дело правое	354
Глава двадцать пятая. И вот наступил день Х	363
Глава двадцать шестая. Итог. Но итог ли?	378

Литературно-художественное издание

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ-СМОЛЕНСКИЙ
(Иванов Валерий Григорьевич)

**ЗА 100 МИЛЛИАРДОВ ЛЕТ
ДО БОЛЬШОГО ВЗРЫВА**

Ответственный за выпуск *И. В. Резько*

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 24.06.2010.

Формат 84×108¹/32. Бумага газетная. Печать офсетная.

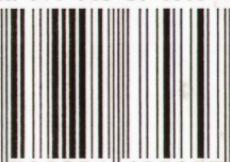
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 1000 экз. Заказ 1543.

ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

Астроном-любитель пытается открыть новое небесное тело и назвать его именем любимой женщины. Находящийся рядом с ним мальчуган случайно заглядывает в телескоп и получает неожиданную информацию от неизвестного существа, находящегося в районе звезды Алголь-Беты созвездия Персея. Малыш записывает полученную информацию на листки бумаги, которые попадают в специализированный научно-исследовательский институт. Однако сил НИИ недостаточно для расшифровки послания — здесь нужны все научные силы планеты. Пытаясь установить автора текста, ФСБ задерживает двух человек и заточает в своих подвалах... Но настоящий враг невидим и затаился в космосе. Впереди — начало грандиознейшей битвы во Вселенной, которая ответит на вопрос, быть или не быть самой Вселенной. Чем она закончится?

ISBN 978-985-16-8585-7

9 789851 685857

БЛАГОУСТВИЕ СВЯТЕЙШИХ ФАНТАСТИК